ОТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ И ПРЕМИИ МАО ДУНЯ —
САМОЙ ПРЕСТИЖНОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАГРАДЫ

МО ЯНЬ

СТРАНА ВИНА

Страна вина
Мо Янь

Аннотация
Мо Янь. Страна вина
Глава первая
1
2
3
4. «Дух вина»
Глава вторая
1
2
3
4. «Мясные дети»
Глава третья
1
2
3. «Вундеркинд»
4
Глава четвертая
1
2
3
4. «Ослиная улица»

5
Глава пятая
1
2
3
4. «Герой в пол-аршина»
Глава шестая
1
2
3. «Урок кулинарного искусства»
Глава седьмая
1
2
3
4. «Ласточкины гнезда»
Глава восьмая
1
2
3. «Обезьянье вино»
4
Глава девятая
1
2. «Город вина»
3
4
Глава десятая

1
2
3
4

Аннотация

Уже давно ходят жуткие слухи, что в провинции Цзюго (что буквально означает «Страна вина») творится неслыханное – поедают детей. На следователя по особо важным делам провинциальной прокуратуры Дин Гоуэра была возложена ответственная миссия – докопаться до правды. В честь приезда следователя в провинции закатывают грандиозный пир, который станет началом того тяжелого алкогольного ступора, который опустится, кажется, на весь окружающий мир.

Перед вами еще одно фантасмагоричное путешествие в самое сердце Китая от нобелевского лауреата Мо Яня.

Мо Янь
Страна вина

Mo Yan
THE REPUBLIC OF WINE

Copyright © 1992, Mo Yan All rights reserved
© Егоров И., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательствво «Эксмо», 2022

Глава первая

1

Следователь по особо важным делам провинциальной[1] прокуратуры Дин Гоуэр трясся в кабине угольного грузовика. Он ехал на шахту Лошань проводить специальное расследование, и от неотвязных мыслей голова буквально распухла. Коричневая бейсболка пятьдесят восьмого размера, которая раньше сидела свободно, теперь сжимала голову словно обруч. Стало совсем невмоготу, он стащил бейсболку и увидел, что она вся влажная от пота. В нос ударил жаркий дух жирных волос, смешанный с другим запахом, сырым и холодным. Запах показался каким-то чужим, накатила тошнота, и он схватился за горло.

Когда до шахты было уже рукой подать, на черном полотне дороги стали появляться все новые неровности и ухабы, и разогнавшемуся грузовику пришлось сбавить скорость. Жутко скрипели рессоры, Дин Гоуэр то и дело стукался головой о потолок кабины. Сидевшая за рулем довольно симпатичная молодая особа крыла дорогу

[1] Примечания: 1

Провинция — самая крупная единица территориального деления в Китае. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

и людей почем зря; из ее уст неслась такая брань, что так и хотелось отпустить грубую шуточку. Не удержавшись, он покосился на нее. Синяя роба, торчащий из-под нее воротник розовой рубашки закрывает часть белой шеи; сверкающие темные глаза с зеленоватым отливом, короткая стрижка, черные волосы — жесткие и блестящие. Руки в белых перчатках вцепились в баранку: вся внимание, она впилась глазами в дорогу, объезжая колдобины. Машина уходила влево — туда же кривился рот, брала вправо — он перекашивался в ту же сторону. Так и ходил туда-сюда. На носу выступил пот, на лбу обозначились морщины. Лоб низкий, подбородок твердый, губы пухлые — видать, женщина пылкая, страстная. Грузовик сильно качнуло, их тела нечаянно соприкоснулись, и даже через одежду изголодавшаяся кожа ощутила близкую мягкость и тепло. Захотелось прижаться к ней, потрогать руками. Странноватые ощущения для опытного сорокавосьмилетнего следователя, но, опять же, вроде бы нормальные. Он тряхнул головой и отвел от нее взгляд.

Дорога становилась все хуже. Грузовик попадал то в одну колдобину, то в другую, раскачивался и скрипел, но продолжал ползти вперед, будто

громадный зверь, у которого вот-вот разъедутся лапы, и в конце концов пристроился в хвост длинной колонне машин. Женщина расслабленно вытянула ноги, заглушила двигатель, стянула перчатки, стукнула по рулю и недружелюбно глянула на него:

— Мать его, хорошо, что ребенка в пузе нету!

Вздрогнув, он проговорил, чтобы расположить ее:

— Будь там ребенок, его бы уже вытрясло!

— Так я и позволю, чтобы его вытрясло, — строго возразила шоферица. — За ребенка две тысячи юаней дают. — И уставилась на него чуть ли не с вызовом, но все в ней говорило, что она ждет ответа.

Дин Гоуэра охватил радостный испуг и любопытство. В результате этого короткого обмена грубоватыми фразами он почувствовал, что закатился со всеми потрохами к ней в корзину этакой картофелиной с синими глазками. Тайны и запреты в отношениях между полами стремительно отлетели неизвестно куда, и дистанции между ними уже не было. За словами шоферицы просматривалось нечто, имеющее отношение к тому, что его сейчас занимало, и в душе зародились сомнение и страх. Он настороженно посмотрел

на нее. Рот у нее чуть скривился. От этого стало не по себе. Ведь только что она казалась женщиной смелой и решительной, неординарной. Но этот искривленный в бесцеремонной ухмылке рот его расстроил. Стало ясно, что человек она никчемный и недалекий и вообще не стоит душевных затрат.

— А ты что, ребенка ждешь? — выпалил он.

Все переходные формы общения она уже отбросила, словно недоваренные, и чуть ли не бесстыдным тоном заявила:

— Солончак я, вот беда.

«Ты следователь опытный, — мелькнуло в голове, — на тебя возложена большая ответственность, но на женщине ответственность куда большая». Вдруг вспомнилось, как, бывало, потешались над ним коллеги: «Дин Гоуэр одной елдой любое дело раскроет». Так и подмывало дать себе волю. Он вытащил из кармана фляжку с вином, отвинтил пробку, отхлебнул и передал шоферице.

— Ну, по вопросам сельского хозяйства я спец, — подыграл он. — Особенно по мелиорации.

Та с силой надавила на клаксон, но раздался лишь слабый, приглушенный сигнал.

— Мамаше своей на титьку надави! — сердито

буркнул водитель, выскочивший из кабины грузовика перед ними.

Она взяла фляжку, понюхала, словно определяя качество, потом задрала голову и с бульканьем осушила. Дин Гоуэр хотел было похвалить ее, но потом подумал, что хвалить за умение пить в Цзюго[2] — почти бессмыслица, и промолчал. Он вытер рот и, впившись взглядом в ее пухлые, мокрые от вина, пунцово-красные губы, без обиняков заявил:

— Дай-ка я тебя поцелую.

Она вдруг залилась краской и взвизгнула, будто в перепалке:

— Я тебе поцелую, мать твою!

Ошарашенный Дин Гоуэр быстро огляделся: водитель другого грузовика уже снова забрался в кабину, и на них никто не обратил внимания. Впереди извивалась целая колонна машин; сзади пристроился запряженный в повозку осел, за ним — грузовик с прицепом. На плоском лбу осла язычком пламени во мраке ночи алела новенькая красная бахрома. По обеим сторонам дороги тянулись канавы, среди разросшейся травы поднимались невысокие уродливые дере-

---

[2] Примечания: 2

Цзюго — досл. «страна вина».

вья с больными стволами. И листья, и трава — в черной пыли. Стояла поздняя осень; за канавами простирались поля, где под налетавшим ветром в торжественном молчании торчала желто-серая стерня. Ни радости, ни печали. Вокруг раскинулся край шахт, высились окутанные желтоватой дымкой терриконы. У шахтного ствола беззвучно и безостановочно вращается лебедка, загадочно и странно. Ее видно лишь наполовину, остальное закрывает грузовик.

Шоферица продолжала выкрикивать: «Я тебе поцелую, мать твою», но с места не двинулась. Своими криками она нагнала немало страху, но Дин Гоуэр, рассмеявшись, чуть коснулся ее груди указательным пальцем — и будто нажал на кнопку старта: она навалилась на него всем телом, схватила за голову холодными как лед руками и потянулась к нему губами. Холодными, мягкими и — странное дело — совсем не упругими, словно старая вата. Разочарованный, он потерял к ней всякий интерес и оттолкнул. Но этот разъяренный тигренок набрасывался на него снова и снова, бормоча:

— Едрить твою налево, так тебя и этак…

Суматошно размахивая руками и ногами, он отбивался как мог. Угомонить ее удалось, лишь

прибегнув к приему, каким утихомиривают преступников.

Оба тяжело дышали. Дин Гоуэр крепко держал ее запястья, беспрестанно пресекая попытки к сопротивлению. Она что было сил старалась вырваться, извиваясь всем телом, словно пружина, издавая при этом мычание, как упирающаяся телочка, и его снова разобрал смех.

— Чего смеешься? — вдруг заговорила она.

Отпустив ее руки, Дин Гоуэр достал из кармана визитку:

— Пойду я, барышня. Вспомнишь про меня — ищи по этому адресу!

Она смерила его взглядом, опустила глаза на визитку, как пограничник на паспорт туриста, потом снова уставилась на него.

Дин Гоуэр потрепал ее за нос, сунул под мышку кожаную папку и взялся за ручку дверцы:

— Пока, дочурка. А удобрение у меня первоклассное, как раз для солончаков.

Он уже наполовину вылез из машины, когда она ухватила его за край одежды. Смотрела она как-то растерянно, и он вдруг понял, что она еще совсем девчонка, не замужем и вообще не была с мужчиной, милая такая и жалкая. Он погладил ее по руке и сказал вполне искренне:

— Я тебе в отцы гожусь, дорогуша.

— Обманщик! — сердито фыркнула она. — А говорил — до станции техобслуживания.

— Так почти приехали, — улыбнулся он.

— Шпион!

— Хоть бы и так.

— Знала бы, что шпион, не взяла бы!

Дин Гоуэр нашарил пачку сигарет и бросил ей:

— Ладно, не сердись.

Она швырнула его фляжку в канаву:

— Тоже мне мужик — не фляжка, а одно название.

Дин Гоуэр спрыгнул на обочину, захлопнул дверцу и зашагал вперед.

— Эй ты, шпион! — донесся сзади ее голос. — Часом не знаешь, что там за беда на дороге?

Обернувшись, Дин Гоуэр увидел, что она высунулась из окошка, усмехнулся, но ничего не ответил.

Похожее на цветок хмеля лицо шоферицы задержалось в памяти Дин Гоуэра лишь на минуту, а потом лопнуло, как пузырьки пивной пены на прозрачных стенках стакана, и исчезло. Дорога в угледобывающий район, грязная и узкая, извивалась тонкой кишкой. Грузовики, тракторы, гужевые повозки, запряженные волами теле-

ги — весь этот транспорт самого разного вида и цвета походил на диковинного зверя, кусающего свой хвост. У одних машин фары были погашены, у других — нет. Выхлопные трубы — впереди на капотах тракторов и позади внизу у автомобилей — изрыгали клубы синеватого дыма. Непрогоревший бензин и солярка вкупе с вонью от животных висели над дорогой удушающим облаком. Следователь двигался вперед, к шахте, то протискиваясь вплотную к машинам, то задевая плечом зарубки на стволах невысоких деревьев. Почти все водители, сидевшие в кабинах, и возницы, стоявшие опершись на оглобли, выпивали. Очевидно, запрет пить за рулем здесь не работает. «Сколько еще так пробираться?» Он яростно вскинул голову: в центральной части горной выработки виднелись две трети высоченного каркаса подъемника. По колесу скользил серебристо-серый стальной трос, а сам подъемник — то ли из-за ржавчины, то ли из-за краски — казался в солнечном свете темно-красным и замызганным. Сурово смотрелся огромный черный блок, а безостановочно ползущий трос отбрасывал не слепящие, но пугающие серебристые блики и походил на ядовитую змею. Впечатление от цвета и блеска дополнял скрежет вращающегося блока,

визг вытягиваемого стального троса и глухие подземные взрывы.

Овальная площадь возле шахты тоже забита машинами и повозками, пагоды сосенок по краям в угольной пыли. Грязный с головы до ног осел, уткнувшийся мордой в сосновую хвою — то ли пощипать хвои, то ли почесаться, — вдруг громко чихнул. У одной из повозок собралось несколько человек. Черные от загара лица, повязки на головах, потрепанная одежда, веревки вместо поясов. Запряженная в повозку лошадь жевала сено из плоской плетеной корзины, а возницы выпивали. По кругу ходила большая темно-фиолетовая бутыль, и каждый прикладывался к ней с нескрываемым удовольствием. Все по очереди с хрустом откусывали от лежавшей на постромках большой белой редьки. Смачно прожевав, подходили снова, чтобы с таким же хрустом откусить еще. Умением всех перепить Дин Гоуэр не отличался, но выпить любил, в винах более или менее разбирался и по стоявшему в воздухе ядреному духу понял, что напиток в этой бутыли далеко не изысканный. Специфический запах водочного перегара с редькой был, пожалуй, похлеще вони испускаемых газов. Одежда выпивох и то, что они пили и ели, выдавали в них крестьян из

окрестностей Цзюго. Когда следователь проходил мимо, один хрипло гаркнул:

— Сколько на твоих, товарищ?

Глянув на часы, Дин Гоуэр ответил. На лице молодого крестьянского парня с красными глазами и рыжеватой щетиной было такое свирепое выражение, что сердце сжалось, и он ускорил шаг.

— Пускай ворота скорее открывают, свиньи. Зажрались совсем, — бросил вслед крестьянин.

От такой злобы стало не по себе, но следовало признать, что основания для этого были. Четверть одиннадцатого, а железные решетчатые ворота шахты по-прежнему заперты на здоровенный замок, похожий на черный панцирь большой черепахи. На самих воротах приварено восемь круглых стальных листов. Начертанные на них красным лаком большие иероглифы — «Соблюдайте безопасность на производстве» и «С праздником Первое мая!» — давно выцвели. В чарующем свете осеннего дня многое выступало по-новому, и на фоне черноты шахты голубизна неба казалась еще пронзительнее. То поднимаясь, то опускаясь вместе с рельефом местности, вокруг территории извивался серый кирпичный забор чуть выше человеческого роста. Калитка в створке ворот приоткрыта, за ней лениво разва-

лился огромный рыжий пес, а над головой у него осенним листком порхает полуживая бабочка.

Когда Дин Гоуэр попытался отворить калитку, пес яростно рванулся к нему, едва не ткнувшись покрытым каплями пота носом в тыльную сторону ладони. Вернее, собачий нос коснулся ладони, потому что следователь ощутил, какой он прохладный; по цвету он напоминал лиловую каракатицу или кожуру личжи[3]. Но оголтелая агрессивность пса тут же сменилась испугом. Он отскочил в тень у проходной, забился в увядшие заросли софоры и с воем затряс прямоугольной головой.

Дин Гоуэр отодвинул щеколду, толкнул калитку, постоял, касаясь спиной прохладного железа, и вошел, озадаченно глядя на перепуганного пса. Перевел глаза на руку: торчащие костяшки, черные жилы; алкоголь в крови есть, но ни электричества, ни чего-то особенного. «Что же ты ткнулся в меня и убежал?» — хотелось спросить у этой псины.

В воздухе расплескалась горячая вода из тазика для умывания. Разноцветный и пестрый водопад. Этакая радуга, которой не захотелось оставаться

---

[3] Примечания: 3

Личжи — тропическое растение с небольшими плодами, кожура которых покрыта многочисленными бугорками.

в одиночестве. Пена и солнце. Надежда. С минуту по шее текла вода, потом налетел ветерок и разлилась прохлада. Вскоре глаза отяжелели, рот наполнился чем-то соленым с привкусом дешевой парфюмерии. Тут и запах давно не мытого лица, и сморщенная духовная субстанция. В этот миг шоферица в кабине напрочь стерлась из памяти следователя. Исчезли губы, похожие на старую вату. Исчезла чувствительная, как электрический выключатель, грудь. Но потом женщина с его визиткой в руках всплыла в сознании четко и напряженно, словно пейзаж с далекими горами в тумане. «Сучье отродье!»

— Жить, что ли, надоело, сучье отродье? — зло топнул ногой стоящий перед ним вахтер с тазиком в руках.

Дин Гоуэр понял, что это адресовано ему. Он стряхнул с головы капли воды, вытер грязным носовым платком шею, отхаркнулся и сплюнул. Поморгал глазами, чтобы выйти из этого затруднительного положения, принял свой обычный вид и проницательным взглядом в упор уставился на вахтера. Разные по величине, черные как уголь, бесстыжие, тупые глаза, круглый красный нос, смахивающий на плод боярышника, синие губы и упрямо сжатые зубы. Извиваясь, словно

змея или червяк, все тело пронизала жаркая волна. Вспыхнула ярость, ее пламя разгоралось все сильнее, черепная коробка раскалилась добела, как древесный уголь в печке, как молния, и грудь закипела отвагой.

Жесткие черные патлы вахтера торчали во все стороны, как у собаки. Было заметно, что своим видом Дин Гоуэр нагнал на него страху. Волосы из ноздрей походили на хвост ласточки. «Это зловредная черная ласточка засела у него там, — мелькнуло в голове. — Свила гнездо, снесла яйца, высидела птенцов». Он прицелился в эту ласточку и нажал на курок. И еще раз. И еще.

Звуки выстрелов, ясные и звонкие, разорвали тишину у ворот шахты. Они заглушили лай большого рыжего пса и привлекли внимание крестьян. Из кабин повыскакивали водители, уже навеселе. Мягкие губы осла поранились о твердые сосновые иголки. Запряженный в повозку буйвол поднял тяжелую голову и перестал жевать свою жвачку. Все сперва замерли, а потом толпой повалили к месту происшествия. В десять тридцать пять вахтер проходной шахты Лошань рухнул на землю, обхватив голову руками. Изо рта выступила белая пена, тело содрогалось в конвульсиях.

С ухмылкой на лице и сверкающим пистолетом в руке Дин Гоуэр стоял, стройный, как гималайский кедр. Его обволакивал вьющийся из дула синеватый дымок.

Толпа ошеломленно смотрела, ухватившись за прутья ворот. Казалось, прошло очень много времени, прежде чем раздался визгливый вопль:

— Убили… Вахтера Лао Люя убили!

Дин Гоуэр, этот иссиня-черный гималайский кедр, язвительно усмехнулся:

— Столько зла натворил этот старый пес, что и не счесть.

— В Кулинарную академию его продать, в отдел спецкулинарии!

— Так ведь не проварится, пес старый.

— В спецкулинарии нужны беленькие, нежные мальчики, на кой им это старье!

— В зоопарк его, волков кормить!

— Такому корму и волки не обрадуются.

— Ну тогда на опытный участок для особых видов растений, пусть на удобрения переработают!

Дин Гоуэр подкинул пистолет в воздух. Блестящая поверхность сверкнула серебряным зеркалом. Поймав пистолет, он показал его на ладони стоявшим за воротами. Маленький, изящный, с красивыми линиями, похожий на

револьвер.

— Без паники, друзья, — усмехнулся он. — Это же детская игрушка!

Нажав на кнопку, он разложил корпус надвое, вытащил небольшой темно-красный диск из твердого пластика и продемонстрировал собравшимся.

— Каждый зубчик прижимает пороховой заряд в бумажной оболочке величиной с соевый боб, — показывал он. — Нажимаешь на курок — диск поворачивается, раздается звук выстрела. Эту игрушку можно в театре использовать как бутафорский реквизит, на спортивных состязаниях в качестве стартового пистолета. Такие в любом универмаге продаются. — С этими словами он сунул в желобок барабана пороховой заряд и, собрав пистолет, нажал на курок — бабах!

— Вот так, — объяснял он, как заправский продавец. — Не верите — смотрите. — И, подведя дуло к своему рукаву, снова нажал курок.

— Ван Ляньцзюй! — воскликнул один из водителей. Наверное, он когда-то смотрел «образцовую пьесу» «Красный фонарь»[4].

---

[4] Примечания: 4

«Красный фонарь» — одна из восьми «образцовых пьес», разрешенных к постановке в китайских театрах во время «культурной революции». *Ван Ляньцзюй* — персонаж этой пьесы, предатель.

— Да не настоящий это пистолет! — Дин Гоуэр поднял руку. — Гляньте, будь он настоящий, ведь насквозь пробило бы, верно? — В солнечном свете на рукаве виднелся желтоватый кружок, от него резко пахло порохом.

Следователь сунул пистолет в карман, подошел к распростертому на земле вахтеру и пнул его:

— Поднимайся, приятель, нечего покойника изображать.

По-прежнему держась за голову, вахтер встал. Лицо у него было нездорового желтого цвета, как у хорошо приготовленного няньгао[5].

— На кой ляд мне убивать тебя, припугнул, и всё, — продолжал Дин Гоуэр. — Ни к чему злоупотреблять властью. Уже одиннадцатый час, давно пора ворота открыть!

Опустив руки, вахтер поднес их к лицу и стал рассматривать. Потом снова, словно не веря, потрогал голову, еще раз посмотрел на руки. Крови не было. Убедившись, что живой, он испустил долгий вздох и все еще испуганным голосом осведомился:

— А ты-то, ты что здесь делаешь?

Дин Гоуэр хитро усмехнулся:

---

[5] Примечания: 5

Няньгао — пирожок из клейкого риса, традиционное новогоднее лакомство.

— Я — новый директор шахты, из города прислали!

Вахтер метнулся в будку. Вернувшись с большим блестящим ключом в руках, он отпер невообразимо огромный замок и с лязгом открыл ворота. Народ радостно загудел, все разбежались по машинам, и через несколько минут улица наполнилась ревом моторов.

Медленным, неудержимым потоком машины вплотную, одна за другой с лязгом въезжали в ворота: этакая большая и омерзительная многоногая гусеница. Дин Гоуэр шарахнулся в сторону: внутри вдруг зародилось необъяснимое возмущение. Потом конвульсивно сжалась прямая кишка, безудержно запульсировала кровь, накатила боль, и он понял, что это обострение геморроя. «Опять, как раньше, расследование с болями и кровавым стулом». Но возмущения в душе заметно поубавилось. Всего не избежать. Беспорядок неизбежен, как неизбежен и геморрой, есть лишь предвечное присутствие сокровенной сути божественного. В чем проявится эта сокровенная суть на сей раз?

Вахтер беспрестанно кланялся, на его лице не умещалась абсолютно неестественная улыбка:

— Прошу, уважаемый руководитель, пройдите

в дежурку, там хоть есть где присесть.

По привычке менять отношение по ситуации Дин Гоуэр последовал за вахтером.

Просторная комната. Кровать. Черное одеяло. Два металлических термоса. Огромная печь-буржуйка. Куча больших, с собачью голову, кусков антрацита. С висевшей на стене новогодней лубочной картинки в беззвучном смехе раскрывает рот голенький розовощекий малыш с персиком долголетия в руках. Чуть ли не шевельнулась симпатичная, похожая на розовую личинку шелкопряда пиписька — ну как живой. Сердце защемило, и кишка опять конвульсивно сжалась.

В помещении было невыносимо жарко. В печке гудел огонь, от бушующего пламени половина дымохода и весь корпус раскалились докрасна. Под потоками горячего воздуха тихо покачивалась паутина в углу. Тело тут же зачесалось, и засвербило в носу.

— Холодно, товарищ директор? — угодливо глянул на него вахтер.

— Просто жуть! — раздраженно буркнул Дин Гоуэр.

— Не беспокойтесь, сейчас подкинем доброго угольку…

Нагнувшись, вахтер вытащил из-под крова-

ти острый топорик с коричневато-красным топорищем. Рука следователя непроизвольно потянулась к поясу: там был спрятан настоящий пистолет. Вахтер, сгорбившись, подошел к печке, опустился на корточки и приподнял глыбу угля величиной с подушку. Придерживая ее одной рукой, взмахнул топором — рраз! — и она развалилась. Аккуратный разлом сверкал, словно края его были покрыты ртутью. Раз, раз, раз — и глыба разлетелась на мелкие кусочки. Он открыл дверцу, и оттуда с шуршанием, как от порыва ветра, вылетели раскаленные искры. Обливаясь потом, следователь наблюдал, как вахтер забрасывает уголь в топку.

— Сейчас разгорится, — проговорил тот, словно извиняясь. — Уголь у нас мягкий, сгорает быстро, надо постоянно подбрасывать.

Дин Гоуэр расстегнул воротник и вытер бейсболкой пот со лба:

— Что же вы в сентябре печку топите?

— Холодно, товарищ директор, холодно… — Голос вахтера дрожал. — Холодно… А угля много, вон, целая гора…

Высохшее лицо напоминало пережаренную пампушку, и Дин Гоуэру расхотелось запугивать его.

— Никакой я не директор, — заявил он. — По делам приехал. Так что топи смело!

Малыш на стене заливался смехом, как живой. Прищурившись, Дин Гоуэр вглядывался в прелестного ребенка. Мгновенно изменившийся в лице вахтер взялся за топорик:

— За директора себя выдаешь, в людей из пистолета палишь… А ну пошли, сейчас тебя в отдел охраны доставлю.

— А если я на самом деле новый директор, что тогда? — усмехнулся Дин Гоуэр.

Озадаченный вахтер несколько раз делано хихикнул, сунул топорик обратно под кровать и заодно извлек оттуда бутыль вина. Вытащив щербатыми зубами пробку, хорошенько приложился сам, а потом угодливо передал бутыль Дин Гоуэру. В вине плавал бледно-желтый корень женьшеня и семь черных скорпионов с длинными клешнями без шипов.

— Выпейте, товарищ директор, — заискивающе предложил он, — это вино шибко полезное!

Дин Гоуэр принял у него бутыль и взболтал. Скорпионы закружились среди отростков женьшеня, а изнутри пахнуло чем-то странным. Коснувшись горлышка одними губами, он вернул бутыль вахтеру.

Тот явно не знал, как быть, и смерил Дин Гоуэра взглядом:

— Не будете?

— Не могу.

— Видать, не местный?

Дин Гоуэр указал на новогоднюю картинку на стене:

— Какой беленький и нежный малыш, а, старина?

Он внимательно следил за выражением лица вахтера. Тот уныло отхлебнул еще глоток и невнятно пробормотал:

— Подумаешь, спалил чуток угля… Он и стоит-то смешные деньги за тысячу цзиней[6].

Жара становилась невыносимой, и Дин Гоуэр, с сожалением бросив взгляд на малыша на стене, открыл дверь и устремился на солнечный свет. Там ждала приятная прохлада, и он почувствовал себя намного лучше.

Родился Дин Гоуэр в тысяча девятьсот сорок первом. В шестьдесят пятом женился, жизнь после женитьбы текла ровно, отношения с женой были ни то ни се, один ребенок, славный такой мальчуган. Была и любовница. Иногда

---

[6] Примечания: 6

Цзинь — мера веса, около 0,5 кг.

милая, а порой просто жуть. То яркое солнце, то ровный свет луны. То прелестная кошечка, то сучка бешеная. То прекрасное вино, то горькое лекарство. С женой он не раз развестись собирался, но передумывал. И с любовницей такая же история: то воспылает любовью, то охладеет. Когда болел, всякий раз воображал, что это рак, и боялся этой болезни, как рака. Страстно любил жизнь, но она уже порядком обрыдла. Вот и метался от одного к другому, не в силах на чем-то остановиться. Бывало, и дуло пистолета приставлял к виску, но опускал. Частенько такой спектакль устраивал, направляя пистолет в грудь и в сердце. Единственной радостью в жизни оставалось расследование дел, и это никогда не надоедало. В прокуратуре он считался самым способным следователем, которого можно ставить на самые разные дела; хорошо его знал и кое-кто из высокого начальства. Рост метр семьдесят пять, худощавый, смуглый, глаза чуть навыкате. Заядлый курильщик, не прочь выпить, но быстро пьянел. Зубы неровные. Отчасти владел техникой задержания. Стрелял нестабильно: под настроение мог положить пули без промаха, а будучи не в духе — мазал. Был немного суеверен, верил в удачу. И фортуна нередко жаловала его.

Прошло совсем немного времени с того полудня, когда начальник прокуратуры бросил ему сигарету «чжунхуа»[7] и вытащил одну себе. Щелкнув зажигалкой, Дин Гоуэр дал прикурить вышестоящему, потом прикурил сам. Сигаретный дым таял во рту, как халва, душистый и сладкий. Неумело попыхивал сигаретой и начальник. «Не умеет старик курить, а хорошие сигареты в столе не переводятся». Начальник выдвинул ящик, достал какой-то конверт, глянул на него пару раз и передал Дин Гоуэру.

Это было изобличительное письмо, написанное диковинным и странным почерком, похоже левой рукой. Дин Гоуэр быстро пробежал его. «Подпись — Миньшэн[8]. Ясное дело — псевдоним». Содержание письма сначала ошарашило, потом заставило усомниться. Он снова бегло просмотрел текст. И еще раз прочитал указания начальника, написанные на полях знакомым размашистым почерком.

Когда он поднял на него глаза, тот смотрел на цветущий жасмин на подоконнике. От белых цветков исходил слабый аромат.

---

[7] Примечания: 7

«Чжунхуа» — марка дорогих сигарет.

[8] Примечания: 8

Миньшэн — досл. «глас народа».

— Этого не может быть, — произнес Дин Гоуэр. Он словно говорил сам с собой. — Как они посмели! Подумать только — готовить блюда из младенцев и поедать их!

— Секретарь Ван рекомендовал направить на расследование именно тебя, — с притворной теплотой хмыкнул начальник.

В душе Дин Гоуэр порадовался, а на словах заметил:

— С какой стати такими делами должны заниматься мы, прокуратура? А в министерстве общественной безопасности спят, что ли?

— Ну кто ж виноват, что у меня здесь работает знаменитый Дин Гоуэр! — осклабился начальник.

— Когда можно приступать? — чуть смутился следователь.

— Смотри сам. Ты как — развелся, нет? Чтобы не развестись, тоже мужество нужно иметь. Мы, конечно, надеемся, что это письмо — безосновательная клевета. Всё держать в абсолютной тайне. Разрешается применение любых методов, но в рамках закона.

— Я могу идти? — поднялся Дин Гоуэр.

Начальник тоже встал, достал нераспечатанную пачку «чжунхуа» и подвинул через стол.

Дин Гоуэр взял пачку и направился к двери. Забежал в лифт. Вышел на улицу. Он собрался в школу — повидать сына. Перед ним простирался знаменитый проспект Победы. В обоих направлениях мчались вереницы машин, даже прошмыгнуть негде. Пришлось ждать. На другой стороне, чуть левее, проспект стала переходить группа детей из детского сада. Лица обращены к солнцу, как головы подсолнухов, на них играют его лучи. Он безотчетно зашагал вдоль проезжей части, чтобы подойти к детям поближе. Рядом, едва не касаясь его, угрями проскальзывали велосипедисты. Под ярким солнцем лиц не видно — одни неясные белые тени. Дети все нарядные, светлые, пухлые личики, милые смеющиеся глазенки. Все на толстом красном шнуре, как рыбки на кукане, будто прикрученные к ветке крупные, сочные плоды. Среди автомобильных выхлопов, под ослепительно-яркими, как антрацит, лучами солнца они походили на большую связку хорошо прожаренных птичек с аппетитной ароматной приправой. Дети — будущее нашей родины, цветы жизни, самое дорогое. Кто посмеет задавить их? Машины замедляли ход, взвизгивали тормозами и останавливались. В голове и в хвосте группы шагали две женщины

в белых халатах. Лица округлые, как полная луна; красные, как киноварь, губы, острые белоснежные зубы — похожие на сестер-двойняшек, они держали каждая свой конец шнура и громко, бесцеремонно покрикивали:

— Крепко держимся за шнур! Руки не отпускаем!

Пока Дин Гоуэр стоял на краю тротуара под деревом с пожелтевшей листвой, дети благополучно пересекли проспект. Волна за волной поток машин устремился дальше. Возле него строй детей смешался, и они загалдели, как стайка воробьев. Кусок красной материи на запястье у каждого был привязан к красному шнуру, и они оставались на нем, хоть и смешавшись. Стоило воспитательницам потянуть за концы, как все тут же выровнялись. Он вспомнил, как те только что командовали: «Крепко держимся за шнур! Руки не отпускаем!» — и возмутился про себя: «Ерунда какая-то! Как тут отпустишь руки, если ты привязан?»

Прислонившись к дереву, он строгим голосом обратился к воспитательнице, державшей передний конец шнура:

— Зачем вы их привязываете?

Та мрачно зыркнула на него:

— А ты кто такой?

— Не ваше дело, кто я такой. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: зачем нужно связывать детей вместе?

— Ненормальный! — свысока бросила воспитательница.

— Не-нор-маль-ный! — глядя на него, хором подхватили дети.

Каждый слог они тянули очень долго: кто знает, то ли у них это так получалось, то ли их так научили. Звонкие детские голоса, наивные и нежные, такие приятные — что на свете больше ласкает слух? — взлетели над улицей шустрой птичьей стайкой. Дети зашагали дальше. Он глупо улыбнулся воспитательнице, держащей задний конец шнура, но та отвернулась и даже не взглянула на него. Он провожал детей глазами, пока они не скрылись в одном из старинных переулков — хутунов, где по обе стороны возвышались покрытые красным лаком стены.

Когда все же удалось пересечь проспект, какой-то синьцзянец[9] стал предлагать ему — ну и забавный у него акцент! — шашлык из баранины.

---

[9] Примечания: 9

Синьцзян — северо-западный автономный район КНР, зона компактного проживания тюркских национальных меньшинств (уйгуров, казахов и др.).

Дин Гоуэр отказался. Несколько шашлыков тут же купила девица с очень длинной шеей и ярко-красными, как перец, напомаженными губами. Она обваляла шашлыки с пузырящимся на них маслом в коробке с перцем и стала есть, чудно выгибая губы, — видно, боялась смазать помаду. Горло обожгло словно огнем, он отвернулся и пошел прочь.

Потом он стоял у входа в школу, ждал сына и курил. Тот выбежал из ворот с ранцем за плечами и даже не заметил его. Лицо все в потеках от чернил, сразу видно — школьник. Следователь окликнул его. Сын пошел с ним без особого энтузиазма. Когда Дин Гоуэр сообщил, что уезжает по делам в Цзюго, сын бросил:

— А мне-то что.

— Что значит «мне-то что»?

— «Мне-то что» и «мне-то что», — ответил сын. — Что еще это может значить?

— «Мне-то что». Действительно, «мне-то что», — повторил он слова сына.

В отделе безопасности Дин Гоуэра встретил бритоголовый детина. Открыв высоченный, под самый потолок, большой шкаф, он налил следователю стакан вина. В комнате тоже топилась печь: не так жарко, как в дежурке вахтера, но все

равно очень тепло. Дин Гоуэр предпочел бы мороженое, но бритоголовый знай совал ему вино:

— Выпей! Выпьешь и посогреешься.

Видно было, что предлагает от души, и Дин Гоуэр не решился отказать, принял стакан и стал прихлебывать из него.

Окна и двери наглухо закрыты, ни единой щелочки: с герметизацией все в порядке. Тело чесалось, со лба скатывались капли пота.

— Не переживайте: коли на душе спокойно, оно и попрохладнее, — донесся дружелюбный голос бритоголового.

В ухе жужжало. «Пчела, — мелькнула мысль. — Мед. Варенные в меду младенцы. Задание очень ответственное, спустя рукава подходить нельзя». Вроде слегка задрожало оконное стекло. За окном медленно и беззвучно проплывали огромные механизмы. «Чувствуешь себя словно рыбка в аквариуме. И техника эта вся какая-то желтая. От желтого цвета кружится голова и хочется напиться». Он силился услышать грохот этих машин, но напрасно.

— Я хочу видеть директора шахты и секретаря парторганизации, — услышал он свой голос.

— Да вы пейте, пейте, — угощал бритоголовый.

Тронутый его заботой, Дин Гоуэр поднял стакан

и осушил одним глотком.

Не успел он поставить его, как охранник наполнил стакан снова.

— Всё, не буду больше, веди к директору и партсекретарю.

— Не волнуйтесь, начальник, пейте, стаканчик опрокинете — и пойдем. А то получается, что не выполняю свои обязанности. Доброе дело не грех и повторить. Давайте еще один.

Глянув на «стаканчик» размером с кулак, Дин Гоуэр засомневался в душе, но что не сделаешь ради работы, и он без промедления выпил.

Стоило поставить стакан, как бритоголовый налил опять, приговаривая:

— Вы не подумайте, начальник, что заставляю, но так уж у нас на шахте заведено: «Три раза не поднесешь — на своем месте не усидишь!»

— Да не могу я пить столько! — взмолился Дин Гоуэр. — Всё, ни капли больше!

Взяв стакан обеими руками, бритоголовый чуть не плача поднес его ко рту Гоуэра:

— Умоляю, начальник, выпейте, а то ведь не усидеть мне на месте.

Его искренность растопила решимость Дин Гоуэра. Он принял стакан и осушил.

— Вот спасибо так спасибо, — растрогался бри-

тоголовый. — Еще пару-тройку стаканчиков?

— Нет-нет, не пойдет, — прикрыл стакан ладонью Дин Гоуэр. — Быстро веди к начальству!

Вахтер поднял руку и глянул на часы:

— Сейчас для встреч с ними рановато.

— Дело срочное, — строго сказал Дин Гоуэр, помахав удостоверением. — Так что ты мне препятствий не чини.

— Пойдем! — поколебавшись, кивнул бритоголовый.

Дин Гоуэр последовал за ним в бесконечный коридор. Множество помещений, деревянные таблички с именами на дверях.

— Секретарь парткома и директор разве не здесь же работают?

— За мной идите. Вы у меня три стакана выпили, что же я — буду заставлять вас бегать понапрасну? Вот не выпей вы их, передал бы секретарше в кабинете парторга, и все дела.

В тусклом стекле на выходе следователь увидел собственное лицо и невольно вздрогнул: серое от усталости, оно показалось незнакомым. Когда он выходил, скрипнувшая дверь спружинила и хлопнула его по заду. Он пошатнулся и чуть не упал, но, к счастью, бритоголовый протянул руку и подхватил его. От красоты слепящего солнеч-

ного света закружилась голова и потемнело в глазах, ноги стали ватными, в ушах зазвенело.

— Похоже, я немного пьян? — обратился он к спутнику.

— Какое пьян, начальник! — замахал тот руками. — Такой видный человек, как можно! У нас тут ежели кто напьется, так не из интеллигентных, не из культурных. Те, что «белый снег солнечной весной»[10], не напиваются. Вы ведь из таких — значит, не пьян.

Систематичность, логичность и продуманность этих слов убеждали. Вслед за бритоголовым Дин Гоуэр вышел на площадку, заваленную грудами круглого леса. Бревна разнились и по толщине — и под два метра в диаметре, и по два цуня[11], — и по породе: тут тебе и сосна, и береза, и дуб, и гевея, и вяз. Встречались такие названия, что и не выговоришь. В ботанике он был не силен: эти знал, и то ладно. Кора на бревнах потрескалась и подсгнила, пахло спиртом; из щелей торчала пожелтевшая и увядшая трава. Лениво порхала белая бабочка. Между бревен как пьяные мета-

---

[10] Примечания: 10

Белый снег солнечной весной — образное название литературы для избранных.

[11] Примечания: 11

Цунь — мера длины, около 0,32 м.

лись несколько черных ласточек. Следователь остановился перед большущим дубом, но до верхней кромки бревна не дотянулся. Он легонько постучал кулаком по темно-красным годовым кольцам, и на коже остались капли сока.

— Богатырь, а не дерево! — вздохнул он.

— В прошлом году один частник-винодел — виноградное вино производит — предлагал за него три тысячи юаней, — подхватил бритоголовый. — Так мы не продали.

— А зачем оно ему?

— На бочки! От вина, если оно не в дубовых бочках, высокого качества не жди.

— Надо было продать ему, и всё. Ну никак не стоит оно трех тысяч!

— Мы индивидуальные хозяйства на дух не переносим! — взвился бритоголовый. — Пусть лучше сгниет, а поддерживать их не будем.

В душе Дин Гоуэр пришел в восторг от коллективистского настроя на шахте Лошань.

За бревнами две собаки, уморительно пошатываясь, бегали друг за другом, будто вдрызг пьяные. Здоровенный кобель, вроде тот, что был на проходной. А присмотреться — вроде и не он.

Так они обходили бревно за бревном и углублялись все дальше, будто на вырубке в девственном

лесу. В обширной и густой тени дубов росло множество красивых грибов, от покрывающих землю слой за слоем гниющих листьев и желудей разносился пленительный спиртной дух. Один большой, пестрящий разноцветными красками ствол усыпали проросшие желуди, смахивающие на младенцев. Все розовенькие, с отчетливо выраженными носами и глазами и тщательно прорисованными прожилками на коже. К тому же все мальчики с прелестными крохотными писюльками, похожими на орешки арахиса. Тряхнув головой, Дин Гоуэр собрался с духом. В мозгу тяжело осели таинственные, пугающие представления об этом архиважном и дьявольски запутанном деле. Он отругал себя за то, что потратил столько времени там, где в этом не было нужды, но, поразмыслив, решил: «Задание получено лишь двадцать с лишним часов назад, а я уже понял, куда двигаться в этом лабиринте, и это, как ни крути, показатель высокой эффективности». И терпеливо зашагал за бритоголовым. «Посмотрим, куда он меня, в конце концов, заведет».

Когда они обогнули еще одну березовую лесину, впереди открылось целое поле подсолнухов: обращенные к солнцу головы золотистыми

пятнами расплывались на темной зелени покрытых пушком стеблей. Следователь вдыхал особый, сладковато-пьянящий дух березы и наслаждался осенним пейзажем. Белоснежная кора березы еще не высохла, гладкая, блестящая и нежная. Ствол продолжал расти: более свежая кора проглядывала сквозь трещины. На стволе устроился фиолетово-красный сверчок: большой, толстый — так и хочется поймать.

— Вон там, где подсолнухи, в домиках с красной крышей, партсекретарь с директором и обретаются. — В голосе охранника прорывалось радостное возбуждение.

Комнат в домах, похоже, не меньше десятка. Красная черепица резко выделяется на фоне густо разросшихся подсолнухов: стебли толстые, листья широкие — видать, жидкого навоза не пожалели. Под морем солнечного света их желтизна отливала особым блеском. Восхитительный вид захватывал, по всему телу разлилось упоение, умиротворение и отупение, глубокое и тяжелое. Когда он стряхнул с себя эти ощущения, поводырь исчез. Дин Гоуэр попытался найти его, запрыгнув на березовый ствол — воображаемую большую лодку в бурлящем потоке. Вдали, над высоким терриконом, по-прежнему курился дымок, но не

так романтично, как на рассвете. На горе угля под открытым небом черными точками копошились люди, а внизу виднелось целое скопище машин и повозок. Голоса людей и крики животных доносились очень слабо. Он решил, что у него что-то со слухом: между ним и реальным миром будто образовалась прозрачная перегородка. У колодца шахты распростерла длинные руки, действуя неторопливо, но расчетливо та самая желтая техника. Закружилась голова, он согнулся и опустился на бревно. Его словно вертело среди бурных валов. Бритоголовый и впрямь куда-то исчез. Дин Гоуэр соскользнул с березы и направился к зарослям подсолнухов.

И невольно задумался о своем поведении. Следователь, которого уважает высокое начальство, будто испугавшийся воды щенок, забирается на березовую лесину, чтобы оглядеться. А ведь его действия непременно станут частью расследования этого исключительно важного дела, которое, если факты подтвердятся, наверняка всколыхнет весь мир. Ну а если еще и фотографии появятся, народ точно попадает со смеху. Он понял, что все же слегка навеселе. «Нет, есть что-то вороватое в этом бритоголовом. Ненормальный, совсем ненормальный». Тут же, трепеща на ветру

оперением, расправила крылья фантазия. «Кто знает, может, и он заодно с этими преступниками — пожирателями младенцев». Пробираясь меж бревнами, Дин Гоуэр уже прикинул путь к отходу: «Вывел на дорогу, где полно ловушек. Но способности мои недооценил».

Он сжал папку. В ней ощущалось нечто твердое и увесистое: там кроме документов лежал пистолет. Оружие придает смелости и уверенности. Следователь с сожалением бросил последний взгляд на березовые, дубовые и другие бревна — на своих соратников. Толстенные узорные срезы походили на мишени. Он представил, как стреляет по комлям, а ноги уже привели к опушке подсолнухового леса.

Надо же, рядом вовсю работает шахта, а тут такое укромное местечко, — значит, человеку всё по плечу. Задрав голову к подсолнухам, он шагнул вперед. Они склонялись к нему, словно улыбаясь, но в изумрудно-зеленых или светло-желтых лицах виделось лицемерие и коварство. В ушах звучал еле слышный презрительный смех. Огромные листья с шелестом трепетали на ветру. Сжимая папку со стальным другом, высоко подняв голову и выпятив грудь, он шагал к красному домику. Следователь смотрел на него,

а сам ощущал исходящую от подсолнухов угрозу. Прохладную, с белыми ворсинками.

Толкнув дверь, Дин Гоуэр вошел в домик. И вот наконец после всех перипетий и впечатлений он стоит перед секретарем парткома и директором шахты. Обоим ганьбу[12] лет по пятьдесят. Круглые, как булочки, румяные лица, похожие на коричневатые «чайные» яйца[13]; наметившиеся генеральские животики. Серые френчи[14] с иголочки. Лица светятся приветливыми, доброжелательными улыбками старших по положению. Вполне возможно, близнецы. Оба радушно поздоровались с ним за руку. Видать, в рукопожатиях толк знают: ни слабое и ни крепкое, ни мягкое и ни твердое. Всякий раз он ощущал, как все тело пронизывает тепло, как от только что вынутого из огня печеного батата. И тут он уронил папку.

Грохнул выстрел.

---

[12] Примечания: 12

Ганьбу — руководящие работники, партийно-чиновничья прослойка.

[13] Примечания: 13

«Чайные» яйца — яйца, приготовленные с использованием чайного листа или соевого соуса.

[14] Примечания: 14

Так называемые суньятсеновские френчи (по имени Сунь Ятсена, первого президента Китайской Республики) — своеобразная униформа, отличавшая руководящих работников в Китае.

Из папки вился синеватый дымок, со стены посыпались осколки. От испуга вновь ожил геморрой. Проследив траекторию пули, следователь увидел картину из смальты на сюжет «Подвигов Нечжа в Восточном море»[15]. У Нечжа, которого автор представил мальчуганом, беленьким и пухленьким, пуля отбила крохотную пипиську.

— Какой меткий выстрел!

— Высунулась птичка — вот ей и конец.

Напрочь смутившийся Дин Гоуэр бросился поднимать папку, вытащил пистолет и поставил на предохранитель.

— Ведь точно на предохранитель ставил! — пробормотал он, обращаясь к обоим ганьбу.

— Бывает, и добрая лошадь подкову теряет.

— Самопроизвольные выстрелы случаются сплошь и рядом.

Снисходительные увещевания директора и партсекретаря смутили следователя еще больше. От воодушевления и героизма, с которыми он ворвался сюда, не осталось и следа. Он даже подобострастно закивал. Потом полез за удостоверением личности и рекомендательным письмом,

---

[15] Примечания: 15

Нечжа — мифологический персонаж, мальчик-воин, герой многочисленных комиксов и мультфильмов.

но партсекретарь и директор замахали руками.

— Приветствуем вас, товарищ Дин Гоуэр!

— Добро пожаловать на шахту, ждем указаний по нашей работе!

Спрашивать, откуда они знают о его приезде, было неловко, и он смущенно потер нос:

— Товарищ директор, товарищ секретарь парткома, я прибыл к вам на шахту по указанию товарища N, чтобы расследовать дело о поедании младенцев, — дело очень важное и строго конфиденциальное.

Секунд десять директор с партсекретарем переглядывались, а потом захлопали в ладоши и расхохотались.

— Попрошу отнестись к этому серьезно! — нахмурился Дин Гоуэр. — Цзинь Ганцзуань, нынешний заместитель начальника отдела пропаганды и агитации горкома Цзюго, — главный подозреваемый по этому делу, а ведь он с вашей шахты.

— Верно, — подтвердил то ли директор, то ли партсекретарь. — Начальник отдела Цзинь когда-то работал у нас учителем в начальной школе, товарищ очень способный и принципиальный, единственный в своем роде.

— Вот и расскажите о нем!

— Сейчас выпьем, поедим, а заодно и поговорим.

Возразить Дин Гоуэр не успел: его уже вели в банкетный зал.

2

Здравствуйте, почтенный учитель Мо Янь!

Позвольте представиться: Ли Идоу[16]*. Я кандидат наук, занимаюсь исследованиями в Академии виноделия Цзюго. Ли Идоу – мой литературный псевдоним, уж извините, что не сообщаю настоящее имя. Вы сегодня в литературных кругах человек известный (я не преувеличиваю), и Вам ли не знать, зачем мне псевдоним. Телом я в Цзюго, а душой в литературе, всецело бултыхаюсь в ее безбрежных, как океан, просторах. Вот почему мой научный руководитель, а также отец моей жены, муж моей тещи, мой тесть – «гора Тайшань»*[17]*, если высоким слогом, а если запросто, «тесть», и всё – профессор Юань Шуанъюй часто выговаривает мне, что*

---

[16] Примечания: 16

Идоу — досл. «один доу», мера объема, ок. 10 л.

[17] Примечания: 17

Тайшань — священная гора в пров. Шаньдун; иносказание для авторитетного человека и тестя.

я, мол, занимаюсь не своим делом, даже подбивает дочку развестись со мной. Но мне не страшно, за литературу я «заберусь на гору ножей, промчусь через море огня», за нее «пропаду и зачахну, не жалея, что слишком широк стал халат»[18]*. Я ему всегда отвечаю: «Что значит заниматься не своим делом? Толстой был военным, Горький работал в булочной и мыл посуду, Го Можо*[19] *учился на врача, Ван Мэн*[20] *был заместителем секретаря пекинского отделения Новодемократического союза молодежи. Разве все они не отказывались от профессии, чтобы заняться литературным творчеством?» Тесть не оставляет попыток переубедить меня, но я, по примеру Жуань Цзи*[21]*, лишь презрительно поглядываю на него*

---

[18] Примечания: 18

Неточная цитата из стихотворения сунского поэта Лю Юна (987–1053).

[19] Примечания: 19

Го Можо (1892–1978) — китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель.

[20] Примечания: 20

Ван Мэн (род. 1934) — известный современный китайский писатель.

[21] Примечания: 21

Жуань Цзи (210–263) — поэт, один из Семи Мудрецов Бамбуковой Рощи. Легендарный бунтарь, ниспровергатель традиционных конфуцианских устоев.

искоса. Только не очень у меня это выходит, не получается полностью скрыть исполненный гнева взгляд. Но ведь у Лу Синя[22] *это тоже не получалось, верно? Однако Вы всё это знаете, что я Вам голову морочу. Это все равно что декламировать «Саньцзыцзин»*[23] *у ворот Конфуция, демонстрировать искусство владения мечом перед Гуань Юем*[24] *или рассуждать о том, как пить вино, перед Цзинь Ганцзуанем… Но, как говорится, вернемся к нашему повествованию.*

Почтенный учитель Мо Янь, я с большим вниманием ознакомился со всеми Вашими великими творениями. Преклоняюсь и падаю ниц перед Вами, испытал божественное наслаждение, душа словно покинула этот мир и попала в нирвану. Это какая-то «Нирвана феникса» Го

---

[22] Примечания: 22

Лу Синь (1881–1936) — основоположник новой китайской литературы.

[23] Примечания: 23

«Саньцзыцзин» («Троесловие») — букварь для начинающих осваивать грамоту, написан на древнем литературном языке. В стихотворной форме кратко излагает основы конфуцианской морали. Для простоты запоминания тексты разбиты на группы по три иероглифа.

[24] Примечания: 24

Гуань Юй (?–219) — знаменитый полководец древности, персонаж романа «Троецарствие».

Можо, «Мои университеты» Горького. Но более всего восхищает Ваш настрой никогда не пьянеющего божества вина. Я читал Ваше эссе, где Вы пишете, что «вино и есть литература», «не может рассуждать о литературе человек, не разбирающийся в вине». От этих слов будто озарило, будто пелена с глаз упала. Вот уж действительно, «распахни сердце и ороси ведром «маотай»[25]*. Так, как я, в вине разбирается не более сотни людей на этой планете. За исключением Вас, конечно. От истории вина до его изготовления, классификации, химического состава и физических свойств – все это я знаю как свои пять пальцев, поэтому так увлекся литературой. Считаю, что и сам могу создавать литературные произведения. Ваши суждения станут для меня чаркой вина, которая придаст уверенности, как та, что подала Ли Юйхэ*[26] *его мать, тетушка Ли, перед тем как его арестовал*

---

[25] Примечания: 25

«Маотай» — самая известная марка китайской водки.

[26] Примечания: 26

Ли Юйхэ — главный герой «образцовой революционной оперы» «Красный фонарь».

Хатояма. Теперь, наставник Мо Янь, Вы, должно быть, понимаете, почему я написал Вам это письмо? Примите земной поклон от ученика!

Недавно посмотрел поставленный по Вашему произведению фильм «Красный гаолян»[27]*, в работе над которым Вы тоже принимали участие. После просмотра так разволновался, что не спал почти всю ночь, пил чарку за чаркой. Учитель, я так рад за Вас, Вы – гордость нашего Цзюго! Хочу написать всем руководителям горкома и призвать их вытащить Вас из Вашего Гаоми*[28] *в северо-восточной глубинке, чтобы Вы обосновались у нас. Ждите вестей от меня, учитель.*

Почтенный наставник Мо Янь, я, недостойный, не смею более разглагольствовать в первом письме к Вам. Прилагаю свой рассказ и прошу дать критические замечания и руководящие указания. Я пи-

---

[27] Примечания: 27

В фильме, снятом по мотивам повести Мо Яня «Красный гаолян» (1987) режиссером Чжан Имоу, главная героиня работает на винокурне, где делают вино из гаоляна, китайского сорго.

[28] Примечания: 28

Гаоми — уезд в провинции Шаньдун, родные места Мо Яня, место действия многих его произведений.

сал его как одержимый в ту самую ночь после просмотра «Красного гаоляна», когда был не в силах заснуть. Писал под вино, водя по бумаге стремительной, как ветер, кистью. Прочтите, учитель, и если сочтете, что его можно опубликовать, искренне надеюсь на Вашу помощь в этом.

С огромным уважением и почтительными пожеланиями учителю неиссякаемого творческого вдохновения,

Ваш ученик Ли Идоу

P. S. Если у Вас нехватка вина, прошу дать знать: Ваш ученик тотчас об этом позаботится.

3

Уважаемый кандидат виноведения!

Ваше письмо и произведение «Дух вина» получил, не извольте беспокоиться.

Сам я упорядоченного образования не имею, поэтому с огромным уважением и почтением отношусь к тем, кто учился в университетах, не говоря уже о кандидатах наук и таких исследователях, как Вы.

В наши дни заниматься литературой мудрый вроде бы и не станет. Представителям нашего ремесла остается лишь вздыхать о том, что больше ничего не умеют, и заниматься своим делом дальше. Некий Ли Ци написал тут одну вещь под названием «Не смейте считать меня собакой»[29] *и описывает в ней жизнь различного сброда и хулиганья. Так вот, когда им стало не с руки губить и дурачить людей, воровать и заниматься*

---

[29] Примечания: 29

Намек на повесть современного китайского писателя Ван Шо «Не смейте считать меня человеком».

другими проделками, они задумываются: «А не заделаться ли нам, ети его, писателями?» Ни на что не намекаю, но не мешало бы Вам найти эту книжку и прочесть.

Вы – кандидат наук, занимаетесь исследованиями в области виноделия, и я действительно страшно Вам завидую. Думаю, на Вашем месте ни за что не променял бы это ремесло ни на какую паршивую литературу. Неужели в Китае, где все вокруг пропахло винным перегаром, есть более перспективное, более практичное занятие с большим будущим, чем исследования по виноделию? Раньше говорили: «В книгах обретешь златые чертоги, книги принесут немало мер зерна, в книгах увидишь словно выточенные из яшмы женские лица»[30]. Но седая древность прошедших веков уже не актуальна. Слово «книги» следует заменить на «вино». Взять хоть заместителя начальника отдела Цзинь Ганцзуаня: разве не благодаря

[30] Примечания: 30

Слова, приписываемые императору династии Сун, который правил под девизом Чжэнь-цзун (997–1022). В 1004 г. основал в Цзиндэчжэне знаменитое производство фарфора.

способности выпить целое море вина он стал звездой, перед которой благоговеют жители Цзюго? Ну какой, скажите на милость, писатель сравнится с вашим замначальника отдела Цзинем? Посему, почтенный собрат, призываю Вас прислушаться к словам тестя, основательно и серьезно заниматься наукой о вине, не сбиваться с пути истинного и не растрачивать впустую молодые годы.

Вы пишете, что решили стать литератором после прочтения моего эссе. Уж простите, виноват безмерно. Какое «вино и есть литература», какое «человек, не разбирающийся в вине, не может рассуждать о литературе»! Это я с похмелья несу такое, и верить этому нельзя. В противном случае мне, недостойному, воистину не стоит жить на этом свете.

Прилежно прочел Ваше произведение. С теоретической подготовкой у меня не очень, да и с оценкой прекрасного слабовато, поэтому лезть не в свое дело не хочу. Послал Ваше творение в редакцию «Граж-

данской литературы»[31]*. Там собрались самые выдающиеся в сегодняшнем Китае литературные редакторы, и если Вы «скакун, преодолевающий тысячу ли», думаю, на Вас найдется свой Бо Лэ*[32].

Я здесь на нехватку вина не жалуюсь, спасибо за благожелательное отношение.

Желаю здоровья и благополучия!

Мо Янь

[31] Примечания: 31

«Гражданская литература» — название вымышленное, намек на престижный литературный журнал «Народная литература».

[32] Примечания: 32

Бо Лэ — легендарный ценитель лошадей в Древнем Китае. Его имя стало нарицательным для знатока, умеющего распознать талант.

4. «Дух вина»

— Дорогие друзья, дорогие студенты, когда я узнал, что приглашен для чтения лекций в Академии виноделия, эта несравненная честь подобно теплому весеннему ветерку посреди февральской стужи овеяла красноту моего верного желчного пузыря, зелень кишечника и голубизну легких, а также фиолетовую, безропотно несущую всю тяжесть работы печень. В основном благодаря их особым способностям я имею возможность стоять за этой божественной кафедрой из сосны и кипариса, украшенной пластиковым разноцветьем, и читать вам лекции. Как вы знаете, поступающий в организм алкоголь по большей части расщепляется, проходя через печень…

Стоя в торжественной тишине за высокой кафедрой в большой общей аудитории Академии виноделия, Цзинь Ганцзуань исполняет свой долг. В первой лекции он раскрывает обширную и неоднозначную тему — «Вино и общество», — не затрагивая конкретики, совершенно в духе какого-нибудь известного высокопоставленного руководителя. Обозревая всех сверху, подобно богу, он говорит о всякой всячине, распространяясь

о древности и современности. Как и положено именитому специалисту, приглашенному для чтения лекций, он абсолютно не ограничивает содержание выступления рамками темы. Он может взмывать к небесам, мощно и неудержимо, как крылатый Пегас, но вынужден время от времени возвращаться на землю. Но хотя он и говорит все, что в голову взбредет, каждая фраза прямо или косвенно связана с темой.

Все девятьсот студентов и студенток академии, а также профессора, преподаватели, ассистенты и руководство института с пухнущими головами как завороженные взирают на него снизу вверх — крохотные звездочки перед огромным светилом. Сияние, которое исходит в это прекрасное солнечное весеннее утро от стоящего за кафедрой Цзинь Ганцзуаня, пронизывает, как алмазное сверло[33], от него больно глазам. Вот среди слушателей и профессор Юань Шуанъюй. Ему уже за шестьдесят. Высоко вскинутая голова закоренелого упрямца, развевающиеся седые волосы, прекрасные манеры; каждый волос отчетливо выделяется серебряной нитью, румяные щеки, величественная стать — он подобен познавшему

[33] Примечания: 33

Цзиньганцзуань — досл. «алмаз, алмазное сверло».

дао и, как сподобившийся священного озарения даос, удалился от мирского, «праздное облачко», «дикий журавль»[34]. Его посеребренная голова очень выделяется среди остальных голов — воистину верблюд среди стада овец. Этот почтенный старик — мой научный руководитель, я знаком не только с ним, но и с его женой. Позже у меня завязался роман с их дочкой, потом я женился на ней, так что он и его жена, естественно, стали моими тестем и тещей. В этот день я тоже присутствую в аудитории: ведь я — кандидат наук и в Академии виноделия провожу исследования по специальности «купажирование», а тесть — мой научный руководитель. Дух и суть вина — это и моя суть, моя душа, это и тема настоящего сочинения. Литературой я занимаюсь в свободное время, обязательствами профессионального литератора не обременен и могу давать волю своей кисти, могу и выпить, когда пишу. Славное вино! Да, действительно славное! Какое славное вино, плод наших славных рук оно! Выпьешь нашего вина — всюду связь налажена! Нашего вина попьешь — за присест свинью умнешь! Со звоном ставлю бокал с вином на лаковый поднос, и перед

[34] Примечания: 34

«Праздное облачко», «дикий журавль» — традиционные образы для обозначения удалившегося от мира отшельника.

глазами словно по заказу всплывает большая аудитория. А в лаборатории, в лаборатории купажирования, за прозрачным стеклом бутылок ярко переливается всевозможными оттенками красного вино. Гудят лампы дневного света, вино разливается в крови, мысли текут вспять в потоках времени. Неширокое, очень подвижное лицо Цзинь Ганцзуаня излучает какое-то пленительное очарование. Он — слава и гордость Цзюго, объект поклонения студентов нашего учебного заведения. Хотят, чтобы их дети стали такими, как Цзинь Ганцзуань, роженицы. Мечтают, чтобы их женихи походили на него, невесты. Без вина банкет не банкет, без Цзинь Ганцзуаня Цзюго не Цзюго. Он осушает большой бокал, благовоспитанно вытирает шелковым платком блестящие, как шелк, губы. Первая красавица факультета купажирования Вань Госян, в цветастой юбке, самой красивой в мире, абсолютно выверенным движением вновь наполняет бокал и под благодарным взглядом приглашенного профессора заливается краской — можно сказать, красные облачка счастья появляются у нее на щеках. Уверен, не одну девушку в зале охватывает ревность, многие ей завидуют, некоторые даже зубами скрипят от злости. Голос у Цзинь Ганцзуаня звуч-

ный, слова изливаются беспрерывным потоком, и ему не нужно прочищать горло. Привычка покашливать, этот несущественный недостаток выдающейся личности, ничуть не вредит его утонченности.

— Дорогие товарищи, дорогие студенты, — говорит он, — не надо слепо преклоняться перед талантом. Талант — это тяжкий труд и самоотречение. Конечно, не все материалисты отрицают, что у отдельных людей отдельные органы развиты больше, чем у других. Но это еще ни о чем не говорит. Допускаю, что у меня от рождения довольно высокая способность расщеплять алкоголь, но, если бы не последующие изнурительные тренировки, мне вряд ли удалось бы достичь столь блестящего уровня мастерства, искусства много пить не пьянея.

Он скромен, все действительно способные люди скромны, а те, кто хвастается своими талантами, зачастую ими не обладают или обладают не в такой степени. Ты изящно выпиваешь еще один бокал китайского вина. Барышня-купажистка грациозно наполняет его. Усталой рукой наливаю и себе. Присутствующие обмениваются понимающими улыбками, словно приветствиями. «У поэта Ли Бо на доу вина — сто превосходных

стихов»[35]. Куда там Ли Бо тягаться со мной, он, чтобы выпить, лез в мошну за деньгами. А мне незачем, я могу пить вино из лаборатории. Ли Бо — корифей литературы, а я — любитель и занимаюсь литературой на досуге. Написать немного о том, что я хорошо знаю, меня уговорил заместитель председателя нашего отделения Союза писателей — я частенько таскаю ему вино из лаборатории. Этот меня дурить не будет. Так, до чего он уже договорился в своей лекции? Давайте-ка мы, все девятьсот студентов академии, этаких маленьких бодреньких осликов, навострим уши и сосредоточимся.

Маленькие ослики. Выражением лица и манерами замначальника отдела Цзинь Ганцзуань, наш приглашенный профессор, мало чем от них отличается. Он такой необыкновенно милый, когда крутит головой и помахивает хвостиком за кафедрой.

— Чтобы проследить историю моих отношений с вином, нужно вернуться на сорок лет назад, — продолжает он. — Сорок лет назад, когда все вокруг отмечали образование нашего государства, я только начинал развиваться в чреве

---

[35] Примечания: 35

Строка из стихотворения древнекитайского поэта Ду Фу (712–770) «Восемь бессмертных за вином» (*пер. А. Гитовича*).

матери. Перед этим, как выяснилось, мои отец и мать, подобно многим другим, радовались как сумасшедшие. Эта череда радостных событий проходила в обстановке какой-то безумной одержимости, когда все превозносилось до небес, так что я — продукт безумной радости, ее побочный продукт. Коллеги, все мы знаем, насколько безумная радость связана с вином. Ведь не важно, является ли карнавал праздником бога вина, и не важно, верно ли, что на праздник бога вина родился Ницше. Важно то, что продуктом слияния экстатической спермы отца и экстатической яйцеклетки матери стал я, и это предопределило связь моей судьбы с вином.

Раскрыв и прочитав переданную ему записку, он благодушно провозгласил:

— Я — политический и идеологический работник партии, разве я могу пропагандировать идеализм? Я — материалист с головы до ног. «Материя первична, сознание вторично» — эти слова золотом вышиты на боевом знамени, которое я всегда высоко нес и буду нести. Сперма тоже материальна, хоть она и продукт экстаза, и, если следовать той же логике, разве не относится к материальному и яйцеклетка? Или, если привести другой пример, разве может человек в экстазе

покинуть свою бренную плоть и стать витающим повсюду чистым духом? Ладно, дорогие коллеги, время — вещь драгоценная, время — деньги, время — это сама жизнь, и нам не следует ходить вокруг да около таких элементарных вещей, потому что сегодня в полдень банкет, где мне предстоит чествовать инвесторов и друзей, которые оказывают поддержку первому ежегодному фестивалю Обезьяньего вина, в том числе американцев китайского происхождения, а также наших собратьев из Гонконга и Макао, которых никак нельзя обидеть неучтивостью.

Я сидел в задних рядах и, когда Цзинь Ганцзуань упомянул об Обезьяньем вине, заметил, что дельтовидные мышцы на шее тестя напряглись и побагровели. Старику полжизни не давало покоя это чудесное, несравненное вино из легенды. Такое радостное событие, как начало производства Обезьяньего вина, когда этот легендарный напиток станет реальностью, когда его можно будет разлить по емкостям, спят и видят все два миллиона жителей Цзюго. Для этого сформирована специальная группа, городские власти выделили огромные средства, старик эту группу возглавляет, так кто же, как не он, должен напрячься? Лица не видно, но могу представить, сколько на

нем эмоций.

— Дорогие студенты, попробуем себе представить следующую священную картину: вертя мягкими хвостиками, охваченные экстазом сперматозоиды, словно горстка храбрых воинов, устремляются на штурм крепости — нет, хоть они и охвачены экстазом, их движения и ловки, и нежны. Когда-то главарь фашистов Гитлер мечтал видеть молодых немцев «ловкими, как охотничьи собаки, гибкими, как кожа, и твердыми, как крупповская сталь». Идеальная молодежь в его представлении отчасти похожа на движущееся у нас перед глазами скопище сперматозоидов, в том числе и на зародыш меня самого. Но нет, ни одну, даже очень хорошую, метафору нельзя повторять дважды, тем более что придумал ее ненавистный всем на земле враг рода человеческого. Лучше использовать недолговечную и грубоватую отечественную продукцию, чем превосходные иностранные товары. Вопрос это принципиальный, тут небрежности нельзя допускать и на самую малость. «Руководящие работники всех ступеней должны быть предельно внимательны и никогда не допускать

небрежности»[36]. В медицинской литературе сперматозоидов изображают головастиками, такими головастиками когда-то были и мы. Множество сперматозоидов — в том числе и маленькая частичка меня — плывут в теплых потоках моей матери. Между ними идет соревнование, победителя ждет награда — зернышко, сочная белая виноградина. Иногда, конечно, случается, что к финишу приходят одновременно и двое лучших пловцов, в таком случае при наличии двух белых виноградин награду получает каждый, а если виноградина одна, этой сладкой жидкости остается лишь позволить обоим воспользоваться плодами победы. Ну а если к финишу одновременно придут трое, четверо или даже большее число пловцов? Это случай особый, такое встречается крайне редко, а научные положения выводятся, в основном исходя из обычных условий, особые же случаи рассматриваются отдельно. Так или иначе в этом соревновании до цели первым добрался лишь я один, белая виноградина поглотила меня, и я стал ее частью, а она стала частью меня. Да, «любое, самое образное сравнение хромает» — это слова Ленина;

---

[36] Примечания: 36
Цитата из Мао Цзэдуна.

«без метафоры нет литературы» — так говорил Толстой. Мы сравниваем вино с красавицей, другие сравнивают красавицу с вином. Это говорит о том, что между вином и красавицей действительно есть нечто общее, и специфическое в этом общем определяет различие между вином и красавицей, а общее в их специфическом эти два понятия отождествляет. Однако людей, которые действительно могут уловить в вине нежность красавицы, очень мало, это такая же редкость, как перо феникса и рог цилиня[37].

Его выступление в тот день потрясло. Нам, студентам с неглубокими знаниями и аспирантам со знаниями чуть поглубже, столько воды не выпить, сколько он выпил вина.

— Истинные знания дает практика, дорогие студенты. Меткость стрелка возрастает от числа выпущенных пуль, мастерство пития — от выпитого вина. На дороге к успеху коротких путей нет, и лишь храбрецы, которые, не страшась опасностей, продолжают путь по неровной горной тропинке, могут уповать на то, что доберутся до

[37] Примечания: 37

Цилинь — сказочный зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог: является предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам; его появление предвещает приход гениального исторического деятеля.

сияющей вершины!

Нас озарил свет истины, и аудитория взорвалась горячими аплодисментами.

— Коллеги, детство у меня было трудное. — Все великие люди прошли через океан страданий, и он не исключение. — Я жаждал вина, но вина не было.

Он рассказал, как в тяжелых тогдашних условиях вместо вина пил технический спирт, чтобы закалить внутренности, и мне захотелось описать этот незаурядный опыт незамутненным литературным языком. Отхлебнув вина, со звоном ставлю бокал на лаковый поднос. Опускается ночь, Цзинь Ганцзуань где-то на полдороге между замначальника отдела и исполненным экстаза сперматозоидом. Одетый в рваную куртку, он машет мне рукой и ведет по родным местам.

Студеная зимняя ночь. Месяц на ущербе, и усыпавшие небо звезды освещают улицу и дома в деревне Цзинь Ганцзуаня, засохшие листья и ветви ив, цветы сливы. Недавно прошел сильный снегопад, после этого пару раз выглянуло солнце, под его лучами снег растаял, и с соломенных стрех домов свисают хрустальные сосульки. В ярком свете звезд они отбрасывают слабые отблески, посверкивает и снег на крышах и дере-

вьях. Судя по описанию замначальника Цзиня, эта зимняя ночь, видимо, была безветренной, потому что под натиском жгучего холода лед на реке стал трескаться, и в глубокой ночи этот треск раздавался еще явственнее. Постепенно все в округе стихает. Деревня — а это дальний пригород Цзюго — уже крепко спит. Вполне вероятно, когда-нибудь нам представится возможность посетить на «Фольксвагене Сантана» замначальника Цзиня эти благословенные места, увидеть священные реликвии там, где каждый холм, каждый ручеек, каждая травинка, каждое деревце вызывают такое теплое чувство, такое благоговение. Подумать только, из этой захудалой деревушки, где в домах царила нужда, мало-помалу поднялся озаривший Цзюго светоч вина. От его ослепительного сияния режет глаза, они наполняются горячими слезами, сердце охватывает необычайное волнение: старая поломанная колыбель тоже колыбель, и ее ничем не заменишь. Судя по сегодняшней обстановке, будущее перед замначальника Цзинем открывается безграничное. Когда мы прогуливаемся вместе с ним, теперь уже руководителем высокого ранга, по пыльным и грязным улочкам и переулкам его родной деревни Цзуаньшицунь — Бриллиан-

товой деревни, когда внимаем плеску струй на берегу тамошнего ручейка, когда неторопливо шагаем по речной плотине под зеленью высоко вознесшихся и глядящих в безграничную даль деревьев, когда проходим мимо коровников и конюшен… Когда его сплошным потоком переполняют горести и радости детских лет, любовь и мечтания, как узнать, что у него на душе? Какова у него походка? А выражение лица? Какой ногой он ступает вперед — левой или правой? Где у него левая рука, когда он ступает правой ногой? А где правая рука, когда ступает левой? Как у него пахнет изо рта, какое у него давление? А сердце — как часто оно бьется? Видны ли зубы, когда он улыбается? Собираются ли на носу морщинки, когда он плачет? Много всего хотелось бы описать, так ведь слов не хватает. Остается лишь поднять бокал. Потрескивают покрытые снегом и обледенелые ветви деревьев, далеко на пруду, где лед толщиной три чи[38], торчит сухой камыш. Что-то разбудило устроившихся на ночь диких и домашних гусей, и они звонко гогочут. Этот разнесшийся в морозном воздухе звук достиг и восточного крыла дома Седьмого Дядюшки.

---

[38] Примечания: 38

Чи — мера длины, равная 0,3 м.

По словам Цзинь Ганцзуаня, он каждый вечер отправлялся в этот дом и засиживался там до глубокой ночи. В доме царит полумрак, у восточной стены на старинном столе с тремя выдвижными ящичками стоит керосиновая лампа. Седьмая Тетушка с Седьмым Дядюшкой сидят на кане[39]. Рядом с каном устроились малыш-печник, Долговязый Лю, Фан Девятый и кладовщик Чжан. Все они, как и я, каждый день приходили сюда коротать долгие зимние вечера, и их не останавливал ни ветер, ни снег. Они рассказывали, чем занимались днем, передавали новости из окрестных деревень, повествуя так живо и увлекательно, что перед глазами разворачивалась яркая картина деревенских обычаев. Вот где было разгуляться литератору! Холод дикой кошкой прокрадывался из дверных щелей и покусывал за ноги. В то время Цзинь Ганцзуань был всего лишь ребенком из малоимущей семьи, денег не хватало даже на пару носков, и приходилось поджимать черные потрескавшиеся ноги в тапочках, сплетенных из рогоза, потому что на подошвах и между пальцев выступал ледяной пот. Во мраке помещения свет керосиновой лампы казался особенно ярким,

[39] Примечания: 39

Кан — отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

белая бумага в окнах поблескивала, через дыры в ней то и дело врывался морозный воздух, а копоть от лампы поднималась к потолку постоянно менявшими форму колечками.

В углу лежанки спят двое детей Седьмой Тетушки и Седьмого Дядюшки; девочка похрапывает ровно, а мальчик — нет. Он храпит то на высоких, то на низких нотах, а еще что-то неразборчиво бормочет, словно дерется во сне с чужими мальчишками. Седьмая Тетушка, женщина очень образованная, с удивительно ясным взглядом, страдала хронической нервной икотой и икала довольно громко. Седьмой Дядюшка постоянно пребывал словно в полусне; его лицо неопределенной формы, без четко очерченных линий, напоминало няньгао[40]. Он сидит, отрешенно уставившись затуманенным взором на огонь лампы. На самом деле Седьмой Дядюшка был человек довольно неглупый и в свое время разработал хитроумный план, благодаря которому взял в жены Седьмую Тетушку, женщину образованную и на десять лет моложе. Дело это сложное и запутанное, в двух словах не объяснишь. Седьмой Дядюшка, ветеринар-любитель, мог проколоть

---

[40] Примечания: 40
См. примеч., с. 15.

вену на ухе свиньи, ввести глюкозу и пенициллин, а также умело кастрировал боровов, собак и ослов. Как и все мужчины в деревне, был не дурак выпить. Вот только пить было нечего. Всё, из чего гнали вино, уже использовали подчистую, и самым насущным вопросом стала еда.

— Долгими зимними вечерами животы у нас урчали от голода, — продолжал рассказ Цзинь Ганцзуань, — и тогда никто не верил, что я дотяну до сего дня. Что есть, то есть: нюх у меня очень тонкий, особенно в том, что касается алкоголя, тем более в деревне, где воздух не загрязнен. Холодными вечерами отчетливо разносятся самые разные запахи, и если в радиусе нескольких сотен метров в доме пьют вино, я определю это довольно точно.

Была уже глубокая ночь, когда я учуял доносившийся с северо-востока запах вина. Казалось, источник соблазнительного запаха совсем близко, хотя меня отделяли от него стены дома, хотя ему пришлось преодолеть покрытые снегом крыши домов, пронизать закованные в броню изо льда и снега деревья и опьянить по дороге кур, уток, гусей и собак. Лай собак стал каким-то округлым, подобно винным бутылкам, все вокруг дышало восхитительным опьянением. От этого

запаха созвездия на небе замигали от счастья и стали раскачиваться туда-сюда, как шалуны на качелях; от него осоловели рыбы в реке: они лежали на мягких речных водорослях и пускали пузыри. Несомненно, запах вина в студеном ночном воздухе вдыхали и птицы, в том числе две совы с богатым оперением, и кроты, грызущие стебельки травы в своих подземных норках. На этом обширном пространстве, промерзшем, но полном жизни, все, сколько было, живые твари вкусили от привнесенного человеком, отсюда и зародилось это священное чувство, эта услада питием, «коему начало бысть пошло от императоров древности, то ли с И Ди, то ли с Ду Кана»[41], через которое можно общаться с богами. Почему в жертву предкам во спасение души мы приносим вино? Я понял это именно в ту ночь. Это была ночь откровения. В ту ночь пробудился спавший во мне дух, открылась великая тайна Вселенной, тайна, которую не описать словами, прекрасная и нежная, исполненная любви и доброты, трогательная и бередящая душу, влажная и благоухающая… понимаете?

Он протянул руки в сторону вытянувших шеи

[41] Примечания: 41

Цитата из «Рескрипта о вине» Цзян Туна (?–310). *И Ди, Ду Кан* — легендарные изобретатели алкоголя.

слушателей, а мы сидели, широко раскрыв глаза и разинув рты, словно желая взглянуть на это чудодейственное средство, а потом выпить, хотя ладони были пусты.

Твои глаза озарены волнующим до глубины души светом, каким сияют лишь глаза тех, кто говорит с Богом. Ты видишь невообразимые для нас образы, внимаешь звукам, которых нам не дано слышать, обоняешь недоступные нам запахи — какой мы исполнились печали! Льющаяся из твоих уст речь подобна музыке, это плавно несущий свои воды поток, шелковая нить, что тянется из брюшка приплясывающего в воздухе паучка; она и груба и изящна, как куриное яйцо, так же округла и гладка — всё как в жизни. Мы опьянены этой музыкой, покачиваемся в этом потоке, пританцовываем на этой паутинке, мы видим Бога. Но перед тем как узреть Его, мы видим, как плывут в водах этого потока наши неживые тела…

Вот почему крик совы той ночью звучал как нежное воркование любовников — воздух был напоен вином. И дикие гуси спаривались один за другим с домашними той ночной порой, в зимнюю стужу да еще в небрачный сезон, тоже потому, что воздух дышал вином. Нос у меня стал

сильно подергиваться, и Фан Девятый поинтересовался: «Ты чего носом дергаешь? Чихнуть, что ли, хочешь?» Его голос прозвучал как из бочки. «Вино… — пробормотал я. — Вином пахнет!»

Все стали водить носами. У Седьмого Дядюшки нос аж весь сморщился: «Откуда здесь вино? С чего ты взял?» — «А вы принюхайтесь, принюхайтесь». Мысли мои путались, а душа рвалась вон.

Они обшарили глазами всё вокруг, каждый уголок. Седьмой Дядюшка даже приподнял постеленную на кане циновку, чем вызвал бурную реакцию Седьмой Тетушки: «Ну и чего ты туда полез? На кане, что ли, вино можно найти? Просто уму непостижимо!»

Как я уже говорил, Седьмая Тетушка была из интеллигентов, отсюда и «просто уму непостижимо». Не успела она войти в нашу семью, как тут же выговорила моей матушке за то, что та слишком усердно промывает рис и разрушает все витамины. От этих «витаминов» у матушки аж челюсть отвисла и глаза на лоб полезли.

В запахе вина содержатся протеин, липиды, кислоты, фенолы, а также кальций, фосфор, магний, натрий, калий, хлор, сера, железо, медь, марганец, цинк, иод, кобальт. И еще витамины A, B, C, D, E, F, а также другие вещества. Я тут, что на-

зывается, машу топором перед воротами Баня[42], бахвалюсь своими познаниями о составляющих вина, в то время как ваш профессор Юань Шуанъюй знает все это как никто другой.

От похвалы Цзинь Ганцзуаня у тестя даже шея побагровела. Волнения на лице старика я не замечаю, мне его вообще почти не видно.

— Но в винном запахе присутствует нечто сверхматериальное, это некий дух, некая вера, священная вера, которую можно постичь лишь умом, но нельзя передать на словах — слова такие неуклюжие, а метафоры так хромают, — она просачивается в душу до дрожи. Друзья мои, студенты, неужели еще нужно аргументированно доказывать, является ли вино вредным или полезным? Да нет же, нет в этом нужды, вино — это ласточка, лягушка, красноглазая оса, божья коровка[43], это живой «дух, уничтожающий зло»![44]

---

[42] Примечания: 42

Лу Бань (507–440 до н. э.) — плотник, инженер, философ, изобретатель, покровитель китайских строителей.

[43] Примечания: 43

Все перечисленные виды приносят пользу, уничтожая насекомых-вредителей.

[44] Примечания: 44

«Дух, уничтожающий зло» — буквальный перевод названия популярного в Китае инсектицида в аэрозольной упаковке с приятным запахом.

В каком-то самозабвенном порыве он стал энергично размахивать руками, доведя себя, как Гитлер, до белого каления.

— «Седьмой Дядюшка, — продолжал он свой рассказ, — глядите, винный дух уже лезет из окна, с потолка, изо всех дыр и щелей…» «А пацан, похоже, умом тронулся, — пробормотал себе под нос Фан Девятый. — Разве у запаха есть цвет? Его что, можно увидеть? Точно, свихнулся…»

Они мерили меня, один за другим, подозрительными взглядами, будто я и вправду тронулся. Но мне было не до них! Я бежал, не чуя ног, по разноцветному мосту, устланному запахом вина, я просто летел… И свершилось чудо, дорогие коллеги, свершилось чудо!

Голова Цзинь Ганцзуаня склонилась под тяжестью эмоций. Стоя за кафедрой в общей аудитории Академии виноделия, он продолжал хрипловато, но необычайно заразительно:

— Где-то в моем мозгу возникла картина славного банкета посреди заснеженной ночи. Яркая газовая лампа. Старинный квадратный стол на восемь человек. На столе — таз, из него валит пар. За столом сидят четверо, и чашка с вином в руке у каждого переливается всеми красками зари. Лица какие-то нечеткие… Ух ты! Прояснились, и

я всех узнал… Секретарь партячейки, бухгалтер большой производственной бригады, командир роты народной милиции, председатель женсоюза… У каждого по вареной бараньей ноге, они макают ее в толченый чеснок, заправленный соевым соусом и кунжутным маслом… Указывая на них пальцем, я говорил, обращаясь к Седьмому Дядюшке и компании, словно толкователь. Перед глазами все туманилось, лица Седьмого Дядюшки и остальных виднелись неотчетливо, и я не смел отводить глаза в сторону, боясь, что картинка исчезнет… Седьмой Дядюшка схватил меня за руку и яростно затряс ее: «Сяо Юйэр![45] Сяо Юйэр! Что с тобой, заболел?»

Левой рукой он тряс мне руку, а правой отвесил подзатыльник. Словно битый кирпич и обломки черепицы разлетелись по ровной как зеркало поверхности пруда, в голове загудело, во все стороны посыпались брызги, рябью пошли накладываться друг на друга круги, и от картины перед глазами осталось пустое место.

«Зачем?! — в досаде завопил я. — Зачем надо было это делать?» Все смотрели на меня, охваченные тревогой. «Тебе, видать, сон приснился,

---

[45] Примечания: 45

Сяо Юйэр — букв. «рыбка»; видимо, детское имя Цзинь Ганцзуаня.

дитятко?» — проговорил Седьмой Дядюшка. «Никакой это не сон. Я видел, как партсекретарь, бухгалтер, председатель женсоюза и командир роты народной милиции пьют вино. У каждого по бараньей ноге, они макают ее в толченый чеснок, горит газовая лампа, а сидят они за квадратным столом». «Почудилось», — зевнула во весь рот Седьмая Тетушка. «Но я всё ясно видел!» — «Пополудни я на реку за водой ходил, — вставил Долговязый Лю, — и вправду видел, как председатель женсоюза вместе с двумя товарками промывала баранину у проруби». «И ты в фантазии ударился!» — шикнула на него Седьмая Тетушка. «Да правда это!» — «Правда, как же! Смотрю я, тронулись вы уже на еде, не наедитесь никак!» — взвилась Седьмая Тетушка. «Не надо ссориться, — уныло проговорил малыш-печник. — Пойду-ка я разведаю». «Не сходи с ума! — бушевала Седьмая Тетушка. — Ты что, поверил в эти бредни?» «Вы здесь подождите, — добавил малыш-печник, — а я мигом — одна нога здесь, другая там». «Гляди, чтобы не сцапали тебя да не поколотили», — озабоченно проговорил Седьмой Дядюшка. Но малыш-печник уже вышел, и от влетевшего в дом порыва ветра чуть не погасла лампа.

Когда он, задыхаясь, вернулся, новый порыв холодного ветра снова чуть не загасил лампу. Малыш-печник обалдело уставился на меня, как на привидение. «Ну и что ты там увидел?» — презрительно усмехнулась Седьмая Тетушка. «Чудо, настоящее чудо! — повернулся к ней малыш-печник. — Сяо Юйэр просто небожитель, ясновидящий!»

По его словам, увиденное в точности соответствовало моему описанию. Пирушка проходила в доме партсекретаря. Ограда у дома невысокая, и он ее просто перемахнул. «Не может быть!» — ахнула Седьмая Тетушка. Выйдя на улицу, малыш-печник вернулся с мерзлой, как камень, бараньей головой в руках и поднял ее, чтобы показать Седьмой Тетушке. У той глаза на лоб полезли, она даже икать перестала.

В тот вечер мы эту баранью голову быстренько вымыли и положили в котел вариться. Пока она варилась, все думали о вине. В конце концов идею подала Седьмая Тетушка: не выпить ли спирта.

У Седьмого Дядюшки, как у настоящего ветеринара, была припрятана бутылочка для дезинфекции. Конечно, мы разбавили спирт водой. И начался нелегкий процесс закалки. Выросшему на ветеринарном спирте любой другой

алкоголь нипочем! Жаль только, малыш-печник и Седьмой Дядюшка ослепли.

Подняв руку, Цзинь Ганцзуань посмотрел на часы:

— Дорогие студенты, на этом сегодняшняя лекция закончена.

Глава вторая

1

Директор шахты и партсекретарь стояли лицом друг к другу: левая рука у обоих согнута перед грудью, правая вытянута вперед, ладони выпрямлены — ни дать ни взять вышколенные дорожные полицейские. Лица настолько похожи, что казались отражением в зеркале. Разделяла их красная ковровая дорожка метр в ширину, которая тянулась по всей длине залитого светом коридора. Перед этим искренним проявлением вежливости весь боевой настрой Дин Гоуэра начисто улетучился, и он стоял в нерешительности рядом с двумя руководителями, не зная, делать шаг вперед или нет. Расплывшееся на их лицах радушие походило на жирную липкую массу, она никуда не исчезала и от колебаний Дин Гоуэра лишь росла в объеме. Боги не говорят, это точно, они молчат, но их позы действуют сильнее любых сладких речей, сопротивляться невозможно. Отчасти от безысходности, отчасти из благодарности Дин Гоуэр зашагал вперед. Директор шахты и партсекретарь тут же последовали за ним, образовав равнобедренный треугольник. Коридору, казалось, не будет конца, и в душе следователя

зародились сомнения. Он четко помнил: дом с четырех сторон окружен подсолнухами, в нем должно быть не более десяти комнат — откуда такой длиннющий коридор? На стенах, оклеенных белыми как молоко обоями, через каждые три шага с обеих сторон симметрично вырастали парные светильники красного цвета в форме факелов. Державшие эти красные факелы металлические руки ярко блестели и смотрелись как живые, — казалось, их просунули с другой стороны стены. Он с ужасом представил, что за стеной у каждого светильника стоит рослый бронзовотелый детина и двигаться по этому устланному красной ковровой дорожкой коридору все равно что идти сквозь строй ощетинившихся оружием охранников. «Теперь я — преступник, а партсекретарь с директором — мои конвоиры». Сердце затрепетало от страха, и в мозгу образовались трещины, в которые влилось несколько холодных струек разума. Он вспомнил про свою важную миссию, про священный долг. Исполнить священный долг шашни с девицей не помешают, а вот вино может. С девицей голова остается ясной, а после вина тупеешь. Он остановился:

— Я не выпивать приехал, а проводить расследование.

Получилось не очень вежливо. Директор и партсекретарь обменялись абсолютно одинаковыми взглядами без намека на раздражение, и их голоса звучали с прежним радушием:

— Знаем, знаем. Какое выпивать — никто вас заставлять не собирается.

Дин Гоуэр так и не разобрался, кто из этих братьев-близнецов партсекретарь, а кто директор, но спросить не отваживался, боясь обидеть. Оставалось путаться дальше: все одно эти двое похожи как две капли воды, да и должности партсекретаря и директора мало чем отличаются.

— Пожалуйте, пожалуйте, не желаете пить, так поедите.

Дин Гоуэру ничего не оставалось, как шагать дальше, хотя это построение в форме треугольника ему уже опротивело: один впереди, двое сзади — будто коридор вел не в банкетный зал, а в зал суда. Он пошел медленнее, надеясь сравняться с ними. Но надеялся напрасно: стоило замедлить шаг, следовавшая за ним парочка тут же притормаживала. Форма треугольника сохранялась, и он оставался в положении конвоируемого.

Коридор вдруг повернул, красная ковровая дорожка пошла вниз, светильники-факелы засияли

еще ярче, а держащие их руки стали выглядеть еще более угрожающе, будто и впрямь живые. Целый сонм жутких мыслей закружился в мозгу золотыми мушками, и следователь инстинктивно еще крепче прижал под мышкой папку с документами. Твердая сталь упиралась в ребра, и от этого становилось спокойнее на душе. «Еще пара секунд, и можно наставить в грудь этим типам ствол пистолета. А там хоть ад, хоть могила, не боюсь я вас, сучье отродье».

Стало ясно, что коридор идет уже под землей. Светильники и ковровая дорожка оставались такими же яркими, но чувствовалась какая-то промозглость, хотя холодно не было.

В конце коридора их встретила, сверкая глазами и белоснежными зубами, официантка в багряно-красной форме и в пилотке на макушке. Легкая улыбка на лице — результат большой практики — и исходящий от волос густой аромат оказали благотворное воздействие на нервы следователя. Подавив желание погладить ее волосы, он занялся глубокой самокритикой и самооправданием. Девица взялась за блестящую ручку из нержавеющей стали и распахнула перед ними дверь со словами: «Прошу вас, товарищи руководители». Треугольник наконец распался,

и Дин Гоуэр облегченно вздохнул.

Перед ними предстал роскошный банкетный зал. Нежная цветовая гамма, мягкое освещение — все должно было наводить на мысли о любви и счастье, но это смазывал висевший в воздухе странный запах. С коварным блеском в глазах Дин Гоуэр быстро окинул взглядом кремовые диваны, обитые натуральной кожей, светло-желтые оконные занавеси из натурального шелка, белый потолок с цветными узорами и застеленный белоснежной скатертью стол. Через блистающее мириадами жемчужин ажурное стекло и хрусталь огромной люстры, свисавшей с потолка по центру, струился свет. В сияющий пол можно было смотреться как в зеркало: видать, только что навощили. На большом экране цветного телевизора в углу бежали титры караоке, лились нежные, интимные мелодии, девица в купальнике принимала соблазнительные позы. Пока он оценивал помещение, партсекретарь с директором оценивающе поглядывали на него: им, конечно, было невдомек, что он силится определить источник этого странного запаха.

— Милости просим в наше захолустье!

— Обстановка убогая, так неудобно перед вами.

Взгляд Дин Гоуэра продолжал блуждать по залу: большой круглый ресторанный стол с тремя уровнями; на первом расставлены приземистые стаканы для пива, стеклянные бокалы для вина на высоких ножках, рюмки для крепких напитков на ножках повыше, керамические чайные чашки с крышками, палочки для еды под слоновую кость в футлярах, разнокалиберные тарелки, большие и маленькие чашки для еды, ножи и вилки из нержавейки, сигареты «чжунхуа» и «юньинь», американские «мальборо», английские «555», филиппинские сигары, заказные спички с большими красными головками в красочных коробках, позолоченные газовые зажигалки и пепельницы из искусственного хрусталя в форме павлина с распущенным хвостом. На втором уровне уже стояло восемь блюд: лапша с яйцом и сушеными креветками «хай ми»[46], ломтики жгуче острой говядины, цветная капуста под соусом карри, кружочки огурца, холодные утиные лапки, подслащенный корень лотоса, сердечки сельдерея, хорошо прожаренные скорпионы. Человек бывалый, Дин Гоуэр не увидел в этих холодных закусках ничего особенного — ни-

[46] Примечания: 46

«*Хай ми*» — досл. «морской рис»; креветки, высушенные до размеров зернышек риса.

чего, что могло бы удивить. На третьем уровне стоял лишь ощетинившийся шипами кактус в горшке. От одного вида кактуса все зачесалось, и стало не по себе. «И чего было не поставить свежие цветы?»

При рассаживании все принялись было вежливо уступать друг другу лучшее место. По мнению Дин Гоуэра, за круглым столом не могло быть более и менее почетных мест, но партсекретарь с директором настаивали, что место у окна самое почетное. Дин Гоуэру пришлось там и сесть, а хозяева расположились вплотную по обе стороны от него.

По залу сновали ярко-красные, как знамена, официантки. От них расходились волны прохладного воздуха, разгонявшие по всему залу этот странный запах, который естественным образом смешивался с запахом пудры на лицах девиц, кисловатым потом из подмышек и ароматами из других мест. При этом он бил в нос все меньше, и внимание Дин Гоуэра переключилось на другое.

Прямо перед ним появилось небольшое полотенце абрикосового цвета. Оно свешивалось с широких щипцов из нержавейки, и от него шел пар. Вздрогнув от неожиданности, Дин Гоуэр принял полотенце, но руки вытирать не стал, а

сначала бросил взгляд туда, откуда появились щипцы, и увидел очень белую маленькую ручку, круглое личико и прикрытые ресницами черные глаза. Веки у девицы спускались складками, и создавалось неприятное впечатление, будто на глазу у нее то ли шрам, то ли парша, хотя на самом деле оказалось, что это не так. Насмотревшись, он вытер горячим полотенцем лицо и руки: полотенце отдавало каким-то парфюмом с запахом гниющих яблок. За этим низкопробным ароматом он уловил также вонь вчерашней спермы. Едва он закончил вытирать руки и лицо, те же щипцы забрали полотенце обратно.

Партсекретарь любезно предложил сигарету, а директор щелкнул зажигалкой.

В рюмки для крепких напитков была налита «маотай», в бокалы для вина — «ванчао»[47], а в стаканы — «циндао»[48].

— Мы патриоты, заморские вина бойкотируем, — заявил партсекретарь, а может, директор.

— Я же сказал: пить не буду, — заметил Дин

---

[47] Примечания: 47

«Ванчао» — досл. «династия»; сухое красное вино.

[48] Примечания: 48

«Циндао» — одна из самых известных и старейших марок китайского пива, производится в одноименном городе на пивоварне, основанной в начале XX в., когда порт Циндао был германской военно-морской базой на Дальнем Востоке.

Гоуэр.

— Товарищ Дин, дружище, вы приехали издалека, и если не выпьете, нам будет просто неловко. Обстановка у нас тут неофициальная, этакий домашний обед, и если не выпить, то как нам выразить дружеские отношения между вышестоящими и нижестоящими? Вино — немаловажный источник налоговых сборов, и получается, что, когда пьешь вино, вносишь вклад в хозяйство страны. Выпейте, выпейте чуточку, а то нам стыдно будет вам в глаза смотреть.

С этими словами оба высоко подняли рюмки с водкой и поднесли к лицу Дин Гоуэра. Кристально чистый и прозрачный алкоголь слегка подрагивал, исполненный благоухания и невероятно соблазнительный. В горле запершило, рот наполнила слюна. Она давила на язык и смачивала полость рта.

— Такое обилие всего… я ничем не заслужил… — запинаясь, пробормотал он.

— Какое обилие, товарищ Дин, старина, о чем вы говорите! Шахта у нас небольшая, подготовка слабая и условия не совсем, повар — кулинар невеликий, а вы из большого города приехали, поездили по белу свету, повидали всякого, каких только прекрасных напитков и знаменитых вин

не пробовали, какой только дичи не едали! Да вы просто смеетесь, — возразил то ли партсекретарь, то ли директор. — Пожалуйста, отведайте чего-нибудь. Всем нам, кадровым работникам, приходится откликаться на призыв горкома «жить, затянув пояса», вы уж, пожалуйста, поймите и извините нас.

Оба болтали без умолку, а высоко поднятые рюмки с водкой оказывались все ближе к губам Дин Гоуэра. Он с трудом сглотнул скопившуюся во рту вязкую слюну, потянулся за своей рюмкой и поднял ее, отметив, какая она маленькая и какой тяжелый в ней алкоголь. С ней звонко чокнулись рюмки партсекретаря и директора. Рука дрогнула, несколько капель пролилось на кожу между большим и указательным пальцем, и возникло ощущение приятной прохлады. Пока он проникался этим чувством, с обеих сторон прозвучало:

— Сначала за уважаемого гостя, за уважаемого гостя!

Осушив свои рюмки, партсекретарь и директор перевернули их вверх дном, показывая, что ни капли не осталось. Дин Гоуэр знал, что даже за одну оставшуюся каплю полагается три штрафные рюмки. Он выпил полрюмки, и во рту разлился

великолепный аромат. От сидевшей по бокам парочки не донеслось ни слова укора, они лишь держали перед ним осушенные до дна рюмки. Сила примера безгранична, и Дин Гоуэр тоже опрокинул свою.

Все три рюмки тут же оказались наполнены.

— Больше пить не буду. От вина только вред работе, — заявил Дин Гоуэр.

— Доброе дело не грех и повторить!

Он прикрыл рюмку рукой:

— Хватит, довольно!

— Три рюмки, как сели за стол, — так уж у нас заведено.

После трех рюмок голова закружилась, и он взялся за палочки, чтобы поддеть рисовой лапши. Лапша скользила, и с ней никак было не совладать. Партсекретарь и директор по-дружески помогли своими палочками подцепить немного и донести до рта, а потом громко скомандовали:

— Сосите!

Дин Гоуэр с силой втянул в себя воздух, и дрожащая лапша с хлюпаньем проскочила в рот. Одна из девиц-официанток, зажав рот ладонью, захихикала. «Как захихикает девица, мужчина тотчас оживится» — и настроение за столом вдруг повысилось.

Вновь наполнили рюмки, и партсекретарь или директор шахты поднял свою:

— Для нас большая честь, что следователь высшей категории Дин Гоуэр смог приехать на нашу скромную шахту для проведения расследования. Поэтому от имени кадровых работников и рабочих предлагаю выпить за вас три рюмки. Ваш отказ будет означать пренебрежение к нашему рабочему классу, к нашим чумазым шахтерам.

Видя, как зарделось от волнения бледное лицо оратора, поразмыслив над словами тоста и признав, что они и в самом деле полны значимости, Дин Гоуэр отказаться не смог. Казалось, на него смотрят в упор тысячи шахтеров — в касках, затянутых поясах, черных с головы до ног, только зубы блестят. Расчувствовавшись, он с удовольствием осушил три рюмки подряд.

Одного тостующего тут же сменил другой. От имени своей восьмидесятичетырехлетней матери он пожелал Дин Гоуэру доброго здоровья и бодрости духа. А когда Дин Гоуэр стал отказываться пить, заметил:

— Товарищ Дин, всех нас вырастили матери, верно? Как гласит поговорка, в семьдесят три и в восемьдесят четыре разве не призывает к себе

Яньло-ван[49]? Другими словами, в таких годах наши матери вполне могут покинуть этот мир[50]. Неужто вы не выпьете тост от старушки матери, которая уже одной ногой в гробу?

У Дин Гоуэра в родных краях тоже оставалась почитаемая им седовласая старушка мать. Разве можно пренебречь просьбой такого же, как и он, почтительного сына? Даже сердце заныло при этой мысли. Как не выпить тост матери за сына? Сыновняя почтительность пересилила, и, взяв рюмку, он одним махом осушил ее.

После того как девять рюмок одна за другой очутились в желудке, тело и сознание начали отделяться друг от друга. Не то чтобы отделяться, правильнее сказать, стало казаться, что сознание превратилось в поразительной красоты бабочку. Крылья у нее пока были сложены, но ей суждено было расправить их, и как раз сейчас она вылезала из центрального меридиана черепа. Покинутая сознанием оболочка станет покинутым коконом, легким как перышко.

---

[49] Примечания: 49

Яньло-ван — в китайских народных верованиях владыка ада.

[50] Примечания: 50

По преданию, Конфуций умер в 73 года, а Мэн-цзы — в 84, поэтому этот возраст традиционно считается в Китае критическим для пожилых людей.

Теперь, после всех уговоров, оставалось лишь пить рюмка за рюмкой, словно пытаясь наполнить бездонный колодец, из которого не доносилось никакого эха. Во время этой попойки три девицы в красном сновали туда-сюда, как пышущие жаром языки пламени, как мелькающие шаровые молнии, и вносили одно за другим дымящиеся, ласкающие взор и вкус великолепные блюда. Он смутно припоминал, что съел огромного, с ладонь, краба, полакомился толстенными, со скалку, креветками в остром красном соусе, расправился с большой черепахой с зеленоватым панцирем, похожей на танк новой конструкции в камуфляжной раскраске и плававшей в зеленом бульоне из сока сельдерея, умял «курицу с золотистым блеском» — с закрытыми глазами и золотисто-желтой корочкой, разобрался с лоснящимся от жира красным карпом, который еще открывал рот, прошелся по приготовленным на пару моллюскам, искусно сложенным в форме пагоды, а еще приговорил тарелку краснобокой редиски, будто только что с грядки… Во рту смешалось сладкое и жирное, скользкое и липкое, приторное и кислое, горькое, острое, соленое, душа исполнилась самых разных чувств, материальный взгляд покачивался на

поверхности клубящейся ароматной дымки, а парящее в воздухе око сознания отмечало разнообразные элементы каждого цвета, самые разные по форме частицы запаха, их безграничное движение в ограниченном пространстве. Все вместе они образовали геометрическое тело, аналогичное пространству банкетного зала, а некоторые, конечно, осели на обоях, занавесях, диванных чехлах, светильниках, на ресницах девиц в красном, на лоснящихся лбах партсекретаря и директора, на всех этих прежде бесформенных, а теперь имеющих форму потоках света, которые изгибаются, колышутся…

Потом вроде бы многопалая, похожая на осьминога рука предложила ему бокал красного вина. Отдав последние силы на эту мучительную работу, остатками сознания, которое еще теплилось в оболочке тела, он сумел заставить свое уже отлетевшее «я» увидеть, как эта рука вращается находящими друг на друга, словно лепестки розового лотоса, слоями. Бокал тоже распадался на несколько ярусов, будто изящная пагода или выполненная в особой технике фотография, когда на сравнительно стабильный и глубокий ярко-красный фон наплывает бледная красноватая дымка. Нет, это не бокал вина, а

показавшееся из-за горизонта солнце, величественный в своей спокойной красоте огненный шар, сердце любимого человека… Вот и пиво в стакане уже не пиво, а луна — она только что висела в небе, а теперь проникла в банкетный зал, коричневато-желтая, круглая, — распухшее до невероятных размеров поме́ло, желтый шар в бесчисленных мягких шипах, пушистая лиса-оборотень… С презрительной усмешкой его сознание зависло под потолком: оно прорвалось наконец через разносимые кондиционером прохладные воздушные массы, мешавшие достичь самой верхней точки, постепенно остыло, и у него появились крылья с несравненной красоты внешним узором. Вырвавшееся из бренного тела, оно расправило их и воспарило. Оно задевало шелковые занавеси на окнах — конечно, его крылья были тоньше, мягче и ярче, — касалось стеклянных подвесок на люстрах, дотрагивалось до алых губ девиц в красном, до торчащих маленькими вишенками сосков, добиралось и до других, более сокровенных, более скрытых мест. Следы его прикосновений оставались везде: на чайных кружках, на винных бутылках, на стыках в полу, между прядями волос, в порах фильтров сигарет «чжунхуа»… Оно оставляло свой запах,

как метящий свои владения жадный зверек. Оно распростерло крылья и не знало преград: имея форму и не имея ее, оно задорно и легко проникало из одного звена цепи, на которой была подвешена люстра, в другое — из звена *А* в звено *В,* из звена *В* в звено С. Стоит лишь захотеть, и кружись в любом направлении, циркулируй туда-сюда и беспрепятственно забирайся куда угодно. Но эти забавы ему надоели. Оно пробралось под юбку пышнотелой девицы в красном и прохладным дуновением погладило ей ляжки, на которых выступила «гусиная кожа». Ощущение скользкости исчезло, его сменило ощущение сухости, и сознание взмыло вверх, зажмурившись, пролетело над лесом, с шелестом задевая крыльями зеленые кроны. Оно могло летать и менять форму, поэтому ему не страшны были ни высокие горы, ни великие реки, оно свободно проникало и в игольное ушко, и в замочную скважину. Порезвившись между холмиками грудей той самой симпатичной официантки и поиграв красной родинкой, из которой росли три тонких рыжих волоска, оно пошалило с десятью капельками пота и наконец, забравшись к ней в ноздрю, принялось играть своими усиками росшими в носу волосами.

Девица в красном громко чихнула, и сознание Дин Гоуэра пулей отнесло в сторону, прямо на кактус, стоявший на третьем уровне банкетного стола. Силой противодействия его отбросило назад, словно кактус шлепнул его усыпанной колючками ладонью[51]. У Дин Гоуэра ужасно заболела голова, живот схватило, там все забурлило, словно образовались бесчисленные пенящиеся водовороты, все тело зачесалось и пошло пятнами, как при краснухе. Сознание опустилось ему на голову отдохнуть, переводя дух и всхлипывая. Взор сознания потух, глаза Дин Гоуэра вновь обрели способность видеть, и перед ним возникли партсекретарь и директор с поднятыми рюмками. Они смотрели на него сверху вниз, и их голоса грохотали оглушительным ревом прибоя, эхом отражаясь от всех четырех стен, где они разбивались, словно пенистые валы о скалы, и доносились голосом мальчика-пастушка, стоящего на вершине и пытающегося собрать забредших далеко в горы овец.

— Товарищ Дин, старина, на самом деле мы одна семья, единоутробные братья, а родные братья должны и пить в свое удовольствие. Жить надо в

---

[51] Примечания: 51

В китайском слово, обозначающее «кактус», дословно переводится как «ладонь святого».

удовольствие, радоваться вовсю, шагать к могиле в радости и веселии… Ну, еще давай… Чарочек тридцать… От имени замначальника отдела Цзиня… Тридцать чарочек за тебя… Пей, пей… Кто не пьет — не мужик… Цзинь, цзинь, цзинь… Цзинь Ганцзуань пить умеет… Он человек уважаемый, целое море выпить может… Без конца, без края…

Цзинь Ганцзуань! Это имя алмазным сверлом пробуравило сердце Дин Гоуэра, от резкой боли рот раскрылся, и вместе с потоком мутной жидкости стали выплескиваться жуткие слова:

— Волчара этот… — Новый позыв рвоты. — Младенцев пожирает… — Еще позыв. — Волчара!

Сознание перепуганной пташкой впорхнуло в свое гнездышко; в животе все перекрутило — боль неописуемая. По спине легонько постукивали два кулака, его снова вывернуло… Вино… Слизь, слезы и сопли, сладкие и солоноватые, тягучие и нескончаемые, а перед глазами блистает бирюзой водная гладь.

— Вам получше, товарищ Дин Гоуэр?

— Товарищ Дин Гоуэр, вам хоть чуточку лучше?

— Давайте, давайте, поднатужьтесь, пусть до конца вырвет эту горечь!

— Надо, надо проблеваться, это полезно для

здоровья.

Подперев его с обеих сторон, партсекретарь с директором колотили ему по спине, бубня в уши слова утешения и увещевая, — этакие деревенские фельдшеры, которые спасают наглотавшегося воды ребенка, молодые учителя, наставляющие юнца, который сбился с пути истинного.

После того как Дин Гоуэр выдавил из себя немного зеленоватой жидкости, одна официантка в красном влила ему в рот чашку зеленого чая «лунцзин»; другая попотчевала желтым выдержанным шаньсийским уксусом; то ли партсекретарь, то ли директор запихнул ему в рот кусочек засахаренного лотоса; то ли директор, то ли партсекретарь сунул ему под нос ломтик груши-«снежинки»[52] в меду. Одна девица в красном тщательно вытерла ему лицо махровым полотенцем, обработанным освежающим мятным маслом; другая убрала грязь на полу; третья вытерла остатки грязи шелковой ватой с дезодорантом; четвертая собрала со стола грязные тарелки и рюмки, а пятая расставила новые приборы.

---

[52] Примечания: 52

Груша-«снежинка» — традиционный продукт провинции Хэбэй, используется для снятия похмельного синдрома.

Эта серия проявлений молниеносного обслуживания настолько растрогала Дин Гоуэра, что в душе он пожалел о только что вырвавшихся вместе с вином резких словах и уже собрался было вежливо попросить извинения, как вдруг до него донесся голос то ли партсекретаря, то ли директора:

— Товарищ Дин, старина, как вам наши официантки?

Смутившись, Дин Гоуэр оглядел нежные, как бутоны, лица девушек и стал сыпать комплиментами:

— Прекрасные официантки! Замечательные! Чудесные!

Наверняка давно вышколенные, девицы в красном, словно стайка голодных щенков или отряд юных пионеров, несущих цветы почетным гостям, роем устремились к столу. Пустых рюмок на всех трех ярусах стола было полно, и девицы, схватив по рюмке — кто большую, кто маленькую, — наполнили их — кто красным вином, кто желтым рисовым, кто водкой, кто до краев, кто чуть-чуть — и хором — одни высокими голосами, другие низкими — стали произносить тосты в честь Дин Гоуэра.

У того все тело покрылось липким потом, губы

застыли и язык не ворочался. Он не мог вымолвить ни слова, оставалось лишь, сжав зубы и вытаращив глаза, влить в себя это одурманивающее зелье. Не зря говорят: «И полководцу не справиться с заставой красавицы». Одно мгновение — и…

Теперь стало совсем не по себе: в черепе опять зашевелился и снова стал протискиваться через отверстие в макушке демон-подстрекатель. Вот что значит «душа не на месте». Мучительная мысль о том, что душа сейчас будет болтаться где-то под потолком, вызвала настоящий ужас, захотелось даже закрыть руками то место на макушке, через которое она его покидала. Но хвататься за голову неприлично, и тут промелькнула мысль о бейсболке, в которой он тогда, в грузовике, подбивал клинья к шоферице. Бейсболка напомнила о папке с документами и о черном пистолете в ней, отчего под мышками выступил обильный пот. Он стал судорожно оглядываться, что привлекло внимание одной смышленой девицы, и она неизвестно откуда достала папку. Приняв ее и ощупав, он убедился, что железный друг по-прежнему на месте, и потоотделение тут же прекратилось. Бейсболки не было. Отчетливо вспомнился сторожевой пес у ворот. Вахтер на

проходной, молодой человек в отделе безопасности, склад круглого леса, подсолнухи — все это было где-то далеко-далеко, и кто его знает, видел ли он все это на самом деле или во сне. Когда он со всей осторожностью сжал папку коленями, словно по велению мятущегося духа, который вынашивал измену и бегство, перед глазами стал ярко вспыхивать свет — вспыхивать и гаснуть, из-за чего все вокруг виделось то четко, то неясно. У себя на коленях он заметил множество жирных пятен и следов грязи, которые представали то ярко освещенной картой Китая, то затемненной картой Явы[53], и хотя что-то было изображено неверно, он силился поставить все на свои места. Хотелось, чтобы карта Китая всегда была яркой и четкой, а карта Явы — темной и неразборчивой.

Ко времени появления Цзинь Ганцзуаня, замначальника отдела пропаганды горкома Цзюго, у Дин Гоуэра не на шутку разболелся живот. Что-то непонятным образом скрученное вертелось и перемещалось внутри в разные стороны: что-то колющее — ой какое колющее! — что-то липкое — ой какое липкое! — что-то спутанное,

[53] Примечания: 53

Имеется в виду государство, существовавшее в древности на территории одноименного острова. Из-за удаленности от Китая четкого представления о его границах не было.

переплетенное растягивалось и волочилось да еще пошипывало при этом. Просто клубок ядовитых змей какой-то. Было ясно: с кишечником происходит черт знает что. А тут еще сознание услужливо подбрасывало образы: полыхающий огонь, облысевшая метла, со скрежетом вычищающая стенки желудка будто расписной ночной горшок, покрытый толстым слоем грязи. «Ой, мама дорогая! — стонал про себя следователь. — Ну это же просто невыносимо, до чего мне не везет сегодня! Ведь в какую западню я угодил на этой шахте! В западню из угощения и вина! В западню из красивых лиц!»

Согнувшись в три погибели, Дин Гоуэр встал, но ног под собой не чуял, и по этой причине трудно было сказать, что заставило его сесть обратно. Ноги или мозг? Сверкающие взгляды девиц в красном? Или на плечи навалились партсекретарь с директором?

Плюхнувшись на стул, он услышал, словно издалека, как внизу, под задом, что-то скрипнуло. Девицы в красном зажали рты ладонями и захихикали. Он готов был вспылить, но сил не осталось: у тела происходил развод с сознанием, а может быть — опять за старое! — может, изменническое сознание снова собралось сбежать.

В этот тягостный и неудобный момент двери в банкетный зал, обитые для звукоизоляции темно-красной искусственной кожей, отворились и вошел Цзинь Ганцзуань. Сияя алмазным блеском и распространяя вокруг запах денег, он явился, как дыхание весны, как солнечный луч, как воплощенный идеал, как надежда.

Прилично выглядящий мужчина средних лет, смуглокожий, узкое лицо, нос с горбинкой. Сквозь темно-коричневые очки в серебристой оправе с кристаллическими линзами в ярком свете люстр двумя бездонными колодцами чернели глаза. Среднего роста, новый, с иголочки, темно-синий костюм, белоснежная рубашка и галстук в сине-белую полоску, начищенные до блеска черные кожаные туфли, пышная шапка волос — не то чтобы взлохмаченных и не то чтобы приглаженных, — сияющий во рту медный, а может, золотой зуб. Вот таков, вкратце, был Цзинь Ганцзуань.

Мгновенно вышедший из ступора Дин Гоуэр понял: «Это судьба, вот настоящий противник».

Партсекретарь и директор стремительно вскочили, аж стукнулись о край стола. Кто-то в спешке смахнул рукавом стакан с пивом, темно-желтая жидкость разлилась по скатерти и попала на колени. Им было не до того. Отставив стулья, они

ринулись с обеих сторон стола навстречу вошедшему. Еще до того как разлилось пиво, раздались их радостные крики: «Начальник отдела Цзинь пришел!»

Звонкий смех вошедшего раскатывался волна за волной, воздух в зале сжимался, сжалась и прекрасная бабочка на голове Дин Гоуэра. Вставать он не собирался, но встал. Улыбаться не хотелось, но лицо расплылось в улыбке. С этой улыбкой Дин Гоуэр и поднялся навстречу вновь прибывшему.

— Познакомьтесь: начальник отдела пропаганды горкома Цзинь, а это следователь по особо важным делам провинциальной прокуратуры Дин Гоуэр, — почти хором представили их друг другу партсекретарь и директор.

— Прошу прощения за опоздание, — с фривольной улыбочкой произнес Цзинь Ганцзуань, сжав на груди кулаки в старинном приветствии.

И протянул руку Дин Гоуэру. Тот за руку здороваться не собирался, но протянутую руку пожал. «Лапа этого предводителя демонов — пожирателей младенцев должна быть холодной как лед, — подивился он про себя. — Почему же она тогда такая мягкая и теплая? И приятно влажная…»

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — услышал он обращенные к нему приветствия Цзинь Ганцзуаня. — Давно и почтительно ждал встречи, много слышал о вас!

Когда все снова расселись, Дин Гоуэр стиснул зубы. «Нужно сохранять трезвую голову, больше ни рюмки. Начинай уже работать!» — скомандовал он себе.

Теперь он сидел рядом с Цзинь Ганцзуанем и до предела усилил бдительность. «Эх, Цзинь Ганцзуань, Цзинь Ганцзуань, какую бы несокрушимую твердыню ты собой ни являл, на какой бы короткой ноге ты ни был с сильными мира сего, как бы глубоко ни пустил корни, как бы широко ни раскинул сети, а коль попал ко мне в руки, спуску я тебе не дам. Если мне туго придется, то и остальным мало не покажется!»

Цзинь Ганцзуань взял инициативу на себя:

— Раз опоздал, мне тридцать штрафных!

Ошарашенный Дин Гоуэр повернулся то ли к партсекретарю, то ли к директору. Тот понимающе улыбался. Девица в красном принесла на подносе новый набор поблескивающих рюмок и поставила перед Цзинь Ганцзуанем. Другая — с графином водки в руках, этаким кивающим фениксом, — наполнила их. Видно было, что опыта

ей не занимать: наливала она уверенно, точно и решительно, не пролив ни капли. Последнюю рюмку она налила, когда еще не исчезли крохотные жемчужинки пузырьков в первой. Будто диковинные цветы распустились перед Цзинь Ганцзуанем. Дин Гоуэр был в полном восторге. Сначала от мастерства официантки, изысканного и бесподобного, потом — от молодцеватости и смелости Цзинь Ганцзуаня. Видать, и впрямь без алмазного сверла к фарфору не подступайся: не умеешь — не берись.

Цзинь Ганцзуань скинул пиджак, который тотчас унесла одна из девиц, и обратился к следователю:

— Товарищ Дин, дружище, как вы думаете, в этих тридцати рюмках минералка или водка?

Дин Гоуэр принюхался, но обоняние будто притупилось.

— Чтобы узнать вкус груши, нужно ее попробовать; чтобы понять, настоящая водка или нет, надо выпить. Прошу вас, выберите из этих рюмок три.

Из материалов дела Дин Гоуэр знал, что Цзинь Ганцзуань по этой части не промах, но сомнения одолевали, к тому же подзуживали сидевшие с обеих сторон. Поэтому он выбрал из всей этой

батареи три рюмки и попробовал содержимое, обмакнув кончик языка. «Ароматная, крепкая — стало быть, всё без дураков».

— Придется эти три рюмки выпить, товарищ Дин, старина! — заявил Цзинь Ганцзуань.

— Так уж заведено, раз попробовали, — поддакнули с одной стороны.

— Выпили — не страшно, пролили — не страшно, а вот выливать такое добро просто грех, — добавили с другой.

Пришлось Дин Гоуэру осушить три рюмки.

— Спасибо, большое спасибо, — поблагодарил Цзинь Ганцзуань. — Теперь мой черед!

Он поднял рюмку и неслышно выпил. Губ не мочил и не пригубил, ни капли не пролил и ни капли не оставил, пил честно, красиво и изящно. Сразу видно: в делах питейных настоящий мастер. С каждой рюмкой темп увеличивался, но движения оставались такими же точными, выверенными и ритмичными. Подняв последнюю, он неторопливо описал перед грудью красивую дугу, словно проведя смычком по струнам скрипки. В банкетном зале полились прелестные низкие звуки, растекаясь по жилам Дин Гоуэра. Бдительность понемногу таяла, и, подобно тому как потихоньку пробивается во льду у края ручейка

первая весенняя трава, росли теплые чувства к Цзинь Ганцзуаню. Когда тот поднес к губам последнюю рюмку, в его ясных карих глазах мелькнула грусть. Этот человек стал добрым и щедрым, распространяя вокруг легкое дыхание печали, лиричной и прекрасной. Звучат заунывные переливы мелодии, прохладный осенний ветерок играет золотом палой листвы, перед надгробным памятником распускаются маленькие белые цветы. Глаза Дин Гоуэра увлажняются, будто в этой рюмке он увидел чистый источник, бьющий из скалы и впадающий в глубокое лазурное озерцо. Он начинал любить этого человека.

Партсекретарь и директор хлопали в ладоши и издавали одобрительные возгласы. Переполненный богатыми поэтическими впечатлениями Дин Гоуэр не сказал ни слова. На какое-то время повисла тишина. Четверо официанток в красном стояли не шелохнувшись, словно четыре прислушивающихся, погруженных в раздумье, не похожих друг на друга цветка канны[54]. Тишину нарушало лишь странное гудение кондиционера. Партсекретарь и директор стали громко предлагать Цзиню выпить еще тридцать рюмок, но тот

[54] Примечания: 54

Канна — тропическое растение с крупными, яркими асимметричными цветками, используется как декоративное.

покачал головой:

— Нет, этого я делать не стану, да и чего зря добро переводить. А вот первую встречу с товарищем Дином следует отметить — три раза по три.

Забыв обо всем, Дин Гоуэр смотрел на этого человека: выпил тридцать рюмок подряд и даже не поморщился. Он был настолько заворожен его манерами, настолько очарован звучанием его голоса, настолько погружен в мягкое свечение его медного или золотого зуба, что до него не сразу дошло, что трижды три будет девять.

Перед ним поставили девять наполненных рюмок. Перед Цзинь Ганцзуанем — столько же. Сил противиться обаянию этого человека уже не осталось, тело и сознание вступили в конфликт. Сознание вопило: «Не смей пить!» — а рука знай опрокидывала рюмки в рот.

Когда все девять разлились в желудке, на глаза навернулись слезы. «С чего это вдруг, да еще на банкете? Никто не бил, никто не ругал — чего плакать-то? Да я и не плачу. Подумаешь, один раз слезы потекли, так сразу и плачу?» Но слезы текли все пуще, и вскоре все лицо было мокрым, словно лист после дождя.

— Подавайте рис, а когда товарищ Дин откушает, дайте ему отдохнуть, — донеслись слова

Цзинь Ганцзуаня.

— Так ведь основное блюдо еще не подавали!

— Ага… — Цзинь Ганцзуань задумался. — Ну так подавайте, и быстро!

Официантка в красном убрала кактус. Две других внесли большой круглый позолоченный поднос, на котором, поджав ноги, сидел маленький мальчик; от него исходил удивительный аромат, а с золотисто-желтого тела стекало масло.

2

Уважаемый наставник Мо Янь!

Письмо Ваше получил. Премного признателен за то, что нашли время ответить лично, а также за то, что так быстро рекомендовали мой рассказ в «Гражданскую литературу». Не сочтите за пьяное сумасбродство – возможно, это нехорошо, – но я считаю, что этот рассказ исполнен духа творческой новизны, духа сути вина, полон революционного духа, и если «Гражданская литература» не опубликует его, значит, редакторы слепы.

Прочел рекомендованную Вами книжку господина Ли Ци «Не смейте считать меня собакой». Дерьмо это собачье. Честно говоря, разозлила она меня донельзя. Этот Ли Ци бесстыдно попирает возвышенную, священную литературу, и если терпеть такое, что же тогда считать нетерпимым?! Пусть только встретится мне когда-нибудь, вот уж разверну с ним дискуссию не на жизнь, а на смерть,

приведу такие возражения, что он у меня дара речи лишится, пикнуть не посмеет. А потом еще и поколочу этого типа так, что кровь хлынет из всех семи отверстий[55]*, весь будет в синяках и ссадинах, небо с овчинку покажется. Бить буду, пока не станет ни жив ни мертв, когда, как говорится, один будда приходит в мир, а другой отходит в нирвану.*

Наставник, Вы абсолютно правы, когда пишете, что прилежное изучение специальности сулит мне в Цзюго блестящее будущее: не будет недостатка в еде и одежде, появится дом, положение, деньги и красивые женщины. Но я человек молодой, у меня свои идеалы и нет никакого желания всю жизнь киснуть в вине. Я хочу быть как Лу Синь, который ради литературы оставил карьеру врача. Я поставил себе цель бросить вино и заняться литературой, чтобы с ее помощью изменить общество подобно сдвинувшему горы Юй

[55] Примечания: 55
Имеется в виду семь отверстий головы.

Гуну[56]*, изменить национальное самосознание китайцев. Во имя этой высокой цели я готов сложить голову и пролить кровь. А если мне даже голову сложить не жалко, так что говорить о другом!*

Наставник, я твердо решил заниматься литературой, и меня не повернуть назад даже десятком могучих скакунов. Как говорится, базарная баба гирьку проглотила – стала твердой как железо[57]*, и отговаривать меня не нужно. Если Вы все же решитесь на это, мои чувства к Вам сменятся ненавистью. Литература – дело народное, неужели кому-то можно ею заниматься, а мне нельзя?! Одна из важных целей коммунизма, которую предвидел Маркс, – слияние искусства с трудом и труда с искусством, и, когда мы придем к коммунизму, писателями станут все. Конечно, сейчас мы на*

---

[56] Примечания: 56

Выражение «Юй Гун сдвинул горы» символизирует несгибаемую волю. Легендарному старику Юй Гуну, который решил сровнять с землей мешавшие ему горы, помогли посланные Небом двое бессмертных.

[57] Примечания: 57

В подобном идиоматическом выражении — недоговорке-иносказании (т. н. сехоуюй) — вторая половина, объясняющая смысл первой, обычно опускается.

начальном этапе[58], *но ведь законы начального этапа ничего не говорят о том, что кандидатам виноведения не разрешается писать романы. Вам, наставник, ни в коем случае не следует брать пример с этих негодных ублюдков, которые, сделав себе имя, пытаются монополизировать литературный мир и приходят в ярость, стоит им увидеть, что другие тоже пишут. Народная мудрость гласит: «Как одни валы на Янцзы уступают место другим, как одна волна следует за другой в потоке, как новые листья в лесу заменяют старые, так и молодые в конце концов возобладают над старшим поколением». Любой реакционер, пытающийся подавить зарождающиеся силы, подобен богомолу, который силится остановить колесницу*[59].

Наставник, у нас в лаборатории одна женщина заведует справочными материалами. Зовут ее Лю Янь, и она считает себя Вашей ученицей. Говорит, что по-

---

[58] Примечания: 58

Имеется в виду начальный этап модернизации китайского общества.

[59] Примечания: 59

Образное выражение для обозначения невыполнимой задачи.

сещала Ваши занятия, когда Вы были политинструктором в Баодинском училище младшего офицерского состава. От нее я узнал немало интересного, и в результате у меня сложилось более полное представление о Вас. Она рассказала, как Вы честили перед аудиторией нашего знаменитого писателя Ван Мэна[60]*, который, по Вашим словам, в своей статье в еженедельном приложении к газете «Чжунго циннянь бао»*[61] *призывал молодых авторов сойти с выбранного ими пути, где и без того тесно. Она вспоминала, как Вы тогда гневно обрушились на него: «Разве можно, чтобы в литературе царил один Ван Мэн? Если есть еда, едят все, есть одежда – все одеваются. Мне предлагают отступить, а я хочу идти вперед!»*

Наставник, узнав об этом связанном с Вами выдающемся факте, я одним духом

---

[60] Примечания: 60

Роман «Страна вина» опубликован в 1993 г. и отражает немало событий конца 1980-х. Ван Мэн в 1986–1989 гг. занимал пост министра культуры.

[61] Примечания: 61

«Китайская молодежь».

осушил пол-литра виноградного вина. Настолько это меня взволновало, что все десять пальцев задрожали; кровь горячим потоком забурлила в жилах, уши раскраснелись, как лепестки пиона. Ваши слова, словно звонкий зов рога, будто ревущий порыв ветра, разбудили во мне боевой дух. Хочу, как и Вы в свое время, спать на хворосте и лизать желчь[62]*, чтобы искры из глаз сыпались, привязывать себя за волосы к балке и бить по ноге молотком*[63]*, хочу «сделать кисть штыком»*[64]*. Умру, но не отступлюсь, пусть не добьюсь успеха, погибну за идею.*

Наставник, когда я слушаю рассказы Лю Янь о том, каким Вы были тогда, и перечитываю Ваше письмо, меня охватывает печаль и разочарование: разве

---

[62] Примечания: 62

То есть терпеть трудности ради великой будущей цели; по притче о Гоу Цзяне, князе Юэ, который спал на хворосте и лизал повешенный у двери желчный пузырь, чтобы не забывать о необходимости свергнуть кабалу победившего его княжества У.

[63] Примечания: 63

По преданию, так заставлял себя учиться в затворничестве легендарный стратег эпохи Троецарствия Су Цинь (380–284 до н. э.).

[64] Примечания: 64

Фраза из популярной речевки цзаофаней («смутьянов») на начальном этапе «культурной революции».

Вы призываете меня не к тому же, что советовал в свое время молодым литераторам (в том числе и Вам) Ван Мэн? Это повергло меня в ужасные переживания. Наставник, о наставник, умоляю, не стоит, подобно этим бесстыдным типам, как говорится, отбрасывать посох нищего, которым отгоняют собак, и набрасываться на других нищих. В прошлом, наставник, Вы, думаю, тоже ходили тощий, как обезьяна, одни жилы выступали от голода, Вы тоже из тех, кто хлебнул трудностей и лишений на стезе литературы. Поэтому не надо забывать о пережитых страданиях, так как Вы можете потерять не только мою любовь и уважение, но и уважение десятков тысяч молодых литераторов.

Наставник, вчера вечером написал еще одну вещь – «Мясные дети». Мне кажется, в этом рассказе я уже приблизился к стилю Лу Синя и перо в моей руке стало острым тесаком, которым я снимаю с загнивающей морали привлекательную оболочку так называемой «духовной цивилизации» и обнажаю ее варварскую

суть. Этот рассказ относится к категории «сурового реализма». И написал я его как вызов «босяцкому» направлению[65] *в сегодняшней «развлекательной литературе», чтобы словом воззвать к опыту народных масс. Я задумал нанести страшный удар по всем этим нашим заплывшим жиром продажным чиновникам здесь, в Цзюго, и этот рассказ, без сомнения, – «луч света в темном царстве», сегодняшние «Записки сумасшедшего»*[66]*. Если найдется издание, которое решится напечатать его, он наверняка произведет потрясающий эффект, который многим откроет глаза. Посылаю рассказ вместе с письмом и прошу подвергнуть его всеобъемлющей критике. «Настоящий материалист ничего не боится»*[67]*, поэтому, наставник, никакой обходительности, как с женщинами, или*

---

[65] Примечания: 65

Пример «босяцкого (хулиганского)» направления, когда в литературе «все дозволено», — творчество писателя Ван Шо (род. 1958).

[66] Примечания: 66

«Записки сумасшедшего» — известный рассказ Лу Синя.

[67] Примечания: 67

Цитата из Мао Цзэдуна.

метания между двух огней. Прямо высказывайте свою точку зрения, и не надо мямлить и ходить вокруг да около, боясь кого-то задеть, – как говорится, кинул бы камнем в крысу, да как бы посуду не перебить, – никаких озираний по сторонам, выкладывайте всё начистоту, это одна из славных традиций нашей партии.

Если, прочитав «Мясных детей», Вы сочтете, что уровень рассказа достоин публикации, поищите, пожалуйста, куда бы его пристроить. Конечно, я понимаю, связи сегодня нужны, даже чтобы покойника в крематорий отправить, что уж говорить о публикации рассказа. Так что, наставник, не стесняйтесь и смело налаживайте их. Если нужно сводить кого-то в ресторан или сделать подарок – все расходы будут оплачены (не забудьте взять чек).

Наставник, «Мясные дети» – плод моих огромных усилий, я в этот рассказ всю душу вложил, так что лучше всего послать его в «Гражданскую литературу». Я так рассуждаю: во-первых, «Гражданская литература» – ведущее издание литературных кругов Китая, оно определяет все новые литературные течения, и опубликовать что-то там будет покруче двух публикаций в провинциальных или городских изданиях. Во-вторых, чтобы взять штурмом «Гражданскую литературу», эту неприступную крепость, я буду придерживаться тактики, как говорится, бить в одну точку и не обращать внимания на остальное!

С уважением и пожеланиями мира и покоя, Ваш ученик Ли Идоу

P. S. Наставник, у меня тут приятель едет по делам в Пекин, так я попросил отвезти Вам ящик (двенадцать бутылок) лучшего, что есть у нас в Цзюго, – вина

«Люй и чун де»[68] *в разработке которого я принимал участие. Пожалуйста, по-пробуйте.*

[68] Примечания: 68

«Люй и чун де» — досл. «рой зеленых мошек». Образ из стихотворения Бо Цзюйи (772–846) — китайского поэта династии Тан, в котором он приглашает друга выпить молодого вина.

3

Уважаемый доктор виноведения, здравствуйте!

Благодарю за поднесенное «Люй и чун де»: и цвет, и букет, и вкус превосходные. Только вот складывается ощущение, что нет какой-то общей гармонии, как в женщине, у которой вроде и черты лица правильные – не скажешь, что не красавица, – а вот какого-то невыразимого очарования нет. В моих родных местах тоже производят вино неплохого качества, но его, конечно, не сравнить с вашим в Цзюго. Отец рассказывал, что до Освобождения[69] в нашей крохотной деревушке с какой-то сотней жителей было две винокурни, где производили вино из гаоляна, и у каждой – своя марка. Одна винокурня называлась «Цзунцзи», другая – «Цзюйюань». На них работало несколько десятков рабочих, были и мулы, и лошади, в общем уйма всего. А что касается

[69] Примечания: 69
То есть до образования в 1949 г. Китайской Народной Республики.

изготовления желтого вина из проса, так этим занималась, почитай, вся деревня, вот уж поистине, «в каждом доме винный аромат, в каждом дворе сладкий источник»[70]*. Один из двоюродных братьев отца однажды подробно рассказал мне, как тогда на винокурнях делали вино и как ими управляли: он больше десяти лет проработал на «Цзунцзи». Его объяснения стали ценнейшим материалом при работе над повестью «Гаоляновое вино». Этот винный дух, витавший над родной деревней во все времена ее истории, дарил мне вдохновение.*

Тема вина мне очень интересна, к тому же я серьезно занимаюсь вопросом связи между вином и культурой. Результаты моих изысканий более или менее отражены в «Гаоляновом вине». Сейчас я задумал роман о вине, и надо же – познакомился с Вами, кандидатом виноведения. Это, можно сказать, удача, какой не бывает и в трех жизнях. Теперь, наверное, я буду обращаться к Вам за наставлениями, по-

---

[70] Примечания: 70

Строка из стихотворения Су Дунпо (1037–1101) — знаменитого китайского поэта эпохи Сун.

этому, надеюсь, Вы уже больше не будете называть меня наставником.

Ваше письмо и рассказ «Мясные дети» прочел и хочу поделиться немалым числом появившихся в связи с этим соображений. Сначала о Вашем письме:

1. Я считаю, такие человеческие проявления, как сумасбродство и скромность, одновременно и противоречат друг другу, и взаимозависимы, поэтому трудно сказать, что хорошо, а что плохо. На самом деле, тот, кто кажется сумасбродом, в действительности может быть очень скромен; а тот, кто вроде бы скромен, в глубине души, возможно, большой сумасброд. Есть люди, которые при одних обстоятельствах проявляют себя крайними сумасбродами, а в другое время и при других обстоятельствах предельно скромны. Абсолютного сумасбродства и постоянного уровня скромности скорее всего не существует. Что касается Вашего, любезный, «пьяного сумасбродства», то в большой степени это результат химической реакции, и упрекнуть Вас, наверное, не в чем. Так что к Вашему

великолепному самочувствию после выпитого вина я отношусь прекрасно, и то, что, выпив, Вы несколько раз прошлись по адресу «Гражданской литературы», тоже не нарушает никаких известных мне установлений, тем более что Вы не выражались в адрес их матерей, а только сказали, что «если журнал не опубликует его, значит, редакторы слепы».

2. У господина Ли Ци, написавшего роман в таком духе, есть на то свои резоны, и если Вам не нравится, просто отложите в сторону и не читайте. Если когда-нибудь встретите его, поднесите пару бутылок «Люй и чун де», чтобы отделаться, и скройтесь. И ни в коем случае не надо впадать в революционный романтизм и вступать с ним в какие-либо «дискуссии не на жизнь, а на смерть». Тем более не стоит лезть в драку. Этот малый владеет приемами багуацюань[71]*, у него тесные связи с криминальным миром, человек он злобный и безжалостный и ни перед чем не остановится. Говорят,*

---

[71] Примечания: 71

Багуацюань — один из видов китайского боевого искусства ушу.

в Пекине один зажравшийся литературный критик написал от нечего делать статью, в которой раскритиковал творчество Ли Ци. Так не прошло и трех дней со дня опубликования этой статьи, как Ли Ци со своей шайкой продал жену этого критика в проститутки в Таиланд. Поэтому, умоляю, пока не поздно, – не суйтесь. На этом свете много таких, кого и небесный правитель предпочитает не трогать. Ли Ци как раз из них.

3. Если уже Вы твердо решили заниматься литературой, раз «базарная баба гирьку проглотила», уговаривать Вас, как блудного сына, вернуться на прежнюю стезю больше не смею, да и не хочется, чтобы Вы начали меня ненавидеть. Если невольно спровоцируешь чью-то неприязнь, тут уж ничего не поделаешь, а вот идти к этому намеренно значит, как говорится, глядя в зеркало, закатывать глаза. Я и так не красавец, зачем мне еще глаза закатывать?

То, что Вы кроете почем зря этих «негодных ублюдков», которые хотят «монополизировать литературный мир»,

меня абсолютно не волнует. Если бы кто-то из них действительно задумал это, я ругал бы его вместе с Вами.

Что касается моего преподавания в Баодинском военном училище десять с лишним лет назад, то я слышал, что мои занятия посетили несколько сот курсантов, и вроде помню двух курсанток по имени Ли Янь: одна светленькая, всегда с вытаращенными глазами, другая – посмуглее, низкорослая толстушка, – не знаю, которая работает вместе с тобой.

А вот чтобы я в аудитории ругал Ван Мэна – такого не припомню. Ну да, его статью, в которой он предлагает молодым литераторам провести трезвую самооценку, судя по всему, читал, и вполне возможно, что в те времена принял подобную статью близко к сердцу и переживал в душе. Но ругать Ван Мэна на лекциях, где я занимался пропагандой коммунизма, – такого просто быть не может.

На самом деле я до сих пор не отбросил «посох нищего» и думаю, что если когда-

нибудь и отброшу, то уж никак не стану «набрасываться на других нищих». Гарантии, конечно, дать не могу, потому что человек меняется, и перемены эти часто зависят не от него.

Теперь о Вашем произведении:

1. Вы определяете его как «суровый реализм». Нельзя ли объяснить, в чем этот «изм» заключается? Я не до конца понимаю, что это такое, хотя в общем смысл ясен. От описанного в рассказе оторопь берет, и хорошо, что это лишь литературное произведение. Напиши Вы нечто подобное в жанре «литературы факта», то точно быть беде.

2. Что до того, годится ли произведение для публикации или нет, здесь обычно применяются два критерия: с точки зрения политики и с точки зрения искусства. Оба эти подхода для меня непонятны. Непонятны, и всё тут. Так что ничего я не «хожу вокруг да около». В «Гражданской литературе» собралось множество талантов, и Вам стоит прислушаться к их критическим отзывам.

Ваше произведение я уже отослал в редакцию этого журнала. А что касается приглашений в ресторан и подношения подарков, так это целая наука, я в этом не разбираюсь. И выяснять, работает ли подобный подход по отношению к таким крупным изданиям, как «Гражданская литература», Вам, видимо, следует самому.

Желаю удачи!
Мо Янь

4. «Мясные дети»

Осень. Раннее утро. В небе появился месяц и повис на западе наполовину растаявшей ледяной глыбой с нечеткими краями. Холодные лучи света заливают погруженную в глубокий сон деревню Цзюсянцунь[72]. В чьем-то курятнике глухо, словно из глубокого подпола, прокричал петух.

Этот звук все же заставил испуганно вздрогнуть жену Цзинь Юаньбао. Она села, завернувшись в одеяло, и тревожно огляделась спросонья. Через окно лился зеленовато-белый лунный свет и отпечатывался на черном одеяле мертвенно-бледными квадратами. Справа торчали холодные как лед ноги мужа. Она накрыла их, подтянув уголок одеяла. Слева ровно похрапывал свернувшийся калачиком Сяо Бао[73].

Донесся еще один петушиный крик, еще более далекий и глухой; она поежилась, торопливо встала, натянула одежду и, выйдя во двор, подня-

---

[72] Примечания: 72

Цзюсян — досл. «винный аромат»; *цунь* — деревня.

[73] Примечания: 73

Сяо Бао — досл. «маленькое сокровище».

ла голову к небу. Три звезды на западе, на востоке взошли Семь Сестер[74], скоро рассвет.

Она растолкала мужа:

— Вставай давай, и побыстрее, уже Семь Сестер показались.

Тот перестал храпеть, несколько раз облизнул губы и сел, ошалело озираясь:

— Что, светает уже?

— Скоро рассветет. Отправляйся-ка чуть пораньше, чтобы не как в прошлый раз — зря мотаться туда и обратно.

Он неторопливо надел теплую куртку, потянулся за кисетом в изголовье лежанки, взял трубку, набил ее и сунул в рот. Потом достал огниво, кремень, трут и начал высекать огонь. Посыпались большие искры, одна попала на трут; он сложил губы трубочкой и стал дуть на него, раздувая огонь. В темноте блеснул темно-красный язычок пламени. Прикурив и сделав пару быстрых затяжек, он собрался было задуть огонь, но жена остановила его:

— Лампу зажги!

— Думаешь, стоит?

— Зажигай. Сожжем немного керосина — не

---

[74] Примечания: 74

Семь Сестер — звездное скопление Плеяды (Стожары) в созвездии Тельца.

обеднеем.

Набрав в грудь воздуха, он долго дул на трут, который разгорался все ярче, пока в конце концов не занялся настоящим пламенем. Жена принесла лампу, зажгла ее и повесила на стену. Комната осветилась тусклым зеленоватым светом. Муж с женой встретились глазами и тут же отвели их в сторону. Один из спавших детей заговорил во сне, очень громко, будто выкрикивая лозунги. Другой, вытянув руку, шарил ею по покрытой копотью стене. Третий захныкал. Муж запихнул руку ребенка под одеяло и заодно раздраженно потрепал волосенки хныкавшего:

— Ну что ты ноешь, разоритель ты наш!

— Может, воды согреть? — вздохнула жена.

— Согрей, — отозвался муж. — Пару черпаков, не больше.

— Может, на этот раз три? — подумав, предложила она. — Чище помоем — больше понравится.

Муж ничего не ответил, только взял трубку и осторожно глянул в угол лежанки, где уже снова сладко спал малыш.

Жена перевесила лампу над дверью, чтобы свет падал в обе комнаты. Почистила котел, налила три черпака воды, накрыла крышкой, подожгла

от лампы пучок сухой соломы и осторожно сунула в печь. Солома разгорелась, она подбросила еще, желтые языки пламени начали лизать устье печки, освещая раскрасневшееся лицо женщины. Муж уселся на низкую табуретку возле лежанки и отсутствующим взглядом уставился на жену, которая будто помолодела.

В котле забурлила вода, и она подкинула в печь еще соломы. Мужчина выколотил трубку о край лежанки, откашлялся и нерешительно произнес:

— У Зубастика Суня, что на востоке деревни, жена опять понесла, а ведь еще предыдущего от титьки не отняла.

— Разве бывает у всех одинаково? — подхватила женщина. — Кто откажется рожать каждый год по ребенку! Да еще тройню!

— Хорошо устроился сукин сын Зубастик, пользуется тем, что у него шурин — инспектор по качеству: у людей не берут, а у него — пожалуйста. Дураку понятно, что у него второй сорт, а ему — на тебе, высший ставят.

— Это уж как с незапамятных времен повелось: «Чиновником не станешь, коль нет связей при дворе», — согласилась жена.

— Но нашего Сяо Бао должны оценить на первый сорт, это уж точно. Никто не вбухал в ребенка

такую уймищу денег, — продолжал муж. — Ты ведь сто цзиней соевых лепешек умяла, десяток карасей, четыреста цзиней редиски…

— Это я-то умяла? Только с виду мне в живот попало, а так все в молоко ушло, все он высосал!

Под этот разговор вода в котле закипела, и из-под крышки стали выбиваться клубы пара. Он поднимался вверх, и похожий на красную фасолину язычок пламени в лампе еле мерцал в затуманившемся воздухе.

Больше соломы она подбрасывать не стала, а скомандовала мужу:

— Корыто неси!

Тот что-то пробурчал в ответ, открыл входную дверь, вышел во двор и вернулся с большим фаянсовым корытом черного цвета с облупившимися краями. На дне корыта застыл тонкий слой инея.

Жена сняла крышку с котла, вылетевшие клубы пара чуть не загасили лампу. Черпаком из тыквы она стала наливать горячую воду в корыто.

— Немного холодной не хочешь добавить? — спросил муж.

Она попробовала воду рукой:

— Нет, то что надо. Давай его сюда.

Он прошел в соседнюю комнату и, наклонившись, взял на руки похрапывающего во сне

мальчика. Тот захныкал.

— Сыночек драгоценный, Сяо Бао, — ласково приговаривал Цзинь Юаньбао, похлопывая его по попке. — Не надо плакать, сейчас папа тебя помоет.

Жена приняла у него ребенка. Тот выпятил животик и потянулся к ее груди, лепеча:

— Кушать, мама… Кушать, мама…

Ей ничего не оставалось, как усесться на порожек и расстегнуть кофту. Сяо Бао наладил сосок прямо в рот, и послышалось довольное угуканье. Женщина сгорбилась, словно под его тяжестью.

Муж поплескал рукой воду в корыте и заторопил:

— Не корми, вода остынет.

Та похлопала ребенка по попке:

— Сынок, дорогой, хватит. И так уже всю высосал. Давай помоемся. А как вымоем тебя начисто, отправим в город, будешь жить там счастливый и довольный.

Она с силой отталкивала ребенка, но тот вцепился зубами в сосок и не отпускал, отчего тощая грудь растянулась, словно потерявшая эластичность изношенная резина.

Цзинь Юаньбао резко потянул ребенка к себе, у женщины вырвался стон, а Сяо Бао разревелся.

Отец шлепнул его и сердито гаркнул:

— Не реви! Чего разорался!

— Ты полегче, руки-то распускать, — расстроилась жена. — Наставишь синяков, снова снизят категорию.

Муж сорвал с ребенка одежду, отшвырнул ее в сторону, потрогал рукой воду и, приговаривая себе под нос: «Горячевата, ну да и хорошо, грязь сойдет», — опустил голенького мальчика в корыто. Тот пронзительно завопил. По сравнению с тем, как ревел раньше, это было все равно что вершина горы после волнистых холмов. Поджимая ноги, он всячески пытался выбраться из корыта, а Цзинь Юаньбао старался запихнуть его обратно. Женщине окатило горячей водой лицо, она сжала его руками и тихо проговорила:

— Отец, слишком горячая, как бы за покраснения опять категорию не снизили.

— Вот ведь орет, паршивец, будто я ему должен, — бубнил муж. — Это ему холодное, это горячее. Ну добавь полковша холодной.

Женщина поспешно встала, не успев прикрыть отвисшие груди, и длинные полы кофты свесились у нее между ног, будто промокший старый флаг. Она зачерпнула полковша, вылила в корыто и быстро поболтала в нем рукой:

— Не горячая. Сейчас точно не горячая. Не плачь, сокровище мое, не плачь.

Сяо Бао ревел уже не так отчаянно, как раньше, но продолжал отбрыкиваться руками и ногами: мыться ему совсем не хотелось. Цзинь Юаньбао упрямо пытался опустить его в корыто. Жена, с черпаком в руке, тупо застыла рядом, и он прикрикнул на нее:

— Ну что стоишь как мертвая! А ну быстро помоги!

Словно очнувшись, она отбросила черпак. Присела на корточки перед корытом, окатила мальчика водой и стала мыть ему попку и спину. Из другой комнаты вышла их старшенькая — маленькая девочка лет семи-восьми, босая, в одних больших мешковатых красных штанах по колено, с растрепанными волосами. Втянув голову в голенькие плечи, она спросонья терла глаза:

— Па, ма, зачем вы его моете? Хотите зажарить нам на обед?

— А ну катись обратно спать! — вскинулся на нее Цзинь Юаньбао.

При виде старшей сестры Сяо Бао заревел благим матом, пытаясь позвать ее. Та, не смея и пикнуть, тихонько попятилась назад в комнату, остановилась в дверном проеме и стала наблю-

дать за родителями.

Сяо Бао докричался до хрипоты, он уже не ревел без остановки, а похныкивал время от времени без слез.

От горячей воды грязь на теле мальчика стала скользкой и жирной, а вода в корыте сильно помутнела.

— Принеси мочалку и жидкое мыло, — велел муж.

Жена вытащила и то и другое из-за печки.

— Теперь держи его, — добавил он, — а я буду мыть.

Они поменялись местами.

Цзинь Юаньбао окунул в корыто мочалку, развел в миске немного мыла и стал тереть мальчику шею, попу и даже между пальчиков. Покрытый мыльной пеной Сяо Бао снова заорал как оглашенный, и комната наполнилась страшной вонью.

— Отец, ты бы полегче, — переживала женщина. — Всю кожу сдерешь.

— Ничего, чай не бумажный, — хмыкнул Цзинь Юаньбао. — Чуть потер — и уже сдеру? Знала бы ты, какие хитроумные эти инспекторы, даже в попу ребенку заглядывают. Чуть заметят какую грязинку, тут же норовят на категорию снизить,

а одна категория — десять с лишним юаней.

Наконец мытье закончилось. Цзинь Юаньбао держал мальчика, а жена вытирала его чистым махровым полотенцем. При свете лампы было видно, как он раскраснелся, от него шел приятный аромат чистой плоти. Она достала комплект новой детской одежды и попутно приняла ребенка из рук мужа. Сяо Бао снова стал искать ртом грудь, и она сунула ему сосок.

Цзинь Юаньбао вытер руки, набил трубку и прикурил от лампы над дверью.

— Взмок весь из-за этого поганца, — проговорил он, выпустив кольцо дыма.

Сяо Бао уже заснул с соском во рту. Баюкавшей его женщине, похоже, не хотелось с ним расставаться.

— Давай сюда, а то мне еще топать и топать! — велел Цзинь Юаньбао.

Женщина вытащила сосок. Ребенок продолжал шлепать губами, словно сосок еще был во рту.

С бумажным фонарем в одной руке и спящим ребенком в другой Цзинь Юаньбао вышел из дома в переулок, а потом вывернул на главную улицу. Шагая по переулку, он чувствовал на себе взгляд жены, стоявшей у порога, и душу защемило. Но когда повернул на улицу, это чувство тут

же улетучилось.

Луна еще не скрылась. Листья с тополей на серенькой улочке уже облетели, они стояли молчаливыми долговязыми молодцами, и их ветви отливали зеленовато-белым. В ночном воздухе витало запустение и смерть, и он невольно поежился. Теплый желтый свет фонаря отбрасывал на дорогу большую покачивающуюся тень. Увидев сквозь белый корпус, как по желтой свече из овечьего жира стекает капля расплавившегося воска, похожая на слезу, он украдкой шмыгнул носом. У чьего-то двора несколько раз вяло тявкнула собака. Он тоже без особого интереса глянул на ее чернеющую тень, а потом услышал, как та, шелестя соломой, забивается под скирду. Уже на выходе из деревни до него донесся детский плач. Подняв голову, он увидел в окнах нескольких домов тускло-желтый свет и понял, что там заняты тем же, что они с женой уже проделали. Он их опередил, и от этого на душе полегчало.

Дойдя до храма бога-покровителя[75] на окраине деревни, он достал из-за пазухи рулон ритуальных денег, поджег от пламени фонаря и положил в курильницу перед храмом. Огонь маленькой

---

[75] Примечания: 75
Имеется в виду храм, посвященный местному даосскому божеству.

змейкой пополз по бумаге, а он перевел взгляд на превечно восседавшего в нише божка и двух его жен. На лицах у них застыла ледяная усмешка. И божка и жен изваял каменщик Ван: божка — из черного камня, а жен — из белого. Фигура божка превосходила обеих жен, вместе взятых, и он смотрелся как взрослый с двумя детьми. Скульптор из каменщика Вана был еще тот, и лица получились уродливыми до невозможности. Летом храм заливало дождем, поэтому каменные изваяния покрылись мхом и отливали зеленоватой патиной. Бумага догорала и превращалась в быстро съеживающийся белой бабочкой пепел. Подрагивающая на нем алая полоска огня вскоре потухла, и он с еле слышным треском рассыпался.

Поставив на землю фонарь и положив ребенка, Цзинь Юаньбао встал на колени и отвесил божку и его женам поклон.

Покончив таким образом с выпиской ребенка с места жительства, он встал, положил его на руку, другой рукой поднял фонарь и торопливо зашагал по дороге.

Когда из-за гор показалось солнце, он уже добрался до Яньшуйхэ. Саксаул на берегу казался стеклянным, а вода в реке — красной. Он задул

фонарь, спрятал в прибрежных зарослях и, подойдя к переправе, стал ждать лодку с того берега.

Ребенок проснулся и захныкал. Испугавшись, что он искричится и похудеет, Цзинь Юаньбао тут же придумал множество способов успокоить его. Ребенок уже начал ходить, и Цзинь Юаньбао отнес его на песчаный берег, сорвал ему ветку саксаула, а сам в это время закурил. Рука с трубкой затекла и ныла.

Мальчик стегал веткой по суетившимся на песке черным муравьям. Поднимая ее, он терял равновесие и раскачивался из стороны в сторону. Солнце озаряло красным не только поверхность реки, но и его лицо. Цзинь Юаньбао давал ребенку поиграть и не вмешивался. Река здесь разливалась примерно на половину ли[76] и величаво несла мутные воды. Первые лучи рассвета легли на нее, будто громадная колонна на широкое полотнище желтого бархата. Никому и в голову бы не пришло построить на такой реке мост.

Причаленная на противоположном песчаном берегу лодка по-прежнему покачивалась на мелководье и казалась очень маленькой. Лодка и вправду невелика, он на ней уже переправлялся.

---

[76] Примечания: 76

Ли — мера длины, ок. 0,5 км.

Перевозчиком был тугой на ухо старик, он жил в землянке у реки. Над землянкой уже курился голубоватый дымок: видать, этот глухой пень завтрак готовит. Цзинь Юаньбао терпеливо ждал.

Через некоторое время к переправе подошли еще несколько человек. Пожилая пара, подросток и женщина средних лет с младенцем на руках. Пожилые, видимо муж с женой, молча сидели рядом, уставившись на мутные воды реки бесцветными, как стеклянные шарики, глазами. Парень босой, в одних синих штанах. Кожа вся бледная, в струпьях, похожих на рыбью чешую. Подбежав к воде, парень помочился, а потом подошел к сыну Цзинь Юаньбао и стал смотреть, как под ударами ветки черные муравьи превращаются в месиво. Он еще сказал Сяо Бао пару непонятных фраз, и этот паршивец засмеялся, словно что-то понял, обнажив в улыбке белоснежные молочные зубы. Лицо женщины отливало нездоровой желтизной; копна нечесаных волос прихвачена белой тесемкой. Одета она была в довольно чистую синюю блузу и черные штаны. Когда она стала сажать ребенка писать, Цзинь Юаньбао встревожился — мальчик! Еще один соперник. Но приглядевшись, понял, что мальчик значительно худее Сяо Бао, кожа смуглая, волосы

желтоватые, а на ухе — белый лишай. «Этот в подметки Сяо Бао не годится», — подумал он и решил, что может быть великодушным.

— Тоже туда, сестрица? — заговорил он.

Женщина подозрительно зыркнула на него и еще крепче прижала к себе ребенка. Губы у нее дрожали, но она не произнесла ни слова.

Потеряв к ней интерес, Цзинь Юаньбао отошел в сторону и стал смотреть через реку.

Солнце поднялось над ней еще на целый чжан[77], и вода из желтой стала золотисто-стеклянной. Лодчонка тихо покачивалась у противоположного берега. Над крышей хижины так же вился дымок, но перевозчик не показывался.

Сяо Бао и парень в струпьях, взявшись за руки, уже направились куда-то по кромке воды, и обеспокоенный Цзинь Юаньбао бросился за ними. Он подхватил Сяо Бао на руки, а чешуйчатый непонимающе уставился на него широко открытыми глазами. Сяо Бао заныл и стал вырываться, требуя, чтобы его опустили на землю.

— Ну не плачь, не плачь, — успокаивал его отец, — гляди, вон дедушка перевозчик уже правит лодку сюда!

---

[77] Примечания: 77

Чжан — мера длины, равная 3,2 м.

Бросив взгляд на другой берег, он увидел, что к лодке действительно поплелась фигура, которая будто переливалась всеми цветами радуги. Туда же, на переправу, торопливо устремились еще несколько человек.

Цзинь Юаньбао решил больше не отпускать Сяо Бао, который, немного поворочавшись, успокоился, перестал плакать и только бубнил, что хочет есть. Нашарив за пазухой горсть жареных соевых бобов, Цзинь Юаньбао разжевал их и сунул ребенку в рот. Тот снова заревел на все лады, будто это пришлось ему не по вкусу, но все же проглотил.

Лодка уже достигла середины реки, когда из зарослей саксаула торопливым шагом вышел высокий бородач с ребенком ростом в два чи на руках и присоединился к ожидавшим у переправы.

Охваченный волнением Цзинь Юаньбао глянул на бородача краешком глаза, и ему почему-то стало страшно. Тот обвел собравшихся на берегу взглядом тирана. Большие черные глаза, острый крючковатый нос. Ребенок на руках — мальчик — был одет в новехонький, с иголочки, красный костюмчик с золотой строчкой. Своей одеждой он явно выделялся среди остальных и

привлекал к себе взгляды, хотя и втянул голову в плечи. Густые вихры, кожа на лице белая, нежная, но маленькие глазки, которыми он обшаривал всё вокруг, казались глазами старика и смотрели совсем не по-детски. Да еще уши — большие, мясистые. Все это не могло не вызвать любопытства окружающих, хотя вел он себя на руках у бородача смирно и молчал.

Лодка приближалась и разворачивалась против течения. Ожидающие скучились, не сводя с нее глаз.

На мелководье глухой старик-перевозчик отложил весло и взял в руки бамбуковый шест. Разрезая красную в лучах зари воду, нос лодки наконец уперся в берег. Семеро разношерстных пассажиров сошли, бросив плату за перевоз в тыкву-горлянку на дне лодки. Старик с шестом в руках смотрел, как воды реки бегут на восток.

Когда все сошли, ожидавшие рванулись на борт. Цзинь Юаньбао мог оказаться первым, но чуть помедлил, выжидая, пока зайдет бородач, и шагнул в лодку после него. За ним последовала женщина с ребенком на руках и пожилая пара. Старикам помогал чешуйчатый парень. Сначала он переправил в лодку старушку, затем ее мужа и только после этого легко запрыгнул на нос и

уверенно встал там.

Цзинь Юаньбао сидел прямо напротив бородача, боязливо сжавшись от бездонности его темных глаз. Еще больший страх нагонял угрюмый взгляд мальчика. «Вот ведь паршивец, не ребенок, а дьяволенок какой-то, честное слово». От этого пристального взора Цзинь Юаньбао не сиделось. Он вертелся туда-сюда, и лодка стала раскачиваться. Старик перевозчик слышал плохо, но глаза у него были на месте.

— Не качать лодку! — прикрикнул он.

Чтобы не встречаться взглядом с маленькой нечистью, Цзинь Юаньбао стал смотреть на реку, на солнце, на скользящую над водой одинокую сизую чайку. Но напряжение не проходило, по телу раз за разом пробегал холодок, и поневоле пришлось перевести взгляд на голый торс перевозчика. Годы хоть и согнули старика, но мускулы были еще хоть куда, а кожа после долгих лет у воды походила на начищенную старую медяшку. Глядя на его тело, Цзинь Юаньбао ощущал какое-то тепло, силу духа, не хотелось даже отрывать от него глаз. Старик размеренно и легко орудовал большим веслом на корме, лопасть скользила и переворачивалась в воде, будто плывущая следом большая коричневая рыбина. Шуршание кожа-

ных креплений весла, плеск воды о нос лодки и натруженное дыхание старика слились в один убаюкивающий мотив, но успокоиться так и не удавалось. Сяо Бао вдруг разразился плачем и изо всех сил уперся головой ему в грудь, словно чем-то страшно напуганный. Цзинь Юаньбао поднял глаза, и его снова, будто ударом молота, оглушил взгляд маленькой нечисти. Сердце сжалось, волосы на голове встали дыбом. Весь мокрый от холодного пота, он изогнулся всем телом и отвернулся, крепко прижав к себе ребенка.

Еле дождавшись, когда лодка причалит к берегу, он вытащил мокрую от пота десятиюаневую бумажку, сунул в тыкву-горлянку, покачнулся, спрыгнул на сырой песок, схватил в охапку ребенка и потрусил вдоль берега. Вскарабкавшись на дамбу, он выбрался на шоссе, ведущее в город, и помчался по нему как метеор. Хотелось быстрее добраться, а еще больше — оторваться от этой маленькой нечисти в красном.

Дороге — широкой и ровной, — казалось, не будет конца. На пышно разросшихся вдоль обочин тополях еще не опали пожелтевшие листья; разносилось чириканье воробьев, крики ворон. Стояла настоящая поздняя осень: высокое небо и чистый воздух, куда ни глянь — ни облачка. Но

Цзинь Юаньбао было не до красот, он видел только дорогу, словно улепетывающий от волка заяц.

До города он добрался уже за полдень. Во рту пересохло, а от Сяо Бао шел жар как от печки. Достав несколько мелких монет, Цзинь Юаньбао зашел в распивочную, сел за столик в углу и заказал чашку некрепкого вина. Влил немного в рот ребенку, оставив на добрый глоток себе. Вокруг головы Сяо Бао с жужжанием вились мухи, и он поднял было руку, чтобы отогнать их, да так и застыл с поднятой рукой, словно пораженный молнией.

В другом углу сидел бородач, а на столе со стаканом в руке — тот самый дьяволенок, что нагнал на Цзинь Юаньбао столько страху. Этот паршивец отхлебывал вино глоток за глотком, да так уверенно, что чувствовалось — ему это не впервой. Ни дать ни взять завсегдатай подобных заведений. Размеры его тела явно не соответствовали ни движениям, ни выражению лица, и это выглядело настолько несуразно, что все в распивочной — и официанты, и посетители — только и пялились на него. Похоже, громиле бородачу на это было наплевать, он знай себе с бульканьем заливал в горло фирменное вино заведения —

«Тоу пин сань ли сян»[78]. Цзинь Юаньбао одним глотком выпил свою чашку, неслышно положил на столик монеты, схватил Сяо Бао и с низко опущенной головой, почти касаясь подбородком груди, пулей вылетел на улицу.

Уже наступило время послеполуденного отдыха, когда Цзинь Юаньбао с Сяо Бао на руках наконец оказался перед дверью отдела особых закупок — самостоятельной структуры Кулинарной академии. Небольшое белоснежное здание, увенчанное куполом и окруженное красной кирпичной стеной с «лунными воротами»[79]. Экзотические цветы и травы во дворе, вечнозеленые деревья и кусты. Посреди двора — овальный пруд, насыпной холм и фонтан в виде распускающейся и опадающей хризантемы. Брызги от фонтана с шумом падали на поверхность пруда, в котором плавали черепахи с узорчатыми панцирями и стайка жирных, неповоротливых золотых рыбок. Цзинь Юаньбао уже бывал здесь, но всякий раз трепетал, словно у входа в черто-

---

[78] Примечания: 78

«Тоу пин сань ли сян» — досл. «аромат разносится на три ли»; вино с подобным названием — «Аромат разносится на десять ли» — подавали героям классического романа «Речные заводи».

[79] Примечания: 79

«Лунные ворота» (досл. «ворота лунного света») — округлый арочный проход между двориками традиционного китайского дома.

ги небожителей, и дрожал от счастья каждой клеточкой.

Внутри специальных металлических ограждений для регулирования очереди уже стояло больше тридцати человек, и Цзинь Юаньбао поспешил к ним присоединиться. Прямо перед ним снова оказался тот самый бородач с одетым в красное дьяволенком. Этот паршивец хищно рыскал по сторонам угрюмым взглядом, высовываясь из-за плеча громилы.

Из открывшегося рта Цзинь Юаньбао рвался крик, но кричать он не посмел.

Через два часа изнурительного ожидания из здания донесся звонок. Утомленная очередь оживилась, все начали вставать, вытирать детям лица, подбирать сопли и поправлять одежду. Женщины доставали вату, пудрили детям лица и, поплевав на ладонь и растерев на ней помаду, румянили им щеки. Цзинь Юаньбао смахнул рукавом пот с лица Сяо Бао и грубой пятерней пригладил ему волосы. Лишь бородач даже бровью не повел, а свернувшийся у него на руках дьяволенок знай зыркал по сторонам, с необычайным равнодушием наблюдая за происходящим.

Стальная дверь, куда вели ограждения, со скрипом отворилась, и за ней открылось светлое и

просторное помещение. Закупка началась, и тишину время от времени нарушало лишь детское хныканье. Закупщики негромко вели переговоры с продавцами, и казалось, вокруг царят согласие и гармония. Стараясь не встречаться взглядом с дьяволенком, Цзинь Юаньбао держался от него чуть поодаль. Все равно ограждения узкие, проходит лишь один взрослый с ребенком, и сзади никто не протиснется. Неумолчный плеск воды в фонтане звучал то громче, то тише; на деревьях, мелодично, как цинь[80], пели птицы.

Из дверей вышла продавшая ребенка женщина, и на собеседование зашел бородач с дьяволенком. Цзинь Юаньбао с Сяо Бао стоял метрах в трех от них. О чем там шел негромкий разговор, было не разобрать, но он, хоть и со страхом, наблюдал за происходящим. Мужчина в белом халате и окаймленной красным белой шапочке с козырьком принял маленькую нечисть из рук бородача. На серьезном лице дьяволенка вдруг появилась усмешка. У Цзинь Юаньбао от этой усмешки аж кровь застыла в жилах, но на приемщика она не произвела никакого впечатления. Сняв с дьяволенка одежду, он потыкал ему в грудь стеклянной

[80] Примечания: 80

Цинь — старинный китайский струнный инструмент.

палочкой, и маленький злой дух загоготал. Через некоторое время раздался рев верзилы:

— Второй сорт? Надуть меня, ети его, хотите?!

Приемщик тоже чуть повысил голос:

— Послушай, приятель, если ничего не смыслишь в товаре, то хоть с другими сравни! Ребенок твой не сказать чтобы легонький, но кожа грубая и плоть жестковата, и если бы не его милая улыбка, вообще тянул бы только на третий!

Бородач пробурчал под нос еще пару ругательств, схватил протянутые купюры, бегло пересчитал, сунул за пазуху и, опустив голову, стал проталкиваться за ограждения. И тут Цзинь Юаньбао услышал, как маленький паршивец, которому уже налепили бирку «второй сорт», заорал в спину верзиле:

— Убийца, мать твою! Чтоб тебя грузовик переехал, как выйдешь на улицу, сукин сын, сволочь!

Голос был пронзительный и хриплый, и никто не мог поверить, что эта жуткая и складная брань, да еще таким голосом, может исходить от ребенка, в котором нет и трех чи. «Маленький мясник какой-то», — подумал Цзинь Юаньбао, глядя на только что улыбавшееся и вдруг искривившееся злобой лицо, на изрезанный глубокими морщинами лоб. Все пятеро закупщиков испу-

ганно подскочили с исказившимися от страха лицами и какой-то миг пребывали в крайнем замешательстве. Стоявший подбоченясь дьяволенок выхаркнул в их сторону полный рот слюны и вразвалочку направился к сбившимся в стайку детям с наклеенными бирками.

Пятеро закупщиков застыли, переглядываясь и словно успокаивая друг друга: «Ну ведь ничего не случилось? Ну да, ничего страшного».

И продолжили работу. Сидевший за столом краснощекий и добродушный мужчина средних лет в шапочке с козырьком махнул Цзинь Юаньбао. Тот торопливо шагнул вперед. Сердце у него просто выскакивало из груди. Сяо Бао захныкал, и Цзинь Юаньбао, заикаясь, принялся успокаивать его, вспомнив, что случилось в прошлый раз: тогда он припоздал, и оказалось, что нужное количество детей уже отобрали. Вообще-то приемщиков можно было упросить, но Сяо Бао в тот день разорался так, что в голове все перемешалось.

— Хороший мальчик, не плачь, — молил он. — Никто не любит, когда дети плачут.

— Этот ребенок рожден специально для отдела особых закупок, так ведь? — негромко обратился к нему закупщик.

В горле у Цзинь Юаньбао пересохло, слова застревали, и голос был не его.

— Значит, этот ребенок не человек, верно? — продолжал закупщик.

— Верно. Не человек.

— Значит, ты продаешь специальный продукт, а не ребенка, так?

— Так.

— Ты передаешь нам товар, мы платим тебе деньги; ты желаешь продать, мы желаем купить, это справедливый обмен. И после совершения обмена никаких претензий, так?

— Так.

— Прекрасно, вот здесь оттиск пальца поставь! — Закупщик подвинул через стол отпечатанный документ и подушечку с красной тушью для личных печаток[81].

— Товарищ, я читать не умею, — признался Цзинь Юаньбао. — Что здесь такое написано?

— То, что мы с тобой сейчас обговорили.

Цзинь Юаньбао оставил большой красный отпечаток пальца там, где было указано. От сердца отлегло, будто он завершил большое дело.

---

[81] Примечания: 81

Личная печатка — небольшая печать четырехугольной формы с вырезанным именем владельца. Используется, кроме прочего, и для скрепления документов.

Подошедшая приемщица взяла у него из рук Сяо Бао. Тот продолжал хныкать, но женщина сдавила ему шею, и ребенок тут же затих. Цзинь Юаньбао весь аж изогнулся, чтобы видеть, как она снимает с Сяо Бао одежду, быстро, но тщательно осматривает с головы до ног: даже ягодицы раздвинула и крайнюю плоть на пипиське оттянула, чтобы взглянуть на головку.

Хлопнув в ладоши, она бросила сидевшему за столом:

— Высший сорт!

От волнения Цзинь Юаньбао чуть не подпрыгнул, на глазах выступили слезы.

Другой приемщик поставил Сяо Бао на весы и негромко произнес:

— Двадцать один цзинь четыре ляна.

Закупщик понажимал маленькую машинку, и та со скрежетом выплюнула листок бумаги. Он поманил рукой Цзинь Юаньбао, который, приблизившись на шаг, услышал:

— Высший сорт — сто юаней за цзинь, двадцать один цзинь четыре ляна составляет две тысячи сто сорок юаней.

Он вручил Цзинь Юаньбао пачку купюр и листок:

— Пересчитай.

Руки у Цзинь Юаньбао так тряслись, что, взяв деньги, он еле сумел пересчитать их. Мысли в голове путались.

— Это всё мне? — вопросил он дрогнувшим голосом, вцепившись в деньги.

Закупщик кивнул.

— Я могу идти?

Тот снова кивнул.

Глава третья

1

Мальчик сидел, поджав ноги, на большом позолоченном подносе. С золотисто-желтого тела стекало ароматное масло, на лице застыла глуповатая улыбка, наивная до смешного. Вокруг тела красовалась гирлянда из изумрудной зелени и ярко-красных цветков редиски. Ни жив ни мертв, следователь уставился на мальчика и сглотнул подступивший к горлу желудочный сок. Мальчик ответил ему живым взглядом, из ноздрей у него шел пар, а губы шевелились, будто он вот-вот заговорит. Эта улыбка, ее наивность вызвали целый сонм мыслей, лицо мальчика показалось следователю очень знакомым, будто он недавно его видел. В ушах звучал звонкий смех. Маленький ротик дышит ароматом свежей клубники. «Пап, расскажи сказку». — «Отстань от папы». А вот розовощекий малыш на руках у нежно улыбающейся жены. Улыбка на лице жены вдруг сменяется странным, страшным выражением, щеки у нее подергиваются, но она пытается сделать вид, что ничего не случилось. «Ублюдки!» Зло хлопнув рукой по столу, он встает.

На лице Цзинь Ганцзуаня появляется мно-

гозначительная усмешка. Директор шахты с партсекретарем таинственно и подобострастно улыбаются. Или это всё во сне? Вытаращив глаза, следователь пристально всматривается: нет, мальчик так же сидит на подносе, поджав ноги.

— Прошу, товарищ Дин Гоуэр! — говорит Цзинь Ганцзуань.

— Это у нас самое знаменитое блюдо, — подхватывают партсекретарь с директором. — Называется «Цилинь приносит сына». Им мы потчуем иностранных гостей, у них остается глубокое и незабываемое впечатление, и они не скупятся на самые высокие похвалы. С помощью этого блюда мы заработали для страны немало драгоценной валюты. Подаем и самым почетным гостям. Таким, как вы, например.

— Просим, просим, товарищ Дин, старина! Просим вас, следователь прокуратуры по особо важным делам Дин Гоуэр, отведайте нашего фирменного блюда, — с нетерпением торопят они, уже вооружившись палочками для еды.

От мальчика исходит аромат, перед которым трудно устоять. Глотая слюну, Дин Гоуэр сует руку в папку. Рука нащупывает гладкий ствол и ребристую рукоять пистолета с пятиконечной звездой в центре. Ствол круглый, мушка треугольная; ру-

ка горячее, и пистолет кажется прохладным. «Все мои ощущения в порядке, суждения — тоже. Я не пьян, я — следователь Дин Гоуэр, меня прислали в Цзюго расследовать дело о поедании мальчиков руководящими работниками во главе с Цзинь Ганцзуанем. Обвинение серьезное, дело из ряда вон выходящее, преступление тяжкое, неслыханная жестокость, беспрецедентное разложение. Я не пьян и не брежу, и если они думают, что им все это сойдет с рук, то ошибаются. Ишь, поставили передо мной блюдо из младенца, как они его назвали — «Цилинь приносит сына»? Я в здравом уме, но на всякий случай проведем самопроверку: восемьдесят пять умножить на восемьдесят пять равняется семь тысяч двести двадцать пять. Ишь удумали, не подкопаешься: убили младенца и подсунули — на, мол, ешь. Хотели рот мне заткнуть, заговорщики, скоты, звери».

И выхватив пистолет, он заорал:

— Не двигаться, руки вверх, зверюги этакие!

Трое мужчин замерли где сидели, а девицы в красном с пронзительным визгом сбились стайкой, как перепуганные цыплята. С пистолетом в руке Дин Гоуэр отодвинул стул и отошел на пару шагов, встав спиной к окну. «Будь у них боевой опыт, — промелькнуло в голове, — на

таком близком расстоянии им ничего не стоило бы выхватить у меня пистолет, но у них этого опыта нет». И вот теперь все трое стояли под дулом пистолета, и никто даже не собирался предпринимать какие-либо безрассудные действия. Когда Дин Гоуэр вскочил, зажатая между ног папка упала на пол. Кожей между большим и указательным пальцем он чувствовал прохладную рукоятку пистолета, а самим указательным пальцем — упругость гладкого курка. С предохранителя он пистолет уже снял, когда вытаскивал из папки, так что и патрон, и боек были наготове: одно движение — и последует выстрел.

— Ублюдки, фашисты! — выругался он. — Руки вверх, кому сказано!

Цзинь Ганцзуань медленно поднял руки, партсекретарь с директором последовали его примеру.

— Товарищ Дин, старина, вам не кажется, что с этой шуткой у вас перебор вышел? — непринужденно улыбнулся Цзинь Ганцзуань.

— С шуткой? — зло оскалился Дин Гоуэр. — Какие тут с вами шутки?! Зверье, детей пожираете!

Откинув голову, Цзинь Ганцзуань расхохотался. Партсекретарь с директором тоже захихикали, но как-то по-дурацки.

— Эх, старина Дин, старина Дин, — смеялся Цзинь Ганцзуань. — Славный вы человек, товарищ, дух гуманизма у вас на высоте, и это действительно заслуживает уважения! Но вы ошибаетесь, и ошибка ваша субъективистская. Присмотритесь-ка повнимательнее. Разве это мальчик?

Слова Цзинь Ганцзуаня оказали воздействие, и следователь обратил взгляд на поднос. На лице мальчика так же играла улыбка, губы чуть раздвинуты, словно он сейчас заговорит.

— Но он как живой! — воскликнул Дин Гоуэр.

— Ну да, как живой, — согласился Цзинь Ганцзуань. — Но почему же этот ненастоящий мальчик смотрится как живой? Потому что искусство кулинаров у нас в Цзюго — высочайшее, исключительно тонкая работа!

— Это еще что! — подхватили партсекретарь с директором. — У нас в Кулинарной академии на отделении спецкулинарии одна женщина-профессор создала мальчика, у которого еще и ресницы подрагивают. Ни у кого на такое блюдо даже палочки не поднимаются!

— Опустите оружие, товарищ Дин, старина, возьмите палочки и давайте вместе отведаем этот непревзойденный деликатес! — И Цзинь

Ганцзуань, опустив руки, радушным жестом пригласил Дин Гоуэра к столу.

— Ну нет! — сурово произнес Дин Гоуэр. — Заявляю, что в этом вашем людоедском банкете я участвовать не буду!

На лице Цзинь Ганцзуаня мелькнуло раздражение, но в голосе не прозвучало ни угодливости, ни превосходства:

— Ну вы и упрямец, товарищ Дин, дружище. Все мы, высоко воздев кулак, давали клятву перед знаменем партии. Ваша задача — стремиться к счастью людей, но это и наша задача тоже. Не надо думать, что вы единственный хороший человек в Поднебесной. У нас в Цзюго на банкетах с младенцами бывали лидеры с высокой репутацией, уважаемые друзья с пяти континентов, широко известные в стране и за рубежом деятели искусства и общественные знаменитости. Все воздавали нам хвалу, и только вы, следователь Дин Гоуэр, подняли оружие на тех, кто оказал вам сердечный прием.

Ему подпевал то ли партсекретарь, то ли директор:

— Какой пагубный ветер нагнал вам в глаза туману, товарищ Дин Гоуэр? Вы отдаете себе отчет, что дуло вашего пистолета направлено не

на классовых врагов, а на братьев по классу?

Пистолет в руке Дин Гоуэра дрогнул и стал опускаться, глаза застлала пелена, и вернувшаяся было в свой кокон прекрасная бабочка опять начала карабкаться вверх. На плечи огромным камнем навалился страх, следователь ощутил всю шаткость своего положения: казалось, он вот-вот развалится по косточкам, — вот она, бездонная зловонная трясина, в которой можно увязнуть и никогда из нее не выбраться. «А этот маленький шалун, от которого исходит божественный аромат, сын, твердо принявший сторону матери, сидит сейчас лицом ко мне на чем-то вроде цветка лотоса, в легкой дымке цвета лотоса и тянется ко мне ручкой! Пальчики короткие, мясистые и пухлые, на них по три складочки. Четыре припухлости на тыльной стороне ладошки. В аромате чудится сладостный смех. Цветок лотоса тянется вверх, а за ним и ребенок. Круглый пупок, такой наивно детский, похожий на ямочку на щеке. Гладко говорите, бандюги! Наплели тут с три короба и думаете, выйдете сухими из воды? Дудки! Сваренный вами ребенок улыбается мне. Это не ребенок, а знаменитое блюдо, говорите? Да разве такое возможно?! В эпоху Сражающихся

царств[82] некий И Я сварил своего сына и поднес Хуаньгуну, правителю царства Ци, и мясо было вкусное, как у молодого ягненка, даже нежнее. Куда, удрать собрались, последователи И Я? А ну, поднять руки, сейчас получите по заслугам. Вы еще хуже, чем И Я. Тот сварил собственного сына, а вы из чужих детей блюда готовите. И Я принадлежал к классу землевладельцев-феодалов, и преданность правителю считалась тогда высочайшей добродетелью. А вы, руководящие работники, убиваете сыновей народа, чтобы насытить свои утробы. Это просто чудовищно! Я слышу, как дети жалобно плачут, когда их готовят на пару и когда жарят в масле. Они плачут на разделочной доске, в соли, соевом соусе, уксусе, сахаре, фенхеле, сычуаньском перце, корице, зеленом имбире, рисовом вине[83]. Плач детей несется из ваших желудков и кишечников, из туалетов и канализации, из рек и отстойников для нечистот. Их плач раздается в брюхе рыб и на крестьянских полях; в чреве китов, акул, угрей, рыб-сабель и других морских обитателей; в остях

---

[82] Примечания: 82

Эпоха Сражающихся царств (403–221 до н. э.) — период древней истории Китая.

[83] Примечания: 83

Рисовое вино добавляется в блюда как приправа.

пшеницы, в зернах риса, в молодых стручках сои, во вьющихся побегах батата, в стеблях гаоляна, в пыльце чумизы. Этот невыносимый, душераздирающий плач слышен из яблок, груш и винограда, из персиков, абрикосов и орехов. Плач младенцев доносится из фруктовых лавок, из овощных, из мясных. Плач умерщвляемых один за другим мальчиков, крики, от которых мороз по коже и волосы дыбом, эхом раздается на банкетах в Цзюго. Так в кого же стрелять, как не в вас?»

Лоснящиеся жиром лица плывут в туманной дымке вокруг приготовленного мальчика, то появляясь, то исчезая, как в калейдоскопе. На этих мелькающих лицах еще и сияют хитрые, полные презрения или пренебрежения ко всему миру улыбочки. И грудь воспылала гневом. Вспыхнуло пламя праведной мести, заливая все вокруг алыми отблесками цветков лотоса. «Скоты! — раздается его громоподобный рев. — Пришел ваш последний час!» Странное дело, но рев этот раздался откуда-то с макушки. Звук ударился о потолок, разлетелся на мелкие осколки, и они, словно опадающие лепестки, засыпали банкетный зал, оставляя за собой красноватые дымообразные хвостики и покачиваясь. Он с

силой нажал на курок пистолета, направленного в сторону этих составленных из осколков и рассыпающихся, как в калейдоскопе, лиц, в сторону этих коварных, злых ухмылок. Курок щелкнул, боек стремительно пошел вперед и ударил в зеленоватый задник славного, сияющего медью патрона, с недоступной человеческому глазу скоростью воспламенив порох, и сжатые газы, которым стало тесно, стали напирать — вперед, вперед, все время вперед. Ствол подбросило, из него с грохотом вылетела пуля. Выстрел прокатился волной — уа, уа, — как плач младенца. «Пусть все неправедное, негуманное задрожит при звуке моего выстрела! А все доброе, прекрасное, распространяющее чудесный аромат, пусть радостно смеется и хлопает в ладоши. Да здравствует справедливость! Да здравствует истина, да здравствует народ, да здравствует республика! Да здравствует мой великолепный сын! Да здравствуют мальчики. Да здравствуют девочки. Да здравствуют матери мальчиков и девочек. И я тоже да здравствую. Да здравствую, да здравствую, да здравствую. Десять тысяч раз по десять тысяч лет».

Следователь по особо важным делам пробурчал что-то нечленораздельное — никто ничего не

понял. В уголках рта у него выступила пена, и он медленно, как оседающая от дряхлости стена, сполз на пол. На него посыпались рюмки и стаканы, которые он смахнул со стола рукой с зажатым в ней пистолетом, лицо и одежду залило пивом, водкой и виноградным вином. Он лежал ничком, как выловленный из бродильного чана труп.

Прошло немало времени, прежде чем Цзинь Ганцзуань, партсекретарь, директор и сбившиеся в кучу официантки пришли в себя: кто поднялся с пола, кто высунул голову из-под стола или из-под чьей-то юбки. Заглушая остальные запахи, над банкетным залом плыл пороховой дым. Пуля из пистолета Дин Гоуэра попала приготовленному мальчику прямо в голову. Черепная коробка разлетелась, красные и белые ошметки мозга разметало по стене, от них шел пар и дивный аромат, и это вызывало самые разные чувства. Мальчик остался без головы. Ее уцелевшая часть — то ли арбузная корка, похожая на черепную коробку, то ли черепная коробка, похожая на арбузную корку, — упала на край второго уровня банкетного стола, застряв между тарелками с трепангами и жареными креветками, и с нее стекали капля за каплей то ли арбузный сок, похожий на кровь, то ли кровь, похожая на арбузный сок, пачкая ска-

терть и застилая глаза. По полу покатилась пара виноградин, смахивающих на глаза, или пара глаз, похожих на виноградины. Одна закатилась за винную стойку, другая попала под ноги официантке, и та ее раздавила. Девица покачнулась, и изо рта у нее вырвалось пронзительное «Уа!».

Под это «Уа!» к руководителям вернулся рассудок, философское мировоззрение, партийный дух, принципиальность, нравственность и другие присущие им основные качества, которые определяют их действия. Партсекретарь или директор слизывал мозги мальчика, заляпавшие ему тыльную сторону ладони. Вкус наверняка был отменный, потому что он даже причмокнул:

— Вот негодяй, такое блюдо испортил!

Цзинь Ганцзуань недовольно покосился в его сторону, и под критическим взором замначальника отдела Цзиня тот залился краской стыда.

— Быстро помогите старине Дину подняться, — скомандовал Цзинь Ганцзуань. — Лицо вытрите и отрезвляющего дайте.

Официантки бросились выполнять распоряжение. Подняв Дин Гоуэра, они вытерли ему рот и лицо, но к руке притронуться не осмелились. В ней оставался пистолет, который, казалось, мог в любой момент выстрелить. Они убрали осколки

рюмок и протерли пол. Приподняв ему голову, разжали стиснутые зубы простерилизованным в спирте шпателем из нержавейки и, вставив в рот воронку из прочного пластика, стали вливать через нее, ложка за ложкой, отрезвляющий отвар.

— Номер отвара какой? — поинтересовался Цзинь Ганцзуань.

— Номер один, — ответила старшая официантка.

— Дайте лучше номер два, быстрее протрезвеет.

Официантка отправилась на кухню и вернулась с бутылкой, наполненной жидкостью золотистого цвета. Когда вытащили деревянную пробку, вокруг распространился свежий, волнующий до глубины души аромат. В воронку влили почти полбутылки. Дин Гоуэр закашлялся, поперхнулся, и жидкость из воронки фонтаном выплеснулась обратно.

Поток из прохладного источника проник в кишечник, погасил бушующий там огонь и вернул способность мыслить. Теперь, когда тело снова ожило, прекрасная бабочка сознания вернулась на место. Первое, что, открыв глаза, увидел Дин Гоуэр, был сидящий на золотом подносе безголовый мальчик, и сердце снова захлестнула боль.

— Мама дорогая! — невольно вырвалось у него. — Как мне плохо! — И он поднял пистолет.

К нему обратился Цзинь Ганцзуань, стоявший с воздетыми в руке палочками:

— Товарищ Дин Гоуэр, если мы действительно пожирающие мальчиков монстры — стреляй, и поделом нам. Ну а если это не так? Партия вручила тебе оружие, чтобы наказывать негодяев, а не убивать без разбору ни в чем не повинных.

— Давай выкладывай, если есть что сказать в свое оправдание, да побыстрее, — заявил Дин Гоуэр.

Цзинь Ганцзуань ткнул палочкой в прелестную писюльку безголового мальчика, и тот развалился на части.

— Рука мальчика изготовлена из толстого корневища лотоса с озера Юэлян после особой обработки с добавлением шестнадцати трав и специй, — принялся объяснять он, пользуясь палочкой как указкой. — Нога мальчика на самом деле особая ветчинная колбаса. Для тела использовано специальным образом обработанное мясо молочной свиноматки. Голова, которую ты снес своей пулей, — сахарная дыня. Волосы на ней — обычная зелень. Дать подробное и точное описание всех компонентов этого фирменного

блюда и рассказать о всех тонкостях и сложности его приготовления я просто не в силах. Это патент Цзюго, у меня о нем лишь общее представление, иначе сам бы в повара подался. Но могу авторитетно заявить: блюдо это вполне законное, гуманное, и приступать к нему следовало бы с палочками, а не с пулей.

С этими словами Цзинь Ганцзуань ухватил палочками руку мальчика и стал уминать ее, откусывая большие куски. Партсекретарь или директор взял серебряной вилкой другую руку и положил на тарелку Дин Гоуэра.

— Откушайте, уважаемый товарищ Дин, не стесняйтесь! — почтительно произнес он.

Растерянный следователь внимательно оглядел руку. И правда похожа на корень лотоса, но еще больше — на настоящую руку. Исходящий от нее соблазнительный сладковатый аромат действительно напоминает запах лотоса, но много и незнакомых оттенков. Не без угрызений совести он сунул пистолет в папку. «Да, на тебя возложена особая миссия, но нельзя же палить в кого попало. Осмотрительнее надо быть». Маленьким острым ножиком Цзинь Ганцзуань — раз-раз-раз — порезал другую руку на десять кусков, выбрал один и поднес к лицу Дин Гоуэра:

— Лотос с пятью глазками. На руках глазки разве бывают?

«Действительно лотос», — подумал Дин Гоуэр, в то время как Цзинь Ганцзуань с хрустом наворачивал руку. И опустил взгляд на лежащий перед ним кусок: есть или не есть? Партсекретарь с директором уже управились с ногой мальчика. Цзинь Ганцзуань передал ему нож и ободряюще улыбнулся. Взяв нож, следователь интереса ради приставил лезвие к руке мальчика. Словно притянутый магнитом, нож с хрустом рассек корень лотоса пополам.

Дин Гоуэр подцепил кусочек руки, зажмурился и отправил в рот. «Ммм, силы небесные»! — хором воскликнули вкусовые рецепторы. Жевательные мускулы конвульсивно сокращались без остановки, а из горла даже высунулась маленькая рука, чтобы пропихнуть всё вниз.

— Вот и славно, — шутливо бросил Цзинь Ганцзуань. — Теперь, товарищ Дин Гоуэр, мы с тобой одним миром мазаны: ты съел руку мальчика!

Дин Гоуэр замер, вновь охваченный сомнениями.

— Но ты же сказал, что это не мальчик.

— Эх, товарищ ты мой, — делано сокрушался Цзинь Ганцзуань, — к каждому слову придира-

ешься. Да шучу я, шучу! Сам подумай, ведь наш Цзюго — город цивилизованный, не дикари какие-нибудь, ну кто допустит, чтобы детей ели? А что у вас в прокуратуре дошли до того, чтобы поверить в подобную сказку из «Тысячи и одной ночи» и на полном серьезе послать человека проводить расследование, — так это просто уровень писателя с больным воображением!

Оба руководителя шахты тянулись к нему с рюмками:

— Старина Дин, за такую бесцеремонную пальбу штраф — три чарки!

Дин Гоуэр и сам понимал, что дал маху, и против штрафа не возражал.

— У тебя, уважаемый товарищ Дин, порочный человек — враг и четкая позиция — кого любить, кого ненавидеть, — заявил Цзинь Ганцзуань, — три рюмки в твою честь!

Лесть Дин Гоуэр любил и тост на три рюмки принял.

После шести рюмок сознание снова слегка затуманилось. И когда то ли директор, то ли партсекретарь передал ему другую половину руки мальчика, он отбросил палочки и, не обращая внимания на жир, схватил ее обеими руками и стал жадно поглощать.

Так, под смех присутствующих он ее и умял. Директор с партсекретарем стали подбивать на тосты официанток. Те налетели со своим кокетством и глупостями и залили в него двадцать одну рюмку подряд. Как с ним прощался Цзинь Ганцзуань, Дин Гоуэр услышал уже откуда-то из-под потолка.

Оттуда же, из-под потолка, он видел, как Цзинь Ганцзуань легкой поступью выходит из банкетного зала, слышал, как он дает какие-то инструкции директору и партсекретарю. Открыв обитые кожей двери, две девицы в красном церемонно и почтительно встали каждая у своей створки. Он отметил, как у них собраны волосы в пучок на затылке, какие у них шеи, как выдается грудь. «Некрасиво подглядывать», — пожурил он себя. Потом увидел, как партсекретарь с директором дают указания старшей официантке и уходят. Стоило им выйти, девицы в красном столпились у стола и дружно набросились на еду, хватая всё подряд и запихивая в рот. Ели они как-то озлобленно и выглядели совсем не такими, как минуту назад. Оболочка его собственного тела распласталась на стуле безжизненным куском плоти. Шея на спинке, голова повернута в сторону, из уголков рта текут струйки, как из опрокинутого

сосуда с вином. Он смотрел из-под потолка на свою полумертвую плоть со слезами на глазах.

Насытившись, девицы вытерли рты скатертью. Одна воровато сунула в бюстгальтер пачку сигарет «чжунхуа». Представив, как тесно, должно быть, стало груди, он вздохнул.

— Тащите этого налакавшегося кота в гостевой дом, — послышался голос старшей официантки.

Две девицы подхватили его под руки, но он был словно без костей, и поднять его не удалось.

— Вот ведь пес дохлый! — выругалась девица с бородавкой за ухом.

Его аж зло разобрало.

Другая у него на глазах подняла папку, расстегнула молнию, достала пистолет и стала вертеть в руках. «Положи оружие на место! — испуганно закричал он у себя под потолком. — А ну как выстрелит!» Но все словно оглохли. «Силы небесные, обороните». Девица засунула пистолет обратно в папку и, расстегнув молнию на внутреннем кармане, вытащила фотографию той женщины.

— Ой, гляньте-ка, что тут! — воскликнула она.

Официантки окружили ее и стали наперебой высказывать свое мнение.

Кипя от злости, он обзывал их последними словами, но они и ухом не вели.

Наконец вчетвером они подняли мое тело. Вынесли из банкетного зала и, как дохлого пса, потащили по тому же коридору с ковровой дорожкой. Одна ткнула меня носком туфли в щиколотку — нарочно. «Шлюха грязная! Тело у меня — да, бесчувственное, но дух не дремлет». Я летел в трех чи у них над головами, беспорядочно маша крыльями, ни на шаг не отставая от своего тела и печально взирая на свою неустоявшую плоть. Коридор никак не кончался. Было видно, как алкоголь сочится у меня изо рта и льется на шею. От меня жутко несло перегаром, и девицы старательно зажимали носы. Одну даже чуть не вытошнило. Шея у меня смахивала на пожухлый, мягкий стебель чеснока, голова болталась на груди. Лица не видно, лишь пепельно-бледные уши торчат. Одна из девиц шествовала сзади с моей папкой.

Длиннющий коридор наконец кончился, и я увидел знакомый большой зал. Тело мое бросили на ковер. Глянув на свое лицо, я даже перепугался. Глаза закрыты, кожа цвета старой, рваной бумаги для окон. Рот приоткрыт, половина зубов белые, половина — черные. Вверх поднялась волна жуткого перегара, и я думал, что меня сейчас вытошнит. Тело выгнулось, словно в судорогах, и

брюки намокли — вот стыдоба!

Передохнув, девицы поволокли меня вон из зала. Снаружи простиралось море подсолнухов, и на фоне кроваво-красного заката их головы отливали особенно теплым золотистым цветом. Через рощу подсолнухов, оказывается, вела ровная, как стальной лист, бетонная дорожка, и на ней стоял роскошный серебристый лимузин «Тойота краун». В него, пригнувшись, садился Цзинь Ганцзуань. «Тойота» медленно тронулась, близнецы-руководители помахали вслед, и через мгновение лимузин исчез. Девицы потащили меня по этой бетонной дорожке. У стебля подсолнуха, толстого, как ствол дерева, заливался лаем пес. Лоснящаяся шерсть, весь черный, только уши белые. При каждом приступе лая его тело то сжималось, то растягивалось, словно меха аккордеона. Куда меня тащат, в конце концов? Будто хитрые глазки, мерцали огни горнодобывающего района; та же, что и утром, техника, та же лебедка. Навстречу попалась группа чумазых людей в алюминиевых касках. Не знаю почему, но встречаться с ними лицом к лицу было боязно. Если у них добрые намерения — не беда, а если нет — тут уж никуда не убежишь. Шахтеры посторонились, и девицы протащили меня будто

сквозь строй. От шахтеров исходил тяжелый запах пота и сырой, гнилой дух забоя. Взгляды буравили мое тело. Кто-то грязно выругался, но девицы шествовали, гордо вскинув голову и выпятив грудь, и не обращали на них внимания. До меня дошло, что эти связанные с сексом слова брошены им, а не мне.

Меня занесли в небольшой отдельно стоящий домик, где за стойкой, исцарапанной иероглифами, сидели две девицы в белом. Они касались друг друга коленями и, завидев нас, чуть отвели их. Одна нажала кнопку на стене, медленно раскрылась дверца — по всей видимости, лифт. Меня втащили внутрь, и дверца закрылась. Оказалось, действительно лифт, и он стремительно полетел вниз. «Вот уж настоящая шахта, — уважительно подумал я. — Всё под землей. Можно не сомневаться, они и Великую Китайскую стену под землей соорудить могут». Лифт громыхнул и трижды содрогнулся — приехали. Дверцы распахнулись. От резкого света аж в глазах зарябило. Роскошный зал, на мраморном полу, как в воде, можно видеть свое отражение, рельефный декор на потолке и несколько сотен изящных светильников. Четыре большие многоугольные колонны, облицованные мраморной плиткой.

Цветы и зелень. Суперсовременный аквариум с золотыми рыбками, такими жирными, что смотреть противно. Девицы аккуратно занесли мое тело в номер четыреста десять. Ума не приложу, откуда здесь номер четыреста десять, что это за небоскреб такой? Нью-йоркский небоскреб ведет прямо в рай, а этот, в Цзюго, — прямехонько в ад. Девицы разули меня и положили на кровать. Папку оставили на чайном столике. И ушли. Через пять минут дверь открылась, вошла горничная в бежевом костюме и поставила на столик чашку. Я услышал, как она обращается к моему телу:

— Прошу откушать чаю, руководитель.

Ответа не последовало.

Девица размалеванная, ресницы торчат, как свиная щетина. Зазвонил телефон на тумбочке в изголовье кровати. Протянув костлявую руку, она сняла трубку. В номере было так тихо, что я услышал мужской голос:

— Проснулся?

— Лежит без движения, вид жуткий.

— Глянь, сердце бьется?

С выражением крайнего отвращения девица положила руку мне на грудь:

— Бьется.

— Дай немного отрезвляющего отвара номер

один!

— Хорошо.

Девица вышла, но я знал, что она сейчас вернется. Она вернулась со стальным шприцем, какими пользуются ветеринары. К счастью, игла из мягкого пластика, так что переживать нечего — колоть не будет. Вставив пластиковый наконечник мне в рот, она впрыснула снадобье.

Через некоторое время донесся стон, и мое тело стало подниматься. Шевельнулась рука. Оно что-то сказало. Исходившая от него сила притягивала меня, пыталась захватить. Сопротивляясь, я превратился в большую присоску и прицепился к потолку. Но, похоже, какую-то часть меня тело уже всосало.

Я с трудом сел, открыл глаза и долго отупело смотрел на стену. Взял чашку с чаем, жадно выпил, а потом снова рухнул на кровать.

Прошло довольно много времени, и дверь тихо отворилась. В нее прошмыгнул босоногий парень лет четырнадцати в синих штанах. Все тело у него было покрыто струпьями, похожими на рыбью чешую. Двигался он легко и бесшумно, как кот. Я разглядывал его с большим интересом. Лицо знакомое: такое впечатление, что я уже видел его. Где-то точно встречал. В зубах он держал неболь-

шой кинжал в форме ивового листа и напоминал черного кота с рыбкой в пасти.

Меня охватил неимоверный страх за свое полуживое тело. В то же время оставалось только гадать, каким образом этот дьяволенок мог объявиться здесь, в таком укромном месте под землей. Дверь сама собой закрылась, и в номере повисла звенящая тишина. Чешуйчатый малец приблизился к моему телу. От него пахнуло землей, как от панголина, только что вылезшего из расщелины в скале. Что ему надо? В торчащих во все стороны вихрах налипло множество колючих шариков дурнишника. Их въедливый дух змейкой сочился в ноздри и добирался до самого мозга. Тело чихнуло, и дьяволенок бросился на пол. Потом встал и, протянув маленькую лапу, потрогал мне горло. Кинжал у него в зубах отбрасывал холодные темно-голубые отблески. Так хотелось разбудить свое тело, но никак не получалось. Я ломал голову, напрягал извилины: ну когда, где и в чем я провинился перед этим дьяволенком? Он снова протянул руку и ущипнул меня за то место, что называется шеей, будто бывалый повар курицу, перед тем как зарезать. Я ощущал эту страшную, твердую когтистую лапу, но тело даже не шелохнулось, оно лежало,

издавая во сне тяжелый, сдавленный храп и не ведая, что дух смерти совсем близко. Ну все: сейчас вынет изо рта кинжал, набросится на мое храпящее тело и избавит мою пристроившуюся на потолке душу от мучений. Но как бы не так. Ощупав шею, он принялся ощупывать на теле одежду и шарить по карманам. Наткнувшись на авторучку, он снял колпачок и стал водить пером по тыльной стороне ладони, которая тоже была покрыта чешуей. Провел линию и отдернул руку, раскрыв рот и скривив лицо в жуткой гримасе то ли боли, то ли смеха. Ага, щекотки боится. Перо с гнусным скрипом продолжало царапать по чешуйкам, и я понял, что моей отличной ручке с золотым пером пришел конец. Плакала моя награда за примерную работу. Прошло целых полчаса, прежде чем закончилась эта идиотская игра. Он положил ручку на пол и стал шарить по карманам дальше. Выгреб носовой платок, пачку сигарет, электронную зажигалку, удостоверение личности, игрушечный пистолет, который выглядел как настоящий, бумажник и пару монет. От этой кучи сокровищ у него, судя по всему, даже голова пошла кругом. С детской жадностью он сгреб их между ног на полу и стал играть с каждым предметом по очереди, словно был один

во всем мире. Забыв о ручке — разве это игрушка! — он, естественно, схватил пистолет и стал разглядывать. Хромированный корпус поблескивал в свете люминесцентных ламп. Точная копия оружия, какое носят на бедре американские полицейские. По форме просто красавец. Я знал, что в пластмассовом барабане еще оставалось несколько «пуль» и что при выстреле раздается оглушительный грохот. Он увлеченно осматривал игрушку, которая ему явно понравилась, и большие глаза при этом засверкали прелестным светом. А ну как сейчас нажмет на курок и обнаружит себя? Намного ли отличается рука мальчика от свежего корня лотоса? Не одурачили ли мое физическое тело? Но что-либо предпринимать было поздно: он уже нажал на курок. Бабах! Потянулся синеватый дымок, и одновременно раздался звук выстрела. Я ожидал услышать за дверью шум шагов и увидеть, как вместе с девицами в кремовом в номер врываются охранники. Что может значить выстрел в ночи? Или кого-то убили, или кто-то застрелился. Я распереживался за своего чешуйчатого визитера. Он в опасности. Не хотелось, чтобы его схватили. Честно говоря, он меня заинтриговал, и совсем не из-за чешуи. Чешуя есть и у рыб, и у змей, и у панголинов.

Панголины, эти неповоротливые, немного притворные существа, особого отвращения во мне не вызывают, а вот холодных, вонючих рыб не люблю, терпеть не могу и угрюмых змей. В своих предположениях я просчитался: после выстрела все осталось по-прежнему, никто не забегал и не стал ломиться в дверь. Визитер выстрелил еще раз. Правду сказать, на этот раз выстрел прозвучал как-то невпечатляюще, слабо, потому что звукоизоляция в номере была прекрасная, да и ковер, потолок и обои хорошо поглощают звук. Чешуйчатый сидел себе безмятежно, не выказав ни капли страха: то ли глухой, то ли бесстрашный боец. Наигравшись с пистолетом, он отбросил его в сторону. Раскрыл бумажник и выгреб оттуда всё: деньги, продуктовые карточки, талоны в столовую, товарные чеки, которые я не успел сдать в бухгалтерию. Потом стал изучать зажигалку. Зажигалка щелкнула, ярко блеснул огонек. Он попробовал закурить, закашлялся и отшвырнул сигарету на ковер. Силы небесные! Ковер загорелся, и донесся запах паленой шерсти. И тут меня осенило: если мое физическое тело превратится в пепел, обращусь в дымок и я сам, исчезну вместе с ним. Ну проснись же, тело!

Как же я тебя ненавижу, дьяволенок чешуй-

чатый!

Да нет, не то чтобы ненавижу, просто смех разбирает, а смеяться не могу. Заметив на ковре огонь, он неторопливо встал, задрал штанину, выпростал двумя пальцами свою штуковину — явно несоразмерную телу, напряженную, но не восставшую, тоже покрытую чешуей, этакий кран высокого давления, — и направил туда, где горело. С журчанием плеснула струя. Огонь зашипел. Струя обильная, ударила сильно, два таких возгорания потушить можно. «Талант, настоящий, ети его, талантище!» — одобрительно подумал я, успокоившись и вдыхая запах мочи и гари.

Он начал стаскивать с моего тела одежду. Во что бы то ни стало вознамерился стянуть с меня пиджак. Я слышал, как он старательно пыхтит. Стащил и надел: полы доставали ему до колен. Собрал с ковра все игрушки и распихал по карманам. Что еще он задумал?

Вынув изо рта кинжал, чешуйчатый огляделся. Потом нацарапал на стене четыре крестообразных иероглифа «десять», снова взял кинжал — ивовый лист — в зубы и вразвалочку вышел из номера, размахивая слишком длинными рукавами.

Дьяволенок так волохал мое тело, что оно давно уже съехало под кровать. Но продолжало похрапывать.

2

Наставник Мо Янь!

Позвольте все же величать Вас именно так, иначе мне будет очень неудобно, очень неловко, очень не по себе.

Наставник, Вы – мой наставник в полном смысле слова, без обмана. Я понял, что Вы не только в написании романов руку набили, но и в винах великолепно разбираетесь. Возьметесь писать роман – все получается отменно, как у старухи, бинтующей ноги[84]. Заговорите о вине – выходит еще более толково и по делу. Найти выдающегося писателя сегодня нетрудно, отыскать выдающегося знатока вин тоже не проблема, а вот встретить человека, у которого помимо писательского таланта еще и дар выдающегося дегустатора – почти невозможно. Но Вы, наставник, как раз

[84] Примечания: 84

Имеется в виду распространенный в старом Китае обычай бинтовать девочкам ноги. Задержанные в росте крохотные ножки-«лотосы» считались идеалом женской красоты.

таким даром обладаете.

Ваш глубокий анализ вина «Люй и чун де» не только точен, но и проведен почти профессионально. В качестве основного продукта для этого вина используется гаолян и золотистая фасоль, которые должны перебродить в столетних погребах. Основной питательной средой для закваски служат ячмень, пшеничные отруби и горох, добавляется немного рисовых отрубей. После перегонки вино получается светлое и чистое, чуть зеленоватого оттенка, с изысканным вкусом. В целом его можно отнести к типу вин с густым, ярким и богатым ароматом. Привкус у него чересчур острый, поэтому при купажировании мы принимаем немало мер к тому, чтобы подавить его жгучую натуру, подобно тому как одевают уздечку на дикого жеребца, но особыми достижениями в этом пока похвастаться не можем. К тому же мы не успевали оформить его для участия в выставке-продаже – ну, тут уж как получилось. Как Вы отметили, по качеству «Люй и чун де» – абсолютный шедевр,

недостаток его – маловато градусов.

В основном Вы уловили верно, что для образной характеристики при дегустации прекрасное вино сравнивают с красивой женщиной. Мы с моим тестем, профессором Юань Шуанъюем, давно уже задумали проект улучшения «Люй и чун де», чтобы сделать его вкус еще более чарующим, и уже приблизились к осуществлению поставленной задачи, но, к сожалению, в последнее время я настолько ушел в литературу, что ни на что больше времени не остается.

Наставник, в этом огромном мире людей, где разливаются моря вина, текут реки алкоголя, настоящие ценители, которые действительно достигли уровня, когда «прекрасное вино пьют, словно любуются красавицей»[85]*, редки, как звезды на утреннем небе, как перья феникса или рог цилиня, как пенис тигра или яйцо динозавра. Одним из них можно считать Вас, наставник, другим – Вашего ученика. Еще один настоящий ценитель – мой*

---

[85] Примечания: 85
Название эссе Мо Яня.

тесть Юань Шуанъюй, наполовину таковым запишем замначальника отдела Цзинь Ганцзуаня. В числе этих ценителей и Ли Бо… «Но в собутыльники луну позвал я в добрый час, и тень свою я пригласил – и трое стало нас»[86]*. Почему речь идет о троих, спросите Вы. Один – сам Ли Бо, другой – луна, а третий – вино. Потому что луна – это небесная красавица Чан Э*[87]*, а вино – это «цин лянь» – «синий лотос», земная красавица. Ли Бо и вино сливаются воедино, отсюда и Ли Цинлянь*[88] *– так он себя называл. Именно поэтому у Ли Бо столько удивительно прекрасных образов свободного общения с небожителями. Ду Фу тянет лишь на половину такого ценителя. Этот пил по большей части деревенскую кислятину низкого качества, грубой выработки, худосочную и немощную, как старуха-вдова, поэтому в его*

---

[86] Примечания: 86

Из стихотворения Ли Бо «Под луной одиноко пью» (*пер. А. Гитовича*).

[87] Примечания: 87

Чан Э — в китайской мифологии богиня луны.

[88] Примечания: 88

Цинлянь цзюйши — досл. «отшельник синего лотоса»; псевдоним Ли Бо.

стихах нет той живости духа. Как еще одного ценителя отметим Цао Мэндэ[89]*. «Воспевать вино» у него – «воспевать красавицу»; жизнь коротка, а красавица «подобна утренней росе». Красота ускользает, легко теряется, и ею надо наслаждаться, пока возможно. С древности до наших дней, за пять тысяч лет, не наберется и десятка людей, обладавших высоким искусством пить прекрасное вино, любуясь им, будто красоткой. Все остальные – вонючие кожаные бурдюки. Зачем, спрашивается, заливать «Люй и чун де» или «Шибали хун»*[90] *в эти вонючие бурдюки, где все тотчас превратится в ведро помоев?*

При одном упоминании о «Шибали хун», наставник, душа Вашего ученика трепещет. Вот уж действительно нечто потрясающее, настоящий шедевр! До-

---

[89] Примечания: 89

Цао Мэндэ — одно из имен Цао Цао (155–220), известного древнекитайского поэта и полководца, персонажа романа «Троецарствие».

[90] Примечания: 90

«Шибали хун» — досл. «красавица на восемнадцать ли»; название вина из повести Мо Яня «Красный гаолян».

бавить мочи в чан с вином[91] *– этот ошеломляющий и исполненный образной силы купажный прием открыл новую эру в истории виноделия. Среди самого прекрасного нередко встречаются элементы отвратительного. Кто не знает, что мед сладкий, но многим ли известно, из чего он состоит? Некоторые утверждают, что в основном из цветочной пыльцы! Да, совершенно верно. Сказать, что мед в основном состоит из пыльцы, так же верно, как сказать, что основная составная часть вина – этиловый спирт. Но это все равно что ничего не сказать. Известно ли Вам, что в вине содержится несколько десятков минеральных веществ? В вине также десятки микроорганизмов – об этом Вы знаете? И еще много чего такого, что даже названия не выговоришь! Об этом знаете? Я не знаю, мой тесть тоже, а Вы уж тем более. А что в меде содержится морская вода, вам известно? А что в нем присутствует навоз? А что без свежих испражнений не будет и меда?*

---

[91] Примечания: 91
Эпизод из повести «Красный гаолян».

Пролистывал тут недавно периодику, так там эти ни черта не разбирающиеся в виноделии писаки, оказывается, объявили Ваше, наставник, удивительное и выдающееся творчество нечистым. Они утверждают, что добавлять мочу в вино – кощунственно по отношению к культуре человечества, абсолютно не понимая, какое огромное значение для характеристик вина имеют кислотность воды и ее качество. Если вода больше щелочная, вино выйдет терпким и его будет невозможно пить. Но стоит добавить в него мочу здорового ребенка – и получится превосходное вино, знаменитое «Шибали хун» (само название звучит лучше по сравнению с «Чжуанъюань хун» или «Нюйэр хун»[92]*), «ароматный напиток, оставляющий сладкое как мед послевкусие». Никакой несуразицы здесь нет, всего лишь, как гласит поговорка, мало видел –*

[92] Примечания: 92

«Чжуанъюань хун» (досл. «поздравление ученому мужу»), *«Нюйэр хун»* (досл. «поздравление дочери») — народные названия лучшего шаосинского рисового вина «Хуадяоцзю» (досл. «резные цветы»): вино это хранили в цветных резных сосудах. До рождения ребенка вино закапывали как пожелание — сыну получить высшую ученую степень чжуанъюань, а дочери — выйти замуж, и впоследствии откапывали, чтобы отпраздновать эти события.

многому дивишься. Как кандидат виноделия, заявляю: это наука! Наука – дело серьезное и никакой фальши не допускает. Если в чем-то не разбираешься, учиться надо, а не рисовать руку, указывая на ногу, и уж тем более не поносить человека. К тому же что такого нечистого в моче? Конечно, мочу тех, кто спит с проститутками, зарабатывая и сифилис, и гонорею, и СПИД, чистой не назовешь. Но ведь Ваш отец, наставник, добавил в чан с вином мочу ребенка, чистую, как горный источник. В классическом труде «Трактат о корнях и травах» наш выдающийся средневековый фармаколог Ли Шичжэнь пишет совершенно четко: детская моча добавляется при изготовлении лекарств от высокого давления, коронарной недостаточности, атеросклероза, глаукомы, мастита и многих других недугов. Неужто эти невежды и на Ли Шичжэня нападать будут? Детская моча – самая священная, самая сокровенная жидкость на земле, даже дьяволу не разобраться, сколько драгоценных элементов в ней содержится. В Японии многие известные

политики каждое утро выпивают по стакану мочи, чтобы оставаться бодрыми и здоровыми. У нас в Цзюго секретарь горкома Цзян кашкой из толченого корня лотоса с детской мочой вылечил многолетнюю бессонницу. Моча – настоящее чудо, это не только самая замечательная жидкость в мире, в ней еще и глубокое философское содержание. Наставник, давайте не будем обращать внимания на этих болванов. Как говорил народный комиссар товарищ Сталин: «Мы не станем обращать на них внимания!» Они достойны лишь, чтобы их обдало конской мочой.

В своем письме Вы упоминаете, что собираетесь писать роман о вине. Такая нелегкая ноша по плечу лишь Вам. Ведь Ваша душа, наставник, – душа вина, целиком и полностью, а Ваше тело – тело вина, в полном объеме. Ваша винная суть гармонична и прекрасна: Вы привлекательны, крепки всеми членами, размеренны, степенны и непринужденны. Вы полны жизненных сил, Вы передо мной как живой, ничего лишнего. Да Вы –

воплощенная бутылка «Шибали хун», наставник! Чтобы помочь в сборе материала о вине, ученик подготовил для Вас десять бутылок «Люй и чун де», десять бутылок «Хунцзун лема», десять бутылок «Дунфан цзяжэнь»[93]*. Пришлю с первым автобусом академии, который пойдет в Пекин. Начиная с этого дня, наставник, смело шагайте вперед, не расставаясь с бутылкой и пером. Желаю создать девять тысяч девятьсот девяносто девять произведений! А эти олухи пусть льют слезы в углу. «День ликования народных масс станет для классовых врагов днем скорби»*[94]*, победа непременно будет за нами.*

Посланный Вам в прошлый раз рассказ «Мясные дети» хоть и не относится к «литературе репортажа», но отличается от этого жанра немногим. То, что некоторые разложившиеся руководящие работники в Цзюго, в которых не оста-

[93] Примечания: 93

«Хунцзун лема» — досл. «Красногривый скакун»; *«Дунфан цзяжэнь»* — досл. «Красавица Востока».

[94] Примечания: 94

Неточная цитата из Мао Цзэдуна.

лось ничего человеческого, лакомятся младенцами, – абсолютная правда. Я слышал, кого-то послали провести расследование, и когда однажды это дело раскроют, весь мир содрогнется. Кто, как не Ваш ученик, напишет об этом крупном деле в жанре «литературы репортажа»? Ну кому, как не мне, сходить с ума, наставник, обладая таким взрывным материалом?

Вестей от «Гражданской литературы» до сих пор нет, надеюсь, Вы, наставник, сумеете поторопить их.

Наша Лю Янь – с *пятнами на лице, с вытаращенными глазами; возможно, она и есть та «посветлее, всегда с вытаращенными глазами», которую Вы припоминаете. А пятна на лице – вероятно, результат нескольких подпольных абортов. Она как-то обмолвилась, что земля у нее в борозде очень плодородная, семена – хоть жареные, хоть вареные – всё одно взойдут. А еще она говорила, что выкинутые недоношенные плоды уносит и съедает больничный персонал. Я слышал, питательная ценность таких*

шести- или семимесячных плодов очень высока, так что резон в этом есть. Ведь разве плод оленя не прекрасное тонизирующее средство? Разве не считается, что «мохнатое яйцо»[95] *восстанавливает кровь и цвет лица?*

Посылаю свое новое произведение – «Вундеркинд». Оно написано в жанре «демонического реализма». После исправления погрешностей прошу тоже передать в «Гражданскую литературу». Не успокоюсь, пока не достучусь в эти дьявольские врата! Пусть высится аж до небес Ваш порог, я с юным задором пробьюсь в Ваш мирок!

Почтительно желаю безмятежного творчества!
Ваш ученик Ли Идоу

---

[95] Примечания: 95

«Мохнатое яйцо» — так китайцы называют балют (балут), вареный утиный эмбрион с оперением, хрящами и клювом.

3. «Вундеркинд»

Господа читатели, не так давно я рассказал вам историю о «мясных» детях, в которой с особым тщанием постарался изобразить мальчика в красном. Возможно, вы помните эти необычные глаза — узкие щелочки, сияющие не по-детски холодным светом. Типичные глаза заговорщика, будто вставленные на лице ребенка росточком меньше трех чи. Поэтому нам трудно было забыть их, поэтому они и нагнали страху на Цзинь Юань-бао, добропорядочного крестьянина из пригорода Цзюго. В этом небольшом рассказе у нас не было возможности добраться до самой сути, поведать историю этого ребенка. С момента появления его в рассказе за ним сохраняется определенный образ: маленький мальчик с густыми вихрами, глаза заговорщика, большие мясистые уши и хриплый голос. Маленький он лишь с виду, в остальном же — нечто другое.

События в нашем рассказе разворачиваются в отделе особых закупок Кулинарной академии, в сгустившихся сумерках. Любезные читатели,

«наш рассказ вообще-то давно начался»[96].

В небе в тот вечер светила луна, нам так нужно. Большой алый диск медленно взошел из-за насыпного холма, розоватые лучи водопадом струились через двойное стекло, окрашивая лица мягким светом. Это были лица стайки мальчиков, и если вы читали мой рассказ «Мясные дети», то, должно быть, уже узнали их. Один из них и есть дьяволенок, который, погодите, вскоре станет их предводителем или, лучше сказать, тираном.

Мальчики выплакались еще до того, как солнце село за холм. На лицах остались полоски от слез, голоса осипли у всех, кроме, конечно же, дьяволенка. Он просто не умел плакать! Когда все хныкали, он, скрестив руки за спиной, ходил туда-сюда кругами, как большой гусь, по этому красивому просторному помещению, где были и «горы», и «воды»[97], то и дело яростно пиная заливающихся громким плачем детей. Те неизменно взвизгивали и переходили на приглушенное

---

[96] Примечания: 96

Подобные обращения к читателям характерны для традиционных повествований, изначально исполнявшихся профессиональными рассказчиками-шошуды, и широко использовались в классических романах.

[97] Примечания: 97

«Горы и воды» — традиционное обозначение пейзажа и пейзажного жанра в живописи.

всхлипывание. Его нога стала прекрасным средством от плача, и он наградил пинком каждого из тридцати одного ребенка. И вот под всхлипы самого младшего дети наблюдали, как скачет по холму прелестная, как жеребенок, луна.

Столпившись у окна и опершись на подоконник, они смотрели на улицу. Те, кому не удалось протиснуться вперед, опирались на плечи впереди стоящих.

— Мама луна… Мама луна… — пропищал маленький толстячок с размазанными по щекам соплями, подняв пухлый пальчик.

— Не мама луна, а тетя луна, — прошлепал губами другой мальчик. — Это тетя луна.

Дьяволенок презрительно засмеялся. Смешок донесся откуда-то сверху, как крик совы. Дети задрожали и, сжавшись, повернулись в ту сторону. Дьяволенок сидел на корточках на вершине холма в центре помещения. В багровых отсветах луны он в своем красном одеянии походил на пылающий огненный шар. Нескончаемый поток искусственного водопада на склоне холма падал расправленными складками красного шелка в пруд у его подножия, и брызги пены разлетались вокруг алыми вишенками.

Дети уже не смотрели на луну, они поверну-

лись и, сбившись кучкой, в страхе уставились на дьяволенка.

— Дети, — негромко проговорил он, — навострите уши и слушайте, что я вам скажу. Эта похожая на жеребенка штуковина никакая не мама и не тетя. Это шар, небесное тело, которое вращается вокруг всех нас и называется Луна!

Дети тупо смотрели на него.

Одним махом он спрыгнул с холма, при этом просторное красное одеяние раздулось сзади, будто крылья.

Сцепив руки за спиной, он стал прохаживаться перед детьми взад-вперед, время от времени вытирая рукавом рот или сплевывая на сверкающий каменный пол. Потом остановился, поднял руку, похожую на тощую баранью ногу, помахал ею и строгим голосом начал:

— Послушайте, дети. Вы никогда не были людьми, с самого рождения. Ваши папы с мамами продали вас, как поросят или ягнят! Так что начиная с сегодняшнего дня тот, кто осмелится хныкать и звать папу с мамой, получит по шее!

Он размахивал похожей на птичью лапку ладошкой и орал во всю глотку. На пепельно-бледное лицо упал лунный свет, и глаза засветились зеленоватым блеском. Двое мальчиков ударились

в рев.

— Не сметь плакать! — взвизгнул он.

Вытащив обоих плакс, он сжал кулаки и с силой ударил каждого в живот. Те свалились на пол и покатились как мячики.

— Так будет с каждым, кто посмеет хныкать! — Его слова звучали как приказ.

Дети прижались друг к другу еще теснее, плакать никто больше не смел.

— Погодите, — сказал он, — я выведу вас к свету.

И крадясь, как кошка, стал шарить по стене этого огромного странного помещения. Рядом с дверью он остановился и оценивающе задрал голову. С потолка в ряд свешивались четыре шнуровых выключателя. Он поднял руку, но от среднего пальца до конца шнура оставалось около метра. Подпрыгнул пару раз, но при всей своей прекрасной прыгучести не достал до шнура полметра. Тогда он подтащил к стене иву из стальной арматуры, забрался на нее, с силой потянул за шнур, и все лампы в помещении, потрескивая, загорелись. Тут были и лампы дневного света, и лампы накаливания — белые, синие, красные, зеленые, желтые. Их было много: на стенах, на потолке, на насыпном холме, на искусственных

деревьях. Они сияли и переливались ярким разноцветьем, будто в сказочном мире небожителей. Забыв о своих горестях и переживаниях, дети захлопали в ладоши и радостно закричали.

Наслаждаясь произведенным эффектом, дьяволенок презрительно скривил губы. Потом подобрал в углу у стены связку медных колокольчиков и яростно затряс ими. Звонкие переливы привлекли внимание детей. Он заткнул эту будто специально припасенную для него связку за пояс, отхаркнулся и сплюнул:

— Знаете, дети, откуда весь этот свет? Не знаете. Ну да, вы же из захолустных деревушек, где огонь высекают из камня, откуда вам знать такое. Хорошо, расскажу: свет нам несет электричество.

Притихшие дети слушали его объяснения, поблескивая глазенками. Поднялись и те двое, кого он сбил наземь.

— Электричество — это хорошо или нет? — спросил дьяволенок.

— Хорошо, — дружно ответили дети.

— Умный я человек?

— Да!

— Будете меня слушаться?

— Да!

— Хорошо, дети. Вам папа нужен?

— Да!

— Так вот, с сегодняшнего дня ваш папа — я. Буду защищать вас, учить, ухаживать за вами. А кто не будет слушаться — утоплю в пруду! Ясно?

— Ясно!

— Теперь трижды скажите мне — «папа». Так, все вместе!

— Папа — папа — папа!

— Всем на колени и кланяться папе, три поклона каждый!

Некоторые дети не отличались умственными способностями и не понимали до конца всего, что говорил дьяволенок, но помогала способность подражать. Они плюхнулись на колени и принялись, хихикая, кланяться дьяволенку. Тот принимал поклоны на холме, усевшись там и поджав под себя ноги.

Когда с поклонами было покончено, он отобрал четырех самых шустрых и бойких на язык, назначил их старшими, разделив всех на четыре группы.

— Дети! — обратился он к ним. — Теперь вы — бойцы. Боец — это мужчина, который не боится сражаться и стремится к победе. Буду обучать вас, как бороться с теми, кто хочет нас съесть.

— Папа, а кто хочет нас съесть? — полюбопыт-

ствовал старший первой группы.

— Болван! — тряхнул колокольчиками дьяволенок. — Детям не положено перебивать папу.

— Виноват, папа, — признал старший. — Больше не буду.

— Товарищи, дети, сейчас расскажу, кто собирается съесть вас! — продолжал дьяволенок. — У них красные глаза, зеленые когти, а во рту золотые зубы!

— Это волки? Или тигры? — спросил толстячок с ямочками на пухлых щеках.

И тут же получил в назидание затрещину от старшего первой группы:

— Нельзя перебивать папу, когда он говорит!

Толстячок прикусил язык, но не заплакал.

— Товарищи, дети, они не волки, но свирепее волков; не тигры, но пострашнее тигров.

— А почему они едят детей? — не удержался один малыш.

— Ну сколько можно! — нахмурился дьяволенок. — Я же сказал: не перебивать! Старшие, ну-ка выведите его, пусть в наказание постоит один, подумает!

Четверо старших выволокли болтунишку. Тот брыкался и верещал, словно его вели на казнь. Стоило старшим чуть ослабить хватку, он тут же

вырвался и в два прыжка вернулся к остальным детям. Четверка снова вцепилась было в него, но раздался голос дьяволенка:

— Ладно, отпустите. Повторяю еще раз: когда папа говорит, детям не перебивать. Так почему же они едят маленьких детей? Всё очень просто: потому что коровы, бараны, свиньи, собаки, мулы, зайцы, куры, утки, голуби, ослы, верблюды, жеребята, ежи, воробьи, ласточки, дикие и домашние гуси, кошки, крысы, хорьки, рыси им уже надоели, вот они и перешли на детей. Ведь наше мясо нежнее говядины, вкуснее баранины, ароматнее свинины, жирнее собачатины, мягче, чем у мула, жестче крольчатины, глаже курятины, ценнее утятины, проще голубятины, живее ослятины, деликатнее верблюжатины, эластичнее жеребятины, совершеннее ежатины, солиднее воробьятины, более тонкое на вкус, чем у ласточки, не отдает зеленью, как мясо диких гусей, у него нет привкуса жмыха, как у гусей домашних, оно посерьезнее кошатины, питательнее крысятины, не такое вонючее, как у хорька, и не такое малодоступное, как рысятина. Наше мясо считается у людей самым вкусным.

Выпалив столько на одном дыхании, дьяволенок сплюнул, будто подустал.

— Папа, можно сказать? — застенчиво спросил старший второй группы.

— Валяй, — зевнул дьяволенок. — Папа как раз устал говоривши. Папе сейчас косячок бы закумарить, да вот жаль — нету.

— Папа, а как они едят нас — сырыми? — продолжал старший.

— Способов поедать нас немало. Могут, например, зажарить в масле, приготовить на пару, потушить, нарезать кусочками, зажарить вымоченными в уксусе, закоптить. Способов много, но сырыми обычно не едят. Хотя и такое возможно. Говорят, один начальник по фамилии Шэнь съел-таки мальчика сырым, макая в импортный японский уксус.

Дети сбились еще ближе друг к другу, а самые трусливые тихонько захныкали.

— Дети, товарищи, — воодушевился дьяволенок, — именно поэтому вы должны делать так, как я говорю. В этот критический момент вы должны быстро повзрослеть. За одну ночь нужно стать могучими, настоящими мужчинами, никакого хныканья и соплей. Чтобы нас не съели, мы должны сплотиться в один несгибаемый, железный коллектив. Ежом должны стать, дикобразом. Дикобразов они досыта наелись, а наше мясо

нежнее. Ежом с железными иглами надо стать, дикобразом со стальными, исколоть напрочь губы и языки этим чудовищам-людоедам! Пусть нажрутся, а потом мучаются от несварения!

— Но… но эти лампы… — заикаясь, произнес старший четвертой группы.

— Можешь не продолжать, я понял, что ты имеешь в виду, — отмахнулся дьяволенок. — Хочешь сказать, что раз они собираются съесть нас, зачем им понадобилось помещать нас в такое красивое место, верно?

Старший кивнул.

— Ладно, расскажу. Четырнадцать лет назад, еще ребенком, я слышал разговоры о том, что чиновники в Цзюго едят детей, и эти слухи постоянно обрастали подробностями, страшными и таинственными. Потом моя мать стала одного за другим рожать мальчиков — моих младших братьев, но они жили у нас лет до двух, а потом вдруг исчезали. Тут я и понял: моих братьев съели! И решил разоблачить это чудовищное злодеяние. Но ничего не вышло, потому что в то время у меня началась странная кожная болезнь: я весь покрылся чешуйками, из которых, чуть тронь, выделялся гной. Всех тошнило от одного моего вида, никому и в голову не приходило съесть

меня, вот я и не проник в логово тигра[98]. Потом я начал воровать и в доме одного чиновника выпил бутылку вина с обезьянами на этикетке. Чешуйки стали отваливаться слоями, и чем больше их отваливалось, тем меньше я становился, пока не стал таким, как сейчас. С виду я ребенок, а ума палата. Тайное поедание людей должно быть раскрыто, и я буду вашим избавителем!

Дети слушали с серьезными лицами, а он продолжал:

— Хотите знать, зачем нас поместили в такое большое и красивое помещение? Им надо, чтобы мы были в хорошем настроении, иначе наше мясо станет кисловатым и жестким. Дети, товарищи, слушай мой приказ: разнести все, что здесь есть, в пух и прах!

И отковырнув от холма камень, дьяволенок швырнул его в сияющий красным светом настенный светильник. Силы ему, видно, было не занимать, потому что от летящего камня раскатилась прохладная волна. Попасть он не попал, камень ударился о стену и отскочил, чуть не разбив голову одному из детей. Подняв камень, дьяволенок прицелился, метнул еще раз,

---

[98] Примечания: 98

Имеется в виду пословица: «Не проникнув в логово тигра, не добудешь тигренка».

но опять промахнулся и разразился яростными ругательствами. Снова подобрав его, он напрягся всем телом. «Мать твою!..» Пущенный изо всех сил камень попал в цель, светильник разлетелся вдребезги. Посыпались осколки фарфора, а похожая на вилку нить накаливания мигнула красным и погасла.

Дети — маленькие марионетки — наблюдали за его действиями.

— Ну, крушите же! Чего стоите?!

Но дети уже позевывали:

— Папа, спать… Спать хочется…

Подскочив к ним, дьяволенок принялся лупить зевавших руками и ногами. Те, кому досталось, беззвучно хныкали, а один, похрабрее и покрепче, ударил в ответ, и на лице у дьяволенка выступила кровь. Тут уж он совсем разошелся и с такой яростью вцепился зубами мальчугану в ухо, что откусил половину.

В этот момент открылась дверь.

Вбежала няня в белоснежном халате. Ей с большим трудом удалось разнять дьяволенка и мальчика, который орал так, что, казалось, сейчас упадет без сознания. Ни слова не говоря, дьяволенок выплюнул изо рта кровь; глаза его сверкали зеленым блеском. Откушенное ухо по-

драгивало на полу. Заметив его и глянув в лицо дьяволенка, женщина побледнела, испуганно вскрикнула, повернулась и бросилась прочь — только ягодицы заходили под беспорядочный стук каблуков.

Дьяволенок снова забрался на иву из арматуры и выключил все лампы.

— Только сболтните чего, — негромко пригрозил он в наступившей темноте, — мигом ухо откушу!

Потом подошел к холму и водой из водопада сполоснул окровавленный рот.

За дверью послышался топот, — казалось, приближается множество людей. Дьяволенок схватил камень, которым расколотил светильник, и стал ждать, укрывшись за железякой-деревом.

Дверь распахнулась, и фигура в белом, прижавшись к стене, стала шарить по ней в поисках выключателя. Дьяволенок прицелился в верхнюю часть фигуры и метнул камень. Раздался жуткий вопль, фигура зашаталась, а ждавшие за дверью с криками и топотом разбежались. Маленькая нечисть швырнула в белую фигуру еще один камень, и та рухнула на пол.

Через некоторое время за дверью показались полосы яркого света, и в комнату ворвались

несколько человек с электрическими фонариками в руках. Дьяволенок проворно скользнул в угол, лег на пол и закрыл глаза, притворившись спящим.

Вспыхнули светильники. Восемь здоровяков подняли няню, которая была серьезно ранена в голову, а также потерявшего сознание мальчика; их обоих вместе с ухом вынесли из комнаты. Потом стали выяснять, кто все это натворил.

Лежавший в углу дьяволенок похрапывал, будто во сне. Когда один из людей в белом поднял его за шкирку, он задергал руками и ногами, повизгивая, как жалкий котенок.

Расследование ни к чему не привело. Уставшим за день детям хотелось есть и пить, да еще и дьяволенок их замучил, так что к тому времени головы у них уже сонно клонились, они ничего не соображали, и среди общего похрапывания расследование пришлось прекратить.

Люди в белом потушили свет, заперли дверь и ушли. Во тьме раздался довольный смех дьяволенка.

Ранним утром, когда солнце еще не взошло и в комнате ничего было не разобрать, дьяволенок поднялся, вытащил из-за пазухи колокольчики и вовсю затряс ими. От яростного трезвона дети

проснулись. Помочились, присев на корточки[99], а потом снова бухнулись спать под злобными взглядами «папы».

Выглянувшее солнце наполнило помещение красными бликами. Пробудившиеся дети, хныкая, сидели на полу. Им очень хотелось есть. От событий вчерашнего дня в головах почти ничего не осталось, начисто стерлись и все усилия дьяволенка установить свои порядки. На лице у него отразилась растерянность и разочарование: как говорится, не становится железо сталью.

Чтобы не допустить ошибки, мне как рассказчику остается лишь продолжить объективное повествование, стараясь не касаться того, что творилось в душах детей и самого дьяволенка. Буду описывать лишь их дела и речи, а мотивы поведения, смысл, скрытый в их словах, оставляю на суд уважаемых читателей. Вести рассказ не просто, потому что дьяволенок изо всех сил старается нарушить его цельность. Вот уж негодник так негодник. «Вообще-то мой рассказ близится к концу»[100].

---

[99] Примечания: 99

Это возможно благодаря расходящемуся при приседании разрезу на детских штанишках.

[100] Примечания: 100

См. примеч., с. 128.

Завтрак был обильным: маленькие пампушки из муки мелкого помола, молоко, хлеб, повидло, маринованные побеги бобов, кусочки редьки в кисло-сладком соусе, а также суп с яйцом и овощами.

Старик на раздаче старался вовсю. Раскладывал еду в тарелки, наливал и передавал детям чашки. Получая свою порцию, дьяволенок опустил голову и скорчил приятную мину, чтобы старик не обратил на него внимания, но тот пару раз специально смерил его взглядом.

Когда старик ушел, дьяволенок поднял голову и глаза у него засверкали:

— Товарищи дети, не ешьте ничего ни в коем случае. Они только и ждут, чтобы мы отъелись, а потом сожрут нас самих. Устраиваем голодовку. Чем тощее будете, тем позже умрете, а может, и вовсе в живых останетесь.

Дети в основном не реагировали на его подстрекательства, а возможно, и не понимали, о чем он говорит. Увидев еду и почуяв вкусные запахи, они уже ни на что больше не обращали внимания. Всей толпой они набросились на еду, запихивая ее в рот руками. Шум и гам стоял невероятный. Дьяволенок хотел было силой пресечь их дурацкое поведение, но вовремя остановился, заметив,

что в помещение входит какой-то высоченный тип. Следя украдкой за ногами вошедшего, он схватил кружку с горячим молоком и с громким хлюпаньем отхлебнул.

Почувствовав, что верзила пристально смотрит на него с высоты своего роста, дьяволенок стал жадно прихлебывать молоко и жевать пампушки. Он нарочно перемазал все лицо и руки и издавал горлом булькающие звуки, старательно изображая охочего до еды дурачка.

— Вот ведь поросенок! — донеслись до него слова верзилы.

Толстые, похожие на колонны, ноги двинулись вперед, а дьяволенок, подняв голову, уперся взглядом в спину вошедшего. Из-под белой шапочки на вытянутой эллипсом голове выбивалось несколько прядей курчавых светлых волос. Верзила повернулся, и дьяволенок увидел румяное лицо и лоснящийся нос странной формы: он напоминал плод водяного ореха, смазанный свиным жиром.

— Ну что, дети, наелись? — хитро улыбнулся верзила.

Большинство наелись, а некоторые сказали, что нет.

— Дорогие дети, — объявил верзила, — слишком много за один присест съедать нельзя, иначе

можно запросто пищеварение нарушить. А теперь у нас забавы, идет?

Моргая глазами, дети молчали. Он хлопнул себя по голове:

— Эх, что это я! Ведь вы еще маленькие, не понимаете, что такое забавы. Идем на улицу играть в «коршуна и цыплят», хорошо?

Дети с радостными криками гурьбой двинулись за ним во двор. С явной неохотой вслед за всеми поплелся и дьяволенок.

Игра началась. На роль наседки длинноносый верзила выбрал дьяволенка — возможно, из-за его заметного алого одеяния, — а за ним выводком сгрудились остальные дети. Сам верзила изображал коршуна. Он махал руками-крыльями, как коршун в полете, таращил глаза, скалил зубы и странно клекотал.

Забив крыльями, коршун вдруг понесся над самой землей. Нос у него скрючился, почти касаясь тонкой верхней губы, глаза засверкали хищным блеском. Ни дать ни взять — жестокий хищник витает над головами детей черной тенью. Дьяволенок напряженно следил, как подрагивают его острые когти, когда он опускается на зеленый травяной ковер, поднимается в воздух, неторопливо играя с детьми и выжидая подходящий момент.

Как и подобает настоящему хищнику, терпения ему не занимать. Инициатива всегда на стороне нападающего. А защищающийся постоянно напряжен и ни на миг не должен расслабляться.

И вот коршун молниеносно набрасывается на цыплят. Дьяволенок храбро устремляется в хвост своих рядов и, работая головой, ногтями и зубами, отбивает мальчонку, которого закогтил коршун. Бросившиеся от коршуна врассыпную дети пронзительно верещат от радости и страха. Дьяволенок одним прыжком ловко преграждает коршуну дорогу. Глаза у него горят еще ярче, чем у растерявшегося от удивления коршуна.

Еще одна атака — дьяволенок вновь бросается вперед, оставив за спиной выводок. Движения у него проворны и рассчитанны, совсем не как у ребенка. Коршун и оглянуться не успел, как дьяволенок уже добрался до его шеи. Длинноносого охватил настоящий страх. Казалось, к шее припал гигантский черный паук или летучая мышь-вампир с алыми перепонками между лап, и он отчаянно замотал головой, пытаясь сбросить мальчишку. Но напрасно, потому что когти дьяволенка уже вонзились ему в глаза. От невыносимой боли верзила утратил всякую способность к сопротивлению и с пронзительным

воплем рухнул на траву как подкошенный.

Дьяволенок спрыгнул на землю и с улыбочкой, которую иначе как коварной, порочной и злобной не назовешь, подошел к детям:

— Дети, товарищи, глаза коршуну я выцарапал, теперь ему нас не увидеть. Давайте играть дальше!

Ослепленный коршун катался по земле, то выгибаясь всем телом, как горбатый мостик, то извиваясь, как дракон. Лицо он закрыл ладонями, меж пальцев с бульканьем текла черная кровь, — казалось, это ползут черные червяки. Он причитал и издавал страшные, душераздирающие крики. Дети, как обычно, сбились вместе. Дьяволенок бдительно огляделся по сторонам: во дворе никого, только несколько белых бабочек порхают над травой. Из трубы за стеной валили клубы черного дыма, и в нос бил густой аромат. Между тем вопли коршуна становились все пронзительнее. Раздраженно покружив по двору, дьяволенок молнией вскочил коршуну на спину и с неописуемо жутким выражением лица погрузил маленькие острые когти в разжиревшее горло. Наверняка в него глубоко вошли все десять пальцев. Что чувствовал дьяволенок, впиваясь в горло человеку? То же ли,

что чувствуешь, погружая руки в горячий песок или в расплавленный жир? Это нам неведомо. Испытывал ли он при этом чувство мести или удовлетворение? Этого нам тоже не дано знать. Почтенные господа читатели всегда умнее писателя — в этом у повествующего нет никакого сомнения. Когда дьяволенок отпустил руки, коршун уже еле слышно хрипел. На горле у него то сильнее, то слабее пузырилась кровь, словно там поселились крабы — любители пускать пузыри. Подняв вверх все десять окровавленных пальцев, дьяволенок спокойно возгласил:

— Коршуну скоро конец.

Дети что посмелее столпились вокруг, за ними потянулись не такие смелые; все стояли, уставившись на тело умирающего коршуна. Оно еще сотрясалось и изгибалось в конвульсиях, но признаков жизни становилось все меньше, и движения постепенно ослабевали. Рот коршуна вдруг открылся, словно он хотел издать какой-то звук. Но звука не последовало. Фонтаном хлынула кровь. Горячая струя с шипением шлепнулась на траву, липкая и густая. Трава тут же завяла. Дьяволенок набрал горсть земли и запихнул в широко разинутый рот коршуна. Из глотки вырвался странный звук, и вместе с ним, словно при

взрыве, вылетело немного земли с кровью.

— А ну-ка, набейте ему полный рот, дети, — скомандовал дьяволенок. — Набейте, чтобы он уже не смог съесть нас.

Дети тут же откликнулись на призыв. Коллектив — великая сила, несколько десятков рук яростно взялись за работу. В рот коршуна полетела земля, трава, песок, засыпая и глаза, и нос. Дети проделывали это со все большим энтузиазмом, настроение у них поднялось, игра для них — сама жизнь, и скоро голова коршуна покрылась грязью. У детей так часто бывает. Они могут, например, всем скопом забить несчастную лягушку, переползающую через дорогу змею или раненую кошку. Добив, собираются вокруг и наслаждаются этим зрелищем.

— Ну что, подох?

Из нижней части тела коршуна вырвался воздух, словно что-то лопнуло.

— Не подох, раз пукает, сыпьте еще.

И новая лавина земли похоронила под собой тело коршуна. Да, они действительно почти похоронили его.

От жутких воплей, доносившихся со двора помещения для откармливания «мясных» детей, дежурной по отделу особых закупок Кулинарной

академии свело шею, мочевой пузырь сжался, и в душу, словно букашка, заползло предчувствие беды.

Она встала и подошла к телефонному аппарату. Но как только правая рука коснулась трубки, половину тела парализовало сильным электрическим разрядом. Волоча парализованную половину, дежурная вернулась за рабочий стол. Казалось, тело разделилось на две части: одна холодная как лед, другая пышет жаром. Она торопливо открыла ящик стола и вытащила зеркальце, чтобы взглянуть на себя. Пол-лица сине-фиолетовое, другая половина — белая как снег. Насмерть перепуганная, она снова направилась к телефону, но стоило ей протянуть руку, как ее тут же снова отбросило, будто ударом тока. Казалось, она вот-вот потеряет сознание, но воссиявший вдруг в мозгу свет высветил какую-то дорогу. Там стояло большое дерево, в которое ударила молния: половина покрыта ярко-зеленой листвой и увешана плодами; другая половина — голая, без единого листочка, с ветками из бронзы и стволом из стали — утопала в море солнечного света и светилась волшебным блеском. «Это дерево — я», — тут же поняла она. От внезапно нахлынувшего возбуждения и нежности по лицу

заструились слезы счастья. Словно в помешательстве, она тупо уставилась на половину дерева, опаленную молнией, стараясь не смотреть на другую, покрытую листвой, которая уже вызывала отвращение. Она призывала молнию поразить цветущую половину и обратить ее в бронзу и сталь, чтобы дерево стало одним сияющим целым. Потом протянула к телефону левую руку, и все тело запылало как в огне. Будто помолодев лет на десять, она выбежала во двор, а оттуда на лужайку перед помещением для откармливания «мясных» детей. Увидев забросанный землей труп коршуна, она расхохоталась и захлопала в ладоши:

— Ай да дети, славно вы его укокошили, славно! А теперь бежим отсюда, да поскорее! Вон из этого логова монстров-убийц, быстро!

Вслед за ней дети миновали несколько стальных дверей, пробираясь по лабиринтам Кулинарной академии. Но ее план был обречен на провал. Всех детей схватили и приволокли обратно — всех, кроме дьяволенка. Тому удалось скрыться, а дежурную уволили. Возникает вопрос, дорогие читатели: зачем мне понадобилось изводить здесь на нее столько туши? Дело в том, что она — моя теща, жена профессора Академии

виноделия Юань Шуанъюя. Все говорят, что она повредилась рассудком, я тоже так считаю. Теперь целыми днями сидит дома и пишет изобличительные письма. Пишет целыми пачками и целыми пачками отправляет — и председателю Центрального комитета, и секретарю парткома провинции, а одно даже в Хэнань, в управу Кайфэна, на имя Бао Цинтяня[101]. Спрашивается, ну не сумасшедшая ли она после этого? На одних почтовых марках разоришься.

Когда цветут два цветка, сперва поправь всю ветку. Разбежавшихся мальчиков возвращала в помещение для особого откармливания целая толпа людей в белом. Усилий для этого потребовалось немало, потому что, получив боевое крещение, эти негодники распоясались и стали действовать по-хитрому. Они забились под деревья и кусты, в углубления стен, забрались на верхушки деревьев, попрыгали в отхожие места. Попрятались где только можно. Ведь стоило теще открыть прочные железные ворота, как дети тут же разбежались кто куда. Она-то считала, что спасает их, выводя из логова монстров. Но

[101] Примечания: 101

Бао Цинтянь — легендарный судья Бао (999–1062), в Китае символ справедливости.

это была всего лишь фантазия, потому что на самом-то деле за ней следовала только ее собственная тень. Когда она стояла у задних ворот академии, громко призывая детей разбежаться, ее крики слышали лишь старики и старухи, которые затаились у места впадения сточной канавы академии в небольшую речушку в надежде выловить что-нибудь съедобное из отбросов. Их скрывала чрезвычайно пышная прибрежная растительность, и теща их не видела. Так отчего же она сошла с ума, при ее-то высокой должности? От удара током или от чего другого? Об этом поговорим в другой раз.

Как только обнаружилось, что дети сбежали, отдел безопасности Кулинарной академии собрался на экстренное совещание, где было решено принять неотложные меры, в том числе блокировать все входы и выходы. Затем организовали прочесывание территории академии несколькими подразделениями оперативных сотрудников. В ходе прочесывания «мясные» дети зверски искусали десятерых, а одной женщине выдавили глаз. Администрация академии выразила раненым сотрудникам сочувствие и в зависимости от серьезности ранений выдала невиданно щедрые премии. За детьми установили строгий надзор,

а после переклички выяснилось, что одного не хватает. Как показала пришедшая в себя после восстановительной терапии няня, сбежавший и есть тот душегуб, что ранил ее. Должно быть, он и «коршуна» убил. Она смутно помнила, что он весь в красном и что у него угрюмый взгляд, как у змеи.

Несколько дней спустя чистивший канаву служащий академии обнаружил неимоверно грязное красное одеяние, но самого дьяволенка, душегуба и убийцы, предводителя «мясных» детей, и след простыл.

Любезные читатели, хотите знать, что с ним сталось?

4

Уважаемый кандидат виноведения, брат Идоу!

Спасибо за письмо. «Вундеркинда» прочел, от этого обернутого в красный флаг дьяволенка просто места себе не находил, несколько ночей не мог спать спокойно. В твоем рассказе, дружище, чувствуется рука мастера. В нем столько необычайного и вдохновенного, что кажется, поток мыслей неиссякаем. Куда там мне с моими скромными способностями. Если все же хочешь знать мое мнение, то могу сделать несколько незначительных замечаний. Например, непонятно, откуда взялся этот дьяволенок, и это не соответствует принципам реализма; рыхловата структура произведения, слишком явно желание автора изображать все, сообразуясь исключительно со своим видением, ну и тому подобные отступления от правил. А что касается вашего «демонического реализма», уважаемый, вообще не смею

высказывать какие-либо неосторожные критические замечания. Я уже отослал «Вундеркинда» в «Гражданскую литературу». Издание это авторитетное, рукописей у них выше крыши – столько накапливается, что, как говорится, волы вспотеют вывозить. Поэтому ничего особенного в том, что о посланных рассказах временно нет вестей. Я написал двум известным редакторам из «Гражданской литературы» – Чжоу Бао и Ли Сяобао – и попросил проверить. И то и другое сокровище[102] *– мои приятели, и я уверен, что они помогут.*

Какое обилие перлов красноречия появляется в письме, когда ты пишешь о вине: одновременно и серьезно, и комично, удачно со всех точек зрения. А какая богатая эрудиция! Чувствуется, что писал кандидат виноведения. Это воистину достойно восхищения. Надеюсь, мы еще не раз поговорим о вине, ведь у меня большой интерес к этой теме.

Не знаю, смеяться мне или плакать,

---

[102] Примечания: 102
«Бао» в обоих именах означает «сокровище».

когда эпизод с добавлением мочи в чан с вином в моей незначительной работе «Гаоляновое вино» ты, дружище, превозносишь как некую новую технологию. В химии я ничего не смыслю, не говоря уже о купажировании, и в свое время вставил этот эпизод исключительно шутки ради – хотелось немного посмеяться над этими «эстетами» с налитыми кровью глазами. Вот уж не ожидал, что с помощью научной теории ты сможешь доказать правомерность и возвышенную природу этого эпизода, поэтому помимо восхищения хочу выразить и свою признательность. Это то, что называется «мастер ищет путь сноровкой, а профан глазеть лишь ловкий», или, как говорится, бережно посаженный цветок не распускается, а воткнутая ветка ивы вымахивает в раскидистое дерево.

В связи с «Шибали хун» длится довольно серьезная судебная тяжба. После того как в Западном Берлине фильм «Красный гаолян» получил приз[103], *ко мне в де-*

[103] Примечания: 103

В 1988 г. фильму «Красный гаолян» присужден приз «Золотой медведь».

ревне на склад, где я устроил себе рабочий кабинет, прибежал директор местного винного заводика и заявил, что хочет изготовить опытную партию «Шибали хун». Но из-за недостатка средств сразу начать это дело не смог. Год спустя приехавшее с проверкой руководство провинции изъявило желание выпить «Шибали хун», и в уезде все сели в лужу. После отъезда провинциального руководства уездные финансисты выделили заводу средства для организации ударной группы по подготовке пробной партии этого вина. Думаю, под пробной партией они понимали следующее: смешать два сорта вина, придумать новую форму бутылки, прилепить яркую этикетку – и успех обеспечен. Добавляли они в это вино детскую мочу или нет – не знаю. Но когда завод с гордостью прислал «Шибали хун» в уезд, чтобы отрапортовать об успехе, в журнале «Народное кино» появилось сообщение, что винзавод «Шибали хун» из уезда Шанцай в провинции Хэнань проводит в Шэнчжэне пресс-конференцию для журналистов, на которую приглашены

представители кинематографических кругов. В сообщении говорилось, что вино «Шибали хун» этого завода и есть настоящее «Шибали хун» из фильма «Красный гаолян». Согласно написанному на коробках с их вином, главная героиня фильма «Красный гаолян», Дай Цзюэр, была родом из уезда Шанцай и во время голода бежала вместе с отцом в уезд Гаоми провинции Шаньдун. Рецепт по изготовлению знаменитого вина «Шибали хун» попал в уезд Гаоми из уезда Шанцай, значит, уезд Шанцай и есть настоящая родина «Шибали хун».

Ох и костерил ловкачей из Шанцай директор винзавода у нас в Гаоми, когда узнал об этом. Он тут же послал человека ко мне в Пекин с оригинальным «Шибали хун», чтобы я как автор произведения помог вернуть «Шибали хун» в Гаоми, откуда это вино и произошло. Но проныры хэнаньцы и тут подсуетились: они давно уже честь по чести и без лишних эмоций зарегистрировали «Шибали хун» в торгово-промышленной палате как свою торговую марку, и «Шибали хун»

из Гаоми оказалось вне закона. Земляки из Гаоми попросили меня помочь с обращением в суд, но я сказал, что тут концов не найдешь. Дай Цзюэр, в сущности, вымышленный персонаж, никакая она мне не бабка.

Утверждения хэнаньцев из Шанцай, что она родом оттуда, закона ничуть не нарушают, и для Гаоми это дело гиблое. Остается лишь молча признать поражение. Потом до меня дошли слухи, что с этим «Шибали хун» хэнаньцы вышли на международный рынок и заработали немало валюты. Надеюсь, так оно и есть на самом деле. Оказывается, сочетание литературы и вина принимает и такие, единственные в своем роде, формы. Почитал тут новый закон об авторском праве и хочу пригласить режиссера Чжана Имоу съездить в Шанцай: ведь и нам что-то причитается!

Все прекрасные вина, о которых ты упоминаешь, известны своим высоким качеством, но надобности в них у меня нет. А вот материалы о вине очень нужны, и надеюсь, у тебя будет возможность

выбрать и прислать мне самые необходимые. Оплата почтовых расходов, естественно, за мной.

Увидишь Лю Янь – поклон ей от меня.

С наилучшими пожеланиями,

Мо Янь

Глава четвертая

1

Следователь разлепил глаза. Зрачки, казалось, высохли и одеревенели, голова раскалывалась. Изо рта несло какой-то дрянью, похлеще дерьма. Десны, язык и глотка обложены чем-то густым и липким: ни сплюнуть, ни сглотнуть и дышать трудно. От люстры над головой едва струится желтоватый свет, и непонятно, день сейчас или ночь, рассвет или сумерки. Наручные часы куда-то подевались, биологические расстроились. В животе громкое урчание, в такт биению сердца тревожно пульсирует геморрой. Раскаленные вольфрамовые нити с гудением подрагивают. В ушах стоит звон, а когда он затихает, слышится биение собственного сердца. Вознамерившись встать с кровати, Дин Гоуэр с усилием пошевелил руками и ногами, но тело не слушалось. Смутно, будто в стародавнем сне, вспомнилось, как пили всю эту водку. И тут вдруг ему еле заметно улыбнулся восседающий на большом подносе благоуханный золотистый мальчик. Следователь вскрикнул дурным голосом, сознание преодолело все, что ему мешало, и мысли потекли, обжигая кости и мышцы, словно электрический ток. Он

подскочил на кровати, будто карп над поверхностью воды, — вытянувшись красивой дугой, изменив кривизну пространства, изменив само пространство и магнитное поле, разделив свет на все цвета спектра, и в позе собаки, нацелившейся на кусок дерьма, приземлился головой вперед на синтетический ковер.

Он лежал полуголый, удивленно разглядывая нацарапанные на стене четыре крестообразные «десятки», и тут по спине у него пробежал холодок. Из паров алкоголя живо выплыл образ покрытого чешуйками малого с похожим на ивовый листок кинжалом в зубах. Потом до него дошло, что выше пояса на нем ничего нет: торчащие ребра, чуть выступающий живот, на груди — клочки всклокоченной рыжеватой поросли, в пупке полно грязи. Облив голову холодной водой, он глянул на себя в зеркало: опухшее лицо, тусклый, безжизненный взгляд. Вдруг накатило желание тут же, в ванной, свести счеты с жизнью. Он нашел папку, вытащил пистолет и взвел курок. Ощущая нежную прохладу рукоятки, встал перед зеркалом и вытаращился на свое отражение, как на кого-то незнакомого, как на врага. Уткнул холодноватое дуло в кончик носа так, что он вдавился в ствол. При этом из

пор на крыльях носа скрючившимися личинками выступил подкожный жир. Приставил дуло к виску, и кожа ответила радостной дрожью. Наконец, сунул дуло в рот и плотно сжал губами. Так плотно, что и иголка не пролезет. Вид был настолько комичный, что самому смешно стало. Он ухмыльнулся, ухмыльнулось и отражение в зеркале. Пахнущее пороховым дымом дуло уперлось прямо в гортань. Когда же это он из него стрелял? Бабах! Голова сидевшего на подносе мальчика разлетелась на куски, как арбуз, и все вокруг осыпало разноцветными брызгами мозга, который источал неописуемый аромат. Вспомнилось, как некоторые из присутствовавших с кошачьей жадностью бросились вылизывать эти ошметки. В душе заворочалась совесть, голову окутало темным облаком сомнения. Ну кто может гарантировать, что это не обман? Что руки мальчика — из свежего корневища лотоса? А может, это руки настоящие, только приготовлены так, что напоминают корневище лотоса с пятью глазками?

В дверь постучали. Дин Гоуэр вытащил пистолет изо рта.

Расплываясь в улыбках, вошли директор шахты и партсекретарь.

С непринужденным видом вошел и прекрасно выглядящий замначальника отдела Цзинь Ганцзуань.

— Выспались, товарищ Дин Гоуэр?

— Выспались, товарищ Дин Гоуэр?

— Выспались, товарищ Дин Гоуэр?

Стало ужасно неловко, и он натянул на плечи шерстяное одеяло:

— Одежду у меня стащили.

Замначальника отдела Цзинь, ни слова не говоря, уставился на «десятки», выцарапанные ножом на стене, и на лице у него появилось суровое и торжественное выражение.

— Опять он! — пробормотал он после долгого молчания.

— Кто это — «он»? — напрягся Дин Гоуэр.

— Неуловимый вор, весьма искусный в своем деле. — Согнутым средним пальцем левой руки Цзинь Ганцзуань постучал по стене. — На месте каждого преступления оставляет такой знак.

Дин Гоуэр подошел поближе и стал вглядываться в иероглифы. Проснулся профессиональный инстинкт, и замутненное сознание резко прояснилось, высохшие глазницы увлажнились, зрение стало острым, как у орла или сокола. Четыре «десятки» были вырезаны в ряд, одна за

другой. С каждым ударом кинжал входил в стену где-то на треть, по бокам отверстий кучерявились пластиковые обои, обнажая осыпающуюся штукатурку.

Решив взглянуть на выражение лица Цзинь Ганцзуаня, он ощутил на себе пристальный взгляд его красивых глаз. Появилось чувство, что он в чужих руках, что столкнулся с беспощадным противником, попал в западню. Но светившаяся в прекрасных глазах Цзинь Ганцзуаня дружеская улыбка пробила брешь в выстроенной в сознании оборонительной линии.

— Товарищ Дин Гоуэр, вы ведь спец в этой области, — проговорил тот пьянящим, как вино, голосом. — Что могли бы значить эти четыре десятки?

Слова не шли на язык. Вымытая алкоголем из черепа прелестная бабочка сознания устроилась на своем месте еще не полностью, поэтому ничего не оставалось, как только тупо смотреть в рот Цзинь Ганцзуаня с блестевшим в нем то ли золотым, то ли медным зубом.

— Думаю, это знак шайки хулиганов, — начал Цзинь Ганцзуань. — В ней сорок человек, на это указывают четыре иероглифа «десять». Конечно, может появиться и Али-Баба. А вот если вы, това-

рищ Дин Гоуэр, могли бы нечаянно взять на себя роль Али-Бабы, это стало бы настоящей удачей для двухмиллионного населения Цзюго.

И он шутливо склонился перед следователем в традиционном приветствии, сложив руки у груди, отчего тот смутился еще больше:

— Эти сорок разбойников украли у меня всё: документы, бумажник, сигареты, зажигалку, электробритву, игрушечный пистолет, записную книжку с телефонами.

— Да как они посмели вызвать гнев богов! — расхохотался Цзинь Ганцзуань.

— К счастью, они не тронули моего настоящего друга! — помахал пистолетом Дин Гоуэр.

— Старина Дин, я ведь зашел попрощаться. Хотел пригласить выпить на посошок, но принимая во внимание, насколько ваше превосходительство заняты официальными обязанностями, не смею дольше беспокоить. Будут вопросы — милости прошу ко мне в горком. — И Цзинь Ганцзуань протянул Дин Гоуэру руку.

Словно в тумане, Дин Гоуэр пожал ее, так же, как в тумане, отпустил и, словно в тумане, увидел, что Цзинь Ганцзуань в сопровождении партсекретаря и директора стремительно, как ветерок, вылетел из номера. Желудок скрутило в

спазме сухой рвоты, и грудь пронизала режущая боль. Похмелье не прошло, ситуация не прояснилась. Почти десять минут продержал он голову под струей воды из крана. Потом выпил чашку холодного, стоялого чая. Несколько раз глубоко вздохнул с закрытыми глазами, сосредоточился, собрал вместе мятущиеся мысли, прогнал эгоистические и путаные соображения — и вот глаза уже резко открылись, сознание обострилось отточенным на точильном колесе топором, который разрубал застящие зрение толстые лианы и тонкие вьюнки, и пришло новое понимание, отчетливо проявившееся как на экране: в Цзюго орудует банда зверей-людоедов! Все, что произошло на банкете, — ловкое надувательство.

Вытерев насухо голову и лицо, он надел носки и туфли, затянул ремень, зарядил пистолет, надел бейсболку, накинул голубую рубашку в клеточку, которую швырнул на ковер чешуйчатый малый и которая уже успела пропитаться его собственной рвотой, решительно шагнул к двери, открыл ее и широкими шагами направился по коридору в поисках лифта или лестницы. Девица в кремовом за стойкой любезно объяснила, как выбраться из этого лабиринта.

С погодой на улице творилось что-то непонят-

ное: на небе клубились черные тучи и в то же время светило яркое солнце. Время перевалило за полдень. Проносившиеся тучи бросали на землю огромные тени, а на желтых листьях поблескивал солнечный свет. В носу засвербило, и Дин Гоуэр громко чихнул семь раз подряд, да так, что скрючился, как сушеная креветка, а на глазах выступили слезы. Когда он выпрямился, затуманенному взору предстал тот же огромный шкив темно-красной лебедки у входа в штольню. Так же беззвучно и безостановочно скользил серебристо-серый стальной трос. Все было как прежде: золотистые подсолнухи, чистый аромат бревен, подобный весточке из первобытного леса, вагонетка, снующая по узкоколейке от одной горы угля к другой. С небольшого электромотора вагонетки свешивался и волочился длинный изолированный провод. Управляла ею чумазая девица, посверкивающая жемчугами зубов. Она стояла сзади на выступе, всем своим видом внушая трепет, словно воин во всеоружии. Всякий раз, когда вагонетка добиралась до конца колеи, она останавливала ее, резко нажимая на рычаг тормоза, и блестящие куски угля сыпались шуршащим водопадом. Откуда-то сбоку выскочила вроде бы та самая, живущая у проходной, ов-

чарка. Она встала перед ним и яростно облаяла, будто вымещая на нем затаенную злобу.

Овчарка убежала, а Дин Гоуэр совсем расстроился. «Если трезво оценивать ситуацию, положение у меня вообще-то аховое. Откуда я? Из провинциального центра. С какой целью? Расследовать важное дело. Среди безбрежных просторов Вселенной, на крошечной, как пылинка, планете, затерянный в океане других людей, стоит следователь по имени Дин Гоуэр. Душа его в смятении, стать лучше он не стремится, он пал духом, полон пессимизма и одинок». И он бесцельно, в уверенности, что ничего хорошего его не ждет и терять ему нечего, побрел к зоне погрузки, к этим грохочущим машинам.

Но без стечений обстоятельств романа не бывает.

— Дин Гоуэр! Дин Гоуэр! — неожиданно окликнул его звонкий голос. — Ты что здесь шатаешься, мерзавец?

Он повернулся на крик, в глаза сначала бросилась копна жестких черных волос, а потом и живое, бойкое лицо шоферицы. Она стояла рядом со своим грузовиком, держа в руках пару грязных белых перчаток, и в солнечном свете смахивала на маленького осленка.

— Иди сюда, негодник! — Она взмахнула перчатками, как волшебной палочкой, и следователя неудержимо повлекло к ней. И вот глубоко погрузившийся в «комплекс одиночества» Дин Гоуэр приблизился.

— А-а, это ты, «солончак»! — развязно проговорил он, хотя, остановившись перед ней, испытал прекрасное чувство, будто вернувшийся в гавань корабль или ребенок, увидевший мать.

— «Мелиоратор»! — ухмылялась она во весь рот. — Ты еще здесь, паршивец?

— Да вот как раз собрался уезжать!

— Хочешь еще раз со мной прокатиться?

— Конечно.

— Это тебе недешево обойдется.

— Блок «Мальборо».

— Два блока.

— Два так два.

— Тогда жди!

Стоявший впереди грузовик тронулся, обдав их клубами выхлопов и подняв целое облако угольной пыли.

— В сторону отойди! — крикнула она, запрыгивая в кабину. И взявшись за руль, стала крутить его туда-сюда, пока кузов машины не оказался как раз там, где заканчивались рельсы узкоколейки.

— Ну, девчонки, молодцы! — искренне похвалил какой-то тип в темных очках.

— Всё без дураков, как говорится, бычью шкуру не надуваем! Паровозы не толкаем! Гору Тайшань не насыпаем! — бросила она, молодцевато выпрыгнув из кабины.

Обрадованный Дин Гоуэр расплылся в улыбке.

— Чего улыбаешься? — подступила она к нему.

— Ничего я не улыбаюсь.

Вагонетка загрохотала и медленно, словно большая черная черепаха, пришла в движение. Колеса со скрежетом катились по колее, то и дело отбрасывая снопы искр, за вагонеткой черной резиновой змеей извивался провод. Исполненный решимости взгляд, серьезное лицо стоявшей на ней сзади девушки вызывали уважение. Вагонетка мчалась, как свирепый тигр, спустившийся с гор, — казалось, она вот-вот врежется в кузов грузовика и от него останутся лишь обломки. Но опасения Дин Гоуэра оказались напрасны. Расчет девушки был точен, реакция молниеносна, мозг ее работал, как компьютер. В нужный момент она рванула тормоз, кузов вагонетки опрокинулся, и сверкающий уголь заструился в кузов грузовика: ни куска не упало мимо, ни куска не застряло. От запаха свежего угля душа Дин Гоуэра возрадова-

лась еще больше.

— Закурить не будет, дружище? — протянул он руку к шоферице, как нищий. — Угости сигареткой недостойного.

Та дала ему сигарету, другую сунула себе в рот.

— Ты чего в таком виде? Ограбили, что ль? — выпустила она облачко табачного дыма.

Он не ответил — его внимание привлекли мулы.

Вместе с ней он смотрел, как по дороге, усыпанной угольной пылью, обломками бетонных плит, гнилым деревом и ржавой проволокой, приближается повозка. Возница — поводья в левой руке, кнут в правой — с горделивым видом погоняет пару мулов. Мулы черные, красивые. Тот, что покрупнее, — вроде бы кривой на один глаз, — запряжен. Другой, поменьше, — у него оба глаза на месте и сверкают живым блеском, большие, как бронзовые колокольчики, — шел как пристяжной.

— Ого-го… Но-о…

Извивающийся кнут звонко щелкнул в воздухе, маленький мул отважно рванулся, повозка с треском дернулась вперед, и тут случилось несчастье: мул, словно блестящая черная стена, рухнул на злую, захламленную землю. На его круп

обрушился кнут возницы, малыш изо всех сил пытался встать, а поднявшись, затрясся всем телом, покачиваясь из стороны в сторону и издавая жалобный, разрывающий сердце рев. Возница в испуге застыл, потом отбросил кнут и соскочил с повозки. Опустившись на колени перед мулом, он вытащил застрявшее в щели между двумя каменными плитами копыто. Схватив шоферицу за руку, Дин Гоуэр сделал несколько шагов к месту происшествия.

Смуглолицый возница держал в руках копыто и громко скулил.

Запряженный мул постарше молча стоял, опустив голову, будто на траурном митинге.

Черный малыш держался на трех ногах, то и дело постукивая четвертой — изуродованной задней — по куску гнилого дерева, словно колотушкой по барабану, и хлеставшая из нее темная кровь окрашивала красным и деревяшку, и всё вокруг нее.

Сердце Дин Гоуэра бешено колотилось, он хотел было повернуться и уйти, но шоферица вцепилась в него и не отпускала. Ее рука замкнулась на запястье, как наручник.

Собравшиеся на все лады обсуждали происшествие: одни жалели маленького мула, дру-

гие — возницу; кто обвинял его, кто — ухабистую дорогу. Гвалт стоял, как в вороньем гнезде.

— Дорогу, дорогу!

Толпа дрогнула и поспешно расступилась. Растолкав всех, к месту происшествия подлетели две сухонькие женщины. Их поразительно бледные лица невольно хотелось сравнить с пролежавшей всю зиму на складе капустой. Обе в безукоризненно белых халатах и таких же шапочках. У одной в руках вощеная корзина из бамбука, у другой — корзинка из ивняка. Этакая парочка ангелов.

— Ветеринары!

— Ветеринары, ветеринары прибыли, не плачь, дружище, ветеринары уже здесь. Быстрее, дай им копыто, сейчас они его назад приделают.

— Никакие мы не ветеринары! — поспешили внести ясность женщины. — Повара мы из гостевого дома. Завтра на шахту городское начальство приезжает, так директор приказал в лепешку разбиться, а принять по первому разряду. Курица, рыба — эка невидаль, уж и не знали, как быть, а тут слышим — мулу копыто оторвало.

— Поджаренное в масле копыто мула, холодец из копыта мула…

— Возчик, продай копыто, а?

— Продать? Ну нет… — Возница прижал копыто к груди с глупым выражением на лице, будто держал отрезанную руку любимого человека.

— Ну не болван, а? — разозлилась одна из женщин в белом. — Ты что, обратно его приставить собираешься? Где столько денег возьмешь? В наши дни человеку-то не всегда руку пришьют, а о скотине и говорить нечего.

— Хорошую цену заплатим.

— Тут поблизости нигде так не сторгуешься.

— Ну… А сколько дадите?

— По тридцать юаней за штуку — скажешь, дешево?

— Вам только копыта нужны?

— Только копыта. Остальное не надо.

— Все четыре?

— Все четыре.

— Но ведь он еще живой.

— Ну и что, что живой. Какая от него польза без копыта!

— Но ведь он еще живой…

— Вот зануда. Продаешь, нет?

— Продаю…

— Вот тебе деньги! Пересчитай!

— Выпрягай его, да пошевеливайся!

Зажав в руке деньги, другой рукой возница

передал оторванное копыто женщине в белом. Рука его при этом чуть дрожала. Та приняла копыто и бережно положила в корзину. Вторая вытащила из корзины нож, топор и пилу для костей и, выпрямившись, стала громко подгонять парня, чтобы распрягал быстрее. Возница присел, раскорячив ноги, и согнулся над мулом. Дальше все произошло в одно мгновение, гораздо больше времени займет рассказ об этом. Женщина в белом подняла топор, прицелилась и резко опустила его на широкий лоб мула. Лезвие вошло настолько глубоко, что ей было его не вытащить. Тем временем передние ноги мула подкосились, он медленно осел всем телом и распластался на неровностях дороги.

Дин Гоуэр глубоко вздохнул.

В муле еще теплилась жизнь, из горла вырывалось хриплое дыхание. Тоненькие струйки крови выбивались с обеих сторон топора и заливали ему ресницы, нос и губы.

Всадившая топор женщина взялась теперь за нож с синей рукояткой. Она подскочила к мулу, ухватилась за копыто — большое и черное в белой нежной ручке — и молниеносно провела по кривой там, где оно соединялось с ногой. Еще одно круговое движение ножом, рука с копытом

идет вниз — и оно уже отделено от ноги, их соединяет лишь белое сухожилие. Короткий взмах ножом — и копыто с ногой перестают быть одним целым. Белая ручка взлетает вверх, и копыто летит в руки другой женщины в белом.

В один миг были отсечены все три копыта. Зрители стояли, словно очарованные тем, как лихо орудует эта женщина: никто не произнес ни слова, не кашлянул, не пустил ветры. Кто осмелится на подобную распущенность в присутствии женщины-воина?

У Дин Гоуэра вспотели ладони. В голове вертелась притча о поваре, разделывающем быка[104].

Женщина в белом принялась раскачивать топор, пока не вытащила.

Маленький мул наконец испустил дух. Мертвое брюхо смотрело в небо, а закоченевшие ноги торчали под углом на все четыре стороны, как стволы зенитных орудий.

Грузовик наконец выехал с петлявшей по территории шахты ухабистой дороги. Позади в

---

[104] Примечания: 104

В притче из трактата «Чжуан-цзы» познание законов объективного мира (в притче-анатомии) и умение пользоваться ими для покорения природы, подчинения других, а также преобразования самого себя постулируется как средство достижения долголетия на примере разделки бычьей туши умелым поваром.

густой дымке растворились высокие терриконы и похожая на призраков горная техника, давно уже не было слышно ни лая сторожевого пса, ни лязга вагонеток, ни подземных взрывов. Но перед глазами Дин Гоуэра по-прежнему стояли, не давая покоя, похожие на стволы зениток ноги мула. На шоферицу происшествие с маленьким черным мулом, видно, тоже подействовало: пока они ехали по тряской дороге горнодобывающего района, она крыла ее почем зря; потом, выехав на широкую трассу, ведущую к городу, быстро переключила передачу, открыла вентиляционный лючок и утопила педаль газа в пол, отчего двигатель взвыл и начал стрелять. Тяжело груженная машина помчалась со свистом, как снаряд. Деревья по краям дороги клонились, словно подрубленные топором, земля вертелась шахматной доской, а толстая, короткая стрелка спидометра указывала на восемьдесят километров. Завывал ветер, бешено крутились колеса, и каждые три минуты чихала выхлопная труба. Дин Гоуэр наблюдал за шоферицей краем глаза с таким восхищением, что ноги мула постепенно забылись.

До города было уже недалеко, как вдруг из радиатора на лобовое стекло повалил пар. Шо-

ферица, хотя сама же и устроила из радиатора паровой котел, тут же изругала его в хвост и в гриву и остановила грузовик на обочине. Дин Гоуэр вышел вслед за ней из машины и с каким-то злорадством наблюдал, как она открывает капот, чтобы ветерок охладил внутренности машины. От двигателя шел невыносимый жар, в радиаторе клокотала вода. Надев перчатки, она отвинтила крышку радиатора, и ее лицо в это время показалось ему прекрасным, как вечерняя заря.

Кипя от злости, она вытащила откуда-то снизу сплющенное жестяное ведро:

— Дуй за водой!

Не смея и не желая выказывать неповиновение этому приказу, Дин Гоуэр взял ведро, но решил подурачиться:

— А не за тем ли ты меня за водой посылаешь, чтобы в это время удрать? Выручаешь, так выручай до конца, дочурка, провожаешь, так провожай до дома.

— Ты соображаешь вообще? — взвилась она. — Если бы я хотела смыться, зачем тогда мне останавливаться? Да и вода нужна!

Дин Гоуэр состроил гримасу: он понимал, что такими примитивными шуточками можно лишь девочек развлекать, а этот злой дух в женском

образе на такое не купится, но все же намеренно пошел на это. Она и вправду рявкнула:

— Нечего тут рожи строить и дурака валять! Быстро чеши за водой!

— Да тут вокруг ни деревни, ни лавки, дочурка, — где я, спрашивается, воду найду?

— Стала бы тебя посылать, кабы знала!

Расставаться не хотелось. Глянув на нее, Дин Гоуэр взял ведро, раздвинул податливые ветви придорожных кустов, перебрался через неглубокую высохшую канаву и остановился на поле, с которого уже собрали урожай. Это были совсем не те бескрайние широкие просторы, какими он привык представлять себе крестьянские поля. Город рядом, его руки, вернее пальцы, уже дотянулись и сюда. То тут, то там высилось или отдельно стоящее многоэтажное здание, или дымящая труба, и из-за этого поля напоминали калейдоскоп. Душу защемило. Он поднял голову, посмотрел на запад, где красными бликами играла вечерняя заря. Тоскливое чувство исчезло, и он широкими шагами направился к ближайшему зданию довольно необычной формы.

«Глядя на горы, загонишь коня» — вот уж что верно, то верно. На первый взгляд до этого купающегося в лучах заходящего солнца здания

рукой подать, а идешь, идешь — оно все так же далеко. Между ним и зданием будто опускались с небес все новые полоски полей, не давая достичь вожделенной цели. Но самый большой сюрприз ждал на кукурузном поле, где торчали лишь сухие стебли.

Уже сгустились сумерки, окрасив небеса в цвет красного виноградного вина; кукурузные стебли стояли вокруг молчаливыми часовыми. Дин Гоуэр пробирался между ними боком, но все равно с шелестом задевал свисавшие пожухлые листья. Неожиданно, словно выбравшееся из-под земли диковинное животное, перед лицом известного своей храбростью следователя возникла высокая черная тень. Он аж похолодел с перепугу. Волосы встали дыбом, и он инстинктивно замахнулся на появившееся перед ним чудовище ведром. Чудовище отступило на шаг и поинтересовалось гнусавым голосом:

— Ты чего размахался-то?

Пришедший в себя следователь увидел перед собой высокого старика. При свете показавшихся на небе звезд он разглядел густую щетину на подбородке, всклокоченные волосы и зеленоватые глаза на размытом овале лица. Судя по лохмотьям и широкой кости — человек неплохой, простой

работяга, трудолюбивый и не из робких. Из груди у него вырывалось тяжелое, с хрипом, дыхание вперемежку с глухим кашлем.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Дин Гоуэр.

— Сверчков ловлю. — Старик приподнял керамический горшочек в руке.

— Ловишь, значит?

— Ищу вот.

Из горшочка доносились чуть слышные звуки: это сверчки прыгали и стукались о стенки. Старик молча стоял перед ним, и его глаза бегали туда-сюда, как выбившиеся из сил светлячки.

— Сверчков, говоришь? — повторил Дин Гоуэр. — Здесь народ боями сверчков, что ли, интересуется?

— Народу здесь не до боев. Народ съесть их интересуется, — медленно проговорил старик.

Он повернулся, сделал пару шагов и бесшумно опустился на колени. Подрагивающие кукурузные листья повисли у него на голове и на плечах, и он превратился в могильный холмик. Звезды светили все ярче, то с одной, то с другой стороны налетал прохладный ветерок: без тени, без следов, он создавал атмосферу таинственности. У следователя окоченели плечи и спина, и волна холода прокатилась внутри. Вокруг как во сне бес-

шумно порхали светлячки. И тут со всех сторон завели свою унылую песню сверчки. Казалось, везде только они одни. Старик включил фонарик размером с большой палец, и золотистый луч света, направленный на землю, выхватил у основания кукурузного стебля большого, жирного сверчка. Ярко-красное тельце, квадратная головка с выступающими глазами, толстые ноги и солидное брюшко — он переводил дух, готовый в любую секунду скакнуть в сторону. Старик одним махом накрыл его небольшим сачком. Оттуда сверчок переместился в горшочек. Чуть позже он окажется в котле с кипящим маслом, а потом в чьей-то утробе.

Следователю смутно вспомнилась большая статья в журнале под названием «Изысканная кухня», в которой рассказывалось о питательной ценности сверчков и способах их приготовления.

Старик пополз на коленях дальше, а Дин Гоуэр пересек кукурузное поле и быстро зашагал на свет.

Вечер был необычайно романтичный, полный здоровья и жизни, потому что рука об руку шли исследования и открытия, плечом к плечу шагали работа и учеба, друг с другом сочетались

любовь и революция, согласно перекликались лившийся с неба свет звезд и свет фонарей на земле, которые освещали все темные уголки. Яркие ртутные лампы выхватывали из мрака длинную вывеску. Прикрыв глаза ведром, Дин Гоуэр прочитал большие иероглифы в псевдосунском стиле, выведенные черным лаком по белому: «Исследовательский центр по разработке особых видов питания».

«Невелик исследовательский центр-то», — размышлял Дин Гоуэр, разглядывая несколько изящных домиков и большие, ярко освещенные навесы. Из ворот выскочил охранник в синей форме, с фуражкой на голове и заорал задыхаясь:

— Чего надо? Заглядывает тут, вынюхивает! Или стянуть чего хочешь?

Заметив на поясе охранника газовый пистолет и глядя, как тот с наглым видом помахивает электрошокером, Дин Гоуэр вспыхнул:

— Выбирай выражения, сынок!

— Что? Что ты сказал?! — воинственно подступил к нему молодой охранник.

— Я сказал: «Выбирай выражения, сынок!»

Большой человек в системе общественной безопасности, прокуратуры и суда, Дин Гоуэр привык, что его слушаются. А тут его грубо и раз-

вязно останавливает какой-то охранник. Прямо руки зачесались, и стало так гадко на душе, что он даже выругался:

— Пес цепной!

«Пес цепной» зарычал и, подпрыгнув на добрых двадцать сантиметров, заорал:

— Ах ты щенок, еще смеешь обзывать меня! Пристрелю! — И, вытащив газовый пистолет, наставил его на Дин Гоуэра.

— Смотри себя не пристрели этой штукой! — ухмыльнулся тот. — Если хочешь таким пистолетом с кем-то справиться, самому по ветру стоять надо.

— Ха, а с виду не скажешь: щенок щенком, но кое в чем разбирается.

— Я такой газовой развалюхой задницу подтираю!

— Ага, рассказывай!

— Вон твое начальство идет! — Одними губами Дин Гоуэр указал куда-то за спину охранника.

Тот обернулся, а воспользовавшийся этим Дин Гоуэр неспешно размахнулся и ударил охранника ведром по запястью — газовый пистолет полетел на землю. Потом последовал молниеносный удар ногой по руке, в которой охранник держал электрошокер. Тот тоже отлетел в сторону.

Охранник потянулся было за пистолетом, но Дин Гоуэр снова поднял ведро:

— Только нагнись — и полетишь у меня, как пес за куском дерьма.

Тот понял, что противник попался серьезный. Он отступил на несколько шагов, повернулся и припустил что есть мочи к небольшому домику. Дин Гоуэр, усмехаясь, вошел в ворота.

Из домика выскочила целая орава людей, одетых так же, как и охранник. Один безостановочно свистел в металлический свисток.

— Вот он, вот! — кричал, тыча в Дин Гоуэра, только что получивший от него охранник. — Вздуйте этого сукина сына!

Охранников было больше десятка, и они окружили Дин Гоуэра, словно стая бешеных псов, помахивая электрошокерами. Выражение их лиц не предвещало ничего хорошего.

Дин Гоуэр неспешным движением сунул руку за пояс. «Оп-ля! Пистолет-то в папке, а папка осталась в машине».

Один из охранников, с красной повязкой на рукаве — наверное, старший, — ткнул дубинкой в сторону Дин Гоуэра.

— Ты что здесь делаешь? — вызывающе спросил он.

— Да водитель я, — помахал ведром Дин Гоуэр.

— Водитель? — с сомнением повторил старший. — А сюда зачем заявился?

— За водой, радиатор перегрелся.

Напряжение значительно спало, несколько высоко поднятых дубинок опустились.

— Никакой он не водитель! — орал пострадавший. — Ногами орудует — страшное дело.

— Это говорит лишь о том, что ты никуда не годишься, — возразил Дин Гоуэр.

— В какой организации работаешь? — продолжал допрашивать старший.

— В академии виноделия, — без запинки выпалил Дин Гоуэр, вспомнив значок на дверце грузовика.

— А куда следует машина?

— На шахту.

— Документы предъяви.

— В кармане куртки остались.

— А куртка где?

— В машине.

— А машина?

— На шоссе.

— В машине кто-нибудь еще есть?

— Есть одна красотка.

— У вас в академии виноделия что ни водитель,

то кобель, — хихикнул старший.

— Что верно, то верно, все кобели как один.

— Топай давай, делай свое дело! — велел старший. — Вода в доме, а ты здесь ошиваешься.

Шагая за ними в дом, Дин Гоуэр слышал, как старший выговаривает «его» охраннику:

— Болван, с каким-то шоферюгой справиться не можешь. А будь на его месте человек сорок бандитов? Открутили бы тебе всё хозяйство, и пикнуть бы не успел!

Внутри здания яркий свет резал глаза, слегка закружилась голова. В коридоре — красная ковровая дорожка из синтетики, на стенах — большие цветные фотографии различных злаков: кукурузы, риса, пшеницы, гаоляна и еще каких-то — не разбери-поймешь. «Должно быть, какие-нибудь гибриды — результат упорного труда работающих здесь специалистов по сельскому хозяйству». Старший охранник, который немного проникся к Дин Гоуэру, показал, как найти туалет, добавив, что там есть кран тряпки полоскать и можно набрать воды. Дин Гоуэр поблагодарил его, отметив про себя, что вместе с подчиненными тот зашел в одну из комнат, откуда через открытую дверь вырвались клубы едкого дыма. «Наверное,

в карты или в мацзян[105] режутся, — решил он. — Хотя, возможно, и директивы какие изучают». Он усмехнулся и, подняв ведро, осторожно направился к туалету, читая на ходу деревянные таблички на дверях: «Технический отдел», «Производственный отдел», «Бухгалтерия», «Финансовый отдел», «Архив», «Методический кабинет», «Лаборатория», «Видеозал». Последняя дверь была приоткрыта, там кто-то был.

Тихонько войдя туда с ведром в руке, он увидел мужчину и женщину, смотревших видео. Размеры экрана телевизора поражали. На нем появилась надпись красивым уставным шрифтом: «Редкие деликатесы — рис «Куриная голова».

Ролик сопровождала прекрасная, трогательная гуандунская[106] мелодия «Разноцветное облако догоняет луну». Никакого желания смотреть этот ролик вообще-то не было, но что-то в нем притягивало, наверное яркость кадров. Автоматическая производственная линия забоя куриц. Четко, ритмично падают куриные головы. Под бравурные звуки струнных и духовых голос

---

[105] Примечания: 105

Мацзян (маджонг) — китайская азартная игра фишками, похожими на домино.

[106] Примечания: 106

Гуандун — провинция на юге Китая.

диктора вещает: «Широкие народные массы и партийные работники Исследовательского центра по разработке особых видов питания… вдохновленные… в едином порыве и едином мышлении в духе лозунга «Решая ключевой вопрос, не считать его трудным», днем и ночью ведут борьбу…» Группа людей в белоснежной униформе с изможденными лицами проводит химические опыты с набором разнокалиберных пробирок. Несколько миловидных женщин в белых передниках, с аккуратно подобранными под белые шапочки волосами берут пинцетом зерна сырого риса и запихивают в отрубленные куриные головы. Еще одна группа женщин — так же одетых и таких же миловидных — закапывает набитые рисом головы в горшки с огненно-красными цветами. Смена кадра — в горшках показались ростки риса. Их поливает с десяток опрыскивателей. Снова смена кадра — ростки заколосились. Новый кадр — уже на банкетном столе, украшенном живыми цветами, стоят несколько чашек с дымящимся отборным — зернышко к зернышку, — сверкающим, как жемчуг, и красным, как кровь, рисом. Вокруг стола сидят несколько начальников — один представительный, другой толстый, третий длинный — и с

довольными улыбками пробуют этот редкий деликатес. Дин Гоуэр тяжело вздохнул, только сейчас осознав ограниченность своих познаний: настоящая лягушка на дне колодца. Ролик еще не закончился, а мужчина с женщиной начали беседовать. Опасаясь, как бы его не заметили, Дин Гоуэр подхватил ведро с водой и торопливо зашагал к выходу. Проходя мимо охранника у ворот, он ощутил на себе ненавидящий взгляд. Тот словно буравил его глазами. На кукурузном поле листья на сухих стеблях хлестали по глазам, и они стали слезиться. Старый ловец сверчков куда-то исчез. Еще не доходя до грузовика, он услышал с шоссе истошный крик шоферицы:

— Ты, мать твою, куда ходил — на Хуанхэ или на Янцзы?

Поставив ведро на землю, он помахал затекшей рукой:

— Да на Ярлун-Цзанбо[107] ходил, пропади она пропадом.

— А я тут думаю: ну всё, маму его… видать, в реку свалился и утоп!

— А я вот, мать-перемать, не только не утоп, а еще и видео посмотрел.

---

[107] Примечания: 107
Ярлун-Цзанбо — река в Тибете.

— Небось, мать твою, кунфу или порнушку?

— Да нет, не то и не другое. Про один редкий деликатес, рис «куриная голова» называется.

— Что ж такого, мать его, редкостного в рисе «куриная голова» и что за манера: как откроешь рот — одна матерщина?

— Так если без матюгов, придется ведь и тебе рот подзаткнуть.

Притянув шоферицу к себе, Дин Гоуэр крепко обнял ее за талию и впился ей в губы своими губами — и сладкими, и кислыми, и горькими, и пряными.

2

Наставник Мо Янь!

Письмо Ваше получил.

От «Гражданской литературы» – ни звука. Страшно переживаю и надеюсь, что Вы еще раз поторопите учителей Чжоу Бао и Ли Сяобао, чтобы они как можно скорее прислали ответ.

Позавчера ночью написал еще один рассказ, «Ослиная улица». В нем я применил творческие приемы литературы о благородных рыцарях уся. Прошу Вас, наставник, просмотреть его с присущей Вам мудростью. Можете послать рукопись в любой подходящий журнал на Ваше усмотрение.

Материалы по вину высылаю вместе с этим письмом, а тридцать бутылок отменного вина отправлю, как пойдет машина в Пекин. Пить вино ученика – для любого наставника обычное дело. Ведь и Конфуций в качестве вознаграждения за наставление принимал от каждого ученика по десять связок вяленого мяса.

Отсутствие вестей от «Гражданской литературы» обескураживает, я просто в панике. Вы, наставник, как человек бывалый, должно быть, понимаете мои переживания.

Желаю творческих успехов!

Ваш ученик Ли Идоу

3

Брат Идоу!

Письмо и рукопись рассказа получил. Материалы по вину еще не доставили, но ведь печатные материалы обычно доходят не так быстро, как письма!

Могу в полной мере представить твое состояние, мне и самому приходилось испытывать подобные трудности. Сказать по правде, чего я только не предпринимал или не собирался предпринять, чтобы увидеть свои рукописи напечатанными. Получив твое письмо, тут же позвонил Чжоу Бао. Тот сказал, что уже прочел все три рассказа, причем не один раз. По его словам, он в нерешительности и не в состоянии сказать сразу что-то определенное. Говорит, что как раз сейчас размышляет над этим. Он уже отослал твои произведения Ли Сяобао, чтобы тот быстренько ознакомился с ними и сообщил свое мнение. В конце сказал, что во всех трех, конечно, немало мест, требующих обсуждения, но в том, что автор

талантлив, нет никакого сомнения. Думаю, когда ты дочитаешь до этого места, на душе у тебя, возможно, чуть полегчает. Для писателя талант важнее всего на свете. Немало людей стали профессиональными писателями, много чего понаписали и знают всё о том, какими путями становятся великими, но при этом звезд с неба не хватают. Всё у этих людей есть, нет лишь таланта, или же талант невелик.

«Ослиную улицу» я прочел трижды и в целом впечатление таково: написано довольно открыто и смело и немного напоминает катающегося по земле дикого осла. Проще говоря, напрашивается одно слово – дичь. Писал не после хорошей дозы «Хунцзун лема»?

Хочу прояснить для себя некоторые не совсем понятные места и представить свое не до конца сформировавшееся мнение.

1. Изображенный в рассказе чешуйчатый малец, который скачет на черном ослике, может взлетать на углы крыш и ходить по стенам как по земле – он

герой или бандит с большой дороги? Он уже фигурировал в рассказах «Мясные дети» и «Вундеркинд» (ведь это один и тот же человек, верно?) и вроде бы ничего особенного собой не представлял. А в этом рассказе он вдруг превращается в супермена, в этакого полусвятого-полудьявола – не перебор ли? Ведь ты никогда не упоминал, что по содержанию эти рассказы так тесно связаны между собой. И еще: какая связь между ним и дьяволенком в красном? В «Вундеркинде» ты вроде бы говоришь, что дьяволенок и есть тот покрытый чешуей малец.

Я никогда не пытался преуменьшать значение романов уся. Они замечательны хотя бы тем, что привлекают множество читателей. В прошлом году во время летнего отпуска я прочел несколько десятков и так увлекся, что забыл обо всем на свете, о еде и сне. Честно говоря, это меня совсем сбило с толку. Ведь совершенно ясно, что всё это сплошные выдумки, отчего же они так увлекательны, что просто упиваешься? Некоторые называют эти романы сказками для взрослых,

и далеко не безосновательно. Конечно, прочитав несколько десятков таких романов, я понял, что они стереотипны и состряпать подобный роман не составляет труда. А вот написать что-то на уровне Цзинь Юна или Гу Луна[108] *дело отнюдь не легкое. Ты в своем рассказе сделал попытку некоего «скрещивания», и задумка в целом интересная, независимо от того, будет она иметь успех или нет. Есть сегодня одна писательница, называющая себя Хуа Дацзе, стопроцентная авангардистка. Так вот она довольно-таки преуспела в опытах «скрещивания», и тебе не мешало бы найти и почитать некоторые ее произведения. Живет она вроде бы недалеко от вашего Цзюго, в уезде Цисин (тамошний начальник прославился тем, что торгует крысиным ядом), так что будет время – стоит нанести визит этой божьей коровке.*

2. Слышал я, Чжао Дацзуй, аспирант Литературной академии имени Лу Синя, утверждает, что классическое блюдо

---

[108] Примечания: 108

Цзинь Юн (1924–2018), *Гу Лун* (1937–1985) — наиболее популярные авторы романов уся.

кантонской кухни «Дракон и феникс являют добрый знак» готовят из ядовитой змеи и фазана (конечно, в наши дни, когда всё делают спустя рукава да еще и подворовывают, велика вероятность, что вместо них окажутся угорь и курица). У тебя же, уважаемый, исходным материалом для приготовления блюда «Дракон и феникс являют добрый знак» вдруг становятся гениталии ослов и ослиц. Вот уж не знаю, кто отважится прикоснуться к этому палочками. Боюсь, здесь налицо неприкрытая тенденция к буржуазной либерализации и критики примут это блюдо в штыки. Сейчас литературные круги могут похвастаться выдающимися личностями, которые с собачьим нюхом и орлиной зоркостью, с лупой в руке выискивают «грязь» в литературных произведениях. Спрятаться от них непросто, это все равно что треснувшему яйцу прятаться от мух. За последние несколько лет они меня всего заплевали своей клейкой, до невозможности вонючей слюной за написанные когда-то «Радость» и

«Красную саранчу»[109]*. Действуют они в духе времен «банды четырех»*[110]*: вырывают фразы из контекста и бьют по ним, не обращая внимания на остальное и не учитывая роли этих «нечистоплотных деталей» в произведении и особенностей контекста, в котором они появляются. Литературная ценность произведения их не интересует, они подвергают автора яростным нападкам исключительно с точки зрения физиологии и этики, и к тому же ничего не дают сказать в оправдание. Так что, основываясь на своем опыте, считаю, что лучше тебе заменить это блюдо на какое-нибудь другое.*

3. Теперь о Юй Ичи[111]*. Этот персонаж вызывает большой интерес, хоть ты и отводишь его описанию не так много*

---

[109] Примечания: 109

Вышедшие в 1987 г. повести Мо Яня «Радость» и «Красная саранча» подверглись ожесточенной критике за смелую и реалистичную образность.

[110] Примечания: 110

«Банда четырех» — левацкая фракция из четырех руководителей Коммунистической партии Китая во главе с Цзян Цин, последней женой Мао Цзэдуна. Пришли к власти во время «культурной революции» 1966–1976 гг., впоследствии обвинены во всех беспорядках тех лет.

[111] Примечания: 111

И чи — досл. «один чи» (см. также примеч., с. 46).

места. Образы карликов можно найти в произведениях и китайской, и зарубежной литературы, но таких, которые можно назвать классическими, немного. Надеюсь, ты сумеешь раскрыть свой талант и обессмертить этого карлика. Он, случайно, не заказывал тебе свое жизнеописание? Уверен, что оно могло бы получиться очень интересным. Выходец из интеллигентной семьи, начитанный, знаток поэзии, эрудированный карлик несколько десятилетий терпит невыносимые унижения, но в один прекрасный день вдруг происходит его стремительное возвышение. Он обретает деньги, славу, положение и клянется «оприходовать всех красавиц Цзюго». Какая мотивация кроется за такими дерзкими и пафосными речами? Какого рода изменения происходят при этом в его психике? Каково его душевное состояние после этого? Все это может стать основой первоклассных литературных произведений. Почему бы тебе не дерзнуть?

4. Начало рассказа – уж извини за прямоту – пустая болтовня, читается

легко, но фактически не несет никакого смысла, и, если его исключить, текст станет компактнее.

5. Отцом двух девушек-лилипуток в рассказе у тебя выступает руководитель общенационального уровня. Если это откровенное прославление, то, конечно, чем выше его положение, тем лучше. Но в твоем рассказе часто проскальзывает пренебрежительное отношение к важным персонам, а это ой как нехорошо. Ведь общество вроде пагоды: чем выше, тем ограниченнее круг людей и тем легче определить, кому в действительности соответствует твой персонаж. А если кто-то с вершины пагоды вздумает разобраться с тобой по-настоящему, это будет покруче, чем простуда. Поэтому рекомендую изобразить этих лилипуток-двойняшек не такими выдающимися особами, а их отца-чиновника сделать чуть пониже рангом.

Чувствую, получилось у меня много сумбурного и противоречивого, ибо писал всё подряд, что в голову взбредет. Так что прочитаешь и отложи в сторонку,

не надо принимать всё всерьез. Если чего и следует бояться в этом мире, так это двух этих слов – «принимать всерьез». Принимающий всё всерьез обречен на неудачу.

Твою «Ослиную улицу» пошлю, пожалуй, тоже в «Гражданскую литературу». Если там не возьмут, буду думать, куда еще предложить.

У меня уже написано несколько глав романа «Страна вина» (рабочее название). Поначалу считал, что писать про вино у меня получится, потому что пару раз случалось напиваться. Однако, начав работу, столкнулся с немалыми трудностями: слишком много сюжетных линий. В отношении человека к вину проявляются чуть ли не все противоречия процесса существования и развития человечества. Обладатель великого таланта мог бы создать поистине замечательное литературное произведение на эту тему. Моих же способностей, к сожалению, недостаточно, и поэтому одни переживания и разочарования: хвост вытащишь – нос увязнет. Надеюсь, в последующих письмах

мы будем больше говорить обо всем, что связано с вином, и, может быть, ко мне придет вдохновение.

Желаю удачи!

Мо Янь

4. «Ослиная улица»

Дорогие друзья, не так давно вы познакомились с моими рассказами «Дух вина», «Мясные дети» и «Вундеркинд». Теперь позвольте представить вам новое произведение — «Ослиная улица». Буду премного благодарен за снисхождение и понимание. С точки зрения литературного критика, весь вышеизложенный сумбур ни в коем случае не должен вторгаться в ткань повествования, иначе это нарушит его целостность и законченность. Но я — кандидат наук, занимаюсь исследованиями в области виноделия, и мне изо дня в день приходится видеть вино, нюхать его, пить, заключать в объятия, приникать к нему поцелуем, находиться с ним в тесном контакте, для меня даже каждый глоток воздуха полон алкоголя. У меня и характер, и темперамент как у вина. Что значит «воздействие»[112]? Именно это и значит. Вино переполняет меня настолько, что я теряю голову и не в силах соблюдать общепринятые нормы. Характер вина — вольный, необузданный, а тем-

[112] Примечания: 112

Слово «воздействие» (сюньтао) состоит из «сюнь» («наполнять») и «тао» («глиняная посуда»).

перамент его — в бесконечных словоизлияниях.

Итак, дорогие друзья, выходим за мной через большие, величественные в своем великолепии арочные ворота академии виноделия Цзюго. За спиной у нас остается большой учебный корпус в форме винной бутылки, лабораторный корпус в виде бокала и распространяющая вокруг винные ароматы высокая дымовая труба винзавода, которым управляет академия. «Скиньте поклажу и шагайте вперед налегке»[113], следуйте за мной с трезвым умом и незамутненным взглядом, не сбивайтесь с курса, ступайте на перекинутый через речушку Лицюаньхэ — Винный источник — изящный мостик из ели, и вот уже все это — журчащий поток, кувшинки, сидящие на них бабочки, плещущиеся белые уточки, плавающие рыбки, ощущения этих рыбок, настроение белых уточек, мысли плывущих водорослей, грезы этого потока — остается позади, на задворках сознания. Обратите внимание, какие соблазнительные ароматы волнами накатываются на нас от ворот Кулинарной академии! Именно там ра-

[113] Примечания: 113

Перефразированная цитата из работы Мао Цзэдуна «Учеба и политическая обстановка»: «Если скинуть поклажу и задействовать технику, мы двинемся налегке, сможем размышлять и тогда сможем добиться победы».

ботала моя теща. Недавно она повредилась умом, заперлась в комнате с двойными занавесками и день и ночь строчит изобличительные письма. Но оставим ее на время и не будем обращать внимания на ароматы из Кулинарной академии. «Люди гибнут в погоне за богатством, птицы гибнут в погоне за пищей». Это непреложная истина. В пору хаоса и разложения человек вроде бы и свободен как птица, а на деле его повсюду подстерегают ловушки и сети, стрелы и пули охотников. Ладно, раз нас уже настигли эти ароматы из Кулинарной академии, давайте зажмем носы, поторопимся оставить ее в стороне и последуем через узкую Оленью улицу, на которой раздается рев оленей, словно они пасутся среди дикой природы. По обе стороны улочки у входа в лавки висят оленьи рога — этакий лес скрестившихся копий и мечей. Мы идем по старинной мостовой, по скользким замшелым плитам, между которыми пробивается зеленая трава, — смотрите под ноги, не споткнитесь. Осторожно ступая, окольными путями мы пробираемся на Ослиную улицу. Под ногами те же каменные плиты. Они немало повидали на своем веку, их отполировали дожди и ветры, подыстерли колеса и копыта, их края скруглились, и они отливают блеском, как

бронзовые зеркала. Ослиная улица чуть шире Оленьей. На плитах — грязные лужи с кровью и почерневшие ослиные шкуры. По сравнению с Оленьей тут еще более скользко. Блестя черным оперением, по улице с карканьем вразвалочку расхаживают вороны. Передвигаться тут непросто, так что предупреждаю: будьте осторожны и идите там, где положено. Спину держите прямо, ступайте твердо и не шарахайтесь то вправо, то влево, как впервые попавшая в город деревенщина. Не то можете навернуться, да еще как некрасиво. Любое падение неприятно: хорошо, если только одежду запачкаете, а то ведь и зад расшибете. Да и вообще, падать — штука скверная. Чтобы читатель остался доволен, давайте передохнем, а потом двинемся дальше.

Есть у нас в Цзюго такие выдающиеся личности, что и с ведра вина не запьянеют, и в их славу впору гимны петь; а есть пьянчуги, которые у собственной жены сбережения на выпивку стянут; есть и другой хамоватый сброд: тащат все, что плохо лежит, устраивают драки, избивают людей, обводят вокруг пальца, чтобы присвоить их добро. Думаю, и сегодня у нас в Цзюго есть последователи буддийского монаха, который отколошматил и бандита Лу Синее Лицо, и Ли Сы

по прозвищу Зеленая Травяная Змейка, и Чжан Саня по прозвищу Крыса, Перебегающая Улицу, и злодея Ню Эра[114]. Эти лихие люди и через пару тысяч лет не переведутся. Вся эта публика собирается на Ослиной улице — они тоже достопримечательность Цзюго. Видите, один, с торчащей изо рта сигаретой, прислонился к двери; другой, с бутылкой в руке, грызет «денежку» — вареный ослиный член: его называют так, потому что его кусочки похожи на старинные монеты с отверстием посередине; третий стоит, насвистывая, с птичьей клеткой — это всё они и есть. Смотрите, друзья мои, осторожно, не связывайтесь с ними, люди порядочные обходят стороной это уличное отребье — ведь стараешься же не ступить в новой обуви в собачье дерьмо. Ослиная улица и срам нашего Цзюго, и слава. Коли по Ослиной улице не прошелся — считай, в Цзюго не побывал. На этой улочке расположены лавки двадцати четырех торговцев ослятиной. Забивают ослов еще со времен династии Мин, забивали при династии Цин, да и во времена Китайской Республики тоже. С приходом коммунистов ослов стали считать средством производства, забивать их стало про-

[114] Примечания: 114

Персонажи классического романа «Речные заводи», «добрые молодцы» с горы Ляншаньбо.

тивозаконно, и Ослиная улица пришла в полный упадок. За последние несколько лет в результате политики «оживления производства внутри страны и внешней открытости» уровень жизни народа постоянно повышается, что привело к увеличению потребности в мясе, поэтому Ослиная улица переживает необычайный расцвет. Как говорится, «на небе мясо дракона, на земле — мясо осла». Ослиное мясо ароматное, вкусное, ослятину почитают настоящим деликатесом. Дорогие читатели, гости, друзья, дамы и господа, санькайю вэйла мачжи, мисытэ, мисы[115], если вам скажут, что есть нужно только блюда кантонской кухни, не верьте, это чистые сплетни, их распускают, чтобы вводить людей в заблуждение! Послушайте, что скажу вам я. И что же я скажу? Поведаю о знаменитых блюдах Цзюго, но упомяну лишь малую часть и что-то неизбежно пропущу, так что уж не взыщите. Когда стоишь на Ослиной улице и окидываешь взором Цзюго, деликатесов вокруг воистину как облаков на небе, аж глаза разбегаются: на Ослиной улице режут ослов, на Оленьей — оленей, на Бычьей — быков, на Бараньей — баранов, на Свиной — свиней, в

[115] Примечания: 115
Искаженное англ. thank you very much, mister, miss.

Лошадином переулке — лошадей, на Собачьем и Кошачьем рынках — собак и кошек — всего и не перечесть, мысли путаются, губы потрескались, и во рту пересохло. В общем, что ни возьми — любое изысканное блюдо, любую птицу, зверя, рыбу, насекомое из любого уголка мира — все, что съедобно, можно отведать у нас в Цзюго. Если это есть где-то еще, есть и у нас, есть у нас и то, чего нет нигде. Но самое главное — помимо того, что все это есть, — самое ключевое, самое непостижимое состоит в том, что все это нечто особое, со своим стилем, историей, традицией, идеологией, культурой и моралью. Возможно, это звучит как бахвальство, но никакое это не бахвальство. Вся страна охвачена лихорадкой обогащения, а у нас в Цзюго руководство города прозорливо и оригинально смотрит на это, находя новые способы и особые пути к богатству. Дорогие друзья, дамы и господа! Когда человек появляется на свет, для него, наверное, нет ничего более важного, чем еда и питье. Зачем раскрывать рот? Конечно, чтобы есть и пить! Пусть же гости Цзюго наедаются и напиваются как следует. Пусть отведают всевозможных кушаний, попробуют самые разные вина, пусть еда и питье будут для них в радость, пусть едят и пьют так, чтоб было

не оторваться. Пусть осознают, что еда и питье не только средство для поддержания жизни, но и возможность прийти к пониманию истинной сути жизни, проникнуться философией бытия. Пусть откроют для себя, что есть и пить — это не только физиологический процесс, но и совершенствование духа, эстетическое наслаждение.

Шагайте не торопясь, любуйтесь увиденным. Ослиная улица тянется на два ли, по обе стороны расположились мясные лавки, где забивают ослов. Ресторанчиков и винных заведений здесь целых девяносто, блюда в них готовят исключительно из ослятины. Меню постоянно обновляются, одна за другой появляются блестящие идеи, искусство приготовления ослятины достигло здесь невиданного уровня. Испробовав блюда всех девяноста заведений на Ослиной улице, можно всю оставшуюся жизнь ослятины не есть. Только тот, кто поел в каждом из них, может ударить себя в грудь кулаком и заявить: «Уж чего-чего, а ослятины я изведал!»

На Ослиной улице, как в объемистом словаре, всего так много, что хотя я за словом в карман не лезу и сужу решительно и бесповоротно, как говорится, перекусываю гвозди и разрубаю сталь, и то слов не хватит, словами всего не переска-

жешь и обо всем до мелочей не поведаешь. А если рассказывать не так, как нужно, какая-то околесица получается, перескакиваешь с пятого на десятое, поэтому прошу извинить и отнестись ко мне со снисхождением, а также позволить осушить бокал «Хунцзун лема», чтобы взбодриться. За сотни лет столько ослов закончили жизнь на Ослиной улице, что и не счесть. Днем и ночью здесь бродят стадами души безвинно убиенных ослов, каждый камень на Ослиной улице, можно сказать, орошен ослиной кровью, каждое растение пропитано ослиным духом, их присутствие в полной мере ощущается в каждом туалете, и каждый побывавший на Ослиной улице в той или иной степени обретает ослиный нрав. Ослиные сущности, друзья мои, окутывают Ослиную улицу словно дымкой, заслоняя солнечный свет. Стоит зажмуриться, и увидишь, как вокруг с криками носятся неисчислимые орды ослов всевозможных размеров и расцветок.

Существует легенда: каждую ночь, когда все стихает, появляется невероятно подвижный, неподражаемо прелестный черный ослик (неизвестно какого пола), который проносится по зеленоватым плитам улицы с востока на запад, а потом с запада на восток. Изящные нежные ко-

пытца, похожие на винные чашечки из черного агата, звонко постукивают по гладким плитам. Этот звук в глубокой ночи подобен музыке небесных сфер — жутковатой, таинственной и нежной. Услышишь ее — наворачиваются слезы, застываешь, завороженный и опьяненный, и из груди вырывается долгий тяжелый вздох. Ну а если светит полная луна…

В тот вечер хозяин ресторана «Пол-аршина», коротышка Юй Ичи, выпил на несколько чарок доброго шаосинского больше чем обычно, и внутри округлившегося, как маленький барабан, голого живота разлилось тепло. Взяв плетеный стул, он вышел на улицу посидеть под старым гранатовым деревом. Каменные плиты мостовой сверкали под лунной дорожкой, как чистые зеркала. Погода стояла обычная для середины осени, дул легкий ветерок, любители посидеть в холодке во дворе уже скрылись, и если бы не выпитое вино, не вышел бы на улицу и Юй Ичи. Днем здесь копошился людской муравейник, а сейчас тянуло свежестью, из всех углов неслось стрекотание насекомых. Эти пронизывающие, как острые стрелы, звуки, казалось, могли преодолеть любые преграды. Ветерок овевал голый живот карлика, порождая ощущение бесконечно-

го блаженства. Задрав голову и глядя на сладкие плоды граната, большие и маленькие, раскрывшие лепестками свои ротики, он было задремал, но вдруг ощутил, что кожа на голове натянулась, а по телу побежали мурашки. Сна как не бывало, но пошевелиться он не мог — будто мастер ушу ударил его в жизненно важную точку, — хотя всё соображал и видел хорошо. Словно спустившись с небес, на улице появился маленький черный ослик. Сытый, упитанный, он весь светился, будто вылепленный из воска. Он покатался по земле, поднялся и стал отряхиваться от невидимой пыли. Потом подпрыгнул и задрав хвост понесся по улице. Полоской черного дыма он трижды промчался из одного конца улицы в другой и обратно. Звонкое цоканье его копыт напрочь заглушило стрекот осенней ночи. Но когда он вдруг остановился и застыл посреди улицы, хор насекомых грянул вновь. В тот же миг разразилась лаем свора собак на Собачьем рынке, замычали телята на Бычьей улице, заблеяли ягнята на Овечьей улице, заржали жеребята в Конском переулке, и повсюду — вдалеке и рядом — закричали петухи… Черный ослик продолжал стоять посреди улицы, словно в ожидании, и его черные глаза горели как фонари. Юй Ичи давно уже слышал

рассказы об этом ослике, а сегодня вот увидел его собственными глазами и страшно перепугался, поняв, что предания в этом мире рождаются не на пустом месте. Сжавшись, он затаил дыхание, недвижный, как трухлявая колода, и, вытаращив глаза, продолжал следить за осликом.

Много ли, мало ли времени прошло, у Юй Ичи аж глаза разболелись, а черный ослик продолжал стоять посередине улицы, не шевелясь, будто статуя. И тут где-то вдали подняли бешеный лай все собаки Цзюго. Юй Ичи вздрогнул, услышав шаги по черепице, а потом заметил черную тень, которая, будто так и надо, скользнула с крыши прямо на спину ослику. Ослик тут же забил копытами и исчез как дым, унося появившегося ниоткуда человека. Из-за своего крошечного роста Юй Ичи в школу не ходил, но родом был из семьи потомственных интеллигентов: отец — профессор, дед — сюцай, несколько поколений предков — цзиньши[116], чуть ли не академики Ханьлинь[117]. Под их влиянием он выучил тыся-

[116] Примечания: 116

Сюцай, цзи́ньши — ученые степени в старом Китае.

[117] Примечания: 117

Академия Ханьлинь — основана в VIII в., ее членами были высокоодаренные ученые, литераторы, художники, среди них Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Су Ши. Просуществовала до 1911 г.

чи иероглифов и много читал без разбору. Сцена, свидетелем которой он только что стал, заставила невольно вспомнить одно из легендарных повествований времен династии Тан, в котором действует неуловимый странствующий воин. И подумать, что, несмотря на стремительное развитие науки, не поддающиеся объяснению, но реально существующие явления все же есть. Он попробовал пошевелить руками и ногами: они будто одеревенели, но двигались. Потрогал живот — влажный от холодного пота. В ярком лунном свете Юй Ичи успел разглядеть в спускавшейся черной фигуре молодого невысокого парня, с телом, будто покрытым рыбьей чешуей, в которой отражался свет луны. В зубах у него был зажат кинжал в форме ивового листа, за плечами — большой узел.

Вы, дорогие читатели, наверное, уже ворчите: вот ведь здоров языком трепать. Завел бы лучше в ресторанчик, где можно выпить вина, так нет — водит и водит вокруг да около по этой Ослиной улице. Ворчите вы правильно, ворчите замечательно и попали в самую точку, так что давайте ускорим шаг. Уж простите, что не смогу поведать о каждой лавочке по обе стороны Ослиной улицы, хотя у каждой свое прошлое, хотя

о каждом ресторанчике и о каждой лавке есть что рассказать, хотя и там и там есть свои непревзойденные мастера. Мне ничего не остается, как с неохотой замолчать. Теперь мы не будем обращать внимания на всех этих ослов, что таращатся на нас с обеих сторон Ослиной улицы, и поспешим к нашей цели. Цели бывают большие и малые. Наша большая цель — построение коммунистического общества, где «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Наша малая цель — добраться до конца Ослиной улицы, где расположен ресторанчик «Пол-аршина» и где у входа растет толстое, с чашку для еды, гранатовое дерево. Почему, спросите вы, он так называется? Слушайте, сейчас всё расскажу.

Рост хозяина этого ресторанчика, Юй Ичи, всего один чи пять цуней, но, как все карлики, он скрывает свой возраст, а угадать, сколько ему годков, — гиблое дело. На памяти обитателей Ослиной улицы этот приветливый и любезный карлик уже который десяток лет выглядит и ведет себя одинаково. Тем, кто бросает на него изумленные взгляды, он всегда отвечает милой улыбкой. Она настолько обворожительна, что глубоко трогает людские сердца и рождает чувство жалости. Благодаря обаянию своей улыбки Юй Ичи живет

и горя не знает, сыт, одет. Человек он грамотный, в родительской семье получил глубокие знания и разбирается в самых разных вопросах. Говорит как по писаному, что ни слово, то перл, любо-дорого послушать. И для обитателей Ослиной улицы отрада немалая: даже представить страшно, как скучно было бы здесь без него. Благодаря лишь своим природным данным Юй Ичи мог бы прожить всю жизнь припеваючи. Но ему хотелось большего, он не желал жить на подачки, и вот, воспользовавшись свежим ветром политики реформ и либерализации, он подал заявку, чтобы получить лицензию на ведение хозяйственной деятельности. Вытащил из мошны пачку скопленных незнамо за какое время денег, и на месте его старого дома возник известный теперь на весь Цзюго ресторан «Пол-аршина». Возможно, бесконечные сумасбродные идеи Юй Ичи навеяны классическим романом «Цветы в зеркале»[118], может, он черпал вдохновение в «Невероятных историях со всего мира», но после открытия ресторана он подал в газету «Цзюго жибао» объявление, приглашая на работу карликов

[118] Примечания: 118

«Цветы в зеркале» — роман Ли Жучжэня (ок. 1763–1830), в котором факты переплетаются с вымыслом, а фантазии — с учеными рассуждениями.

не выше трех чи. Тогда это всколыхнуло весь Цзюго и стало причиной ожесточенных споров. Одни считали, что открытие ресторана карликом — оскорбление социалистической системы, пятно на алом пятизвездном знамени, что, когда все больше иностранных туристов будет приезжать, чтобы полюбоваться достопримечательностями Цзюго, ресторан «Пол-аршина» станет величайшим позором, пострадает репутация не только города, но и всей великой китайской нации. По мнению других, карлики есть во всем мире, и это объективная реальность. В других странах карлики живут на милостыню, а наши зарабатывают на жизнь собственным трудом. Поэтому никакой это не позор, а величайшая слава. Существование ресторана «Пол-аршина» непременно заставит наших друзей из-за границы осознать несравненное превосходство социалистической системы. Пока стороны были вовлечены в бесконечные жаркие дебаты, Юй Ичи пробрался по сточной канаве во двор городской управы (через главный вход было не войти, потому что охранники на воротах рычали на всех как звери), проскользнул в административный корпус управы, прошмыгнул в кабинет мэра и довольно долго с ним общался. О содержании разговора ничего не известно.

Мэр отвез Юй Ичи обратно на Ослиную улицу на собственной шикарной «Тойоте Краун», и с тех пор дебаты в городской газете поутихли.

Друзья, леди и джентльмены! До ресторана «Пол-аршина», куда мы направляемся, уже рукой подать. Сегодня угощаю я. Мы с господином Юй Ичи хорошие друзья и частенько встречаемся, чтобы вместе выпить вина и почитать стихи. Глядя на наш многогранный и яркий мир, мы декламируем самые разные стихи и распеваем диковинные и прелестные мелодии. Он парень славный, больше ценит дружеские отношения, чем деньги, обслужит на льготных условиях, со скидкой двадцать процентов.

Уважаемые друзья, мы перед входом в ресторан «Пол-аршина». Прошу взглянуть вверх, на четыре экспрессивных, полных жизни, как дракон или тигр, иероглифа на вывеске. Их вывела золотом по черному лаку кисть нашего знаменитого каллиграфа Лю Баньпина[119]. По его имени вы, должно быть, поняли, что это настоящий мастер, который не напишет ни иероглифа, пока не осушит полбутылки доброго вина. По обеим сторонам от входа нам улыбаются две «карманные»

---

[119] Примечания: 119

Бань пин — досл. «полбутылки».

барышни не больше двух чи ростом, с цветными парчовыми лентами поперек груди. Они близнецы, прилетели сюда на реактивном «Трайденте», прочитав в «Цзюго жибао» объявление Юй Ичи. Выросли они в семье большого партийного функционера, их отец такая известная шишка, что, если назову его имя, вы подскочите от страха, поэтому лучше я этого делать не буду. Вообще-то при возможностях отца эти барышни вполне могли бы всю жизнь прожить, ни в чем себе не отказывая, в роскошном особняке, но они предпочли уехать сюда, в Цзюго, чтобы составить нам компанию. То, что эти небесные феи спустились к нам, простым смертным, вызвало такой переполох среди самых высоких партийных начальников Цзюго, что они самолично, под дождем, отправились в аэропорт Таоюань за семьдесят километров от города, чтобы встретить этих драгоценных девиц. Вместе с двумя феями прибыла супруга их досточтимого отца и целая свита секретарей. Бесконечные хлопоты по встрече в аэропорту, проведению банкетов, устройству в гостинице и всевозможным церемониям растянулись на целых полмесяца, но все прошло на уровне. Друзья мои, не надо считать, что при этом наш Цзюго остался внакладе. Это был бы

близорукий взгляд — не дальше собственного носа. Потому что мы хоть и подыстратились на прием этих фей и их мамаши, зато теперь у Цзюго родственные связи с этим несомненно высокопоставленным начальником, которому стоит лишь взять ручку и нарисовать несколько кружков, и у нас появятся огромные возможности в торговле и прекрасные шансы подзаработать. Знаете, на какую сумму мы получили кредит благодаря одному лишь росчерку пера, когда в прошлом году этот почтенный человек приезжал в Цзюго? И это в прошлом году, когда банкам приходилось туго и финансовая ситуация была скверная. Сто миллионов юаней, да еще под низкий процент! Вы только представьте, друзья, — сто миллионов! На эти деньги мы создали ударную рабочую группу по Обезьяньему вину, часть вложили в строительство великолепного здания Музея китайского виноделия, провели в октябре первый международный фестиваль Обезьяньего вина. Если бы не эти две феи, разве приехал бы сей почтенный человек в Цзюго на три дня? Так что, друзья мои, не будет преувеличением сказать, что у господина Юй Ичи особые заслуги перед Цзюго. Я слышал, горком партии уже готовит материалы для высшего руководства на представление его к

званию Всекитайского образцового работника с вручением трудовой медали «Первое мая».

Две эти благородные феи сейчас кланяются нам в пояс и расточают улыбки. У них прекрасная внешность, ладные фигурки, и, если бы не миниатюрный рост, не к чему было бы и придраться. Мы улыбаемся в ответ, отдавая дань их высокому происхождению, и проникаемся глубоким почтением. Добро пожаловать, добро пожаловать. Спасибо, спасибо.

В ресторане «Пол-аршина», который еще называют ресторан «Карлик», прекрасный интерьер. На полу — ковры из овечьей шерсти в пять цуней толщиной, ноги мягко утопают в них по щиколотку. Стены отделаны панелями из березы с гор Чанбайшань, увешаны свитками знаменитых художников и каллиграфов. В огромном аквариуме лениво плавают золотые рыбки величиной с ладонь, в вазонах буйно цветут диковинные цветы. Посреди зала стоит маленький черный ослик, и только приглядевшись, можно понять, что это скульптура в натуральную величину. Конечно, такой вид ресторан «Пол-аршина» смог приобрести лишь после появления перед входом в него этих двух фей. Руководители Цзюго, не будь дураки, не могли допустить, чтобы пара драгоценных

жемчужин на ладони этого почтенного человека работала в каком-то убогом ресторанчике. Вы прекрасно знаете, как все делается в наши дни, поэтому не стоит и рассказывать, какие громадные перемены произошли за год с рестораном «Пол-аршина». Прошу прощения, но позвольте еще пару слов о делах минувших. Перед самым отъездом супруги этого почтенного человека обратно в Шанхай власти Цзюго возвели для двух фей миниатюрный домик в центре города, рядом с парком и водой, а также приобрели для каждой по небольшому «Фиату». Не знаю, обратили ли вы внимание при входе, эти два «Фиата» стоят под старым гранатовым деревом.

Навстречу нам, в красном одеянии и в красной шапочке, выходит метрдотель. Ростом он с двухгодовалого ребенка, органы чувств на лице расположены очень компактно, они тоже как у младенца. Идет он, чуть переваливаясь с боку на бок, ноги его утопают в толстом ворсе ковра, зад покачивается туда-сюда, словно у шлепающего по речному илу утенка. И вот он уже ведет нас, как ведет слепого упитанный щенок-поводырь.

По лестнице из покрытых киноварью сосновых досок мы поднимаемся на второй этаж, где этот малец в красном распахивает створки дверей,

отступает в сторону и замирает, как регулировщик — левая рука согнута у груди, правая вытянута в сторону, руки напряжены, левая ладонь внутрь, правая наружу, — указывая обеими руками, куда нам идти, — в Виноградный зал.

Пожалуйста, входите, дорогие друзья, не стесняйтесь. Вы — почетные гости, и для вас выбран отдельный кабинет — Виноградный зал. Пока вы разглядывали свисающие с потолка гроздья винограда, я бросил взгляд на мальца, что привел нас сюда: его искрящиеся глуповатой улыбкой глазки испускали в нашу сторону лучики дьявольского блеска. Словно напоенные ядом стрелы, эти лучики вызывали гниение везде, куда попадали. Глаза пронзила резкая боль, и на какой-то миг я будто ослеп.

Во время этого непродолжительного помрачения я ощутил непроизвольный страх. Передо мной, как живой, предстал тот самый будто завернутый в красный флаг дьяволенок, которого я описывал в «Мясных детях» и в «Вундеркинде». Это он обшаривал меня сейчас своим зловещим и безжалостным взглядом. Он, точно он. Маленькие глазки, большие, толстые уши, всклокоченные волосы, рост около двух чи. В «Вундеркинде» я подробно описываю, как он организует бунт в

отделе особых закупок Кулинарной академии. Там я изобразил его чуть ли не маленьким заговорщиком, разработавшим гениальный план военных действий. Я дописал лишь до места, когда под его руководством дети забили насмерть следившего за ними «плешивого коршуна», а сами разбежались и попрятались на территории. По моему замыслу детей, принимавших участие в бунте, ловят всех до одного и отправляют в Центр кулинарных исследований, которым руководит моя теща, чтобы сварить, приготовить на пару или зажарить. Скрыться из Кулинарной академии удается лишь дьяволенку, он выбирается по сточной канаве, но попадает в руки нищих, которые вылавливают там съестное, чтобы утолить голод. После этого начинается новый этап его легендарной истории. Но он перестал подчиняться, сбежал из моего рассказа, примкнул к команде карликов, которыми заправляет Юй Ичи, и теперь, щеголяя шерстяной униформой красного цвета, с безупречно белым галстуком-бабочкой на шее, в красной шапочке, черных, сверкающих лаком кожаных туфлях, предстал перед моими глазами.

Несмотря на эту непредвиденную ситуацию, я не могу оставить без внимания гостей, поэто-

му подавляю бушующую в глубине души бурю эмоций, изображаю на лице улыбку и подсаживаюсь к вам. Чувствами овладевают мягкие кресла, белоснежные скатерти, великолепные цветы, тихая музыка. Здесь нужен небольшой комментарий: столы и стулья в этом карликовом ресторане очень низкие, чтобы посетителям было комфортнее. Подошла крошечная, как птичка, официантка с подносом продезинфицированных махровых салфеток. Такая хрупкая, что, кажется, и этот поднос ей нести не по силам, даже жалко стало. Дьяволенка уже нигде не видать. Свою задачу он выполнил и ушел: ему встречать и провожать к столу новую партию гостей. Все как бы резонно, но все же за его исчезновением видится некий коварный замысел.

Друзья, вы тут посидите немного, а мне, чтобы получить двадцатипроцентную скидку, нужно сходить повидаться с моим старым приятелем Юй Ичи. Можете покурить, выпить чаю, послушать музыку, полюбоваться через стекла — на них ни пылинки — на задний дворик.

Дорогие читатели, сначала я хотел, чтобы мы все вместе присутствовали на этом роскошном ослином пиршестве, но ресторан небольшой, народу много, а в Виноградном зале вообще всего

девять мест. Прошу покорно извинить. Но во всем, что бы мы ни делали, необходима гласность, чтобы никто не подумал, что втайне задумано что-то недоброе.

Этот ресторан я знаю как свои пять пальцев, и найти Юй Ичи не составило особого труда. Открыв дверь его кабинета, я тут же понял, что явился не вовремя. Мой старый приятель стоял на столе, слившись в поцелуе с полногрудой женщиной.

— Ох, виноват, виноват, — рассыпался я в извинениях. — Как неудобно, вошел и даже не постучал, элементарные правила вежливости позабыл.

Быстро и ловко, как дикий кот, Юй Ичи спрыгнул со стола. Мой сконфуженный вид вызвал на его комичном личике широкую ухмылку.

— Кандидат! Ты, негодник! — взвизгнул он. — Как твое исследование по Обезьяньему вину, продвигается? Тебе ведь к фестивалю Обезьяньего вина надо успеть, верно? А твой тесть — вот болван! — сбежал в горы Хоушань и живет там с обезьянами…

И все болтает, болтает без умолку, просто беда. Но я пришел к нему с просьбой, так что ничего не поделаешь, надо сдерживаться и слушать, да еще

изображать, как мне интересна его болтовня.

— Я тут пригласил друзей ослятины поесть… — вставляю я, почувствовав, что он выговорился.

Юй Ичи встает и подходит к женщине. Голова у него на уровне ее колен. Женщина очень красива и, похоже, далеко не девственница. Она полна шарма, пухленькие губки в какой-то слизи, будто она только что жевала улитку. Подняв руку, он хлопает ее по заду:

— А ты давай возвращайся, дорогуша! И скажи старине Шэню, пусть не расстраивается. У Юй Ичи все железно: сказано — сделано.

Женщина тоже ведет себя непринужденно. Нисколько не смущаясь сложившейся ситуацией, она наклоняется, тяжело наваливаясь пышными, рвущимися наружу грудями на лицо глядящего снизу вверх Юй Ичи — наваливаясь так, что тот аж кривится, — и легко поднимает его на руки. Если судить лишь по размеру и весу, то со стороны они выглядят как мать с ребенком. Но, конечно же, отношения между ними гораздо более непростые. Она чуть ли не злобно целует его, потом отшвыривает, словно баскетбольный мяч, да так, что он впечатывается в стоящий у стены диван, и, подняв руку, полным соблазна голосом произносит:

— Пока, старичок.

Тело Юй Ичи еще подрагивает на пружинах дивана, а женщина, покачивая румяным задом, уже скрылась за углом.

— Проваливай, лиса-оборотень! — кричит он вслед ее ослепительной фигуре.

Мы остаемся вдвоем. Соскочив с дивана, он подходит к большому зеркалу у стены, причесывается и поправляет галстук. Даже потирает коготочками щеки, а потом резко поворачивается ко мне, безукоризненно одетый, солидный и серьезный, с важным и значительным видом. И если бы не сцена, свидетелем которой я стал, вполне вероятно, этот карлик нагнал бы на меня такого страху, что шутить с ним я бы не осмелился.

— А ты, старина, немалый успех у девчонок имеешь! Как говорится, горностай покрывает верблюда — нарочно выбирает покрупнее, — с улыбкой говорю я.

Он мрачно и презрительно фыркает, лицо его багровеет, глаза начинают сверкать зеленоватым блеском, и он расправляет плечи, как расправляет крылья готовый сорваться с места стервятник. Вид поистине устрашающий. Знакомы мы с Юй Ичи уже давно, но таким за все это время я не

видел его ни разу. При мысли, что, возможно, этой шуткой задел его самолюбие, я тут же жалею об этом.

— Ах ты, паршивец, — цедит он сквозь зубы приближаясь. — И ты смеешь потешаться надо мной!

Я пячусь, не сводя глаз с острых, подрагивающих от гнева когтей и чувствуя, что мое горло в опасности. Да-да, он в любой момент может молниеносно запрыгнуть мне на плечи и разодрать его.

— Прошу прощения, почтенный старший брат, виноват… — Спина упирается в гофрированные обои стены, но хочется отступить еще дальше. И тут меня осеняет: я начинаю безжалостно хлестать себя по щекам: шлеп, шлеп, шлеп! — звонко раздаются пощечины, щеки пылают, в ушах звенит, из глаз искры сыплются… — Прости, уважаемый, убить меня мало, не человек, а ублюдок последний, черная елда ослиная…

При виде устроенного мной омерзительного спектакля его лицо из багрово-красного становится желтовато-бледным, простертые в мою сторону руки медленно опускаются, а у меня ноги подгибаются от облегчения.

Вернувшись на свой обтянутый черной кожей

крутящийся трон, он не садится, а устраивается там на корточках, достает из портсигара дорогую сигарету, щелкает зажигалкой, прикуривает от вырвавшегося с шипением сильного языка пламени, глубоко затягивается и неторопливо выдыхает облачко дыма. Он сидит в позе глубокой задумчивости, уставившись на пейзаж на стене застывшим и бездонным взглядом своих черных, похожих на два озерца глаз. А я, съежившись у двери, с горечью размышляю, каким образом этот карлик, над которым еще совсем недавно все потешались, превратился в высокомерного самодура и деспота. И почему я, видный исследователь, кандидат наук, испытываю такой страх перед каким-то уродом ростом меньше полутора чи, который и тридцати цзиней не весит. Ответ вырывается из меня, как пуля из ствола, что тут и обсуждать.

— Да я всех красоток в Цзюго оприходую! — Он вдруг меняет позицию и уже не сидит на корточках, а стоит на своем вращающемся кресле, воздев сжатую в кулак руку, и торжественно повторяет: — Всех красоток в Цзюго оприходую!

Он крайне возбужден, лицо так и сияет, высоко поднятая рука застыла в воздухе и долго-долго остается недвижной. Видно, как стремительно

вращаются винты его мыслей, как бросает из стороны в сторону лодку его сознания на белоснежных бурунах духа. Я аж дышать перестаю, боясь развеять его иллюзии.

Наконец он успокаивается, швыряет мне сигарету и с благодушным видом спрашивает:

— Узнал ее?

— Кого — ее?

— Женщину, которая только что здесь была.

— Нет… Хотя лицо вроде знакомое…

— Ведущая с телевидения.

— А-а, вспомнил! — хлопаю я себя по лбу. — Всегда с микрофоном, с кроткой и эффектной улыбочкой на лице, сплетни всякие рассказывает.

— Это третья уже! — яростно выдыхает он. — Третья… — Голос его вдруг хрипнет, огонь в глазах гаснет. Ухоженное лицо, гладкое и блестящее, как нефрит, в один миг покрывается морщинами, а тело, и без того крошечное, становится еще меньше. Он оседает в свое троноподобное кресло.

Я курю, мучительно наблюдая за своим странным приятелем, и какое-то время не знаю, что и сказать.

— Я вам покажу… — бормочет он, нарушая напряженную тишину, и поднимает на меня

глаза: — Ты чего ко мне заявился?

— Пригласил вот друзей, в Виноградном зале… — смущенно произношу я. — Люди интеллигентные, небогатые…

Он снимает трубку и что-то неразборчиво бурчит. Кладет ее и поворачивается ко мне:

— Мы с тобой старые друзья, поэтому я договорился о банкете из целого осла.

Друзья, какой праздник живота ждет нас! Банкет из целого осла! Высший класс! Преисполненный благодарности и тронутый до глубины души, я отвешиваю ему поклоны. Словно воспрянув духом, он опять садится на корточки, и из его глаз снова льется яркий свет:

— Ты, говорят, писателем заделался?

— Да статеечки паршивые, и говорить-то не о чем, так, небольшой приработок в семейный бюджет, — в ужасе лепечу я.

— А давай-ка, господин кандидат, одно дельце провернем!

— Какое такое дельце?

— Ты пишешь мою биографию, а я плачу двадцать тысяч юаней.

От возбуждения сердце заколотилось, и я лишь выдавливаю из себя:

— Боюсь, мой заурядный литературный талант

вряд ли подходит для такого важного задания.

— Вот только не надо скромничать, — отмахнулся он. — Значит, договорились. Приходишь сюда каждый вторник вечером, и я рассказываю тебе свою историю.

— О каких деньгах речь, почтеннейший, — тараторю я. — Да воздвигнуть памятник такому неординарному человеку, как почтенный старший брат, — мой непреложный долг как младшего. Какие деньги…

— Хватит лицемерить, подлец ты этакий, — холодно усмехается он. — Коли деньги есть, можно и черта заставить муку молоть. Может, кто и не любит деньги, но я пока таких не встречал. Как ты думаешь, почему я так смело заявляю, что перетрахаю всех красоток в Цзюго? Всё эти, ети их, деньги!

— Немаловажно и ваше обаяние, почтеннейший.

— Шел бы ты знаешь куда! — хмыкает он. — Председатель Мао сказал: «Ценность человека в его понимании, что́ он собой представляет», — так что не надо мне впаривать. А теперь убирайся!

Он вытаскивает из стола блок «Мальборо» и швыряет в мою сторону. Поймав сигареты и рассыпаясь в благодарностях, я возвращаюсь

в Виноградный зал и усаживаюсь там вместе с моими друзьями, леди и джентльменами.

Несколько карликов наливают чай и водку, расставляют тарелки и чашки, они крутятся вокруг нас, как на колесиках. Чай — «улун», водка — «маотай», хоть и без местного колорита, но на уровне государственного приема. Сначала подают двенадцать холодных закусок, сервированных в виде цветка лотоса: ослиный желудок, ослиная печень, ослиное сердце, ослиные кишки, ослиные легкие, ослиный язык, ослиные губы… все ослиное.

Друзья мои, попробуйте всего, но не увлекайтесь, оставьте немного места, потому что, судя по моему опыту, самое лучшее еще впереди. Обратите внимание, друзья, несут горячее, вон та девушка, смотрите не обожгитесь!

Лилипутка — вся в красном: красное платье, красная помада, красные румяна, красные туфли и красная шапочка, — в общем, красная с головы до ног, словно красная свечка, — высоко держит целый поднос дымящейся еды. Она подкатывается к столу, открывает ротик, и слова вылетают оттуда, как жемчужины:

— Жареные ослиные уши, наслаждайтесь!

— Ослиные мозги на пару, прошу отведать!

— Жемчужные ослиные глаза, прошу отведать!

Ослиные глаза с четко различимыми зрачками и белками похожи на две лужицы на большом плоском блюде. Работайте палочками, друзья мои, не бойтесь. Хоть они и смотрятся как живые, это же, в конце концов, всего лишь блюдо китайской кухни. Но позвольте, глаз всего два, а нас десятеро, как разделить поровну? Не подскажете, барышня? Улыбнувшись, барышня-свеча берет вилку, делает легкие проколы в двух местах, и черные жемчужины лопаются. На блюде растекается желеобразная жидкость. Берите ложки, товарищи. Зачерпывайте по одному, с виду это блюдо не очень, а на вкус — превосходно. Знаю, в ресторане Юй Ичи есть еще одно фирменное блюдо, называется «Черный дракон играет с жемчужинами». Его главные составные части — ослиная елда и пара ослиных глаз. Сегодня шеф-повар использовал глаза для приготовления «Жемчужных ослиных глаз», так что, похоже, «Черного дракона, играющего с жемчужинами» не предвидится. А может, сегодня нам подали ослиху, кто знает…

Уважаемые друзья, прошу вас, не стесняйтесь. Расслабьте пояса, дайте свободу животам, нае-

дайтесь до упаду. Когда собираются свои, я никого пить не уговариваю, пейте сколько сможете. И за счет не переживайте, сегодня я за всех отдуваюсь.

— Жареные ослиные ребра в вине, прошу отведать!

— Ослиный язык в рассоле, прошу отведать!

— Жареные ослиные сухожилия в остром соусе, прошу отведать!

— Ослиное горло с грушей и корнем лотоса, прошу отведать!

— Ослиный хвост «Золотая плеть», прошу отведать!

— Ослиные внутренности, жаренные в масле, прошу отведать!

— Тушеные ослиные копыта, прошу отведать!

— Ослиная печень с пятью приправами[120], прошу отведать!

Блюда из ослятины несут и несут, они заполняют весь стол, все уже наелись, животы раздулись как барабаны, беспрестанно разносится сытое рыгание. Лица покрывает пелена ослиного жира, через него проступает изможденность, как у ослов, измотанных кружением вокруг мельнич-

---

[120] Примечания: 120

Пять приправ — уксус, вино, мед, имбирь, соль.

ного жернова. Товарищи устали. Улучив момент, я останавливаю официантку:

— Много еще будет блюд?

— Блюд двадцать или около того. Точно не знаю. Я лишь приношу что дают.

Я указываю на сидящих за столом друзей:

— Все уже почти наелись. Можно ли подсократить число блюд?

— Вы же целого осла заказали, — скривилась официантка, — а съесть еще, почитай, ничего не съели.

— Но нам правда столько не съесть, — взмолился я. — Барышня, милая, пожалуйста, попросите на кухне, чтобы нам сделали поблажку: пусть выберут самое лучшее блюдо, а от остальных мы отказываемся.

— Эх вы, едоки, — разочарованно протянула она. — Ладно, замолвлю за вас словечко.

Обращение официантки возымело действие, и вот уже вносят последнее блюдо:

— «Дракон и феникс являют добрый знак», прошу отведать!

Официантка предлагает сначала полюбоваться блюдом.

Одна наивная дамочка с кислой физиономией интересуется:

— А какие ослиные органы стали основой для приготовления этого «Дракона и феникса»?

— Половые, — не моргнув глазом отвечает официантка.

Дама заливается краской, но, видимо, любопытство побеждает:

— Мы ведь только что съели целого осла, как же может быть… — И она указывает губами в сторону блюда с «драконом» и «фениксом».

— Вы съели на десяток с лишним блюд меньше, чем положено, — объяснила официантка. — Шеф-повар чувствует себя виноватым, и чтобы приготовить вам это великолепное блюдо, он добавил половой орган ослихи.

Отведайте, господа, дамы, уважаемые друзья, не стесняйтесь, это у осла самое что ни на есть драгоценное. На вид это блюдо не очень, но на вкус — пальчики оближешь. Не станете есть — напрасно, станете — дармовщинка опять же. Ешьте, ешьте, угощайтесь, отведайте «Дракона и феникса, являющих добрый знак».

Все застывают в нерешительности, воздев палочки для еды, и в этот самый момент в зал неторопливо входит мой старый приятель Юй Ичи. Я вскакиваю и начинаю представлять его:

— Вот это и есть знаменитый господин Юй Ичи,

управляющий ресторана «Пол-аршина», член городского постоянного политического консультативного комитета, организатор дружеских встреч городских писателей и предпринимателей, передовик труда провинциального уровня, выдвинут на звание передовика труда всей страны. Именно этот почтенный господин угощает сегодня на этом роскошном банкете.

Расплываясь в улыбке, Юй Ичи обходит стол, жмет каждому руку и одновременно вручает визитку с приятным ароматом, испещренную надписями на китайском и иностранном языке. Видно, что все преисполнились к нему симпатией.

— Даже это вам подали, — замечает он, покосившись на «Дракона и феникса, являющих добрый знак». — Теперь можете с полным правом говорить, что уж чего-чего, а ослятины вы едали.

Со всех концов стола звучат изъявления благодарности, на лицах у всех вас, братья и сестры, светятся льстивые улыбки.

— Не меня, его благодарите, — указывает он на меня. — Приготовить «Дракона и феникса, являющих добрый знак» не так-то просто. Это

одно из «безнравственных» блюд[121], в прошлом году несколько известных деятелей захотели попробовать его, но им не пришлось, рангом не вышли. Так что можно сказать, вам улыбнулось счастье, ведь это мечта истинного гурмана!

Он выпивает с каждым по три рюмки знаменитого вина «Черная жемчужина» (его производят у нас в Цзюго, и оно славится тем, что нормализует пищеварение). Натура у этого вина взрывная, работает что твоя мясорубка, и после него в животах громко забурчало.

— Не бойтесь того, что у вас в животах творится, с нами тут доктор виноделия. — Юй Ичи кивает на меня. — Ешьте, ешьте, давайте, действуйте, отведайте «Дракона и феникса, являющих добрый знак», а то остынет и вкус будет не тот. — Он подцепляет палочками голову «дракона» и кладет на тарелку даме, проявившей такой живой интерес к половым органам осла. Та без лишних церемоний принимается уплетать за обе щеки. Остальные тоже набрасываются с палочками на блюдо, и вскоре от «Дракона и феникса» ничего не остается.

— Не придется вам спать сегодня ночью! — про-

[121] Примечания: 121

Имеется в виду 11 блюд китайской кухни, приготовление и поедание которых связано с жестокостью, например мозг живой обезьяны.

износит Юй Ичи с порочной ухмылкой.

Вы понимаете, что он имел в виду?

Друзья мои, леди и джентльмены, здесь эта история, можно сказать, подходит к концу, но я уже так с вами подружился, что хочется помолоть для вас языком еще немного.

Банкет наконец закончился, и мы всей компанией вывалились из ресторана «Пол-аршина». Только тогда выяснилось, что уже третья стража[122], все небо усеяно звездами, землю покрыла ночная роса и по Ослиной улице разливаются зеленоватые отблески. Раздаются пьяные вопли котов, они сцепились на крыше, рьяно защищая свое первенство, да так, что черепица ходуном ходит. Холодная роса похожа на изморозь, с деревьев по обе стороны улицы один за другим падают листья. Кто-то из моих поднабравшихся друзей громко затягивает революционные песни. Строчка из одной, строчка из другой, всё невпопад, да еще на такой смеси диалектов, что ничего не разберешь. В общем, приятного на слух примерно столько же, сколько от завываний тех же котов на крышах. Другие примеры безобразного поведения даже приводить не хочется. Ну а в это

---

[122] Примечания: 122

Третья стража — время с одиннадцати вечера до часа ночи.

самое время с восточного конца улицы слышится отчетливый стук копыт. В мгновение ока перед нами черной стрелой проносится черный ослик с круглыми, как блюдца, копытами и горящими, как фонари, глазами. Я струхнул, остальные, видать, тоже, потому что закрыли рты и те, кто пел, и те, кого тошнило. Выпучив глаза, все уставили нетрезвые свои очи на черного ослика, глядя, как он скачет с восточного конца улицы на западный и с западного на восточный, и так три раза. Потом он застывает, как статуя, посреди Ослиной улицы, поблескивая лоснящейся черной шкурой и не издавая ни звука. Мы замираем, не в силах двинуться с места и надеясь, что легенда станет реальностью. И действительно, загрохотала черепица, и прямо на спину ослика скользнула черная тень. Это и вправду молодой парень с большим узлом за плечами. Оголенная кожа сверкает, как рыбья чешуя, а во рту холодным блеском мерцает небольшой кинжал в форме ивового листка.

5

Наставник Мо Янь, здравствуйте!

Не знаю, как и выразить все чувства, обуревающие меня в этот час, в эту минуту. Мой дорогой, мой самый уважаемый наставник, Ваше письмо, как бутылка чудесного вина, как весенний гром, как укол морфия, как хорошая доза опиума, как милая девчушка… обратило жизнь в весну, вернуло здоровье телу и наполнило радостью душу! В отличие от притворно-скромных лицемеров я знаю о своем бьющем через край таланте, не известном до сего времени никому и сокрытом в дальних покоях, как Ян Юйхуань[123]*, о быстроногом скакуне, которого заставляли таскать телегу в деревне, и не боюсь заявить о нем публично. И вот теперь наконец явились миру, рука об руку, Ли*

[123] Примечания: 123

Юйхуань — досл. «нефритовое колечко», детское имя императорской наложницы Ян-гуйфэй, одной из четырех знаменитых красавиц Китая.

Лунцзи и Бо Лэ![124] Мое дарование признали Вы и господин Чжоу Бао, один из тех самых «девяти знаменитых редакторов Китая»[125], и мне поистине впору «сворачивать как попало свитки со стихами вне себя от радости»[126]. Как это отпраздновать? Только «ду каном»! Достав из бара бутылку настоящего «ду кана», вытаскиваю зубами пробку, приставляю горлышко ко рту, запрокидываю голову и с бульканьем осушаю всю бутылку одним духом. Ликуя и сияя, опьяненный, на вершине блаженства, хватаю кисть и под накатившим вдохновением, свободно, легко и быстро – как распускает свой хвост павлин, как расцветают сотни

---

[124] Примечания: 124

Ли Лунцзи — танский император, правивший под девизом Сюаньцзун. Считается, что за первую половину своего правления он вывел страну к вершинам культуры и могущества. *Бо Лэ* — см. примеч., с. 18.

[125] Примечания: 125

В 1980-х гг. «четырьмя знаменитыми редакторами Китая» называли главных редакторов пекинских литературных журналов, по аналогии с названием популярного телесериала в жанре уся «Четыре знаменитых сыщика».

[126] Примечания: 126

Строка из стихотворения Ду Фу. Узнав, что после многолетних усобиц на его родине установился мир, поэт-скиталец радостно складывает пожитки, чтобы вернуться в родные места. В следующей строке он пишет о потребности воспеть это событие и выпить в его честь вина.

цветов, – пишу почтенному наставнику письмо.

Наставник, при всей Вашей огромной занятости Вы выкроили время, чтобы добросовестно прочесть мой нескладный опус «Ослиная улица», чем вызвали у меня, Вашего ученика, такое чувство благодарности, что я шмыгаю носом и все лицо в слезах. Ну а теперь, наставник, позвольте ответить по порядку на все поднятые Вами в письме вопросы.

1. Что касается появляющегося у меня в рассказе дьяволенка в красном одеянии, который устраивает бузу в царстве «мясных» детей. Такой человек на самом деле есть в Цзюго, и повествование основано на реальных событиях. Некоторые наши болваны чиновники действительно настолько продажны, что осмелились нарушить величайшее в мире табу: они умерщвляют и поедают маленьких мальчиков. Об этом мне рассказала теща, бывший доцент Кулинарной академии, которая заведовала исследовательским центром особого питания. По ее словам, в окрестностях Цзюго есть деревня, где

специально производят на свет «мясных» детей. Там это в порядке вещей, народ продает детей на мясо, как откормленных поросят, и никакой мировой скорби при этом не испытывает. Думаю, теща обманывать не станет. Сами посудите: ни славы ей от этого, ни выгоды – зачем ей меня обманывать? Нет, она обманывать не станет. Я понимаю, что все связанное с *этим очень серьезно и что, написав об этом, я могу навлечь на себя неприятности. Но ведь Вы, наставник, как-то сказали, что писатель должен смотреть жизни в лицо, как говорится, не бояться стащить императора с коня, зная, что тебя изрубят на куски*[127]*. Вот я самоотверженно и написал об этом. Конечно, мне известно, что литературные произведения «должны рождаться из жизни, но и возвышаться над жизнью»*[128]*, что*

[127] Примечания: 127

Китайская поговорка, основанная на предании о некоем Ван Мине, который, желая отомстить за отца, повесившегося из-за причиненной семье несправедливости, стащил с коня императора с целью убить его, но был схвачен стражниками и изрублен.

[128] Примечания: 128

Одно из положений «творческого метода сочетания», оправдывавшего приукрашивание действительности (см. примеч., с. 207).

нужно создавать «типичные характеры в типичных обстоятельствах»[129]*. Поэтому, когда пишу, я тут масла подолью, там уксуса, здесь приправы добавлю, и, глядишь, образ дьяволенка в красном вырисовывается ярче. У нас в Цзюго этот паршивец чешуйчатый стал этаким неуловимым благородным рыцарем, творящим добрые дела: он искореняет разврат и борется со злом, грабит богатых и помогает бедным. Он осыпал своими благодеяниями и милостями все отребье, что ошивается на Ослиной улице, и те его просто боготворят. Мне пока не довелось лицезреть его величественный облик воочию, но то, что я его не видел, еще не доказывает, что его не существует. Его видели многие на Ослиной улице, и в Цзюго о нем знает каждый. Что бы он ни вытворял по ночам и где бы это ни происходило, об этом наутро знает весь город. При каждом упоминании о нем кадровые партийные работники скрежещут зубами, простой народ в*

[129] Примечания: 129
Цитата из определения, данного Ф. Энгельсом реализму в литературе.

восторге, а у начальника службы безопасности сводит судорогой живот и ноги. Наставник, этот маленький благородный разбойник – неизбежное следствие развития общества. По сути дела, его рыцарское поведение привело к стабилизации настроений народа, к выплеску возмущения, что, в свою очередь, способствовало стабилизации и сплоченности. Его существование дополняет нездоровые законы, установленные сильными мира сего. Как Вы думаете, почему народ все же не поднял знамя бунта против продажности партийного начальства, достигшей немыслимых размеров? Потому, что есть этот чешуйчатый! Все исподволь наблюдают, ожидая, когда этот малец покарает продажных чиновников. Эту кару будут считать свершившимся правосудием народа. Чешуйчатый поистине стал воплощением справедливости, проводником народной воли, этаким предохранительным клапаном для поддержания общественного порядка. Цзюго не избежал бы крупных волнений, если бы не он. Пусть ему не остановить

разгул коррупции, но он может сдерживать ярость народа. По сути дела, этот чешуйчатый – большое подспорье для властей, хотя наши тупоголовые чиновники отдали приказ органам безопасности задержать его.

Являются ли чешуйчатый малец и дьяволенок в красном одеянии одним и тем же лицом? Уж простите сумасбродного ученика, но мне кажется, наставник, этот Ваш вопрос по-детски наивен. Что Вам до того, один и тот же это человек или нет? Если да, то что? И что, если нет? Основной принцип литературы – создавать нечто из ничего, сочинять как попало, к тому же я ведь не совсем уж всё высасываю из пальца и не всё пишу, что в голову взбредет! По правде сказать, чешуйчатый малец и дьяволенок в красном одновременно и тождественны, и несовместимы. Иногда эту целостность разделить можно, а порой они неразделимы. Раздвоение и слияние, «в Поднебесной долгое разобщение непременно заканчивается единением, долгое единение обя-

зательно приводит к разобщению»[130]*. Если таков закон Неба, почему не должно быть так у людей?*

В своем письме Вы также утверждаете, что способности чешуйчатого мальца у меня настолько преувеличены, что теряют правдоподобность. Мне трудно согласиться с этим критическим замечанием. Сегодня, когда наука и техника развиваются семимильными шагами, когда люди уже могут сажать соевые бобы на Луне, что такого в том, чтобы взлетать на углы крыш и ходить по стенам? Двадцать лет назад у нас в деревне показывали фильм-балет «Седая девушка»[131]*, в котором героиня ходит на носочках. После просмотра мы никак не могли успокоиться: ты умеешь ходить на носочках, а мы что, хуже? Научимся! Если не за день, так за два, двух не хватит – три дня тренироваться будем, трех недостаточно – будем учиться и че-*

---

[130] Примечания: 130

Цитата из классического романа «Троецарствие».

[131] Примечания: 131

«Седая девушка» — одна из «восьми образцовых революционных пьес» о тяжелой крестьянской, особенно женской, доле.

тыре, и пять. Дней шести-семи, наверное, хватит? И вот через восемь дней вся ребятня в нашей деревне – за исключением самого тупого, Ли Эргоу, – целая стайка малышей, научилась ходить на носочках. С тех пор когда матери шили нам обувь, носы им приходилось делать потолще. Так вот, если это получилось у целой команды деревенских дурачков, почему бы с этим не справиться гениальному чешуйчатому мальцу? Прибавьте к этому лютую ненависть в душе. Он практикует свое мастерство, чтобы отомстить, потому и действует эффективно, почти не тратя сил, потому ему все и дается легко, что-то сделать ему, как говорится, что бамбук расщепить.

Вы столько рассуждаете о достоинствах и недостатках романов уся, а я ни одного не читал и понятия не имею, кто такие Цзинь Юн или Гу Лун. Литературой я занимаюсь только серьезной, типа Горького и Лу Синя, строго придерживаюсь лишь одного метода – метода «сочетания революционного реализма и

революционного романтизма»[132]*, не отступаю от него ни на шаг и скорее умру, чем стану жертвовать принципами, чтобы потрафить читателю. Тем не менее, раз даже такие серьезные писатели, как Вы, наставник, попали под обаяние романов уся, Ваш ученик, то есть я, тоже что-нибудь из них почитает. Кто его знает, может, и с большой пользой для себя. Имя барышни «божьей коровки» я вроде бы слышал в общественном туалете. Говорят, она с ярко выраженной сексуальностью обожает выписывать такие подробности, как «торчащая из земли глыба кроваво-красной плоти». Ни одной ее книжки не читал, но вот через пару дней будет свободное время, найду несколько и полистаю на горшке. Мичурин превратил сад Божий в дом*

[132] Примечания: 132

«Творческий метод сочетания революционного реализма и революционного романтизма» — близкая к социалистическому реализму литературная теория, основанная на псевдооптимистическом украшательстве действительности. Провозглашена единственно верной накануне «культурной революции» и служила для пропаганды идеологических установок.

терпимости[133], *так неужто увенчанная лаврами писателя барышня Хуа не устроит бордель в литературном саду социализма?*

2. На Ваши опасения, наставник, что знаменитое блюдо «Дракон и феникс являют добрый знак», которое у меня готовят на Ослиной улице, привлечет мух, Ваш ученик осмелится заметить, что Ваше беспокойство явно преувеличено. Что такого грязного в этом блюде, которое даже приезжающие из Пекина великие критики и великие музыканты запихивают в рот так, что и оглянуться не успеешь. Мы стремимся к красоте, и только к красоте, но если эта красота не сотворена, она не настоящая. Не является таковой и красота, сотворенная из прекрасного. Истинная красота достигается преобразованием уродливого. Смысл здесь двоякий. Позвольте объясню. Во-первых, ни о какой красоте не может быть и

---

[133] Примечания: 133

В своих воспоминаниях И. В. Мичурин приводит слова местного священника: «Твои скрещивания отрицательно действуют на религиозно-нравственные помыслы православных… Ты превратил сад Божий в дом терпимости!»

речи, если просто засунуть ослиный пенис в ослиную вульву и положить их на блюдо: черные, хоть глаз выколи, невероятно грязные и вонючие. Конечно, никто до них и не дотронется. Но первоклассный шеф-повар ресторана «Пол-аршина» трижды замачивает их в свежей воде, трижды промывает в крови и трижды проваривает в соляном растворе. Затем удаляет жилы и волоски, прожаривает в масле с добавлением крахмала, томит на медленном огне, варит на пару под высоким давлением, после чего, искусно орудуя ножом, вырезает самые разные узоры, добавляет редкую приправу, украшает яркими сердечками овощей – и вот уже хозяйство осла превратилось в черного дракона, а ослицыно – в черного феникса. Дракон и феникс сливаются в поцелуе и сплетаются хвостами, изогнувшись вдоль блюда среди всего этого разноцветья, как живые; исходящий от них аромат щекочет ноздри, это наслаждение для души и радость для глаз – ну чем не преобразование уродливого в прекрасное? Во-вторых, сами эти слова – пенис

осла и вульва ослицы – невыносимо вульгарны и оскорбительны для восприятия, а человек слабовольный легко может дать волю своему воображению. Мы же меняем название одного на «дракон», другого на «феникс», потому что дракон и феникс – величественные символы китайского народа, знаменующие собой все высокое, священное, прекрасное и несущие в себе так много смысла, что всего и не перечесть. Видите, разве и это не есть преобразование уродливого в прекрасное?

Наставник, я вдруг осознал, что процесс приготовления этого фирменного блюда с Ослиной улицы очень похож на творческий процесс у нас в литературе и искусстве. Ведь и то и другое идет от жизни и приподнимается над жизнью! И то и другое меняет природу во благо человечества! И то и другое превращает вульгарное в возвышенное, обращает похоть в искусство, зерно в алкоголь, а скорбь в силу!

Это блюдо я точно не стану убирать, наставник, чем бы Вы меня ни пугали.

«Радость» и «Красную саранчу» считаю

Вашими лучшими работами. Те, кто возводит на Вас хулу, должно быть, переели плаценты и младенцев или у них от теплового удара мозги перегрелись. Стоит ли Вам, наставник, обращать внимание на их словоблудие? У нас в Цзюго руководитель Союза писателей как раз из тех, кто без плаценты и дня прожить не может. Каждый день съедает большую чашку супа из плаценты с куриным яйцом, поэтому от его статей так и разит «человечностью».

3. Наставник, мне никак не понять, что за человек этот Юй Ичи, и я очень боюсь его. Он хочет, чтобы я написал его биографию, обещает хорошо заплатить, а меня разрывают противоречия. Но раз Вы мое писательство одобряете, все же соберусь с духом, хлебну супа из желчного пузыря[134] *и напишу! Но лелею еще большую надежду, что Вы, наставник, сможете сотрудничать со мной. Вы человек известный, и если согласитесь написать его биографию, у него от радо-*

[134] Примечания: 134

Игра слов: в китайском языке выражение «быть храбрым» дословно означает «иметь большой желчный пузырь».

сти задница ходуном заходит. Вы даже не представляете, какая прелесть этот Юй Ичи, когда он трясет задницей: ну просто валяющийся на снегу маленький пекинес! Денег у него полно, раздает он их щедрой рукой, просто пригоршнями, и Вас уж точно не обидит. Кроме того, Вам, наставник, следует непременно приехать в Цзюго – осмотреть достопримечательности, расширить кругозор. Думаю, это будет очень полезно для Вашего творчества – ну, как полезно для здоровья поесть на банкете, где подают младенцев. Если Вы, наставник, в Цзюго не приедете, это, с какой стороны ни взглянуть, будет большой потерей, ведь Вам нужно посетить Цзюго хотя бы для того, чтобы отведать «Дракон и феникс являют добрый знак».

4. Что касается начала «Ослиной улицы», если Вы хвалите его, говоря, что оно «читается легко», то чем Вам помешала «пустая болтовня»? Сейчас у нас публикуют столько пустой болтовни, с таким дубовым языком, так с какой стати мне «полностью опускать» мою «легкочи-

таемую пустую болтовню»? Эту Вашу рекомендацию принимать не хочу да и не могу.

5. Отец двух лилипуток действительно высокопоставленный руководитель, поэтому непонятно, зачем понижать его в должности. К тому же, если я даже захочу понизить его до уровня руководителя какой-нибудь отдаленной горной деревушки, думаете, он так и сделает? Да он точно с меня живого не слезет. С другой стороны, литература и искусство – вымысел, и если кому-то хочется искать соответствия персонажей реальным людям, пусть сами этим и занимаются: я тут ни при чем. А то он будет чуть ли не лопаться от злости, а я плати за это жизнью? Нет уж, если платить жизнью, так за дело. «Воин не боится смерти, и незачем пугать его этим»[135]*. Что значит сложить голову? «Все равно*

[135] Примечания: 135
Цитата из «Лао-цзы». В оригинале не «воин», а «чернь».

что ветром снесло шляпу»[136]*. «Пройдет лет двадцать, и снова буду добрый молодец»*[137].

Наставник, прошу от моего имени поинтересоваться у почтенного Чжоу Бао и почтенного Ли Сяобао, хватает ли у них хорошего вина. Кроме того, в октябре у нас в городе для туристов проводится первый фестиваль Обезьяньего вина. Подобное мероприятие в Китае пройдет впервые, не говоря уже о самом Цзюго. Для услаждения вкуса и поднятия настроения почтенной публики будут представлены вина со всей Поднебесной. Вас, наставник Мо Янь, будут ждать самые изысканные блюда, ими Вы сможете насладиться в полной мере. Приглашаем Вас с семьей. Мой тесть, профессор Юань Шуанъюй, – заместитель председателя оргкомитета первого фестиваля Обезья-

---

[136] Примечания: 136

Цитата из арии героини одной из «образцовых революционных пьес», которая перед смертью обращается к матери: «Мама, родила меня ты, а воспитала — партия! Сложить голову за революцию — все равно что ветром снесло шляпу!»

[137] Примечания: 137

В старом Китае мужчина в двадцать лет считался совершеннолетним. Имеется в виду, что смерть не страшна, потому что после перерождения все вернется на круги своя.

ньего вина по техническим вопросам, так что всё в порядке, ни в чем нуждаться не будете.

Желаю здравствовать!

Ваш ученик Ли Идоу (писано подшофе)

Глава пятая

1

Длинными, как у обезьяны, руками Дин Гоуэр крепко обхватил шоферицу за талию. Одновременно он умело впился ей в губы поцелуем. Та мотала головой, стараясь выскользнуть, но он двигал головой вслед за ней, обрекая ее попытки на провал; при этом он полностью втянул себе в рот ее пухлые губы.

— Мать твою! — сдавленно изрыгала она, и ругательства попадали ему прямо в рот, скапливаясь на языке, на деснах и в гортани.

По опыту он был уверен, что эта борьба продлится недолго, что скоро лицо ее зальет краска, дыхание станет прерывистым, низ живота запылает и она раскинется в его объятиях, как послушный котенок. Все женщины таковы. Но он допустил ошибку, смешав общее и частное, и подтверждением этому стало то, что вскоре произошло на самом деле. Обездвижить шоферицу анестезией через рот не удалось. Сжав зубы, как тиски, она нисколько не ослабила сопротивления — наоборот, отбивалась все яростнее. Она царапала ему ногтями спину, пинала ногами, норовила поддать коленкой в пах. Низ живота у

нее пылал, обжигая, как горящие угли, дыхание пьянило, как крепкое вино, и невероятно возбужденный Дин Гоуэр готов был терпеть физические страдания, но не прерывать поцелуя. Он даже попытался просунуть язык через ее сжатые зубы. Тут его и ждала неудача.

Он и представить себе не мог, какой готовился подвох, когда она чуть раздвинула зубы и его язык проворно скользнул ей в рот. Зубы шоферицы клацнули, и следователь взвыл от боли, которая пронизала все тело. Руки мгновенно слетели с ее талии. Он метнулся в сторону, ощущая отвратительный сладковатый привкус наполняющей рот жгучей жидкости, зажал рот рукой и про себя застонал: «Плохо дело. Без языка остался». Это было его первое горькое поражение за всю историю любовных похождений. «Вот ведь шлюхино отродье!» — костерил он ее, опустив голову и сплевывая кровь. В небе блистали звезды, вокруг все расплывалось как в тумане. Что это кровь, он не сомневался, хотя цвета не видел. Больше всего сейчас он переживал за язык, осторожно дотрагиваясь до него зубами и верхней губой. В основном вроде цел, только на кончике чувствуется небольшая, с горошину, дырочка, она и кровоточит.

Язык прокушен, но на месте, и придавленному бременем тяжелых мыслей Дин Гоуэру полегчало. «Хорошенькую цену я заплатил за этот поцелуй», — досадовал он. Хотелось проучить ее, но мысли в голове путались, и он не знал, с чего начать.

Она стояла лицом к нему в каких-то двух шагах. Ясно слышалось тяжелое дыхание, через тонкую рубашку чувствовалось тепло ее тела. Высоко поднятая голова, вытаращенные глаза, в руках неизвестно когда появившийся гаечный ключ. В свете мерцающих звезд четко видно искаженное гневом, невероятно живое лицо — лицо озорной девчонки.

— Острые зубки, — с невольной горькой усмешкой пробормотал он.

— Это еще не со всей силы! — пропыхтела она, с трудом переводя дыхание. — Я стальную проволоку «десятку» перекусываю.

Благодаря этому диалогу настроение следователя вдруг улучшилось, и боль в языке притупилась. Он протянул руку, чтобы похлопать ее по плечу, но она бдительно отпрыгнула и занесла над головой гаечный ключ:

— Только тронь, прибью!

Он отдернул руку:

— Что ты, доченька, разве я посмею тронуть тебя! Никак не посмею. Может, мир, а?

Она опустила ключ и выдохнула тоном приказа:

— Воду в радиатор залей!

Накатывалась ночная прохлада, по спине пробежал холодок. Послушно взяв ведро с водой, он начал заливать ее в радиатор. Окутало жаром от двигателя, и стало теплее. Радиатор вбирал воду с бульканьем и хлюпаньем, как утомленный, жадно пьющий буйвол. Млечный Путь пересекла падающая звезда, вокруг стрекотали насекомые, а где-то вдалеке с плеском разбивались о песчаную отмель волны.

Он сел в кабину, глядя вперед, на яркие огни Цзюго, и вдруг ощутил себя одиноким отбившимся от стада ягненком.

Сидя на уютном диване дома у шоферицы, Дин Гоуэр пребывал в эйфории. Провонявшая потом и пропахшая алкоголем одежда уже валялась на балконе, продолжая посылать свои запахи в бескрайнее ночное небо, а тело обволакивал просторный, мягкий и теплый халат. На чайном столике лежал его изящный пистолет вместе с несколькими десятками патронов в обоймах. Корпус пистолета отбрасывал темно-

синие отблески, а патроны отливали золотом. Откинувшись на диване и сощурив глаза в узкие щелочки, он прислушивался к плеску воды в ванной и представлял, как горячая вода из душа стекает по плечам и груди шоферицы. После того как она прокусила ему язык, все происходило словно во сне. Забравшись в кабину, он не произнес ни слова. Молчала и она. Он сосредоточенно и бездумно слушал, как рокочет двигатель и шуршат по шоссе колеса. Машина стремительно мчалась вперед, перед ними уже вырастал Цзюго. Красный свет, зеленый. Поворот налево, поворот направо. Через боковые ворота грузовик въехал на территорию Кулинарной академии и остановился на угольном дворе. Она вылезла из кабины, он тоже. Она пошла, он за ней. Она остановилась, остановился и он. Выглядело все это нелепо, но казалось вполне естественным. Он вошел в дверь ее квартиры солидно, будто муж или близкий друг. И вот теперь, с удовольствием переваривая ее великолепную стряпню, он сидел на диване, попивал виноградное вино и с восхищением оглядывал уютную, красиво обставленную квартиру, ожидая, когда она выйдет из ванной.

Время от времени колющая боль в языке пробуждала бдительность. «А вдруг это еще более

коварная ловушка: а ну как в этой комнате с явными следами проживания мужчины возникнет какой-нибудь крутой тип? Или двое? Нет, все равно останусь». И допив вино, он погрузился в приятные грезы.

Она вышла из ванной в кремовом банном халатике, шлепая красными пластиковыми тапочками без задников. Шла эта штучка соблазнительной походкой, виляя бедрами и словно пританцовывая в золотистом свете ламп на поскрипывающем у нее под ногами деревянном полу. Мокрые волосы слиплись, головка — круглая, как тыква-горлянка, — поблескивает и плывет в потоке теплого желтоватого света. Почему-то вспомнился популярный лозунг: «Стремясь к процветанию, искоренять порнографию!» Она стояла перед ним, расставив ноги, халат чуть прихвачен поясом. Черное родимое пятно на белоснежной ноге смахивает на бдительный глаз. Верхняя половина груди тоже белая. Высокие холмики плоти. Дин Гоуэр недвижно возлежал, прищурившись, и любовался. Стоит поднять руку и потянуть за пояс халата, завязанный на пупке, и шоферица предстанет перед ним во всей наготе. И никакая она не шоферица. Скорее, благородная дама. Изучив квартиру и обстановку, следователь

понял, что муж у нее не из простых, — как говорится, лампа, для которой масло не экономят. Он закурил еще одну сигарету: этакий хитрый лис, который изучает попавшую в западню добычу.

— Вот ведь, уставился и пальцем не шевельнет, — с досадой проговорила она. — Какой же ты коммунист!

— Именно так коммунисты-подпольщики и действовали со шпионками.

— Да что ты говоришь!

— В кино.

— А ты артист, что ли?

— Нет, только учусь.

Легким движением развязав пояс, она шевельнула плечами, и халат соскользнул к ее ногам. «Изящная, как нефритовая статуэтка», — тут же пришло в голову следователю.

— Как тебе? — спросила она, поддерживая ладонями грудь.

— Недурно.

— Ну а дальше что?

— Будем продолжать обозревать.

Она схватила пистолет, умело вставила обойму и отступила на шаг, чтобы между ними было расстояние. Свет ламп стал мягче, покрыв ее тело словно позолотой, — конечно, не везде. Ореолы

вокруг сосков темные, а соски ярко-красные, будто финики. Неторопливо подняв пистолет, она прицелилась ему в голову.

Дин Гоуэр слегка содрогнулся, не сводя глаз с отливающего синевой корпуса и черного отверстия ствола. Это он всегда нацеливал пистолет в головы других, он всегда был кошкой и наблюдал за попавшей в острые когти мышкой. Перед лицом смерти большинство мышек дрожали от страха, у них начиналась медвежья болезнь, они надували в штаны. Лишь некоторым удавалось сохранять спокойствие, хотя подрагивающие пальцы или подергивающиеся уголки рта выдавали обуревавший их страх. Теперь же мышкой стала сама кошка, подсудимым стал тот, кто раньше вершил суд. Он рассматривал свой пистолет, будто видел его впервые. Исходившее от него, как от глазурованной плитки, голубоватое свечение завораживало, словно букет изысканного выдержанного вина, безупречные контуры являли взору какую-то порочную красоту. В тот момент это был Всевышний, это была судьба, посланный ею черный вестник смерти. Белая рука твердо сжимала точеную рукоятку, длинный и тонкий указательный палец лежал на твердом, упругом спусковом крючке. Одно движение — и грянет

выстрел. По собственному опыту он знал, что пистолет в таком состоянии уже не кусок холодного металла, а живое существо со своими мыслями, чувствами, культурой и моралью, что в нем сокрыта мятущаяся душа, и эта душа — душа того, у кого в руках оружие. Напряженность незаметно спала, исчезла и сосредоточенность на стволе, из которого в любую минуту могла вылететь пуля. Ствол снова стал лишь частью пистолета. Следователь даже беззаботно затянулся сигаретой.

От задувающего со двора осеннего ветерка шелковые занавески на окне чуть колыхались. Остывающий пар превращался в воду, и падающие с потолка капли звонко разбивались о ванну. Он любовался шоферицей, словно великолепной картиной в музее. Поразительное дело: какой невероятно возбуждающей может быть обнаженная молодая женщина с пистолетом, из которого она готова выстрелить. Это уже не просто пистолет, а готовый броситься в атаку орган, этакое мощное сексуальное оружие. Следователь Дин Гоуэр был не из тех, кто зажмуривается при виде женщины. О его пламенной, охочей до секса любовнице уже упоминалось. Добавим, что было у него и несколько случайных любовных встреч. Раньше он давно бы уже заграбастал эту

овечку, словно спустившийся с гор свирепый тигр. Теперешняя нерешительность объяснялась двумя причинами. Во-первых, с самого приезда в Цзюго он чувствовал, что угодил в некий лабиринт; в душе царило смятение, его обуревали сомнения. Во-вторых, еще болела ранка на языке. Имея дело с обольстительной бабочкой столь чудовищного нрава, нельзя позволять себе ни одного необдуманного действия. Тем более когда в голову направлен вороненый ствол. Кто поручится, что эта прелестница не нажмет на курок? Спустить курок — не кусаться, намного легче, к тому же цивилизованно, современно да еще так романтично. Что не поддавалось объяснению, так это разительное несоответствие между просторной, красиво обставленной квартирой этой штучки и ее тяжелой работой. Всего лишь поцеловал — так языка чуть не лишился. Ну а если… Кто может гарантировать сохранность сокровища, что между ног? Подавив «блудливые капиталистические мыслишки» и воодушевившись «суровым и правильным пролетарским началом», он продолжал возлежать неколебимо, как гора Тайшань. Он возлежал под прицелом пистолета в руках голозадой женщины так чинно, с таким невозмутимым выражением на лице,

что претендовал на лавры величавого героя, каких не много в мире. И спокойно наблюдал за происходящими переменами.

Лицо шоферицы все больше заливала краска, соски возбужденно подрагивали, словно ротики крошечных существ. Следователя так и подмывало рвануться вперед и куснуть их, но в кончике языка остро кольнуло и он остался сидеть как сидел.

— Сдаюсь, — с тихим вздохом проговорила она.

Бросила пистолет на стол и, театрально воздев руки, повторила:

— Сдаюсь… Сдаюсь…

Руки подняты, ноги расставлены, все врата, что можно открыть, открыты.

— Правда, что ли, не хочешь? — раздраженно спросила она. — По-твоему, я такая страшная?

— Что ты, очень даже красивая, — лениво открыл рот следователь.

— Ну и чего же тогда? — язвительно продолжала она. — Кастрат, что ли?

— Боюсь, откусишь.

— А вот самцы богомола умирают, покрывая самок, но не отступаются.

— Ты эти штучки брось, я тебе не богомол.

— Трус, вот ты кто, твою мать! — взорвалась шоферица. — Катись-ка ты отсюда, сама себя ублажать буду!

Одним прыжком следователь вскочил с дивана и обнял ее сзади, взявшись одной рукой за грудь. Она откинулась в его объятия и, повернув к нему голову, расплылась в улыбке. Не в силах больше сдерживаться, он приник к ней, но стоило ему дотронуться до ее пылающих губ, как кончик языка тут же отозвался резкой болью.

— О-ля-ля! — в испуге воскликнул он и отвел рот в сторону.

— Ладно, не укушу… — С этими словами она повернулась и стала снимать с него одежду.

Следователь поднял руки, помогая ей, словно одинокий пешеход, настигнутый на улице грабительницей. Сначала она стащила халат и, размахнувшись, швырнула в угол. Потом стянула трусы и майку и забросила на свисавшую с потолка люстру. Он задрал голову, и ему вдруг захотелось снять их оттуда. Желание оказалось настолько сильным, что он даже подпрыгнул сантиметров на тридцать, дотронулся до них кончиками пальцев правой руки. Когда он подпрыгнул еще раз, шоферица сделала подсечку, и он распластался на ковре.

Не успел он прийти в себя, как она уже подскочила, уселась ему на живот и, ухватив за уши, стала со звонкими шлепками подпрыгивать на заднице. Было такое ощущение, что внутри все смялось в лепешку, и он, не выдержав, взвыл не своим голосом. Шоферица протянула руку, нашарила вонючий носок и запихнула ему в рот. Действовала она с какой-то зверской злобой — женственностью или лаской тут и не пахло. «И это называется заниматься любовью? — стонал он про себя, задыхаясь от невыносимой вони. — Да так свиней режут». Мелькнула мысль дать ход рукам и спихнуть с себя этого мясника в женском образе. Но кто же знал, что она, словно наделенный даром предвидения охотник, вытянет руки и придавит ему запястья. В этот момент в душе Дин Гоуэра бушевали сомнения: и хотелось вырваться, и не хотелось. Хотелось по причине, о которой уже говорилось выше; не хотелось, потому что он явно чувствовал, что именно сейчас нижняя половина тела подвергается испытанию огнем и кровью. И тогда, закрыв глаза, он отдался на милость судьбы.

А потом произошло вот что: пока обливающаяся потом шоферица вьюном елозила по его животу, откуда-то сверху донесся презрительный

смешок. Дин Гоуэр открыл глаза, и его почти сразу ослепили яркие вспышки подсветки. Негромко щелкал затвор фотоаппарата и шелестела перемотка видеокамеры. Разъяренный, он сел и сунул кулаком в разгоряченное любовной страстью лицо шоферицы. Удар пришелся в цель: за глухим стуком последовала целая серия вспышек, она медленно завалилась назад пузом кверху, ее плечи оказались как раз на его ступнях, и всем открылось немало сокровенных мест. Снова засверкали вспышки, и невиданную позу, которую продемонстрировали они с шоферицей, запечатлели заговорщики.

— Ну вот, Дин Гоуэр, товарищ следователь, а теперь поговорим, — насмешливо произнес Цзинь Ганцзуань. Он засунул катушку с пленкой в карман, сел нога на ногу и вольготно откинулся на диване. При этом он изображал, что на правой щеке у него ходят желваки, и Дин Гоуэру стало жутко противно. Спихнув с себя отключившуюся шоферицу, он попытался встать, но ноги онемели и не слушались, словно парализованные.

— Отлично! — продолжал играть желваками Цзинь Ганцзуань. — Выполняющий важное задание следователь переусердствовал в любовных утехах, и у него отнялись конечности.

Дин Гоуэр смотрел на это красивое, холеное лицо и чувствовал, как в груди разгорается ярость. По всему телу растекалась пылающая кровь, а по холодным как лед ногам, казалось, ползали тысячи каких-то тварей. Опершись на руки, он с усилием поднялся, ноги дрожали. Когда затекшие ноги стали отходить, он начал двигаться, комментируя свои действия:

— Следователь встает, разминает руки и ноги. Поднимает полотенце, вытирает потное тело, в том числе живот, вымазанный густыми выделениями жены или любовницы Цзинь Ганцзуаня, замначальника отдела пропаганды горкома Цзюго. При этом сожалеет о только что пережитом испуге. Никакого преступления я не совершал, а лишь попал в расставленную преступниками ловушку.

Он отшвырнул полотенце, и оно упало на пол прямо перед Цзинь Ганцзуанем. Желваки у того заходили ходуном, и лицо аж позеленело.

— Баба у тебя что надо, — добавил Дин Гоуэр, — жаль только, связалась с таким мерзавцем.

Он подождал, думая, что Цзинь Ганцзуань сейчас взорвется, но тот лишь громко расхохотался. Причем так неожиданно и странно, что это внушало тревогу.

— Чего смеешься? Думаешь, смехом можно скрыть слабину?

Цзинь Ганцзуань резко оборвал смех и, вытащив платок, вытер слезы:

— Товарищ Дин Гоуэр! Это кто из нас слабак? Ты ворвался в мою квартиру, изнасиловал мою жену, и у меня есть тому неопровержимые доказательства. — Он похлопал по карману с пленкой. — Если призванный блюсти закон сознательно его нарушает, вина возрастает вдвойне. Так кто у нас слабак? — язвительно закончил он, дернув уголками рта.

— Это твоя жена изнасиловала меня! — заскрежетал зубами Дин Гоуэр.

— Вот уж поистине неслыханное дело! — продолжал играть желваками Цзинь Ганцзуань. — Чтобы знатока ушу, взрослого мужчину, да еще вооруженного, изнасиловала совершенно безоружная женщина!..

Следователь перевел взгляд на шоферицу. Та лежала навзничь на полу с отстраненным взглядом, словно помешанная или пьяная, из ноздрей у нее текла кровь. Сердце у него заколотилось, душу всколыхнули прекрасные ощущения, которые она доставила ему своей разгоряченной плотью, в глазах защипало, и навернулись слезы.

Опустившись на колени, он поднял валявшийся на полу халат и вытер ей кровь на носу и губах. Стало стыдно, что он так жестко с ней обошелся. На тыльной стороне ладони он заметил две капли: это из глаз у нее выкатились крупные слезы.

Он поднял ее на руки, отнес на кровать и прикрыл одеялом. Потом подпрыгнул, стащил с люстры майку и трусы и натянул. Открыл дверь на балкон, достал остальную одежду и оделся. Протянул руку за лежащим на столике пистолетом — Цзинь Ганцзуань, играя желваками, следил за ним, — снял курок со взвода, сунул пистолет за пояс и сел:

— Ну что, раскроем карты!

— Какие еще карты?

— Дурачком прикидываешься?

— Ничего я не прикидываюсь, душа у меня болит.

— И с чего же это она у тебя болит?

— Болит оттого, что в ряды кадровых работников нашей партии попадают такие подонки, как ты!

— Я подонок, потому что соблазнил твою жену? Что ж, подонок и есть. Но есть такие, что готовят и поедают детей! Таких и людьми-то не назовешь! Звери, а не люди!

На это Цзинь Ганцзуань расхохотался и даже в ладоши захлопал.

— Ну просто сказка из «Тысячи и одной ночи», — заявил он отсмеявшись. — В Цзюго действительно есть знаменитое блюдо, которое воплощает силу воображения и творческий подход, его пробовали руководители высшего уровня, да ты и сам его ел. Если мы звери и людоеды, значит, и ты тоже!

— Если у тебя совесть чиста, зачем нужно было заманивать меня этой красоткой? — презрительно усмехнулся Дин Гоуэр.

— Только у таких мерзавцев из прокуратуры, как ты, может быть столь извращенное воображение! — взорвался Цзинь Ганцзуань. — А теперь я хотел бы донести до вашей светлости мнение нашего горкома и руководителей городской управы: мы приветствуем следователя по особо важным делам Дин Гоуэра, направленного в наш город для проведения расследования, и готовы оказать посильную помощь.

— На самом деле ты можешь помешать моему расследованию.

— Вообще, если выражаться точно, — похлопал себя по карману Цзинь Ганцзуань, — у вас двоих прелюбодеяние по обоюдному согласию, и, хотя

твое поведение можно назвать предосудительным, закона ты не преступил. У меня, конечно, есть возможность сейчас же отправить тебя обратно как последнюю собаку, но личные интересы следует подчинять интересам общества, поэтому я не стану чинить препятствий, и ты можешь продолжить выполнение своей миссии.

Открыв бар, он вынул бутылку «маотай», вытащил пробку и вылил всю в два больших бокала. Один поставил перед Дин Гоуэром, а второй поднял со словами «За успех твоего расследования!», чокнулся с ним и, запрокинув голову, выпил полцзиня водки одним духом. Потом поднял пустой бокал — желваки ходят, глаза сверкают — и уставился на Дин Гоуэра.

Снова невольно разозлившись на эти желваки, Дин Гоуэр поднял бокал и — была не была — с бульканьем осушил его.

— Отлично! — одобрительно воскликнул Цзинь Ганцзуань. — Вот это я понимаю, боец! — Он достал из бара целую охапку бутылок, всё знаменитые сорта. — Сейчас посмотрим, кто кого! — заявил он, указывая на всю эту батарею. Проворно открыл бутылки и стал наливать. В водке поднимались пузырьки, разнесся запах алкоголя. — Кто не пьет, у того мать шлюха! — Щека

продолжала подергиваться, и теперь, когда церемонии и манеры были отброшены, на Дин Гоуэра смотрело лицо алкоголика. — Что, слабо выпить? — подначивал он, поигрывая желваками и одним махом опрокидывая бокал. — Некоторые и на сына шлюхи согласны, лишь бы не пить!

— Кто сказал, что я не буду пить? — Дин Гоуэр взял бокал и осушил его. На макушке будто открылось потолочное окно, и сознание, превратившись в чудовищную бабочку размером с круглый — лунный — веер, закружилось в свете ламп. — Пить… Весь ваш Цзюго выпью до дна, мать ваш-шу…

Ладонь на глазах выросла до размеров круглой плетеной подстилки, густо торчавшие из нее пальцы потянулись к бутылке, которая уменьшилась до гвоздя, до швейной иглы, а потом вдруг снова выросла в несколько раз, большая, как железное ведро, как валек для белья. Бабочка порхала в то гаснущем, то ярко вспыхивающем свете ламп. Четко видна лишь дергающаяся щека. Пей! Алкоголь медом растекается по горлу. На языке и в пищеводе ни с чем не сравнимое, просто неописуемое чувство. Пей! Он торопится проглотить водку как можно быстрее. Ясно видно, как жидкость с бульканьем стекает вниз по

коричневатому пищеводу. Какое дивное ощущение! Чувства воспаряют вверх по стене.

В свете ламп Цзинь Ганцзуань медленно переплывает с одного места на другое, потом вдруг прибавляет скорости, как комета. Его образ острым клинком раскалывает залитое золотистым светом пространство комнаты, и теперь он двигается в этих трещинах, как бы вращаясь вокруг своей оси. А потом и вовсе исчезает.

Казалось, пестрая бабочка устала. Крылья двигаются все тяжелее, словно прибитые росой. Наконец она опускается на один из золоченых канделябров и печально шевелит усиками, наблюдая, как ее оболочка грузно валится на пол.

2

Наставник Мо Янь!

Так долго нет от Вас ответа, что сердце уже не на месте. Неужто Вы расстроились из-за того, что в предыдущем письме я, не помня себя от радости, так разбахвалился? Если это действительно так, Ваш ученик весь трепещет, даже поджилки трясутся. Достоин десяти тысяч смертей за свою провинность. Но, как говорится, высокий за подлым не видит вины, вельможа так велик душой – хоть на ладье плыви[138]*. Очень прошу не сопоставлять Ваш кругозор с моим опытом малого ребенка, я вовсе не хочу потерять Ваше расположение. Начиная с сего дня буду прислушиваться к каждому Вашему слову, никогда больше не позволю себе доказывать истину крепким словцом, никогда впредь не посмею зря скандалить.*

Если Вы считаете, что блюдо «Дракон

---

[138] Примечания: 138

Часть поговорки: «Воевода так широк челом — на скакуне скачи, вельможа так велик душой — хоть на ладье плыви».

и феникс являют добрый знак» выражает уклон к либерализации, я немедленно уберу его из «Ослиной улицы», и всё на этом. Могу также пойти к владельцу ресторана «Пол-аршина» и попросить изъять это блюдо из меню. Несколько дней тому назад я заговорил о Вас, так у него враз глаза заблестели. «Это тот, что «Красный гаолян» написал?» – спросил он. «Он самый, – подтвердил я. – Мой наставник». – «Этот твой наставник – настоящий босяк, у которого слово никогда не расходится с делом. И я очень уважаю его». – «Как ты, негодяй этакий, смеешь называть моего наставника босяком!» – возмутился я. «С моей стороны это очень высокая оценка, – ответил он. – В наше время, когда в мире полно надменных лицемеров, настоящий босяк, у которого слово никогда не расходится с делом, на вес золота». К людям необычным, наставник, нельзя применять обычные суждения. Этот господин Ичи – человек странный до необычайности, не поймешь, кто он на самом деле. Разговаривает он бесцеремонно и грубо, но, надеюсь, Вы не

станете на это обижаться.

Я рассказал, что попросил Вас помочь с составлением его жизнеописания. Он пришел в полный восторг и сказал, что писать о нем только Мо Янь и подходит. Я спросил почему, и он ответил: «Потому что мы с Мо Янем одного поля ягода, как говорится, барсуки с одного холма». Я стал возражать: «Наставник Мо Янь весьма популярный сейчас молодой писатель. Как ты, карлик, смеешь ставить себя на одну доску с ним?» «Когда я говорю, что мы одного поля ягода, я воздаю ему величайшую похвалу, – презрительно усмехнулся он. – Знаешь, сколько людей мечтали бы быть со мной одного поля ягодой, да кишка тонка!»

Надеюсь, у Вас, наставник, иной взгляд на вещи. В наше время все идет кувырком. Даже телеведущая, которая тут у нас в Цзюго слывет первой красавицей, переспала с ним, так что, как видите, способностей ему не занимать. У него есть деньги, но нет славы; у Вас есть слава, но нет денег: как раз дополняете друг друга. Вам, наставник, не стоит изображать

из себя человека возвышенного, просто заключите с ним небольшую сделку. Он уверяет, если составите его жизнеописание, в обиде не будете. Наставник, ученик призывает Вас ухватиться за это дело обеими руками. Во-первых, заработаете несколько десятков тысяч юаней да и «ситуацию бедности и отсталости измените»[139]*. Тем более что Юй Ичи – личность необычная, да и у Вас к нему немалый интерес. И росточком-то этот уродец лишь один чи с небольшим, а вот на тебе – клянется, что «оприходует всех красоток в Цзюго», и ведь вправду чуть ли не всех оприходовал. В этом есть что-то безгранично мистическое, заставляющее задуматься. А учитывая Ваш, наставник, огромный, как море, и своеобычный литературный талант, Ваш стиль, «Жизнеописание Юй Ичи» безусловно может стать бессмертным произведением. Юй Ичи говорит, что если Вы не против написать его жизнеописание, приезжайте в Цзюго, он готов*

---

[139] Примечания: 139

«Изменить ситуацию бедности и отсталости» — газетный штамп начального периода реформ в КНР.

предоставить все удобства, проживание в высококлассном отеле по Вашему выбору, божественные напитки, какие только душа пожелает, изысканнейшие деликатесы на Ваш выбор, фирменные сигареты на Ваш вкус, чай знаменитых сортов по Вашему предпочтению. Он даже тайком шепнул, что, если у Вас есть склонности к чему-то еще, он постарается полностью их удовлетворить. Наставник, если Вы считаете, что беседовать для сбора материала для Вас слишком утомительно, я, Ваш ученик, возьму этот труд на себя. Такого замечательного предложения днем с огнем не сыщешь, даже не раздумывайте, наставник, прошу Вас.

Чтобы еще больше поднять Вашу активность, наставник, и убедить, что Юй Ичи действительно подходящий материал в классическом понимании этого слова, я специально написал рассказ в духе «литературы факта» под названием «Герой в пол-аршина» и представляю его на Ваш суд. Если решите приехать в Цзюго писать жизнеописание, то никому этот рассказ передавать не надо. Вы

оказали мне столько благодеяний, а мне и отблагодарить-то Вас нечем. Пусть это сочинение будет моим ничтожным подарком!

Желаю творческих успехов!

Ваш ученик Ли Идоу

3

Уважаемый Идоу!

Твое письмо и рассказ в духе «литературы факта» «Герой в пол-аршина» получил.

Письмо оказалось очень откровенным, я восхищен, поэтому тебе особенно беспокоиться не стоит. С ответом я немного припоздал, потому что был в отлучке. О твоих рассказах пока новостей нет, надеюсь, ты запасешься терпением и подождешь еще.

«Дракон и феникс являют добрый знак» всего лишь кулинарное блюдо без каких-либо классовых атрибутов, и более того – оно не имеет никакого отношения к вопросу либерализации. Поэтому не надо ни убирать его из «Ослиной улицы», ни тем более изымать из меню ресторана «Пол-аршина». Вдруг я когда-нибудь наведаюсь в Цзюго и захочу попробовать этот известный во всем мире деликатес… Кроме того, пищевая ценность этих вещей настолько высока, что просто жалко и

глупо не есть их. А если уж есть, то, наверное, «Дракон и феникс являют добрый знак» – наиболее цивилизованный способ приготовить их. Кроме того, даже если ты попытаешься изъять его из меню, управляющий Юй вряд ли на это пойдет.

Личность этого Юй Ичи вызывает у меня все больший интерес. В принципе я согласен составить его жизнеописание. Что касается вознаграждения, пускай он назначит его сам. Даст много – хорошо, даст мало – тоже хорошо, не даст ничего – и не надо. Меня тянет составить его жизнеописание совсем не из-за денег, а из-за его удивительного жизненного опыта. Такое ощущение, что этот Юй Ичи – душа вашего Цзюго, что этот полуангел-полудемон воплощает собой дух эпохи. Возможно, раскрыв духовный мир этого человека, я внесу заметный вклад в литературу. Можешь передать все это господину Ичи, чтобы он знал об этой предвзятой оценке его личности.

Говорить комплименты по поводу великого произведения «Герой в пол-аршина» даже язык не поворачивается. Ты назы-

ваешь его рассказом в духе «литературы факта», а по-моему, это составленная из разрозненных кусков мешанина, точь-в-точь как ассорти из ослятины в ресторане «Пол-аршина». Тут и твое письмо ко мне, и «Записи о странных делах в Цзюго», и Юй Ичи несет всякую ахинею. Такой полет фантазии, что просто никакого удержу. Несколько лет назад меня критиковали за невоздержанность, но по сравнению с тобой я человек даже слишком сдержанный. Мы живем в эпоху строгих норм, это касается и литературного дела. Поэтому посылать твою рукопись в «Гражданскую литературу» даже не собираюсь – бесполезно это, оставлю ее на время у себя. Поеду вот в Цзюго и верну. К твоему материалу я еще обращусь, спасибо за заботу.

Вот еще что: нет ли у тебя там экземпляра «Записей о странных делах в Цзюго»? Если да, прошу срочно прислать мне почитать. Если боишься, что потеряется, сделай для меня ксерокопию. Деньги на копирование могу прислать.

Почтительно желаю мира и покоя.

Мо Янь

4. «Герой в пол-аршина»

«Присаживайся, кандидат, поговорим по душам», — радушно и в то же время с какой-то хитринкой сказал он мне, усевшись на корточках в это свое кожаное вращающееся кресло. Выражение его лица и интонация подобны облакам на заре — яркие и непредсказуемо переменчивые. Он походил на жуткого злого духа, наподобие описываемых в романах уся невероятно гнусных и порочных громил. Охваченный страхом, я сидел напротив, вжавшись в роскошный диван. «Ну и когда, подлец ты этакий, ты успел снюхаться с этим вонючим паршивцем Мо Янем и стать своим?» — насмешливо осведомился он. «Он мой наставник, — прощебетал я, словно кормящая птенцов золотистая ласточка (хотя никого не кормил, а лишь оправдывался). — У нас с ним литературные связи. Мы пока не встречались, о чем я искренне сожалею». «Вообще-то фамилия этого паршивца не Мо, — с хитрым видом хихикнул он. — Его настоящая фамилия Гуань[140]. Называ-

[140] Примечания: 140
Настоящее имя Мо Яня — Гуань Моé.

ет себя потомком Гуань Чжуна[141] в семьдесят восьмом поколении, а на самом деле это полная чушь, никаким боком он к нему не подходит. Теперь, поди ж ты, писателем заделался. Хвастовство одно. Корчит из себя нечто необычайное… Мне-то все его художества в прошлом доподлинно известны». «Откуда ты можешь знать, что было у наставника в прошлом?» — поразился я. «Как говорится, не хочешь, чтобы об этом узнали, — не делай, — сказал он. — Этот паршивец с малолетства отличался, и всё не лучшим образом. В шесть лет поджег склад производственной бригады. В девять запал на учительницу по фамилии Мэн, крутился у ее задницы с утра до вечера, просто проходу не давал. В одиннадцать его поймали, когда он таскал помидоры, и изрядно поколотили. В тринадцать попался на воровстве редьки, и его заставили просить прощения перед портретом дорогого Председателя Мао в присутствии более двух сотен работников. У этого паршивца неплохая память, рассказывает как по писаному, вот он и потешал народ так, что все со смеху покатывались, а когда пришел домой, отец ему такую порку задал, что вся задница вспухла». «Да как

[141] Примечания: 141

Гуань Чжун (725–645 до н. э.) — первый министр царства Ци, который укрепил его, проведя законодательные и экономические реформы.

ты смеешь унижать моего уважаемого наставника!» — громко запротестовал я. «Унижать? Да он сам про это в своих сочинениях пишет! — ехидно усмехнулся он. — И пусть эта дрянь составляет мое жизнеописание, он для этого подходит как никто другой. Лишь с таким порочным талантом можно разобраться с таким порочным героем, как я. Напиши и скажи, чтобы быстрее приезжал в Цзюго. Уж я-то приму его как следует», — добавил он, стукнув себя кулаком в грудь. Замолчав, он с такой энергией раскрутился в своем кожаном суперкресле, что оно завертелось, как ветряк. Передо мной мелькали то его лицо, то затылок. Лицо, затылок, лицо, затылок. Исполненное вероломства лицо, круглый затылок тыковкой, в котором полно всяких знаний. Крутясь, он поднимался все выше и выше. «Господин Ичи, я уже наставнику Мо отписал, но ответа не получил, — сказал я. — Боюсь, вряд ли он захочет составлять ваше жизнеописание». «Не волнуйся, захочет, — презрительно хмыкнул он. — Во-первых, этот мерзавец охоч до женщин, во-вторых, курит и пьет, в-третьих, ему вечно не хватает денег, а в-четвертых, он обожает собирать сведения о всякой нечисти, необыкновенных событиях и историях, чтобы украшать свои сочинения. Так

что приедет. Сдается мне, в целом свете никто не понимает его лучше, чем я».

«Ну, скажи, кандидат виноведения, какой из тебя кандидат? — со злобной насмешкой вопросил он, опускаясь вниз на своем вращающемся кресле. — Что ты знаешь о вине? Что это некая жидкость? Чушь! Что вино — кровь Христова? Чушь! Что вино поднимает дух? Чушь! Вино — мать всех грез, а грезы — дочери вина. И вот еще о чем стоит упомянуть, — процедил он сквозь зубы, уставившись на меня. — Вино — это смазочный материал для всей государственной машины: без него она исправно работать не будет! Понятно тебе? Судя по твоей шершавой роже, ясно, что ничегошеньки тебе не понятно. Разве ты не рассчитываешь составлять мое жизнеописание вместе с этим сукиным сыном Мо Янем? Ладно, подсоблю вам, буду вас координировать. Вообще-то настоящий биограф никогда не станет брать интервью или что-либо в этом духе, ведь получаемые таким образом сведения на девяносто процентов лживы. Вам нужно из ложного выделить настоящее, за завесой лжи разглядеть истину.

Хочу сказать тебе, паршивец, и можешь передать этому подлецу Мо Яню, что в этом году Юй

Ичи исполняется восемьдесят пять. Почтенный возраст, верно? Хотел бы я знать, где вы, скоты, еще обретались, когда я побирался, скитаясь по белу свету! Наверное, в кукурузных початках, или в листьях капусты, или в соленой репе, или в огуречной рассаде, или еще где. Говоришь, этот подлец Мо Янь «Страну вина» сейчас пишет? Вот ведь сумасброд, разве ему это по зубам! Сколько он выпил вина, чтобы замахнуться на такое? Я вот вина выпил больше, чем он воды! Известно ли вам двоим, кто тот чешуйчатый малец, что каждую лунную ночь проносится верхом на осле по этой самой Ослиной улице? А ведь это я, я! Вот только откуда я — не пытай. Моя родина — край, залитый ярким светом. Что, по-твоему, не похож? Не веришь, что для меня взлетать на углы крыш и ходить по стенам — раз плюнуть? Ладно, сейчас покажу кое-что, чтобы у тебя, паршивца, глаза открылись».

Почтенный наставник, от того, что произошло дальше, я просто дара речи лишился. Из глаз этого изумительного карлика вдруг вылетели два сверкающих луча света, как два клинка. Вытаращившись на него, я увидел, как он сжался на этом своем крутящемся кожаном кресле и черной тенью легко воспарил вверх. Кресло продолжало

вращаться, пока с глухим стуком не уперлось в потолок. Наш приятель, главный герой этого повествования, уже прилип к нему. На всех четырех конечностях и даже на остальных частях тела, казалось, выросли присоски. Он разгуливал по потолку, словно отвратительный огромный геккон. Оттуда доносился его жужжащий голос: «Ну что, паршивец, убедился? И ничего особенного тут нет. Мой учитель мог висеть так на потолке без движения день и ночь напролет». С этими словами он почерневшим палым листком легко спланировал вниз.

И вот он вновь сидит на корточках в своем кресле и, довольный, спрашивает: «Ну как? Веришь теперь в мои способности?»

От его непревзойденного мастерства и всего этого прилипания к потолку меня аж в пот бросило, все плыло перед глазами, как во сне. Кто бы мог подумать: удалой малец верхом на осле и есть этот карлик! Было не по себе. Идол разбит, живот распирает от скопившегося разочарования. Если Вы помните, наставник, как я описывал этого чешуйчатого в «Ослиной улице»: яркий лунный свет, волшебный черный ослик, постукивание черепицы, лихо зажатый в зубах небольшой кинжал в форме ивового листа… — Вы тоже по-

чувствуете разочарование.

«Не веришь, — продолжал он, — не хочешь, чтобы чешуйчатый малец и я оказались одним и тем же лицом, это у тебя в глазах написано. Но такова объективная реальность. Ты хотел бы спросить, где я научился всем этим приемам кунфу, но этого я сказать не могу. Вообще-то человеку стоит лишь считать, что жизнь легче лебединого пуха[142], и тогда не будет ничего, чему он не мог бы научиться».

Он закурил сигарету, но не затянулся, лишь выпустил несколько колец, а потом струей дыма связал их вместе. Эта фигура долго висела в воздухе. Руки и ноги у него не замирали ни на минуту, как у маленькой обезьянки с Обезьяньей горы. «Расскажу, паршивец, тебе и твоему Мо Яню одну историю про вино, — заявил он, крутясь в кресле. — Это не какая-нибудь глупая выдумка, глупые выдумки — это по вашей части».

И начал:

«Была у нас здесь, на Ослиной улице, винная лавка. Взяли туда подмастерьем паренька лет двенадцати, тощего, с большой головой на длинной тонкой шее и с большими черными глазами:

---

[142] Примечания: 142

Искаженная цитата из древнекитайского историка Сыма Цяня, которую приводит Мао Цзэдун в статье «Служить народу».

глянешь в них — и утонешь. Паренек оказался трудолюбивым и расторопным: ходил за водой, мел полы, вытирал со столов; все, что поручали, выполнял очень хорошо, к вящему удовольствию хозяина. Но с того самого дня, как он появился в лавке, стали происходить странные вещи: денег за вино стали выручать меньше. Остальные работники и хозяин не знали, что и думать. Однажды в лавку привезли несколько десятков оплетенных сосудов с вином, и несколько больших чанов оказались наполнены до краев. Вечером хозяин спрятался неподалеку от чанов, чтобы выяснить, в чем же дело. Первая половина ночи прошла спокойно. Уставший хозяин собрался было лечь спать, когда до него донеслись еле слышные звуки, похожие на поступь крадущегося кота. Хозяин насторожился и приготовился разобраться во всем до конца. Появилась черная тень. Хозяин вглядывался в ночной мрак уже очень долго, глаза привыкли к темноте, и он узнал в черной тени мальца-подмастерье из своей лавки. Глаза у того светились зеленым светом, как у кота. Возбужденно дыша, подмастерье развязал покрышку чана, припал к вину и стал со свистом втягивать его в себя. Уровень вина в чане понижался на глазах. Пораженный хозяин аж

дышать перестал, чтобы не спугнуть его. Отпив вина из нескольких больших чанов, маленький подмастерье осторожно, на цыпочках, удалился. Увидев всё своими глазами, хозяин ни слова не сказал и пошел спать. На следующее утро он обнаружил, что уровень вина во всех чанах снизился на один чи. Слыханное ли дело — столько выпить! Человек знающий, он понял, что в животе у подмастерья — сокровище, известное как «винная прелестница». Если добыть его и опустить в чан с вином, вино никогда не иссякнет, а его качество станет несравненно лучше. Он велел связать мальца, положить рядом с чаном, не давать ни есть ни пить, а только безостановочно помешивать в чане вино. Аромат вина разносился во все стороны, и изнывающий от жажды подмастерье с жалобными воплями катался по земле. Через семь дней хозяин освободил его, тот бросился к чану, нагнулся и, разинув рот, собрался жадно пить. Тут донесся всплеск, и в вино плюхнулось небольшое, похожее на жабу существо с красной спинкой и желтым брюшком».

«Смекаешь, кто был этот маленький подмастерье?» — мрачно зыркнул на меня Юй Ичи. Увидев у него на лице страдальческое выражение, я нерешительно предположил: «Ты, что ли?» — «Кто

же еще! Конечно я! Не укради хозяин у меня это сокровище, я мог бы стать в этой жизни богом вина».

«У тебя и так дела неплохо идут, — утешал его я. — И деньги есть, и власть, и ешь и пьешь что душе угодно, развлекаешься как хочешь. Даже божеству далеко до такого блаженства». — «Чушь собачья! После того как я утратил это сокровище, всех моих питейных способностей как не бывало. Кабы не так, неужто я уступил бы первенство этому мерзавцу Цзинь Ганцзуаню?» «Должно быть, и у замначальника отдела Цзиня «винная прелестница», — предположил я. — Тоже ведь может выпить тысячу рюмок — и ни в одном глазу». — «Чушь! Это у него-то «винная прелестница»?! Да у него клубок винных глистов в брюхе! С «винной прелестницей» можно стать божеством вина, а с винными глистами в лучшем случае его злым духом». — «А нельзя было заглотить «прелестницу» обратно, и всё тут?» — «А-а, ничего ты не понимаешь! «Прелестница» так измучилась от жажды у меня в животе, что, попав в чан, тут же захлебнулась и нашла там свой конец». От грустных воспоминаний глаза у него покраснели. «Старший брат Ичи, назови мне имя этого хозяина, пойду и всю лавку его разнесу!»

Юй Ичи громко расхохотался, а отсмеявшись, сказал: «Ну и глупый же ты, паршивец, неужто и впрямь поверил? Я же всё придумал, чтобы тебя подурачить. Разве может вообще быть такая вещь, как «винная прелестница»? Это лишь одна из баек, что рассказывал хозяин, когда я работал у него. Все, кто держит винные лавки, мечтают, чтобы вино у них в чанах никогда не переводилось, выдумка это чистой воды. Я в той лавке несколько лет проработал, да вот ростом не вышел, выполнять тяжелую работу было не по силам, хозяин и ворчал, что, мол, ем я слишком много, да еще что глаза у меня слишком черные. А потом взял и прогнал. Долго я бродил по белу свету, попрошайничал, работал на подхвате, чтобы заработать на еду». — «Да, хлебнул ты горя. Зато теперь ты человек с положением». — «Чушь, чушь, чушь…» Выплюнув целую очередь из этих «чушь», он зло проговорил: «Этими твоими штампами простому народу можно голову дурить, со мной этот номер не пройдет. Таких, что мучаются и страдают, в мире великое множество, а вот те, что в конце концов становятся людьми с положением, — редкость, как перо феникса и рог цилиня. Это уж кому как на роду написано, каков характер. Коли родился попрошайкой, попро-

шайкой и проживешь. Хватит, больше об этом распинаться не буду. С тобой говорить о таких вещах все равно что перед буйволом на цине играть, метать бисер перед свиньями. Мозгов у тебя не хватит, чтобы в этом разобраться. Набрался по верхам, кумекаешь немного в виноделии, а в остальном ни шиша не смыслишь. И Мо Янь такой же: в делах литературных чуток соображает, тоже по верхам, а в чем другом — ни на грош. Вы с ним — наставник и ученик — два сапога пара, подлецы, ни хрена ни в чем не смыслящие, черепашье отродье[143]. Из-за того и приглашаю вас двоих составлять мое жизнеописание, что у вас обоих головы какими только грязными мыслишками не забиты, сам черт ногу сломит. Почтительно внимай, паршивец. Почтенный предок расскажет еще одну историю».

И стал рассказывать:

«Жил-был юноша, начитанный в классических произведениях. Однажды увидел он на улице представление бродячих акробатов — прелестной девушки лет двадцати и глухонемого старика, по всей видимости ее отца. Всю программу исполняла одна девушка, глухонемой сидел

---

[143] Примечания: 143

В китайской традиции черепаха символизирует рогоносца.

без движения на корточках в сторонке и следил за реквизитом, костюмами и всем прочим. На самом деле опасаться было нечего, старик был явно лишним. Но без старика труппа стала бы неполной, без него было никак не обойтись, он служил фоном для этой красавицы.

Сначала она показывала такие фокусы, как появляющиеся ниоткуда яйцо и голубь, возникающие и исчезающие предметы — большие и маленькие. Зрителей становилось все больше, они окружили ее плотным кольцом, не протиснуться. Ободренная успехом, она объявила: «Уважаемые зрители, благодетели мои, сейчас мы покажем «посадку персикового дерева». Прежде чем начать, выучим вместе цитату: «Наша литература и искусство служат рабочим, крестьянам и солдатам». Подобрав с земли косточку персика, она неглубоко закопала ее, спрыснула изо рта водой и проговорила: «Расти!» Из земли и вправду стал пробиваться красноватый росток, он на глазах тянулся все выше и выше и вскоре превратился в дерево. Потом распустились цветы, завязались и созрели беловатые плоды с красными углублениями у плодоножек. Девушка сорвала несколько персиков и стала предлагать зрителям. Но никто не решился их попробовать,

кроме юноши, который принял персик и в минуту съел его. Когда его спросили, каков персик на вкус, он сказал, что замечательный. Девушка еще раз предложила зрителям отведать персики, но все лишь стояли, вытаращив глаза, никто к ним не притронулся. Вздохнув, девушка махнула рукой, дерево вместе с персиками исчезло, осталась лишь пустая лунка в земле.

Представление закончилось, девушка и старик сложили инвентарь и собрались идти дальше. Юноша не сводил с нее влюбленных глаз. Она понимающе улыбнулась: красные губы, белые зубы, лицо как персиковый цвет — причина в ее очаровании. «Маленький братец, — сказала она, — лишь ты решился съесть мой персик, значит, судьба не зря свела нас. Вот тебе адрес. Если когда вспомнишь обо мне, там меня и найдешь».

Она вынула шариковую ручку, нашла клочок бумаги, нацарапала несколько иероглифов и передала ему. Он принял бумажку как драгоценность и надежно спрятал. Девушка со стариком пустились в путь, юноша последовал за ними как зачарованный. Через несколько ли девушка остановилась: «Возвращайся, братец, пройдет время, и мы встретимся». По его щекам покатились слезы. Девушка вытерла их красным шелковым

платком. «Маленький братец! — вдруг проговорила она. — Тебя родители ищут!»

Юноша обернулся, и действительно — за ним торопливо ковыляли отец с матерью, они махали руками и что-то кричали, но парень не слышал ни звука. Он повернулся назад, но и девушки, и глухого старика уже и след простыл. Юноша снова обернулся к матери с отцом, но те тоже куда-то исчезли. Он бросился на землю и зарыдал. Плакал он долго, а утомившись, сел и тупо уставился перед собой. Посидев, снова лег на землю и стал смотреть на синее, как море, небо и на лениво плывущие белые облака.

Вернувшись домой, юноша затосковал от любви. Он не ел, не говорил и за день выпивал лишь кружку воды. Постепенно он так исхудал, что остались кожа да кости. Он ничего не видел вокруг себя, а стоило ему закрыть глаза, рядом оказывалась та прекрасная девушка. Он ощущал аромат ее дыхания, смотрел в исполненные чувства глаза и громко вскрикивал: «Милая старшая сестра, умираю без тебя!» Бросался к ней, но, открыв глаза, обнаруживал, что никого нет. Ему и смотреть ни на что не хотелось. Родители страшно переживали и послали за его дядей, чтобы тот подсказал, как быть. Дядя, человек ученый,

с проницательным взором, рассудительный и дальновидный, во всем разбирался и действовал решительно. Стоило ему лишь взглянуть на юношу, как он тут же понял причину болезни. «Старшая сестра, деверь, добрым советом болезнь племянника не вылечишь, — вздохнул он. — Если так пойдет и дальше, загубит он свою жизнь ни за что ни про что. Тут, как говорится, лучше уж лечить павшую лошадь, выдавая ее за больную. Надежды мало, но надо сделать последнюю попытку и отпустить его на все четыре стороны. Найдет ее — возможно, все сложится хорошо. Не найдет — может, выкинет из головы». Родители всплакнули, но делать нечего, оставалось лишь последовать совету дяди.

Втроем они подошли к кровати юноши. «Дитя мое, — сказал дядя, — мы тут с твоими родителями решили, что лучше отпустить тебя на поиски той девушки».

Юноша вскочил с постели, бросился перед дядюшкой на колени и стал отбивать поклоны. Возможно, от охватившего его возбуждения на пожелтевших щеках вдруг заиграл румянец.

«Сынок, — обратились к нему родители, — ты еще не совсем взрослый, но устремления твои велики, и мы тебя недооценили. Теперь мы приняли

совет твоего дядюшки и отпускаем тебя на поиски этой очаровательной обольстительницы. Тебя будет сопровождать наш старый слуга Ван Бао. Найдешь ее — хорошо, не найдешь — поскорее возвращайся домой, чтобы мы не беспокоились. Подыщем тебе красивую девушку из хорошей семьи. В этом мире жаба о двух ногах — редкость, а двуногих девушек вокруг полно, поэтому, как говорится, не думай, что повеситься можно только на одном дереве».

В ответ на это юноша заявил, что ему даже девяти небесных фей не надобно, нужна лишь та девушка-фокусница.

Основываясь на собственном опыте, наставлял его и отец: «Ты подпал под чары этой обольстительницы, сынок. На самом деле, по слепленному пельменю не узнать, есть ли в нем мясо, так и по облику женщины не определишь, добрый у нее нрав или нет. Красавица или уродина — закроешь глаза, и всё одно».

Но юноша, естественно, продолжал упорствовать. Что за странный народ эти влюбленные! Как тут быть родителям? Делать нечего, накормили осла, приготовили провизии на полмесяца, дали подробные наставления старому слуге Ван Бао, а потом, обливаясь слезами, суетясь и мешкая, про-

водили сына за околицу, и он отправился в путь.

Покачиваясь на спине осла, юноша словно унесся в заоблачные дали и думал лишь о возможной скорой встрече с той девушкой. Он себя не помнил и чуть не подпрыгивал от радости, так что со стороны казалось — малец свихнулся.

Много ли, мало дней он провел в пути, все припасы, что ему дали с собой, кончились, деньги на дорожные расходы тоже, и никто не мог сказать, в какой стороне эта пещера Абрикосового Цвета на горе Западного Ветра. Старый слуга умолял повернуть назад, но, думаете, юноша послушался? Он упорно продолжал путь на запад. Ван Бао потихоньку сбежал и вернулся домой, побираясь по дороге. Потом сдох осел. А юноша продолжал идти — один, пешком. Когда же истощились силы и у него и положение стало казаться безвыходным, он сел на большой валун и заплакал, ни на минуту не переставая думать о девушке. Тут раздался грохот, камень провалился под землю, и юноша вместе с ним. Открыв глаза, он обнаружил себя в нежных объятиях той самой девушки. И от счастья потерял сознание…»

«Тот юноша был не кто иной, как я! — объявил Юй Ичи с хитрой улыбкой. — Я путешествовал с труппой фокусников, научился глотать шпаги,

ходить по канату, изрыгать огонь… Жизнь бродячих фокусников чудесна, романтична, о ней можно рассказывать часами. При составлении моего жизнеописания этот период нужно особенно выделить и подрасцветить».

Наставник Мо, какое богатое и причудливое воображение у этого Юй Ичи! Мне кажется, историю, которую он только что рассказал, я где-то уже встречал — в книгах типа Ляо Чжая[144] или «Записок о поисках духов»[145]. Листая недавно «Записи о необычайных делах в Цзюго», я нашел там следующее повествование и решил переписать его для Вас.

В первые годы Республики[146] в деревне Цзюсян появилась бродячая фокусница. Эту деву прелестной наружности по красоте можно было сравнить с феей Лунного дворца. Среди окруживших ее селян был юноша из семьи Юй именем

---

[144] Примечания: 144

«Рассказы Ляо Чжая о необычайном» — сборник новелл Пу Сунлина (1622–1715).

[145] Примечания: 145

«Записки о поисках духов» — один из ранних сборников рассказов о духах и сверхъестественных явлениях, авторство приписывается Гань Бао (?–336), историку и литератору.

[146] Примечания: 146

Китайская Республика была провозглашена после Синьхайской революции 1912 г.

Ичи, а прозвищем Мопс. Его сорокалетние родители жили в достатке и души в нем не чаяли. Тринадцатилетний юноша был талантлив, умен и красив, как первосортная яшма. Он заметил, что дева чуть улыбнулась ему, и душа его воспарила. И вот дева начала представление. Призывала ветер и дождь, выпускала изо рта облачка тумана. Среди зрителей не смолкали одобрительные возгласы. Потом в ее руках появился небольшой флакон размером с палец, она подняла его над головой и обратилась к толпе: «Этот сосуд соединяется с пещерой, где обитают небожители. Не желает ли кто совершить туда путешествие вместе со мной?» Люди переглядывались, пораженные: флакончик не больше пальца, как можно проникнуть туда, да еще вдвоем? Не иначе колдовским словом нам головы морочат. Тут вышел вперед Ичи, очарованный красотой девушки: «Я желаю войти в этот сосуд вместе с тобой». Все вокруг стали смеяться над его глупостью. А дева молвила: «Духом ты чист и прекрасен, юноша, от тебя исходит удивительный аромат, и ты выделяешься из толпы простых смертных. Я войду в этот сосуд вместе с тобой, а это означает, что мы суждены друг другу в трех жизнях». С этими словами она подняла палец, который превратил-

ся в цветок орхидеи, из его кончика вырвались легкие струйки дыма. Зрители всколыхнулись, как лунные тени, и с мерцанием рассыпались на неопределенные фигуры. Ичи почувствовал на запястье девичью руку: кожа бархатистая и нежная, пальцы как шелковая вата, словно без костей. «Следуй за мной», — шепнула она. Ее голос звучал щебетаньем ласточки, а дыхание благоухало. Она подбросила флакончик, тот вознесся вверх, туда, где разливались во все стороны лучи вечерней зари и потоки благодатного воздуха, и начал кружить, сверкая, как драгоценная утварь. Горлышко стало расширяться, пока в одночасье не приобрело форму лунных ворот высотой больше чжана. Когда дева взяла Юя за запястье, он на глазах у всех стал уменьшаться. Потом так же сжалось ее тело, и они влетели во флакончик, словно пара комаров. Удивлению зрителей не было границ.

Там, внутри, утопала в цветах тропинка, отбрасывали тени зеленые тополя, вокруг порхали прекрасные птицы и резвились диковинные звери. Словно опьянев, Юй застыл, ничего не понимая. В нем разгорелось чувственное влечение, и, окрыленный радостью, он заключил деву в объятия. Но та лишь улыбнулась: «Не боишься,

что старики в деревне засмеют тебя?» Посмотрев, куда указывала ее рука, он увидел за пределами флакончика зрителей, которые, задрав головы, напряженно вглядывались вверх. Юй тут же сник. Сердце у него так и не успокоилось, мысли путались, горло сдавило, и он не мог выговорить ни слова. «Твои чувства глубоки и мысли живы, — молвила дева. — Я очень тронута, и если тебя не смущает мое низкое происхождение и отталкивающий облик, прошу вернуться на встречу со мной сюда, к пещере Абрикосового Цвета на горе Западного Ветра, через год, и тогда я постелю ложе, чтобы принять тебя как супруга». От нахлынувшего душевного волнения Юй просто онемел. Она взмахнула рукой, и он снова увидел прекрасное солнце, безоблачное небо и бутылочку размером с палец у нее на ладони. От ее рукава исходил необычный аромат.

Дева взяла тыквенное семечко, закопала в землю, плюнула на это место благоуханной слюной и велела: «Расти!» Тотчас показался росток, образовалась плеть, на ней один за другим появились листья, и очень скоро плеть выросла на несколько чжанов. Она тянулась, скручиваясь и выгибаясь клубами зеленого дыма. Дева закинула на плечо дорожную суму и стала карабкаться

по листьям. Забравшись на один чжан, она улыбнулась Юю: «Не забудь об уговоре, любимый». С этими словами она устремилась вверх сквозь трепетавшие зеленые листья и вмиг скрылась из глаз, а тыквенная плеть увяла и рассыпалась в пыль. Зрители долго стояли там молча, прежде чем разойтись.

Юй вернулся домой, но облик прекрасной девы, ее луноподобное лицо не шли из головы. Он отказывался от еды и питья, день и ночь лежал на кровати и бредил, словно видел призраков и демонов. Перепуганные родители испробовали все средства, приглашали докторов, но болезнь не отступала, как гора Тайшань, против которой лекарства все равно что легкие облачка. Юй слабел телом и духом и уже был на волосок от смерти. Родители обливались слезами, не зная, как быть. Нежданно-негаданно у ворот забренчал на коне бубенец и раздался голос: «Это я, дядя вашего сына!» С этими словами в дом быстро вошел рослый мужчина. «Зять, сестра, надеюсь, с тех пор как мы расстались, вы пребывали в добром здравии!» — заговорил он после обмена поклонами. Горбоносый и большеротый, с соломенными волосами и голубыми глазами, он совсем не походил на земляков матери Юя, и та, глядя на

него, смешалась, не в силах вымолвить ни слова. Стремительной походкой гость направился к постели юноши. «У моего племянника тяжелая форма любовной тоски, — заявил он. — Разве его вылечишь лекарствами и отварами? Вы, парочка трясущихся стариков, верно, хотите, чтобы мой племянник умер!» Юй болел уже много дней, он лежал, закрыв глаза, еле дышал, как умирающий, и давно не откликался на зов. Гость склонился к нему и после осмотра заключил: «Такая бледность на этом юном и нежном лице говорит, что мой племянник несчастен». Он достал три красные пилюли и положил Юю в рот. По лицу юноши вдруг разлился румянец, стало слышно хриплое дыхание. Трижды хлопнув в ладоши, гость воскликнул: «Глупый мой племянник, пришло время исполнить данное год назад обещание, настал час, которого ты так долго ждал. Готов ли ты сдержать слово и отправиться в путь?» Глаза Юя раскрылись и загорелись, он вскочил с кровати и хлопнул себя по лбу: «Кабы не твоя помощь, дядюшка, я пропустил бы это важное событие, связанное с любезной мне старшей сестрой». «Быстро собирайся, — велел гость. — Отправляемся сейчас же». С этими словами он с высоко поднятой головой вышел из дома. Юй выскочил

вслед за ним, не переодевшись, не обувшись и не причесавшись. Родители в слезах воззвали к нему, но он на них даже не взглянул.

Гость ждал у дороги верхом на коне. Протянув длинные, как у обезьяны, руки, он поднял Юя с земли, словно цыпленка. Хлестнул коня плетью, тот заржал и помчался как ветер. Юй сидел, вцепившись руками в гриву, ветер свистел у него в ушах. Вдруг он услышал голос гостя: «Открой глаза, племянник». И тут Юй увидел, что они в глухом уголке пустыни Гоби. Вокруг лишь пожухлая трава, камни — и ни души. Ни слова не говоря, гость хлестнул коня и умчался прочь, бесследно исчезнув вдали желтоватой дымкой.

Оставшись один, Юй опустился на камень и заплакал. Вдруг он почувствовал, что камень куда-то проваливается. Раздался ужасный грохот, Юя ослепил яркий золотистый свет, и от страха он потерял сознание. Придя в себя, он ощутил на лице крошечную ладошку, от которой исходило благоухание, и, открыв глаза, увидел ту самую деву. Слезы радости брызнули у него из глаз. «Как долго я тебя ждала», — проговорила она.

[Здесь вычеркнуто пятьсот иероглифов.][147]

---

[147] Примечания: 147

Стандартная формулировка при купюрах цензурой отрывков эротического содержания.

Они неторопливо шли, взявшись за руки, и их взору открылся сад со множеством необычных деревьев и редкостных цветов. Ветви одного большого дерева, листья которого походили на веера из рогоза, были усыпаны плодами, похожими на маленьких детей. Во время полуденной трапезы внесли поднос с золотистым мальчиком, который выглядел столь натурально, что страшно было дотронуться до него. «Как можно мужчине ростом в пять чи быть таким трусом!» — воскликнула дева и яростно ткнула палочками в петушок мальчугана. Мальчик развалился на куски. Подцепив часть его руки, она с волчьей жадностью набросилась на нее. Юй перепугался еще больше. «Да никакой это не мальчик, — презрительно усмехнулась дева. — Это плод в форме мальчика, а вот робость твоя мне не по нраву». Юй через силу повиновался и, взяв палочками ухо, отправил себе в рот. Оно буквально растаяло, доставив ни с чем не сравнимое наслаждение. Осмелев, Юй набросился на еду и стал поглощать кусок за куском. Дева усмехнулась, прикрыв рот рукой: «Не познав вкуса, был робок, как овца, а разобравшись, что к чему, уплетаешь за обе щеки!» Увлеченный едой Юй даже не потрудился ответить. По щекам у него тек жир и масло, и

выглядел он очень смешно. Еще дева подала кувшин синего вина, источавшего несравненный аромат, и сказала, что это вино из плодов, которые собирают в горах обезьяны, одно из самых редких на земле…

Наставник Мо, думаю, того, что Вы прочли, достаточно, переписал я уже довольно много. Должен обратить Ваше внимание на следующее: упомянутые в этом ни на что не похожем творении факты, а именно поедание младенцев и Обезьянье вино, чрезвычайно важны и в теперешнем Цзюго, это, можно сказать, ключи к пониманию его тайны. Автор «Записей о необычайных делах в Цзюго» неизвестен, раньше я об этой книге и не слышал. В последние несколько лет ее передавали из рук в руки в списках, и, по слухам, отдел пропаганды горкома уже издал распоряжение об ее изъятии. Поэтому полагаю, что автор книги — наш современник, он жив-здоров и проживает в Цзюго. К тому же главного героя в этом произведении тоже зовут Юй Ичи. Так что есть подозрение, что эти «Записи о необычайных делах в Цзюго» — его рук дело.

«Вы, господин Юй Ичи, вконец меня запутали. То вы подмастерье в винной лавке, то неуловимый юный герой в рыбьей чешуе, то клоун

в цирковой труппе, а теперь вообще грозный и влиятельный управляющий ресторана. В вашей жизни переплетаются правда и вымысел, в ней полно самых разных изменений — ну как, скажите, составлять ваше жизнеописание?»

Он громко и заливисто расхохотался. Кто бы мог подумать, что из цыплячьей груди карлика может исходить такой звучный и звонкий смех. Он колотил по кнопкам телефонного аппарата, из-за чего у небольшого электронного устройства внутри, наверное, голова пошла кругом и зарябило в глазах. Кружку из тончайшего цзиндэчжэньского фарфора[148] он подбросил к потолку, и она вместе с чаем по закону всемирного тяготения с еще большей скоростью упала, разлетевшись брызгами и осколками по великолепному дорогому ковру из овечьей шерсти. Выдвинув ящик стола, он вытащил оттуда пачку цветных фотографий и швырнул вверх. Планируя в воздухе, они напоминали стайку пестрых бабочек. «Знаешь этих женщин?» — самодовольно спросил он. Я поднял фотографии и стал жадно просматривать, изобразив на лице лицемерно стыдливое выражение. Все как на подбор красавицы, все

[148] Примечания: 148

Цзиндэчжэнь — городок в пров. Цзянси, китайская столица фарфора.

обнаженные и все вроде бы знакомые. «Имена на обороте», — сказал он. Действительно, на обороте было указано, где эти женщины работают, их возраст, имя и дата соития с ним. Все здешние, из Цзюго. Он близок к тому, чтобы сделать свое дерзкое заявление реальностью.

«Ну, кандидат, достоин ли добившийся подобных успехов уродливый карлик того, чтобы воздвигнуть ему памятник? Пусть этот мерзавец Мо поскорее приезжает, а то опоздает, могу ненароком с собой покончить.

Я, Юй Ичи, возраст неизвестен, рост семьдесят пять сантиметров. В юные годы бедствовал, скитался по городам и весям. В среднем возрасте раскрутился. Председатель Ассоциации частных предпринимателей города. Ударник труда провинциального уровня. Главный управляющий ресторана «Пол-аршина». Имел сексуальные отношения с восьмьюдесятью девятью красавицами Цзюго. Духом я выше, чем дано представить воображению простого смертного, а мои способности превосходят способности любого человека. У меня чрезвычайно богатый опыт, что уже стало легендой. Мое жизнеописание будет самой необычной в мире книгой. Скажи этому своему мерзавцу Мо Яню, чтобы поторопился с решени-

ем — пишет он, не пишет. Пусть хоть шептуна какого выдавит из себя, только четко и ясно!»

Глава шестая

1

Позолоченные по краям ворота ада с грохотом распахнулись. «Какой же это мрачный мир теней, как его изображают в мифах! — изумился Дин Гоуэр. — Он золотисто-изумрудный, полный яркого блеска от падающих одновременно красных солнечных лучей и голубоватых лунных». Вокруг его свободно колышущегося тела проплывали стаи морских тварей — панцири, испещренные красочными узорами, мягкие щупальца. Одна ярко раскрашенная рыбка с острым носиком мягко тыкалась в его геморрой, удаляя разлагающиеся ткани со сноровкой врача-проктолога. После длительного отсутствия в череп снова протиснулась бабочка сознания, и голову окутало прохладой. Следователь по особо важным делам, надолго отключившийся после всего выпитого, открыл глаза. Рядом сидела шоферица в чем мать родила и терла себя губкой, смоченной в какой-то жидкости с кисловатым запахом, — губку эту она использовала для мытья машины. Как выяснилось, он, тоже голый, лежал на сверкающем полу из тикового дерева, в который можно было смотреться как в зеркало. В мозгу постепенно

всплывали минувшие события. Он попытался подняться, но не смог. Шоферица тщательно растирала груди, как перед кормлением, ни на что больше не обращая внимания. Из ее глаз неспешными ручейками скатывались кристаллики слезинок. Откуда-то из глубины стало подниматься некое божественное чувство. Он хотел что-то сказать, но подскочившая шоферица замкнула ему рот своими губами. В пустоте вокруг снова поплыли косяки рыб — вонь от них стояла в воздухе. Было ощущение, что из него в нее мощным потоком изливаются переполняющие его винные пары. И тут он пришел в себя. Она же как-то странно вскрикнула и распласталась на полу.

Пошатываясь, следователь все же встал. Голова закружилась, в глазах потемнело, и пришлось ухватиться за стенку, чтобы не упасть. Слабость просто небывалая: какая-то пустота, прикрытая кожей. От тела шоферицы шел пар, будто от рыбы, только что вынутой из пароварки. Потом оно стало покрываться капельками пота, которые, посверкивая, стекали на пол. Она лежала без чувств, на нее жалко было смотреть. Жалость стремительно разрасталась ядовитой травой, но коварство и злоба этой женщины уже отравили душу. Даже захотелось помочиться

на нее, как это делают животные, но он тут же отогнал столь дикую мысль. Вспомнился Цзинь Ганцзуань, вспомнилась священная миссия, и он стиснул зубы: «Прочь отсюда! Переспать с твоей женой — дело житейское, вы же готовите кушанья из детей и пожираете их — а это тягчайшее преступление». Он снова бросил взгляд на шоферицу, и это уже была мишень плотских устремлений Цзинь Ганцзуаня. «Я уже пронзил эту мишень, и пуля справедливости продолжает полет». Он открыл платяной шкаф и выбрал шерстяной европейский костюм темно-зеленого цвета. Костюм пришелся впору, словно на него пошит. «Я переспал с твоей женщиной, — думал он, — надел твою одежду, а в конечном счете мне нужна и твоя жизнь». Он вытащил из своей грязной одежды пистолет и сунул в карман. Открыл холодильник и съел огурец. Выпил большой глоток «чжанъюй»[149]. Вино нежное, как кожа прекрасной женщины. Когда он собрался уходить, шоферица приподнялась и встала на четвереньки, упершись в пол руками — ну как лягушка или ребенок-ползунок. В ее глазах застыло такое жалкое выражение, что он вдруг

[149] Примечания: 149

«Чжанъюй» — одно из старейших виноградных вин, производимых в Китае.

вспомнил о сыне, и в сердце всколыхнулась отеческая любовь. Подойдя к ней, он нагнулся и погладил по голове:

— Крошка ты моя, бедняжка.

С нежностью глядя на него, она обвила ему ноги руками.

— Я ухожу, — сказал он. — Не могу позволить, чтобы твой муж ускользнул.

— Возьми меня с собой. Я ненавижу его, я помогу тебе. Они детей едят.

Она встала, быстро оделась и достала из шкафа флакончик с желтоватым порошком.

— Знаешь, что это такое?

Следователь отрицательно покачал головой.

— Порошок из детей, очень тонизирует, они все его употребляют.

— А где его изготавливают?

— В отделении спецпитания при городской больнице.

— Из живых детей?

— Ну да, из живых. Слышно, как они плачут.

— Так идем в больницу.

Она отправилась на кухню и вернулась с большим разделочным ножом.

Усмехнувшись, он отобрал у нее нож и положил на стол.

Шоферица вдруг разразилась звонким смехом, больше похожим на кудахтанье курицы, только что снесшей яйцо, на тарахтение деревянных колес по булыжной мостовой. И словно летучая мышь, снова накинулась на него. Нежные руки железной хваткой обвились вокруг шеи, а ноги с той же нежностью обхватили таз. Он с большим усилием оторвал ее от себя, но она продолжала раз за разом наскакивать на него, словно дурной сон, от которого трудно отрешиться. Следователю приходилось прыгать туда-сюда, как обезьяне, чтобы уклониться от ее атак.

— Еще раз — и пулю схлопочешь! — задыхаясь, выкрикнул он.

Она на миг замерла, испуганно уставившись на него, а потом вдруг истерически заорала:

— Ну давай, стреляй в меня! Стреляй, тварь неблагодарная!

Она разодрала одежду на груди, и отлетевшая, как пуля, фиолетовая пуговица из оргстекла звонко ударилась об пол и стала кататься туда-сюда этакой крохотной зверюшкой, словно ею двигала неизвестная сила. Казалось, на нее не действует ни земное притяжение, ни трение. Следователь со злостью наступил на нее, чувствуя, как она вертится под ногой и щекочет стопу через носок

и толстую подошву туфли.

— Кто ты, в конце концов, такая? Тебя Цзинь Ганцзуань, что ли, научил так действовать? — Вызванная физической близостью сентиментальная привязанность к ней стала понемногу исчезать, мягкость сменялась стальной твердостью. — Судя по всему, ты с ними заодно, тоже младенцев поедала, — презрительно цедил он. — Это Цзинь Ганцзуань дал тебе указание остановить меня, свести на нет мое расследование.

— Несчастная я женщина… — захныкала она, а потом расплакалась по-настоящему, обливаясь потоками слез и сотрясаясь в рыданиях. — Пять раз беременела, а он всякий раз на пятом месяце посылал в больницу на аборт… а нерожденных детей поедал…

Она так убивалась, что покачивалась, и казалось — вот-вот упадет. Следователь поспешно протянул к ней руки, и она тут же рухнула к нему в объятия. Коснувшись ртом его шеи, она сделала легкое сосательное движение и вдруг впилась в горло зубами. Следователь взвыл от боли и ударил ее кулаком в живот. Она квакнула, как лягушка, и рухнула на пол. Какие у нее острые зубы, он уже знал, и, дотронувшись до шеи, увидел, что пальцы в крови. Она лежала навзничь,

вытаращив глаза. Когда следователь повернулся, чтобы уйти, она перекатилась и с воплем преградила ему дорогу:

— Не бросай меня, старший братец, дай я тебя поцелую…

Тут следователя осенило: он принес с балкона нейлоновую веревку и прикрутил шоферицу к стулу. Пытаясь вырваться, она махала руками и ногами и визжала:

— Предатель, изменник! До смерти закусаю, до смерти!

Следователь вытащил носовой платок, заткнул ей рот и завязал на шее мертвым узлом. Потом выбежал из квартиры, будто спасаясь бегством, и крепко захлопнул за собой дверь. Из-за двери донеслось глухое постукивание ножек стула по полу, и он, опасаясь, что эта неуемная бандитка выскочит вслед за ним вместе со стулом, припустил вниз, грохоча башмаками по бетонным ступенькам. Вроде бы дом, где она жила, невысокий, но лестница вела все ниже и ниже, словно спускалась в глубины ада. На одном из поворотов он в упор столкнулся с проворно поднимавшейся навстречу пожилой женщиной. Ее вздувшийся живот походил на полный бурдюк: ничуть не спружинил, было лишь четкое ощущение пе-

реливающейся жидкости. Женщина взмахнула короткими толстыми ручонками и рухнула спиной на лестницу. Лицо широкое и бледное, словно кочан капусты, пролежавший в погребе ползимы. Кляня про себя злодейку судьбу, следователь почувствовал, что в голове выросла целая семейка ядовитых грибов. Он спрыгнул со ступенек на лестничную площадку и поспешил на помощь старухе. Та лежала с закрытыми глазами и уныло верещала на все лады. Следователю стало совестно, и он наклонился к ней, обхватив обеими руками за талию, чтобы поднять. Тяжеленная, да еще и катается туда-сюда. От напряжения сосуды на лбу вздулись, и казалось, вот-вот лопнут, а шею там, где укусила шоферица, пронзила резкая боль. Хорошо, что старуха помогла ему, обняв руками за шею, и поднять ее в конце концов удалось. Но своими липкими пальцами она ухватилась прямо за рану, и от боли его аж в холодный пот бросило. Изо рта старухи несло яблочной гнилью. Не в силах терпеть эту вонь, он отпустил руки, и старуха тут же осела на лестницу, словно мешок с беспрестанно дрожащим желе из золотистой фасоли. Но тут же мертвой хваткой вцепилась ему в брюки. На руках у нее налипли чешуйки, а из пластикового пакета, который она

несла, выскользнули две живые рыбины — карп и угорь. Карп изгибался всем телом и бешено подпрыгивал на ступеньке, а угорь — желтоватая голова, зеленоватые глаза, усики, торчащие как проволока, — извивался воровато и тяжело. Вода из пакета медленно стекала вниз, замочив сначала одну ступеньку, потом другую. Следователь услышал свой хриплый голос:

— Как вы, уважаемая, ничего?

— У меня поясница сломана, — прошамкала старуха. — И кишки оборвались.

Услышав, как она подробно описывает полученные повреждения, следователь понял, что это еще одна напасть на его несчастную голову, — видать, ни конца им ни края. Не повезло ему гораздо больше, чем этому карпу, да и угорь по сравнению с ним в гораздо более выигрышной ситуации. Первой мыслью было вырваться и убежать, но вместо этого он склонился к старухе:

— Почтенная, давай отнесу тебя в больницу!

— У меня нога сломана, — ныла старуха, — у меня все почки отбиты.

Внутри закипала злоба. Тут еще на ногу шлепнулся карп, он тряхнул ногой, и карп взлетел, ударившись о металлические перила.

— Ты мне за рыбу заплатишь!

Он пнул еще и проползавшего мимо угря:

— В больницу тебя отнесу!

— Какая больница! — завопила старуха, ухватив его за ноги.

— Уважаемая, у тебя ведь и поясница сломана, и нога, и кишки оборвались, и почки отбиты. Что же — смерти здесь дожидаться, если не в больницу?

— Помру, так и тебя с собой прихвачу! — твердо заявила старуха, вцепившись в него еще крепче.

Следователь вздохнул: положение безнадежное. Он обвел глазами лестницу, бросил взгляд на издыхавших карпа и угря, глянул на кусочек мрачного серого неба за разбитым окном. Как тут быть? Снаружи пахнуло густой волной спиртного и донеслись удары, будто кто-то колотил по жести. Его словно обдало холодом, и страшно захотелось выпить.

И тут сверху донесся мрачный смешок. Зацокали каблуки, и по лестнице мелкими шажками стала спускаться вытянувшаяся в струнку шоферица со стулом на спине.

Он смущенно улыбнулся. Ее появление ничуть не испугало его, совсем наоборот, он был даже рад. «Пусть лучше молодуха обузой, чем старуха», — подумал он. Поэтому и улыбнулся.

Сразу стало легче, будто сквозь мрачную хмарь отчаяния пробился солнечный лучик надежды. Носовой платок, которым он завязал ей рот, был уже перегрызен, — он невольно проникся еще большим уважением к ее острым зубам. Из-за привязанного стула двигалась она очень медленно. При каждом шаге задние ножки стукались о ступеньки. Он кивнул ей, она кивнула в ответ. Она остановилась рядом со старухой, вильнула телом, подобно тому как тигр бьет хвостом, и, огрев старуху стулом, прорычала:

— А ну, отпусти руки!

Подняв голову, старуха уставилась на нее, промямлила что-то похожее на ругательство, но руки отпустила. Следователь тут же отступил на несколько шагов, чтобы установить между собой и старухой определенную дистанцию.

— Ты хоть знаешь, кто это? — обратилась она к старухе.

Та покачала головой.

— Мэр города!

Старуха торопливо поднялась и оперлась на перила, дрожа всем телом.

Глядя на нее, следователь не выдержал:

— Доставлю-ка я тебя все же в больницу, тетушка, пусть осмотрят.

— Меня лучше развяжи, — потребовала шоферица.

Он развязал, и стул упал на лестницу. Она стала разминать затекшие руки. Следователь повернулся и пустился наутек. Было слышно, что она бросилась за ним.

Выскакивая через входную дверь, он зацепился за оставленный кем-то велосипед. Велосипед со звоном и грохотом полетел на землю, пиджак с треском порвался, а шоферица набросила ему сзади на шею веревочную петлю. И дернула за веревку так, что у него аж дыхание перехватило.

На улицу она вывела его, как собаку или какую другую животину. Моросил дождь, капли попадали в глаза, все расплывалось как в тумане. Он ухватился за веревку, чтобы не задохнуться. Мимо лица пролетело что-то круглое. Сначала он испугался, но потом увидел бритоголового подростка, мокрого до нитки, перемазанного в грязи, который мчался за футбольным мячом.

— Отпусти, хозяюшка, люди же увидят, куда годится... — повернувшись, взмолился следователь.

Она дернула за веревку, затянув ее еще крепче:

— А ты часом не убежишь?

— Не убегу, не убегу, чтоб я сдох.

— Поклянись, что не бросишь меня, что позволишь быть с тобой.

— Клянусь, клянусь.

Она ослабила веревку, следователь скинул ее и собрался было дать волю гневу, но вдруг услышал из этих уст на нежном личике тронувшие душу слова:

— Ну какое же ты дитя, честное слово! Любой обидит, если меня нет рядом.

Потрясенный следователь ощутил разлившееся внутри тепло, пеленой моросящего дождя его накрыло счастье, от которого намокли не только ресницы, но и глаза.

Мелкий дождь оплел всё вокруг — и дома, и деревья — мягкой частой сетью. Он почувствовал, как она взяла его под руку. Раздался резкий щелчок — в другой руке у нее раскрылся розовый зонт, и она подняла его над головой. Совершенно естественным движением он приобнял ее за талию и взял зонт, словно неукоснительно соблюдающий свои обязанности, заботливый и внимательный муж. Откуда появился этот зонт? В душе заворочались сомнения, но их тут же оттеснило ощущение счастья.

Небо хмурое — не разберешь, утро сейчас или день. Часы давно стащил тот дьяволенок — как

тут понять, сколько времени. Мелкие капли чуть слышно шелестели по ткани зонта. Эти звуки были полны сладости и печали, как знаменитое белое вино «Шато Икем», трогательные и волнующие. Обхватив ее за талию еще крепче, он ощутил сквозь тонкий шелк ночной рубашки холодок кожи и теплый подрагивающий живот. Прижавшись друг к другу, они шли по узкой бетонной дорожке академии виноделия, а листочки выстроившихся вдоль нее падубов посверкивали, как ноготки красавиц, покрытые оранжевым лаком. Вздымающиеся рядом с шахтой терриконы дышали горячими молочно-белыми испарениями, распространяя вокруг запах гари. Клубы дыма, рвущиеся из высоких труб, под действием воздуха превращались в черных драконов, которые кружили, переплетаясь между собой, в низко нависшем небе.

Выйдя с территории академии, они зашагали в тени ив по берегу небольшой речушки, окутанной белой дымкой с запахом спирта. Низко склонившиеся ветви то и дело шуршали по нейлону зонта, с них скатывались крупные капли. На дорожке лежал целый слой палой листвы — намокшей, золотистой. Следователь вдруг закрыл зонт и уставился на чернеющие ветви ив:

— Как долго я уже в Цзюго?

— Ты меня спрашиваешь? А мне у кого спросить?

— Нет, так не пойдет, — вздохнул следователь. — Нужно немедленно начинать работать.

Улыбнувшись уголками губ, она насмешливо проговорила:

— Что бы ты без меня нарасследовал!

— Тебя как зовут-то?

— Ну ты даешь! — поразилась она. — Это уже ни на что не похоже! Уж и переспал со мной, а как зовут — не знает.

— Извини. Я спрашивал, но ты не сказала.

— Ничего ты не спрашивал.

— Спрашивал.

— Нет, не спрашивал. — Она даже пнула его. — Не спрашивал.

— Ладно, пусть не спрашивал. А теперь спрашиваю. Ну и как же?

— А вот нечего и спрашивать. Пусть ты будешь Хантер, а я — Маккол[150], и мы с тобой партнеры, идет?

— Ладно, партнер, — похлопал он ее пониже спины. — Куда мы теперь?

---

[150] Примечания: 150

Рик Хантер, Диди Маккол — герои популярного в 1980-е годы американского детективного сериала.

— А что ты, собственно, собираешься расследовать?

— Преступную деятельность подонков с твоим муженьком во главе, которые убивают детей и пожирают их.

— Отведу-ка я тебя к одному человеку, он знает обо всем, что творится в Цзюго.

— А кто он такой?

— Поцелуй, тогда скажу…

Он мимоходом чмокнул ее в щеку.

— К Юй Ичи тебя сведу, это управляющий ресторана «Пол-аршина».

Когда они — так же в обнимку — вышли на Ослиную улицу, уже стемнело, и какое-то особое, животное чувство подсказало следователю, что солнце уже скрылось за горами, — нет, скрывается как раз сейчас. Силой воображения он представил чудную картину сумеречного заката: огромный красный диск неумолимо устремляется к земле, в блеске его бесчисленных лучей и крыши домов, и деревья, и лица прохожих, и сверкающие зеленоватые каменные плиты Ослиной улицы предстают каким-то безвыходным тупиком для героя, окрашенным в торжествен-

но-печальный цвет доблести. Сян Юй[151], деспот царства Чу, держа в одной руке копье, а в другой — поводья могучего скакуна, застыл на берегу, глядя на вздымающиеся день и ночь волны реки Уцзян. Но сейчас на Ослиной улице солнца нет, и следователь окунается в мелкий моросящий дождь, предается грустным, тоскливым размышлениям. Он вдруг понимает, что его поездка в Цзюго абсолютно бессмысленна, что это полная несуразица, смех, да и только. В грязной канаве плавают, сбившись в недвижный ком и отбрасывая в тусклом свете уличных фонарей зеленоватые, коричневатые и сероватые блики, большой гнилой кочан капусты, полголовки чеснока и ободранный ослиный хвост. «Все эти три безжизненных предмета следовало бы взять как символы на флаг приходящей в упадок династии, — уныло размышлял следователь, — или выгравировать на собственной надгробной плите». В желтом свете фонарей мелкий дождь разлетался с низко нависших небес шелковыми нитями. Розовый зонт напоминал яркий мухомор. Стало холодно, захотелось есть — он почувствовал это, как только увидел отходы в канаве. Одновременно

[151] Примечания: 151

Сян Юй (232–202 до н. э.) — выдающийся китайский полководец, один из ранних образцов трагического героя с пылким характером.

ощутил, что брюки сзади и внизу давно промокли, туфли измазаны в грязи, в них при каждом шаге хлюпает вода — так шлепают в речном иле вьюны. Вдобавок к этой череде ощущений рука совсем окоченела от ледяного тела шоферицы, а ладонь чувствовала у нее в животе жуткое бурчание. В одной лишь розовой ночной рубашке и пушистых тапочках на матерчатой подошве она брела по дороге, загребая грязь и воду, и казалось, она не сама идет, а ее несут на себе две драные кошки. Мелькнула мысль, что долгая история отношений мужчин и женщин похожа на историю классовой борьбы: побеждают то мужчины, то женщины, но одержавший победу одновременно терпит поражение. Вот и у них с шоферицей отношения то как у кошки с мышкой, то как у волка с волчицей. И милуются, и бьются смертным боем, хватает и нежности, и жестокости — чаши весов уравновешены. Должно быть, она совсем замерзла, эта штучка, ну да, так оно и есть. Ее грудь, волнующаяся и упругая, теперь холодная как лед железная гирька, фрукт, который долго держали в холодильнике, — недозрелый банан или зеленое яблоко.

— Замерзла? — Он брякнул явную глупость, но тут же добавил: — Может, вернемся на время к

тебе, подождем, когда станет теплее, и продолжим расследование?

— Нет! — стуча зубами от холода, одеревенело промычала она.

— Боюсь, я тебя совсем заморожу.

— Нет!

«Держа за руку свою близкую боевую подругу Маккол, детектив Хантер неторопливо шагал по Ослиной улице в промозглой осенней ночи под моросящим дождем…» Эта череда слов промелькнула в голове, как караоке на экране видео. Он — бравый и отважный, она — строптивая, порой мягкая и любвеобильная. На Ослиной улице пустынно, скопившаяся в выбоинах вода отбрасывает смутные отблески, как матовое стекло. Он в Цзюго уже неизвестно сколько дней и все ходит кругами за его пределами, сам же город остается загадкой, а ночной город тем более. И вот наконец он вступает в этот загадочный город под покровом ночи, и старинная Ослиная улица предстает перед ним божественной тропой между ног шоферицы. Он тут же раскритиковал себя за столь нелепые ассоциации, но, словно бледный подросток под напором неодолимого желания, оказался не в силах отделаться от этого поразившего воображение образа, который крутился в

мозгу не переставая. Нахлынули восхитительные воспоминания, и стало смутно вырисовываться понимание, что шоферица — мучение, посланное судьбой, что их тела уже скованы тяжелой цепью. Он уже испытывал к ней какое-то чувство — не разобрать: то ненависть, то жалость, то страх, — а это и есть любовь.

Фонари попадались редко, большинство лавок по обе стороны улицы уже закрылось. Но во двориках за ними вовсю горел свет. То тут, то там раздавался глухой стук, и следователь терялся в догадках — что же такое делают.

— Ослов это вечером забивают, — тут же подсказала шоферица.

Мостовая в одночасье стала скользкой, шоферица поскользнулась и шлепнулась на зад. Он бросился поднимать ее и растянулся рядом. Зонт при этом сломался, и она швырнула его в канаву. Мелкий дождь сменился снежной крупой. В щели между зубами задувал ледяной ветер. Дин Гоуэр предложил ускорить шаг. Узенькая и мрачная Ослиная улица вызывала страх, словно логово преступников. «Держа свою зазнобу за руку, следователь двигался все дальше в логово тигра» — по-другому и не скажешь. Уже показалась сверкавшая неоновыми огнями вывеска ресто-

рана «Пол-аршина», но тут, блистая черными шкурами, дорогу преградило целое стадо ослов.

Они тесно сгрудились в кучу. Голов двадцать пять, прикинул он, все как один черные, ни волоска другого цвета. Упитанные, с симпатичными мордашками, ослики казались совсем молоденькими. То ли от холода, то ли от мрачного ужаса, висевшего над Ослиной улицей, они жались друг к другу что было сил; задние, напирая, неизбежно выталкивали кого-то из середины. От звуков трущихся ослиных шкур тело покалывало как иголками. Он обратил внимание, что одни стояли понурив голову, другие — задрав морду вверх. А вот большими мягкими ушами прядали все. Так, тесня друг друга, они продвигались вперед. Копыта цокали и скользили по каменным плитам, и эти звуки походили на аплодисменты. Стадо ослов перемещалось перед ними, подобно движущимся дюнам. Следом черной тенью поспешал какой-то малец. Постойте, да он похож на того чешуйчатого, что стащил у него все ценности. Но не успел Дин Гоуэр что-то крикнуть, как малец сунул в рот палец и резко свистнул. Этот свист, словно острый нож, прорезал пелену ночи, и ослы, задрав головы, разразились криками. Насколько помнил следователь, ослы всегда

упираются в землю ногами и задирают головы, чтобы полностью сосредоточиться на крике, а тут они издавали крики на ходу. От этой странности у следователя даже сердце сжалось. Отпустив руку шоферицы, он бесстрашно рванулся вперед, намереваясь схватить черного малого — погонщика ослов, но тут же грузно шлепнулся на землю всем телом, сильно ударившись затылком о зеленоватые плитки. В ушах раздалось странное жужжание, а перед глазами заплясали два больших желтых круга.

Когда он снова обрел способность видеть, стада ослов вместе с погонщиком уже и след простыл. Перед ним простиралась лишь унылая и безлюдная Ослиная улица.

— Сильно ушибся? — участливо спросила крепко державшая его за руку шоферица.

— Ерунда.

— Как бы не так, ударился будь здоров, — всхлипнула она. — Наверное, сотрясение мозга…

При этих словах он почувствовал, что голова действительно раскалывается от боли, а перед глазами будто фотонегатив: волосы, глаза, рот шоферицы — всё бледно-белое, как ртуть.

— Боюсь, не выживешь…

— Какое «не выживешь», я только начинаю

расследование! Чего это ты смерть мне призываешь?

— Когда это я тебе смерть призывала? — взвилась она. — Я сказала, что боюсь, не выживешь.

Страшная головная боль лишила желания продолжать разговор. Он протянул руку и погладил ее по лицу в знак примирения. Потом положил руку ей на плечо. Как санитарка на поле боя, она помогла ему перейти улицу. Неожиданно вспыхнули глаза-фары изящного лимузина, который воровато рванулся от тротуара, накрыв их обоих снопом резкого света. «Не покушением ли тут пахнет?» Он с силой оттолкнул шоферицу, но та еще крепче обхватила его руками. На самом деле никакое это было не покушение: вывернув на проезжую часть, лимузин скользнул прочь, как на крыльях. Вырвавшееся из выхлопной трубы белое облачко очень красиво смотрелось в свете красных габаритных огней.

А вот и ресторан «Пол-аршина». Весь залит огнями, будто там проходит пышное празднество.

По обе стороны от украшенного цветами главного входа стоят две официантки ростом не больше метра. На них одинаковая ярко-красная форма, одинаковые высокие прически, а на очень похожих лицах одинаковая улыбка. Они настоль-

ко похожи, что кажутся ненастоящими, этакими манекенами из пластика или гипса. Свежие цветы у них за спиной так удивительно красивы, что тоже кажутся ненастоящими — от чрезмерной красоты теряется ощущение жизненности.

— Добро пожаловать, рады вас видеть.

Распахиваются стеклянные двери чайного цвета. В зале на облицованной стеклянными пластинами колонне он увидел пожилого мужчину жуткого вида, которого поддерживала перемазанная в грязи женщина. Когда до него дошло, что это их с шоферицей отражение, он совсем приуныл и собрался было повернуться и выйти, но к ним с невероятной скоростью скользнул — а казалось бы, ходит вперевалочку — одетый в красное малыш. Послышался его скрипучий голос:

— Господа к нам перекусить или попить чаю? Потанцевать или попеть караоке?

Малыш едва доставал следователю до колена, поэтому одному пришлось задрать голову, а другому нагнуться. Они смотрели друг другу в лицо — большой и маленький. Получалось, что следователь глядит на него свысока, и это помогло на какой-то миг преодолеть мрачное настроение. На лице малыша он заметил какое-то

злобное выражение, от которого по спине пробежал холодок. За легкой, исполненной чувства собственного достоинства улыбкой, которой учат весь обслуживающий персонал в ресторанах, озлобленность все равно заметна. Подобно тому, как проступают чернила сквозь низкосортную рисовую бумагу.

— Мы желаем выпить и закусить, — выскочила вперед шоферица. — Я — добрая приятельница вашего управляющего, господина Юй Ичи.

— Я узнал вас, госпожа. — Малыш склонился в глубоком поклоне. — Пожалуйте наверх, в отдельный кабинет.

И повел их за собой. По дороге следователь не переставал дивиться, насколько похож этот шкет на маленьких демонов из «Путешествия на Запад»[152]. Казалось даже, что в его широких шароварах прячется лисий или волчий хвост. Их с шоферицей обувь отражалась в начищенных до блеска мраморных плитках пола и казалась еще грязнее. Следователю стало стыдно за свой неприглядный вид. В зале танцевали несколько разряженных женщин в обнимку с пышущими

[152] Примечания: 152

«Путешествие на Запад» — классический китайский роман о путешествии монаха Сюаньцзана в Индию за буддийскими сутрами; авторство приписывается У Чэнъэню (1500–1582).

здоровьем мужчинами. Сидевший на высоком стуле карлик в черном фраке и с белым галстуком-бабочкой играл на рояле.

Они поднялись за своим провожатым по винтовой лестнице и вошли в изысканно обставленную комнату. К ним подбежали две крошечные официантки с меню.

— Пригласите управляющего Юя, — сказала шоферица. — Скажите, что пришла «номер девять».

Пока они ожидали прихода Юй Ичи, шоферица, ничуть не смущаясь, скинула шлепанцы и вытерла о мягкий ковер измазанные в грязи ноги. Наверное, оттого, что в комнате было тепло, у нее засвербило в носу, и она несколько раз подряд звонко чихнула. Один раз ей никак было не чихнуть, и она, чтобы помочь себе, задрала голову и подставила лицо под раздражающий свет ламп, сощурив при этом глаза и приоткрыв рот. Этот ее вид следователю не понравился: словно охваченный любовной страстью осел принюхивается к моче ослицы.

В перерывах между чиханием он язвительно осведомился:

— Ты что, в баскетбол играла?

— Апчхи… Что ты сказал?

— При чем здесь «номер девять»?

— Да девятой любовницей я у него была... апчхи!

2

Наставник Мо Янь, здравствуйте!

Я уже передал Ваши соображения господину Юй Ичи, и он самодовольно заявил: «Ну что? Я же говорил, что он возьмется за мое жизнеописание, вот он и берется». Он добавил также, что двери ресторана «Пол-аршина» открыты для Вас в любое время. Недавно городские власти выделили немалую сумму на его отделку, он работает двадцать четыре часа в сутки, богато обставлен – сплошное великолепие. По самым скромным оценкам он уже достиг уровня трехзвездного. Они тут недавно принимали группу японцев, так эти черти мелкие настолько остались довольны тем, как провели время, что их руководитель написал в журнал «Турист» и дал ресторану очень хорошую рекомендацию. Так что приедете в Цзюго – будете наслаждаться жизнью в ресторане «Пол-аршина», не платя ни гроша.

Что касается посланного Вам рассказа в духе «литературы факта» «Герой в

пол-аршина», там уж мое перо погуляло на славу. В своем письме я объяснил, что преподношу Вам это сочинение в подарок, чтобы Вы могли обращаться к нему при написании своих заметок. Ваши критические замечания, наставник, я принял всей душой. Мой недостаток – чрезвычайно богатое воображение, поэтому зачастую я излагаю как ни попадя, отвлекаюсь на что-то побочное и отхожу от основных принципов литературы. Теперь приму к сведению Вашу критику, чтобы взять реванш и писать в соответствии с литературными нормами, вкладывая всю душу.

Наставник, очень надеюсь, что в ближайшее время Вы приедете в Цзюго. Любой живущий на земле, можно считать, прожил жизнь напрасно, если не побывал здесь. В октябре открывается первый фестиваль Обезьяньего вина – невиданное по великолепию событие, когда в течение целого месяца каждый день будет происходить что-то интересное, и Вам никак нельзя его пропустить. В будущем году, конечно, пройдет вто-

рой такой фестиваль, но уже не будет такого великолепия, как на первом, так сказать, возможности прикоснуться к первозданному. Чтобы узнать все секреты и создать Обезьянье вино, мой тесть три года прожил среди обезьян в горах Байюаньлин, что к югу от города, и чуть не впал в умопомрачение. Но по-другому Обезьяньего вина и не создашь, как и не напишешь хорошего произведения.

Книгу, которая Вам нужна – «Записи о необычайных делах в Цзюго», – я прочитал несколько лет назад у тестя, но впоследствии найти ее не удалось. Я уже позвонил своим приятелям в отдел пропаганды горкома и попросил во что бы то ни стало разыскать для Вас один экземпляр. В этой книжонке полно злобных намеков, и нет сомнения, что написал ее наш современник. Но остается под вопросом, Юй Ичи ли это. По Вашему выражению, этот Юй Ичи – полуангел-полудемон. Его в Цзюго и поносят, и превозносят, но он – карлик, и обычные люди открыто в схватку с ним не вступают. Поэтому его ничто не останавливает и он творит

что хочет. Вероятно, он развил в себе человеческую доброту и человеческую злобу до такой степени, что они проявляются во всей полноте. Вашему ученику, с его скромными талантами и ограниченными знаниями, не охватить внутренний мир этого человека. Золото там есть, оно лишь ждет, когда явитесь и доберетесь до него Вы, наставник.

Уже прошло много времени с тех пор, как мои произведения посланы в «Гражданскую литературу», и осмелюсь обратиться к наставнику с просьбой поторопить редакторов журнала. Прошу также передать им приглашение принять участие в первом фестивале Обезьяньего вина. Я приложу все усилия, чтобы организовать для них питание и жилье. Уверен, что радушные жители Цзюго сделают все, чтобы они остались довольны.

Посылаю с этим письмом еще одно свое произведение под названием «Урок кулинарного искусства». Наставник, перед тем как начать работу над ним, я проштудировал почти все написанное в стиле популярного сегодня «неореализ-

ма», постарался взять у авторов самое лучшее и по-своему изменить. Наставник, все еще тешу себя надеждой, что Вы поможете передать это произведение редакторам «Гражданской литературы», ибо верю: продолжая представлять им свои работы, я смогу тронуть сердца этих небожителей, обитающих в нефритовых теремах и яшмовых чертогах и каждый день имеющих возможность наблюдать за Чан Э, расчесывающей свои волосы.

Желаю безмятежного творчества!

С почтением, Ваш ученик Ли Идоу

3. «Урок кулинарного искусства»

Моя теща, дама средних лет с удивительным шармом, пока не тронулась умом, была просто красавица. Одно время она казалась моложе, симпатичнее и сексапильнее своей дочери. Ее дочь — моя жена — бессмыслица, конечно, но упоминать об этом приходится. Жена работает в отделе специальных колонок газеты «Цзюго жибао» и опубликовала немало эксклюзивных интервью, вызвавших резкие отклики. Цзюго — город небольшой, и она, можно считать, человек заметный. Лицо жены — смуглой и тощей, с желтоватыми волосами — словно покрыто ржавчиной, а изо рта у нее несет тухлой рыбой. Теща же — женщина в теле, с белой, нежной кожей, с черными, будто смазанными маслом волосами, а ее рот день-деньской источает аромат жареного мяса. Разительное несходство между женой и тещей, если поставить их рядом, неизбежно наталкивало на мысль о классовой борьбе. Теща походила на ухоженную наложницу богатого помещика, а жена — на старшую дочь бедняка крестьянина, живущего в крайней нужде. Из-за этого жена с тещей так ненавидели друг друга,

что три года не разговаривали. Жена предпочитала ночевать в помещении редакции, лишь бы не возвращаться домой. Каждый мой визит к теще вызывал истерику, и она ругала меня всеми грязными словами, какие и на бумагу-то не положишь, словно я шел не к ее родной матери, а к проститутке.

По правде говоря, в то время у меня на самом деле рождались смутные фантазии, связанные с красотой тещи, но эти нехорошие мысли были скованы тысячей толстых стальных цепей и не имели никакой возможности к развитию или воплощению. А вот ругань жены прожигала эти цепи, словно бушующий огонь. И однажды я вспылил:

— Если я когда-нибудь пересплю с твоей матерью, вся ответственность ляжет на тебя.

— Что?! — взъярилась она.

— Если бы ты не напоминала об этом, мне бы и в голову не пришло, что зять красивой женщины может заниматься с ней любовью, — съязвил я. — Нас с твоей мамой разделяет лишь возраст. Кровного родства между нами нет. К тому же недавно в вашей газете была опубликована преинтересная история о молодом американце из Нью-Йорка по имени Джек, который развелся с

женой и женился на теще.

Жена взвизгнула, глаза у нее закатились, и она рухнула в обморок. Я скоренько вылил на нее ведро холодной воды и стал тыкать ржавым гвоздем в точку между носом и верхней губой и в точку между большим и указательным пальцем. Целых полчаса провозился, прежде чем она стала приходить в себя. Она лежала, мокрая, в грязи, как одеревенелая высохшая лесина, вытаращив на меня глаза. В них сверкали и рассыпались лучики, лучики отчаяния, от которых меня бросало то в жар, то в холод. Хлынувшие слезы стекали к ушам. В тот момент я подумал, что единственное, что можно сделать, это совершенно искренне попросить у нее прощения.

Ласково называя ее по имени и сдерживая отвращение от тошнотворного запаха, я поцеловал ее в губы. При этом мне представились источающие аромат жареного мяса уста ее матери. Вот бы выпить глоток бренди и поцеловать эти уста: получился бы самый прелестный деликатес. Все равно что выпить бренди и съесть кусок жареного мяса. Как ни странно, годы не смогли стереть с этих губ очарование молодости, они и без помады были яркие и влажные и сочились сладким соком горного винограда. Губы же ее дочери не

шли ни в какое сравнение даже с кожицей этого винограда.

— Не надо меня за дуру держать, — тоненьким голоском пропищала жена. — Я знаю, что ты любишь мою мать, а не меня. Ты и на мне-то женился, потому что влюбился в нее. Я тебе ее лишь заменяю. Целуешь меня, а представляешь губы матери, занимаешься любовью со мной, а думаешь о ее теле.

Ее слова были как нож острый. Я пришел в бешенство, но лишь слегка потрепал ее по щеке с деланым раздражением:

— Ох схлопочешь ты у меня! Сколько можно чепуху нести! Напридумывала не знаю что, бред какой-то. Люди узнают, так помрут со смеху. А мама твоя как рассердится, когда узнает… Я кандидат виноведения, человек солидный, это надо ни стыда ни совести не иметь, чтобы такие делишки обделывать, хуже животного.

— Ну-да, не обделывал еще. Но тебе же этого хочется! Может, ты никогда на это не решишься, но думать об этом будешь все время. Не думаешь днем, так думаешь ночью; не думаешь, когда бодрствуешь, — думаешь, когда спишь; не сделаешь этого при жизни — сделаешь после смерти!

— Ты меня унижаешь этим, — вскочил я, —

унижаешь мать, унижаешь саму себя!

— Не кипятись. Да будь у тебя сотня ртов, чтобы одновременно говорить сладкие речи, все равно меня не обманешь. Ах, что я за человек, зачем еще живу! Чтобы быть препятствием? Чтобы меня презирали? Чтобы считали виноватой? Умереть надо, и всё, умереть — и все кончено… Вот умру, и поступайте, как вам вздумается. — И она, размахивая крепкими, как ослиные копыта, кулачками, стала колотить себя по соскам.

Да-да, она лежала навзничь, и на высохшей грудной клетке выделялись лишь два похожих на черные финики соска. А вот у тещи груди — налитые, как у молодухи: не ослабли и не отвисли. Даже под шерстяным свитером толстой вязки они дерзновенно вздымались, как горные пики. Формами теща и жена отличались радикально, и это толкнуло зятя на край пропасти порока.

— Разве можно винить меня в этом? — не выдержав, рявкнул я.

— Я виню не тебя, а себя.

Разжав кулаки, она своими куриными лапами начала рвать на себе одежду. Отлетели пуговицы, и стало видно бюстгальтер. Силы небесные! Она еще и бюстгальтер носит! Ну ведь это все равно что обувь для безногого! Чтобы не видеть ее кост-

лявой, высохшей груди, я даже отвернулся.

— Ну хватит. Довольно уже с ума сходить. Ну умрешь ты, а отец твой как же?

Она села, упершись руками в пол, и глаза ее сверкнули жутким блеском:

— Мой отец для вас лишь предлог, для него существует только вино. Вино, вино и вино! Вино даже женщину ему заменяет. Стала бы я так переживать, будь у меня нормальный отец!

— Первый раз встречаю такую дочь, как ты, — вырвалось у меня.

— Вот я и прошу — убей меня. — Встав на четвереньки, она стала раз за разом биться своей твердолобой головой о цементный пол, приговаривая: — На коленях прошу, кланяюсь, убей меня. На кухне есть новый нож из нержавейки, острый как бритва, сходи за ним, кандидат виноведения, и убей меня, умоляю, убей.

Она задрала голову и вытянула шею, тонкую, как у ощипанной курицы, зеленоватую с фиолетовым отливом. Кожа шершавая, три черные родинки, синеватые кровеносные сосуды — вздувшиеся и резко пульсирующие. Глаза подзакатились, рот расслабленно провис, лоб в пыли, через нее проступают капельки крови, волосы на голове всклокочены, как воронье

гнездо. И это женщина? Но эта женщина — моя жена, и, честно говоря, ее поведение вызывало ужас, после ужаса — отвращение. Как тут быть, товарищи? Ее искривившийся в презрительной усмешке рот стал похож на разрез в автомобильной покрышке, и у меня появилось опасение, не сошла ли она с ума.

— Женушка, — сказал я, — пословица гласит: «Ставшие мужем и женой сто дней живут в любви и привязанности, после ста дней в супружестве чувства глубже, чем океан». Мы с тобой вместе уже много лет, разве я могу решиться убить тебя? Пойду лучше курицу зарежу: тогда мы сможем суп куриный сварить и поесть. А убью тебя — пулю получу. Тоже, нашла дурака!

— Значит, точно не станешь убивать меня? — негромко проговорила она, ощупывая шею.

— Нет, не стану!

— А я тебя все же умоляю — убей. — И она провела по шее рукой, словно уже держа тот острый как бритва нож. — Р-раз — вот так легонько провести — и вены на шее перерезаны, и кровь хлынет фонтаном. Через полчаса от меня останется лишь прозрачная кожа, и тогда, — продолжала она с угрюмой улыбкой, — ты сможешь спать под одним одеялом с этой старой чертовкой, которая

пожирает младенцев.

— Что за чушь ты несешь, сучка поганая! — грубо выругался я.

Нелегко, товарищи, довести такого воспитанного и интеллигентного человека, как я, до грязной ругани, но моя женушка довела меня просто до белого каления.

— Какая чушь, етит твою… — кипятился я. — С какой стати мне убивать тебя? Мне это надо? За добрым делом ты ко мне не обращаешься, а вот за таким — пожалуйста! Кому хочется, тот пусть тебя и убивает, а меня уволь.

С этими словами я в бешенстве отступил в сторону. «Если мне с тобой не совладать, — думал я, — то неужто от тебя не убежать!» Схватил бутылку «Хунцзун лема» и с бульканьем вылил в рот. Не забывая при этом краешком глаза наблюдать за ней. Неторопливо встав, она усмехнулась и направилась в кухню. Сердце екнуло, когда я услышал звук льющейся из крана воды. Я осторожно двинулся вслед: она стояла, подставив голову под сильную струю. Согнувшись под прямым углом и выставив костлявый зад, она двумя руками опиралась о грязные края раковины. Зад у моей женушки что два окорока, которые вялили на ветру лет тридцать. Вот уж не стал бы

сравнивать эти пересушенные окорока с округлыми ягодицами тещи. Но те так и стояли перед глазами, и наконец я понял, что ревнует жена не совсем чтобы без причины. Белоснежная и наверняка ледяная струя воды с шумом падала ей на затылок и разлеталась множеством брызг. Волосы превратились в клочья пальмовой коры, покрытой белыми пузырями, а из-под воды доносились всхлипывания: так квохчет подавившаяся кормом наседка. Я испугался, что она простудится, и на какой-то миг в душе шевельнулась жалость. Показалось, что, подвергнув эту тщедушную женщину таким мучениям, я совершил тяжкое преступление. Я подошел к ней и дотронулся до спины: холодная как лед.

— Будет, — буркнул я. — Не стоит так мучить себя. Зачем нам делать глупости, которые огорчат наших близких и доставят радость врагам.

Резко выпрямившись, она обожгла меня взглядом покрасневших глаз. Так она стояла, не говоря ни слова, секунды три, и в меня вселился такой панический страх, что я попятился. А она вдруг со звоном выхватила из стойки сверкающий сталью нож, купленный недавно в магазине металлоизделий, описала им полукруг у груди, приставила себе к горлу и резанула вниз.

Вне себя я бросился к ней, схватил за запястье и вырвал нож.

— Дрянь! — воскликнул я, охваченный брезгливостью к тому, что она только что проделала. — Жизнь мне испортить хочешь! — И изо всей силы метнул нож в разделочную доску. Лезвие вошло в дерево аж на два пальца — придется попотеть, пока вытащишь. Потом я шарахнул кулаком в стену, которая даже загудела, а от соседей заорали: «Что там у вас стряслось?!» В бешенстве я заходил кругами, словно леопард в клетке.

— Не могу больше, — выдохнул я. — Нельзя, черт побери, жить так дальше.

После нескольких десятков кругов я пришел к выводу, что какое-то время нужно еще пожить с ней. Подать на развод сейчас все равно что заказать себе место в крематории.

— Давай расставим всё по местам сегодня же! — сказал я. — Пойдем к твоим родителям, пусть рассудят, кто прав, кто виноват. И у матери спросишь, было между нами что-то или нет.

— Ну что ж, пойдем, — согласилась она, вытирая лицо полотенцем. — Если вы, кровосмесители, не боитесь, то я и подавно!

— А кто не пойдет, тот рогоносец и ублюдок, — добавил я.

— Верно, — подхватила она. — Кто не пойдет, тот рогоносец и ублюдок.

На пути к Кулинарной академии нам встретилась колонна машин: городские власти принимали иностранных гостей. Впереди ехали с иголочки одетые полицейские на мотоциклах, в темных очках и белоснежных перчатках. Мы на время перестали скандалить и застыли, как два дерева, рядом с акациями у края дороги. Из канавы несло жуткой вонью от разлагавшихся трупов животных. Холодной как лед рукой она несмело цеплялась за мою. Я презрительно глядел на колонну иностранных гостей, а душа полнилась отвращением к ее холодным пальцам. Большой палец невероятно длинный, под твердыми ногтями — зеленоватая грязь. Но смелости стряхнуть с себя ее руку не нашлось — ведь так она бессознательно искала защиты, подобно утопающему, который хватается за соломинку.

— Сучье отродье! — выругался я.

Из толпы, расступавшейся перед внушительной колонной, на меня глянула, повернув голову, какая-то плешивая старуха. Сидевшая на ней мешком длинная шерстяная кофта была застегнута на множество белых пластмассовых пуговиц, очень крупных. У меня к белым пластмассовым

пуговицам просто физическое отвращение. Это еще с детства, когда я болел свинкой. Из носа у врачихи несло какой-то дрянью, а халат на груди был застегнут на большие пластмассовые пуговицы. Она коснулась моей щеки толстыми, липкими пальцами, похожими на щупальца осьминога, и меня тут же вытошнило. Жирная физиономия, посаженная прямо на плечи, одутловатое лицо, полный рот медных зубов. Когда старуха в толпе взглянула в мою сторону, меня аж передернуло. Я повернулся, чтобы уйти, но она подбежала к нам мелкой рысцой. Оказалось, это знакомая жены. Она нежно взяла жену за руки и стала старательно трясти. При этом наваливалась на нее своим жирным телом, пока они стали чуть ли не обниматься и целоваться. Ну просто мать родная! Вполне естественно, я тут же вспомнил про тещу. И надо же ей было выродить такую дочку! Я зашагал один в сторону Кулинарной академии с намерением немедленно расспросить тещу, не из детского ли дома она взяла дочку на воспитание, а может, ей перепутали ребенка в роддоме. Ну и как быть, если окажется, что все так и есть?

Меня догнала жена и, хихикая — словно позабыв, что только что собиралась перерезать себе

горло, — проговорила:

— Эй, кандидат, знаешь, кто эта пожилая женщина?

Я сказал, что не знаю.

— Это теща начальника орготдела горкома Ху!

Изобразив из себя возвышенную личность, я хмыкнул.

— Что хмыкаешь? Бросил бы ты смотреть на людей сверху вниз. Все считаешь, что ты самый умный. Так вот, с сегодняшнего дня я возглавляю в газете отдел культуры и быта.

— Поздравляю, завотделом культуры и быта! Надеюсь, тебе удастся написать статью, в которой ты поделишься опытом устраивать скандалы.

Она остановилась, опешив от моего комментария:

— Устраивать скандалы, говоришь? Да я самая благопристойная женщина, таких еще поискать! Другая на моем месте, узнав, что собственный муж разводит шуры-муры с тещей, давно бы уже такое тебе задала!

— Шевели, давай, ногами, — бросил я. — Пусть твои родители рассудят, кто из нас прав!

— Какая же я дура! — проговорила она, остановившись и словно пробудившись ото сна. — Зачем мне идти с тобой? Смотреть, как вы с этой

старой распутницей будете друг другу глазки строить? У вас-то, видать, ни стыда ни совести, ну а мне честь дорога. Мужиков в Поднебесной пруд пруди — что волосков на шкуре быка, и чего я такого в тебе нашла? Спи с кем хочешь, а я умываю руки, и наплевать мне на всё. — С этими словами она лихо развернулась и пошла прочь.

Осенний ветер раскачивал кроны деревьев, на землю беззвучно осыпались золотистые листья. Жена шагала среди поэтичного осеннего пейзажа, и была какая-то связь между этой прелестью и ее темной фигурой. Она так бесстрастно рассталась со мной, что я даже немного расстроился. Имя жены — Юань Мэйли, Красотка Юань. Ее имя и падающая осенняя листва составили грустное лирическое стихотворение с ароматом рислинга чжанъюй производства яньтайского винзавода. Я не отрываясь смотрел на нее, но она ни разу не обернулась: «Высокое чувство долга и ответственности не позволяет оглядываться»[153]. Честно говоря, я, возможно, надеялся, что она оглянется, посмотрит на меня хоть одним глазком, но вступающая в должность заведующая отделом

[153] Примечания: 153

Цитата из Сыма Сянжу (ок. 179–117 до н. э.), древнекитайского поэта и писателя. В народной мифологии считается богом — покровителем торговцев вином наряду с Ду Каном.

культуры и быта газеты «Цзюго жибао» головы не повернула. Она шла вступать в должность. Заведующая Красотка Юань. Заведующая Юань. Заведующая.

Спина заведующей скрылась за зданиями с белыми стенами и зеленоватой черепицей в переулке Даров Моря. Оттуда в голубизну небес вспорхнула пестрая голубиная стая. В небе плыли три больших розовато-желтых воздушных шара, с которых свисали алые ленты с вышитыми на них большими белыми иероглифами, а на земле тупо и растерянно стоял мужчина. И этот мужчина был я, кандидат виноведения Ли Идоу. «Надеюсь, ты, Ли Идоу, еще не дошел до того, чтобы броситься в покрытые пузырями, исполненные запаха алкоголя воды речки Лицюаньхэ и покончить с собой? Ну да, еще чего не хватало. Нервы у меня крепкие, как воловья шкура, дубленная каустической содой с глауберовой солью, — не перетрешь и не разорвешь. Ли Идоу, Ли Идоу…» Подняв голову и выпятив грудь, он зашагал вперед. И вот он уже на территории Кулинарной академии, перед дверью тещи.

«С этим делом надо непременно разобраться. Может быть, если я сожгу за собой корабли, что-то и получится с тещей, хотя вполне вероятно, она

мне таковой не приходится. Это, вне сомнения, будет грандиозная, как девятый вал, перемена, которая перевернет всю мою личную жизнь». На двери записка: «Утреннее занятие по кулинарии будет проходить в аудитории для практических занятий Центра спецкулинарии».

Я давно слышал о непревзойденных кулинарных способностях тещи, о том, что в академии ее считают звездой, но никогда не видел, как она ведет занятия. И Ли Идоу решает сходить на лекцию тещи, полюбоваться на ее восхитительную фигуру.

Пройдя через маленькие задние ворота академии виноделия, попадаю на территорию кампуса Кулинарной академии. Винные ароматы еще присутствуют, но в нос уже бьют мясные. Вокруг множество диковинных цветов и деревьев, для них кандидат виноведения — недалекий невежда, и они искоса, с надменным видом поглядывают на меня своими похожими на глаза листочками. Во дворе лениво прохаживаются с десяток охранников в темно-синей форме. Завидев меня, они оживляются, словно охотничьи собаки, почуявшие зверя. Их тоненькие, как блинчики, уши встают торчком, из ноздрей вырывается напряженное сопение. Но мне бо-

яться нечего: я знаю, что стоит произнести имя тещи, и они тут же вернутся в свое расслабленное состояние. Расположение кампуса какое-то замысловатое, вроде сада Скромного Чиновника в Сучжоу[154]. Посреди дорожки неизвестно для чего стоит огромный валун цвета свиной печенки с надписью желтоватым лаком: «Прекрасная скала указует в небо». Получив разрешение охранников, кружу по дорожкам, пока не нахожу исследовательский центр особого питания, ряд за рядом миную стальные заграждения, оставляю позади и великолепное здание для откорма «мясных» детей, и насыпной холм с фонтаном, и помещение, где приручают экзотических птиц и зверей, вхожу в какую-то мрачную пещеру и, спустившись по спирали вниз, попадаю туда, где все ярко освещено. Сюда посторонним вход запрещен. Молодая женщина подает мне рабочую одежду и предлагает переодеться.

— Ваши как раз снимают доцента на видео, — сообщает она, приняв меня за репортера с городского телеканала.

Надевая белый рабочий колпак в форме цилин-

---

[154] Примечания: 154

Сад Скромного Чиновника — крупнейший классический сад в г. Сучжоу (пров. Цзянсу). Благодаря замысловатому лабиринту прудов, островов и беседок считается самым красивым на юге Китая.

дра, чувствую свежий запах мыла. Тут женщина узнаёт меня:

— Мы с вашей женой Юань Мэйли вместе в школе учились. Я тогда успевала гораздо лучше, только она вот стала известным журналистом, а я — вахтершей. — Говорит она уныло и буравит меня ненавидящим взглядом, будто это я разрушил ее блестящие перспективы. Я, как бы извиняясь, киваю, но тут унылое выражение на ее лице сменяется самодовольным, и она гордо заявляет: — У меня два сына, оба исключительные умники.

— А разве ты не собираешься продать их в отдел особого питания? — злобно осведомляюсь я.

Ее лицо мгновенно багровеет. Особого желания смотреть на красную женскую физиономию у меня нет, и я широкими шагами направляюсь в аудиторию для практических занятий. Слышу, как она цедит сквозь зубы мне вслед:

— Погоди, настанет день, найдется и на вас, зверей-людоедов, управа.

От слов вахтерши в душе все будто переворачивается: кого это она называет зверьми-людоедами? Неужели я один из них? В памяти всплывают слова, которые произносили ответственные чиновники из городской управы на банкетах, где

подавали эти знаменитые блюда: «То, что мы едим, никакая не человечина, это деликатес, приготовленный по особой технологии». Создателем этого деликатеса и была моя красавица теща, которая сейчас проводит занятие со студентами в просторной, ярко освещенной аудитории. Она стоит за кафедрой в сияющем свете ламп, и я уже вижу ее луноподобное лицо, гладкое и блестящее, как фарфоровая ваза.

Лекцию действительно снимают операторы городской телестудии. Одного из них — у него еще рот и щеки выступают как у обезьяны, — по фамилии Цянь, заведующего отделом спецтем, я знаю: как-то пили за одним столом. С камерой на плече он снует туда-сюда по аудитории. Его помощник, толстячок с бледным лицом, носит подсветку, таскает за собой черный провод и по указаниям Цяня направляет свет раскаленной лампы то на лицо тещи, то на лежащую перед ней разделочную доску, то на сосредоточенно слушающих студентов. Найдя свободное место, я усаживаюсь и чувствую на лице нежные лучики ее серо-карих глаз, которые задерживаются на мне пару секунд. Я немного смущаюсь, опускаю голову, и тут же в глаза бросается четыре иероглифа, глубоко вырезанные ножом на столе: «Хочу

переспать с тобой». Словно четыре булыжника падают в океан моего сознания, подняв пенистые волны. Все тело будто парализует, руки и ноги начинают дергаться, как у самца лягушки под воздействием слабого электрического тока, а где-то посередке возникает невыразимое беспокойство… Размеренная, ласкающая слух речь тещи валами прилива накатывается все ближе, накрывая мое тело гигантским теплым потоком, и по спинному мозгу начинают проноситься один за другим спазмы наслаждения…

— Дорогие студенты, задумывались ли вы, что в результате стремительного развития «четырех модернизаций»[155], благодаря постоянному повышению уровня жизни народа еда из набивания желудка превратилась в эстетическое наслаждение? Поэтому кулинария не только мастерство, но и высокое искусство. Рука классного кулинара должна быть более верной, более чуткой, чем у хирурга; восприятие цвета тоньше, чем у художника; обоняние острее, чем у полицейской собаки; язык подвижнее, чем у змеи. Все эти качества должен сочетать в себе кулинар. Запро-

[155] Примечания: 155

Четыре модернизации — официально провозглашенный в конце 1978 г. Дэн Сяопином курс на модернизацию сельского хозяйства, промышленности, национальной обороны, науки и технологии.

сы любителей вкусно поесть постоянно растут. Вкус у них тонкий, но в своем непостоянстве они увлекаются новым и отворачиваются от старого. И угодить им, чтобы они остались довольны, совсем не просто. Но мы должны упорно и настойчиво учиться и вносить разнообразие в наши блюда, чтобы как можно лучше удовлетворять их требования. С этим связано и процветание нашего города, и, конечно же, будущее каждого из вас. Прежде чем начать сегодняшнее занятие, я хотела бы порекомендовать вам одно изысканное блюдо.

Взяв электронную ручку, она размашистым почерком пишет на магнитной доске пять больших иероглифов: «циндунь яцзуйшоу» — «тушеный утконос». Пишет, вежливо и грациозно стоя вполоборота к студентам. Потом нажимает кнопку под столом, и занавеска на стене медленно раздвигается: так полководец открывает карту боевых действий. За занавеской, как оказалось, скрывался огромный аквариум, в котором беспокойно плавают несколько утконосов с блестящей шерстью и перепончатыми лапами.

— Сейчас я дам вам рецепт этого блюда и расскажу о последовательности его приготовления, — говорит она, — так что, пожалуйста,

прошу делать заметки. В свое время из-за этого маленького, ничем не примечательного животного оказался в неудобном положении великий учитель пролетариата, эрудит и обладатель многостороннего таланта Энгельс. Это особое явление в эволюции животного мира, единственное из известных на земле млекопитающих, откладывающее яйца. Утконос, без сомнения, животное редкое, поэтому при его приготовлении следует быть особенно осторожным, чтобы ошибочными действиями не испортить этот ценный продукт. Поэтому, чтобы набить руку, советую всем перед приготовлением утконоса потренироваться на черепахах. Далее позвольте познакомить вас с конкретным способом приготовления.

Итак, берем утконоса, режем его и подвешиваем за лапы примерно на полчаса, чтобы вытекла кровь. Обращаю ваше внимание: нужно пользоваться серебряным ножом и резать от клюва вниз, чтобы разрез был как можно меньше. Когда стечет кровь, помещаем утконоса в воду, нагретую примерно до семидесяти пяти градусов, чтобы снять шкуру. Затем осторожно удаляем все внутренности, печень, сердце и яйца, если есть. Особо осторожным нужно быть с печенью, чтобы не проткнуть желчный пузырь. В противном слу-

чае утконос окажется несъедобным, и его можно будет только выбросить. Вытаскиваем кишки и выворачиваем их, чтобы начисто промыть в соляном растворе. Ошпариваем клюв и лапы кипятком, тщательно протираем твердый нарост на клюве и грубую кожу на лапах. Обратите внимание, что перепонки на лапах должны остаться неповрежденными. Промыв внутренности, чуть прожариваем их в кипящем масле и помещаем внутрь утконоса. Затем добавляем соль, чеснок, нарезанный имбирь, перец, кунжутное масло и другие приправы — ни в коем случае не добавлять вкусовые, — и тушим на слабом огне до появления темно-красного оттенка и особенного запаха. Яйца и внутренности обычно обжаривают в масле одновременно, ими фаршируется тушка. При наличии значительного количества довольно больших и сформировавшихся яиц их можно приготовить как отдельный деликатес, используя рецепт приготовления тушеных черепашьих яиц.

Закончив с рецептом тушеного утконоса, она приглаживает волосы, словно главнокомандующий перед тем как провозгласить очень важное решение, и внимательно оглядывает студентов — каждый ощущает на себе ее теплый взгляд.

Меня теща тронула до глубины души.

— А теперь перейдем к рецепту приготовления тушеного младенца, — педантичным тоном произносит она.

В сердце мне будто вонзили ржавое шило. Кажется, что вытекающая оттуда струйка холодной жидкости скапливается в груди и давит на внутренние органы. Меня охватывает паника, на ладонях выступает липкий пот. Все студенты краснеют, от возбуждения их сердца начинают биться сильнее, как у студентов-медиков при первом рассечении человеческих гениталий. Они изо всех сил стараются показать, что их это не трогает, но результат получается обратный: о степени встревоженности и взволнованности свидетельствуют подергивающиеся щеки и неестественное покашливание.

— Это гордость Кулинарной академии, так сказать, гвоздь программы, — продолжает теща. — Исходный материал весьма труднодоступен, и его стоимость невероятно высока, поэтому мы не можем предоставить каждому возможность проделать всё собственноручно. Я всё подробно продемонстрирую, а вы внимательно смотрите. Дома можете потренироваться на обезьяне или поросенке.

В первую очередь она подчеркивает, что сердце кулинара должно быть каменным и повар не должен поддаваться эмоциям.

— Младенцы, которых мы будем умерщвлять и готовить из них изысканные блюда, на самом деле никакие не люди, это лишь маленькие животные. Их производят на свет в соответствии со строгими установлениями, по обоюдному согласию сторон для удовлетворения особых потребностей развивающейся экономики Цзюго и для процветания города. По сути дела, они ничем не отличаются от этих резвящихся в аквариуме утконосов. Прошу вас расслабиться и не давать волю фантазии. Вы должны повторить про себя тысячу, десять тысяч раз: это не люди, это — маленькие животные в человеческом облике. — Она грациозно берет в руки указку и, постучав по краю аквариума, еще раз повторяет: — По сути дела, между ними и утконосами нет никакой разницы.

Сняв трубку висящего на стене телефона, она дает какое-то распоряжение, а затем обращается к студентам:

— Это фирменное блюдо когда-нибудь, несомненно, поразит весь мир, поэтому ни на одном этапе его приготовления мы не должны до-

пускать ни малейшей беспечности. Вообще, у домашних животных чрезмерная эмоциональная нагрузка перед смертью может повлиять на содержание гликогена в мясе, а нарушение обмена веществ ухудшает вкус готового продукта. Поэтому опытный мясник всегда предпочитает прерывать жизнь животного молниеносно, чтобы качество мяса было выше. Идущие на мясо дети обладают более высоким интеллектом по сравнению с обычными домашними животными, следовательно, в целях обеспечения высокого качества основного ингредиента этого фирменного блюда следует позаботиться о поддержании у них хорошего настроения. Традиционно их оглушают ударом дубинки, но при этом остаются кровоизлияния в мягких тканях и даже может разлететься череп, что серьезно отражается на внешнем виде готового продукта. В последнее время от использования дубинки постепенно отказываются, заменяя ее анестезией этиловым спиртом. В результате недавних изысканий академии виноделия получен новый вид алкоголя — сладкий и не очень крепкий, но с необычайно высоким содержанием спирта, — который отвечает всем нашим требованиям. Опыт показывает, что при такой анестезии частицы

спирта проникают в клетки тканей и существенно снижают запах грудного молока, который раньше доставлял столько хлопот при приготовлении блюд из детей. Кроме того, проведенные химические исследования показали, что значительно повысилась и питательная ценность детей, умерщвленных после анестезии этиловым спиртом. — И она снова снимает трубку телефона: — Несите!

Это было все, что теща как бы вскользь бросила в трубку, и пять минут спустя две молодые девицы в белоснежных халатах и с белоснежными квадратными шапочками на голове вносят в аудиторию на небольших носилках особой конструкции голенького «мясного» ребенка. Внешне девицы, можно сказать, симпатичные, но от их мертвенно-бледных лиц становится не по себе. Они ставят носилки на разделочную доску и, опустив руки, отступают в сторону. Теща склоняется над розовеньким «мясным» ребенком, чтобы осмотреть его, тыкает мягким указательным пальцем ему в грудь и с довольным видом кивает. Выпрямившись, она еще раз строго напоминает:

— Вы никогда не должны забывать, что это маленькое животное в человеческом облике.

Только она произнесла эти слова, как малень-

кое животное в человеческом облике перевернулось. Студенты, оторопев, сдавленно ахнули. Все, в том числе и я, подумали, что малыш пытается сесть. К счастью, это не так: он лишь повернулся, и по аудитории разносится его сладкое похрапывание — негромкое и ровное. Круглое, пухленькое, румяное личико обращено в сторону студентов. И в мою, естественно. Мы четко видим перед собой красивого и здорового маленького мальчика с черными волосиками, длинными ресницами, маленьким носиком, похожим на дольку чеснока, и розовыми губками. Он причмокивает этими губками, словно сосет во сне конфету. Я женат три года, но детей у нас нет, и ребенок мне так понравился, что захотелось подбежать к этому малышу, расцеловать его личико и пупок, потрогать маленькую пипиську, куснуть маленькие ножки. Ножки пухленькие, со складочками там, где нога переходит в ступню. По тому, с каким восторгом смотрят на него студенты, особенно студентки, я догадываюсь о переполняющей их души нежной любви — любви к этому маленькому человечку. В это время ровное похрапывание мальчугана заглушает снова раздавшийся в аудитории голос тещи, в котором вдруг зазвучали холодные нотки:

— Хочу четко донести до вас эту мысль: непременно искорените в душе нездоровые эмоции. Иначе мы не сможем продолжить занятие. — Схватив ребенка за руку, она поворачивает его на сто восемьдесят градусов, лицом в сторону аквариума с утконосами, а попой к студентам. — Он не человек, — говорит она, ткнув его в попу. — Не человек.

Словно протестуя против этих слов, мальчуган пукает, да так громко, что это никак не соотносится с его размерами. Студенты замирают, переглядываясь между собой секунд десять, а потом по аудитории раскатывается взрыв смеха. Теща изо всех сил сдерживается, но в конце концов не выдерживает и хохочет вслед за студентами.

Она стучит по столу, стараясь утихомирить присутствующих.

— От этих маленьких негодников можно ожидать чего угодно, — замечает она. Студенты снова смеются, но она пресекает смех: — Посмеялись, и будет. Это у вас самое важное занятие за все четыре года обучения. Если вы овладеете искусством приготовления «мясного» ребенка, вам нечего бояться, где бы вы ни оказались. Вы разве не хотите уехать за границу? Научиться готовить блюда та-

кого уровня все равно что получить постоянную визу. Перед вами не устоит ни один иностранец, будь то янки, немчура или любой другой.

Похоже, ее слова достигли цели, потому что студенты вновь сосредоточиваются, берут свои ручки, прижимают рукой тетради и устремляют взгляды на тещу.

— «Мясной» ребенок находится в состоянии сна, и что бы мы ни делали, он все равно ничего не чувствует, тем более не может оказать сопротивление. Он все время пребывает в глубоком, счастливом сне.

Она машет рукой, и обе женщины в белом, стоявшие в углу, ожидая указаний, подходят и начинают помогать ей. «Мясного» ребенка помещают на специальную подставку в форме птичьей клетки с крюком наверху. За него клетку можно подвесить к кольцу над разделочной доской, что и сделали помощницы в белом. Все тело «мясного» ребенка в клетке, и лишь пухлая белая ножка свешивается с подставки — выглядит это исключительно мило.

— Первое, что надо сделать, — объясняет теща, — это дать крови стечь. Должна заметить, одно время некоторые считали, что если этого не делать, от «мясного» ребенка исходит более

приятный запах и повышается пищевая ценность. Их основным аргументом было то, что при приготовлении блюд из собачатины корейцы не выпускают кровь совсем. После неоднократных проб и сравнений мы пришли к выводу, что аромат от «мясного» ребенка, из которого выпустили кровь, намного превосходит запах от «мясного» ребенка, с которым эта процедура не проводилась. Цель проста: чем тщательнее выпущена кровь, тем лучше цвет мяса. Если кровь выпустить не до конца, готовый продукт приобретает более темный цвет и довольно резкий запах. Поэтому нельзя недооценивать эту процедуру.

Протянув руку, теща берет ребенка за ножку. Тот что-то бормочет в своей клетке, и студенты прислушиваются, пытаясь понять, что он сказал.

— Выберите место надреза, — продолжает теща, — с тем чтобы максимально сохранить целостность «мясного» ребенка. Обычно надрез делается на ступне и выявляется артерия, которую потом перерезают, чтобы начался отток крови.

Тут в ее руке сверкнул серебром нож в форме ивового листа, направленный на ножку ребенка… Я зажмуриваюсь, и мне кажется, что я слышу громкий плач мальчугана из клетки, в то время

как под грохот отодвигаемых столов и стульев студенты с громкими воплями устремляются прочь из аудитории. Открыв глаза, я понимаю, что все это мне лишь привиделось. «Мясной» ребенок не плачет и не кричит, и на ножке у него уже сделан надрез. Свисающие нитью драгоценных камней алые капли крови вкупе с подставленной под ножку стеклянной посудиной создают какую-то странно красивую картину. В аудитории необычайно тихо. Все студенты — юноши и девушки — с округлившимися глазами смотрят, не отрываясь, на ребенка и на вытекающую из ножки кровь. На ногу и на кровь под ней направлена и камера городского телеканала, под ярким светом капли крови поблескивают, как хрусталь. Постепенно я начинаю различать тяжелое и глубокое, словно накатывающий на берег прибой, дыхание студентов и звонкие, приятные слуху звуки капающей в стеклянную посудину крови, похожие на журчание ручейка, бегущего в глубоком ущелье.

— Полностью кровь «мясного» ребенка вытечет где-то через полчаса, — раздается голос тещи. — Второй этап состоит в том, чтобы изъять внутренности, не повредив их. Третий — это удаление волосяного покрова с помощью горячей

воды, температура не ниже семидесяти градусов Цельсия…

Честно говоря, не хочется дальше описывать урок кулинарного искусства, который проводит моя теща, тоскливый и тошнотворный. «Приближается вечер, — думаю я, — и пора разогреть алкоголем переполненный необычными мыслями мозг кандидата виноведения, чтобы потом продумать рассказ под названием «Ласточкины гнезда», а не тратить свой талант на банкеты людоедов».

Глава седьмая

1

Слова шоферицы как ножом полоснули по сердцу. Схватившись за грудь, словно влюбленный юноша, он страдальчески согнулся пополам. Взгляд упал на ее розовые ноги — еще более подвижные, чем руки, — которыми она елозила туда-сюда по ковру. Сердце захлестнула злоба.

— Шлюха! — процедил он сквозь зубы, повернулся и пошел к двери.

— Куда же ты, клиент! — заорала она. — Обманул женщину, кто ты после этого!

Он продолжал шагать к двери. Мимо уха со свистом пролетел серебристый стеклянный бокал. Он ударился в дверь, отскочил и упал на ковер. Обернувшись, следователь увидел, что она стоит, тяжело дыша, рубашка распахнута на груди, глаза полны слез. Обуреваемый самыми разными переживаниями, он сдавленным голосом произнес:

— Вот уж не думал, что ты такая бесстыжая — с карликом переспала. За деньги, небось?

Она разразилась хриплыми рыданиями. Потом вдруг рыдания стали такими режущими слух, такими пронзительными, что металлические подвески на люстре матового стекла закачались,

тихонько позвякивая. Она принялась колотить себя кулаками в грудь, царапать ногтями лицо, рвать на себе волосы, биться головой о белоснежную стену. Это безумное самоистязание сопровождалось истерическими выкриками, от которых чуть не лопались барабанные перепонки:

— Убирайся отсюда! Убирайся — убирайся — убирайся…

Следователь страшно перепугался. Такого он еще не видывал. Казалось, сама смерть коснулась его ледяной рукой с красными когтями. По ноге побежала струйка мочи, хотя он прекрасно понимал, что мочиться в штаны крайне неприлично. Было очень неловко, но пусть уж лучше так, чем рухнуть без чувств. Ведь это помогло избавиться от огромной эмоциональной нагрузки.

— Прошу тебя, не надо… — молил он. — Прошу тебя…

Но ни его мольбы, ни его конфуз не заставили шоферицу прекратить самоистязание или вопить тише. Она стала биться головой еще более ожесточенно, отчего стена всякий раз отзывалась еще более гулким звуком, казалось, вот-вот вылетят мозги. Подбежав, следователь обхватил ее за талию. Выпрямившись, она высвободилась

из его рук и принялась истязать себя по-другому: она яростно впилась зубами в тыльную сторону ладони, словно в свиной окорок. Вцепилась не понарошку, чтобы напугать, а по-настоящему, и вскоре рука превратилась в кровавое месиво. В этой отчаянной и безнадежной ситуации ему в голову пришла отличная мысль: он рухнул на колени и принялся отбивать поклоны.

— Матушка моя, — ничего, если я буду так называть тебя? — матушка милая, вам ли с высоты вашего положения замечать вину ничтожного! Будьте великодушны! Ведь недаром говорят: «Вельможа так велик душой — хоть на ладье плыви». Считайте, что услышанное вами — чушь, ну вроде как воздух испортил.

Это подействовало. Глодать руку она перестала, зажмурилась и, разинув рот, заревела как дитя. Следователь выпрямился и принялся хлестать себя по щекам — то справа, то слева, совсем как раскаявшийся киношный негодяй.

— Не человек, просто скотина, бандит, хулиган, пес шелудивый, личинка длиннохвостая в бочке дерьма. Лупи, забей до смерти ублюдка этого… — поносил он себя.

От первой пары ударов щеки загорелись, но потом бил словно по воловьей коже: не болит,

не саднит — лишь щеки будто онемели. А после исчезло и онемение, слышались только жуткие шлепки, и казалось, что не себя бьешь по лицу, а дубасишь свиную тушу без щетины или лупишь по заду покойницу. Он продолжал наносить удары с каким-то ожесточением, но постепенно в душе возникло чувство радости, как при свершившемся возмездии, словно он с кем-то расквитался. В какой-то момент он прекратил поносить себя, и сила, которую он вкладывал в слова, перешла в руки, отчего каждый удар стал еще крепче, а звуки пощечин — звонче. Он заметил, что рот у нее закрылся, рыдания прекратились, и она тупо уставилась на него, будто загипнотизированная. Следователь в душе самодовольно усмехнулся. Добавив еще несколько яростных оплеух, он опустил руки. Из коридора донесся гул голосов.

— Не сердитесь на меня, барышня! — робко произнес он.

Она продолжала стоять, не шевелясь, раскрыв рот и не сводя с него глаз, и от застывшего у нее на лице выражения, которое делало ее похожей на зловещее изваяние, волосы у него встали дыбом и мороз пробежал по коже. Он медленно поднялся и, стараясь за сладкими речами скрыть

бушующий внутри гнев, стал потихоньку отступать к двери.

— Ну не сердись больше на меня, пожалуйста, это все рот мой поганый — не рот, а задница вонючая. Язык мой — враг мой, и хоть кол на голове теши. — Он уперся задом в дверь. — Так неудобно перед тобой, приношу искренние извинения. — Он с силой надавил на дверь — ее скрип громом отозвался в ушах. — Честное слово, меня, черт возьми, и дрянью-то не назовешь, да я просто жвачка коровья, блевотина кошачья или собачья, мерзавец я, каких свет не видывал, правда мерзавец… — безостановочно бормотал он, пока в конце концов не ощутил спиной холодную струю воздуха. Бросив на женщину последний взгляд, он проскользнул в образовавшуюся щель и тут же захлопнул дверь, отгородившись от нее.

Недолго думая, следователь припустил в дальний конец коридора, охваченный большим страхом, чем потерявшаяся собака, с большей суетливостью, чем угодившая в сети рыба. Навстречу попался элегантно одетый маленький мужчина, торопливо семенящий за такой же крошечной официанткой. Одним махом следователь сиганул чуть ли не через головы обоих лилипутов, не обращая внимания на испуганный вопль

официантки. В конце коридора он свернул за угол и открыл засаленную дверь, откуда пахнуло сладким, кислым, горьким и острым. За дверью все было окутано клубами пара, в них туда-сюда крутились маленькие человечки, то исчезая, то появляясь, словно чертенята. Кто-то орудовал ножом, кто-то выщипывал шерсть и перья, одни мыли посуду, другие готовили приправы. На первый взгляд вроде бы царила неразбериха, но на самом-то деле во всем был порядок. Он зацепился за что-то ногой и, глянув вниз, увидел целый ком смерзшихся черных ослиных причиндалов — штук пятьдесят. Тут же вспомнилось блюдо «Дракон и феникс являют добрый знак», банкет из ослятины. Несколько человечков приостановили работу и с любопытством воззрились на него. Выбравшись из этого помещения, он побежал дальше, обнаружил лестницу и спустился по ней, держась за перила. До него донесся истошный женский вопль, и разом высвободилась оставшаяся моча. В наступившей потом тишине в голове мелькнула нехорошая мысль: «А-а, ну ее!» Не обращая внимания на разодетые пары, которые танцевали на выложенной лайянским красным мрамором танцплощадке, он рванулся через нее, явно нарушая неторопливый ритм

прекрасной музыки, словно побитый, вонючий, шелудивый пес, и черным снарядом вылетел прочь из блистательного великолепия ресторана «Пол-аршина».

Лишь добежав до какого-то темного переулка, он вспомнил: только что на выходе из ресторана в ужасе пронзительно завопили напуганные им близняшки-лилипутки. Он прислонился к стене, чтобы отдышаться, и бросил взгляд на яркие огни ресторана. Неоновая вывеска над входом сверкала разноцветьем огней, и косо падающие капли дождя становились то красными, то зелеными, то желтыми. До него дошло, что уже вечер, что скоро зима, что он стоит под холодным дождем, опершись спиной о склизкую каменную стену. «Только на кладбищах стены могут быть такими сырыми, — размышлял он. — В Цзюго меня и так постоянно преследует злой рок, а сегодня вечером я если и не вырвался из пасти смерти, то уж по крайней мере выбрался из логова тигра». В шелестящем ночном воздухе растворялись доносившиеся из ресторана звуки прекрасной музыки. Он прислушался, и душа его исполнилась грусти; из-под опущенных век выкатилось несколько жалких холодных слезинок. На миг он вообразил себя попавшим в беду принцем, но

не было благородной девицы, которая пришла бы на помощь. Воздух был сырой и холодный, по тому, как ныли руки и ноги, стало понятно, что температура упала ниже нуля. Погода в Цзюго стала вдруг безжалостной. Косые струйки дождя замерзали на лету и превращались в льдинки. Они падали на землю и разбивались на бесчисленные осколки, которые снова схватывались между собой, и на земле образовывалась ледяная корка. Ползущую вдали по ярко освещенному шоссе машину то и дело заносило. В голове, как давнишний сон, всплыло стадо бегущих по Ослиной улице черных ослов. «Неужели все это было на самом деле? Действительно ли существует эта чудная и странная шоферица? И был ли направлен в Цзюго в связи с делом о поедании младенцев следователь по имени Дин Гоуэр? Неужто я тот самый Дин Гоуэр и есть?» Он погладил стену рукой — ледяная. Топнул ногой — земля твердая. Кашлянул — и грудь пронзила боль. Звуки кашля разнеслись далеко вокруг и растаяли во мраке. «Видать, всё так и есть на самом деле», — решил он, не в силах избавиться от навалившейся на душу тяжести.

Полузастывшие капли дождя освежающе хлестали по щекам, словно коготки котенка,

царапающие зудящее место. Он чувствовал, что лицо горит, и вспомнил, как лупил себя, словно киношный негодяй. Щеки снова занемели, а потом их опять стало жечь. И тут перед глазами возникло свирепое лицо шоферицы. Оно раскачивалось из стороны в сторону, и он никак не мог избавиться от этого наваждения. Потом вместо свирепого лица появилось милое: оно тоже раскачивалось перед глазами, и его тоже было не прогнать. Потом шоферица представилась ему бок о бок с Юй Ичи, нахлынули злость и ревность, которые смешались и, как прокисшее вино, стали отравлять душу. Не совсем еще прояснившимся сознанием он понял: случилось самое скверное, что могло произойти, — он уже полюбил этого дьявола в женском обличье и теперь они связаны одной нитью.

Кулак раз за разом опускался на каменную стену кладбища — или это был мемориал памяти павших революционных борцов.

— Шлюха! Шлюха! — выводил он на все лады. — Шлюха вонючая! За юань из штанов выпрыгнет, шлюха поганая! — Из-за режущей боли в руке душевная боль утихла; он сжал другой кулак и с силой ударил в стену. А потом стал биться в нее лбом.

Луч яркого света выхватил его из темноты. Подступили двое полицейских из ночного патруля:

— Ты чем это занимаешься?

Медленно обернувшись, он прикрыл глаза рукой. Язык не ворочался, он понял, что не в состоянии говорить.

— Обыщи его.

— Чего его обыскивать! Псих какой-то.

— Чтобы не шуметь, понял?

— Двигай-ка домой. Будешь безобразничать — отведем в отделение!

Полицейские ушли, оставив его в непроглядном мраке. Было холодно и хотелось есть. Голова раскалывалась от боли. В темноте вернулось соображение, и вопросы полицейских заставили его вспомнить о своем славном прошлом. «Кто я такой? Я — Дин Гоуэр, известный следователь провинциальной прокуратуры. Дин Гоуэр мужчина не молодой, он уже повалялся на славу в любовных гнездышках и не должен сходить с ума из-за бабы, переспавшей с карликом».

— Дичь полная! — негромко пробормотал он, доставая носовой платок, чтобы остановить выступившую на лбу кровь. Потом сплюнул несколько раз кровавой слюной. — Если о том, что я выделывал сегодня, узнают на работе, у

братишек от смеха все передние зубы повыпадают. — Он похлопал по пояснице, убедился, что стальная хлопушка на месте, и на душе полегчало. «Вперед, надо найти гостиницу, перекусить, отдохнуть ночку, а завтра — за работу, не успокоюсь, пока не ухвачу всю эту шайку за хвост». Он приказал себе идти и не оглядываться, оставив позади ресторан «Пол-аршина» со всей его чертовщиной.

Следователь двинулся в темноту проулка, но не успел сделать и шага, как поскользнулся и упал, звонко стукнувшись затылком. Опершись руками о землю, почувствовал, какая она холодная и скользкая. Осторожно поднялся и, пошатываясь, побрел дальше. Дорога неровная, заледеневшая, идти невероятно трудно. В жизни по такой не ходил. Когда он нечаянно оглянулся, яркий свет огней ресторана резанул глаза и пронзил сердце. Словно сраженный пулей дикий зверь, он со стоном рухнул на землю, в мозгу заплясали синие искорки, кровь прилила к голове, и череп раздулся, как воздушный шарик, готовый в любую секунду лопнуть. Рот от боли раскрылся, и вырвавшийся из глотки вой со стуком покатился по булыжникам проулка, словно деревянное колесо повозки водовоза. Под воздействием этого звука

он непроизвольно покатился и сам. Он катился, чтобы догнать это колесо, откатывался, чтобы не попасть под него, при этом в деревянное колесо превратилось и его тело, слившись воедино с тем, другим. Он со стуком катился вместе с колесом, и мостовая, каменные стены, люди, строения — все вокруг вращалось, переворачивалось на триста шестьдесят градусов, и этому вращению не было конца. В поясницу упиралось что-то твердое, причиняя невыносимую боль. «Пистолет!» — вспомнил он. Когда он вытащил его, ощутив знакомые контуры рукоятки, сердце бешено забилось и перед глазами пронеслись славные дела прошлого. «Как ты мог опуститься до такого, Дин Гоуэр? Валяешься в грязи, словно пьяница, в кучу городского мусора превратился из-за какой-то бабы, переспавшей с карликом. Стоит ли она того? Конечно же нет! Давай, поднимайся, вставай на ноги, будь мужчиной!» Опершись руками, он встал. Страшно кружилась голова. Перед глазами вновь оказались огни ресторана «Пол-аршина», опять этот соблазн. Стоит глянуть на них, как в голове начинают плясать зеленые искорки и свет сознания гаснет. Он заставил себя не смотреть на эти гнусные огни: их свет олицетворял наркотики и похоть, чудовищные преступления,

притягательные, как огромный омут, где человек лишь малая травинка на берегу. Приставив дуло пистолета к бедру, он крутнул им, чтобы резкой болью разогнать мятущиеся мысли, и со стоном зашагал в темноту.

Погруженному во мрак проулку, казалось, не будет конца. Фонарей нет, лишь тусклый свет звезд обозначал каменные стены по сторонам. Снег с дождем падал в темноте все гуще, с таинственным и волнующим звуком. По этому звуку он догадался о кроющихся за каменными стенами бесчисленных зеленеющих соснах и изумрудных кипарисах, которые символизируют бесчисленных героев, отдавших когда-то свои жизни за этот городок. «Десятки тысяч героев отдали жизнь ради блага народа, так есть ли трудность, которую не преодолеть живым?» Когда он произнес про себя эту, чуть измененную, всем известную цитату[156], боль в душе подутихла. Огни ресторана скрылись за вставшими одно за другим зданиями, переполнявшие голову мысли заставили забыть о зажатом между каменными стенами проулке, время летело быстро, чернота ночи стремительно катилась вперед среди

[156] Примечания: 156
Цитата из Мао Цзэдуна.

хаоса звуков холодного дождя; таинственности погруженному в ночь городку добавлял глухой собачий лай — так, незаметно для себя, следователь выбрался с булыжной мостовой проулка и, подобно мотыльку, устремился к шипящему газовому фонарю.

В круге света от фонаря стояло коромысло продавца хуньтуня — супа с клецками. Угли в печурке отбрасывали золотистые отсветы, от потрескивающих дров отлетали горящие искорки, разносился аромат жареных бобов, и было слышно, как в котле побулькивают клецки, соблазняя запахом, перед которым невозможно устоять. Он даже не помнил, когда последний раз ел. Живот скрутило, оттуда донеслось громкое бурчание, ноги стали как резиновые и не держали, он весь передернулся, на лбу выступили капли пота, и он рухнул перед продавцом как подкошенный.

— Мне бы клецок, почтенный, — проговорил он, когда старик продавец поднимал его под руки.

Продавец усадил его на раскладной стульчик и поднес чашку супа. Взяв чашку и ложку и не чувствуя, горячий суп или холодный, следователь проглотил всё одним махом. Но чувство голода лишь усилилось. Он не ощутил сытости

даже после того, как съел четыре чашки подряд, но стоило ему наклониться, как одна клецка вылетела наружу.

— Еще поешь? — спросил старик.

— Нет. Сколько я должен?

— Да о чем разговор, — участливо глянул на него тот. — Коли при деньгах, давай четыре фэня[157]; коли нет — будем считать, что угощаю.

Это страшно задело самолюбие следователя, он представил, как достает из кармана банкноту в сто юаней, новенькую, хрустящую, с острыми как бритва краями, швыряет этому старику, смотрит на него свысока, поворачивается и уходит насвистывая. И этот свист, который будет рассекать беспредельный ночной простор, оставит глубокое, незабываемое впечатление. Но карманы были пусты. Вместе с клецками он проглотил и свою неловкость, и затруднительное положение. Клецки поднимались одна за другой из желудка, он их разжевывал и снова проглатывал. Теперь хоть ощущался их вкус. «Уже в жвачное животное превратился», — с грустью подумал он, помянув недобрым словом чешуйчатого дьяволенка, который стащил у

---

[157] Примечания: 157

Фэнь — одна сотая юаня, самая мелкая монета.

него кошелек, часы, зажигалку, документы и бритву. Вспомнился и щеголь Цзинь Ганцзуань, и своенравная шоферица, и знаменитый Юй Ичи. При мысли о последнем перед глазами тут же предстали пышные, упругие формы шоферицы, и в душе опять стал разгораться злобный зеленый огонь. Он спешно вырвал себя из этих опасных воспоминаний, чтобы разрешить неловкую ситуацию, в которой оказался, съев клецки и не имея возможности заплатить. Всего-то и надо четыре фэня, просто издевательство какое-то, словно нищий. Герой, нечего сказать: попал в переплет из-за пары грошей. Он вывернул карманы — ни монетки. Трусы и майка остались висеть на люстре в квартире шоферицы, откуда он выбежал как угорелый. Холодный ночной воздух пробирал до костей. Поняв, что другого выхода нет, он вытащил пистолет и тихонько положил его в белую керамическую чашку с голубыми цветочками. Пистолет сверкнул голубоватым стальным отливом.

— Почтенный, — начал он, — я следователь, из центра провинции прислали. Наткнулся тут на лихих людей, обнесли подчистую, лишь пистолет и остался. Только вот им и могу доказать, что я не из тех, кто шляется без дела и не платит за еду.

Старик торопливо согнулся в поклоне и, взяв чашку с пистолетом обеими руками, затараторил:

— Мил человек, мил человек, такая удача, что вы вышли на меня с моими клецками, заберите только эту вашу штуку, а то просто оторопь берет.

— Старик, — обратился к нему Дин Гоуэр, забрав пистолет, — ты спросил всего четыре фэня, значит, заранее знал, что у меня ни гроша. Понял это, но клецок все же сварил, хоть и без особого желания. Вот и у меня нет желания воспользоваться твоей промашкой. Оставлю тебе свое имя и адрес, чтобы ты смог найти меня, если туго придется. Ручка есть?

— Какая ручка у простого неграмотного продавца! Дорогой руководитель, уважаемый начальник, я как глянул, так сразу понял, что вы — важная персона, что прибыли тайно, вникать в положение простого народа. Не надо никакого имени и адреса, об одном прошу — позвольте мне уйти с миром.

— Какое тайно, к чертям собачьим! — горько усмехнулся Дин Гоуэр. — Дерьма кусок, а не вникать в положение простого народа! Во всем мире нет человека несчастнее меня. И что же, я,

получается, даром ел твои клецки? Давай так…

Он взял пистолет, вытащил обойму, вынул один золотистый патрон и протянул старику:

— Вот, возьми на память.

Тот замахал руками:

— Что вы, что вы, несколько чашек паршивых клецок, начальник, о чем тут говорить. Для меня счастье встретить вас, такого великодушного и справедливого, мне этого счастья хватит на три жизни, что вы, что вы…

Следователю хотелось, чтобы старик уже перестал трястись, он схватил его за руку и сунул ему патрон. Рука у того пылала жаром.

В этот момент за спиной раздался презрительный смешок, будто заухала сова с могильной плиты. От испуга он втянул голову в плечи, а по ноге опять потекла теплая струйка.

— Следователь, как же! — услышал он старческий голос. — Из тюрьмы сбежал, ясное дело!

Дрожа, он обернулся и увидел под большим платаном сухощавого старика в поношенной армейской шинели, с охотничьей двустволкой в руках и большую мохнатую собаку, полосатую, как тигр. Собака сидела, не шевелясь, этаким генералом, и глаза у нее сверкали, как два лазера. Ее следователь испугался еще больше, чем хозяина.

— Опять вам беспокойство доставил, почтенный Цю… — подобострастно проговорил торговец.

— Сколько раз предупреждал тебя, Четвертый Лю, не разводи здесь торговлю, а ты опять за свое!

— Почтенный Цю, никак не хотел вас прогневать, но что делать бедняку! Дочке надо за учебу платить, куда деваться… Я для детей в лепешку расшибусь… а в город боюсь сунуться, поймают еще, оштрафуют, потом этот штраф полмесяца не выплатишь…

— Эй, ты! — сурово качнул ружьем Цю. — Бросай сюда пистолет!

Дин Гоуэр безропотно бросил пистолет к его ногам.

— Руки подними! — последовала новая команда.

Дин Гоуэр медленно поднял руки. Тощий старик, которого продавец клецок величал почтенным Цю, одной рукой взял двустволку наперевес, освободив другую, — ноги согнуты в коленях, спина прямая, чтобы в любой момент можно было выстрелить, — и поднял полицейский «шестьдесят девятый».

— Видал виды пистолетик-то! — презрительно

заключил он, оглядев его со всех сторон.

— Разбираетесь в оружии, — не упустил возможности подмаслить Дин Гоуэр.

— Это ты верно говоришь, — расцвел старик и продолжал высоким и хриплым голосом с выразительной интонацией: — В свое время немало прошло через мои руки — стволов если не пятьдесят, то тридцать точно. И чешского производства, и ханьянские[158], и русские пистолеты-пулеметы, и «томми»[159], и девятизарядный винчестер… Это все длинноствольное. А из пистолетов — и немецкий маузер, и испанская полуавтоматическая «астра», японские восьмизарядники[160] и «куриные ноги»[161], браунинги, кольты, этот тоже. — Он подбросил пистолет Дин Гоуэра в воздух и, вытянув руку, поймал на лету проворным и точным, совсем не по возрасту, движением. Голова, сплюснутая у висков, маленькие глазки, крючковатый нос, ни бровей, ни усов, ни боро-

---

[158] Примечания: 158
То есть оружие производства Ханьянского завода в Ухане.

[159] Примечания: 159
Американский пистолет-пулемет Томпсона.

[160] Примечания: 160
Японский револьвер образца 1914 г.

[161] Примечания: 161
Японский «карманный» пистолет для штабных офицеров.

ды. Изрезанное морщинами, черное от загара лицо походило на ствол обгоревшего в печи дерева. — Девичья игрушка этот твой пистолет! — презрительно заявил он.

— Точность стрельбы у него ничего, — равнодушно проговорил следователь.

Старик снова осмотрел пистолет и авторитетно заявил:

— Метров с десяти еще куда ни шло, а свыше десяти — ни на что не годится.

— А вы, уважаемый, свое дело знаете.

Старик сунул пистолет Дин Гоуэра за пояс и хмыкнул.

— Почтенный Цю — старый революционер, — подал голос старик продавец. — Он у нас в Цзюго приглядывает за мемориалом павших борцов.

— Неудивительно!

— А ты чем занимаешься? — спросил старый революционер.

— Я — следователь провинциальной прокуратуры.

— Документы предъяви.

— Украли их у меня.

— По мне, так ты беглый преступник!

— Похож, но это не так.

— А чем докажешь?

— Можешь позвонить секретарю вашего горкома, мэру, начальнику полиции, прокурору города и спросить, знают ли они следователя по особым поручениям по имени Дин Гоуэр.

— Следователя по особым поручениям? — хихикнул старый революционер. — Такого работничка, как ты, держат следователем по особым поручениям?

— Я пал от руки женщины, — произнес Дин Гоуэр.

Вообще-то он хотел сыронизировать над собой и никак не ожидал, что эти слова отзовутся резкой сердечной болью. Сам того не желая, он рухнул на колени перед продавцом клецок и стал окровавленными кулаками колотить по окровавленной голове, пронзительно вопя:

— Я пал от руки женщины, пал от руки переспавшей с карликом женщины…

Подошедший старый революционер ткнул его в затылок холодным дулом и громко скомандовал:

— А ну вставай давай!

Дин Гоуэр стал подниматься, глядя полными слез глазами на его черную продолговатую голову — словно встретил старого друга из родных мест. Так может смотреть на начальника подчиненный, а еще вернее, блудный сын, вер-

нувшийся домой после долгих скитаний, — на отца. Расчувствовавшись, он обхватил ноги старика революционера:

— Я никчемный человек, уважаемый, я таки пал от руки этой женщины… — бормотал он всхлипывая.

Тот ухватил Дин Гоуэра за воротник, поставил на ноги и впился в него буравящим взглядом. Он смотрел столько, сколько нужно, чтобы выкурить полтрубки табаку. Потом плюнул, вытащил из-за пояса пистолет и швырнул ему под ноги. Повернулся и ни слова не говоря зашагал вразвалочку прочь. За ним так же безмолвно последовал огромный рыжий пес. На его шкуре жемчужинками посверкивали капли воды.

Продавец клецок положил блестящий желтоватый патрон рядом с пистолетом, торопливо нагрузил свое коромысло, погасил фонарь и, подхватив коромысло на плечо, тихо удалился.

Застывший во мраке Дин Гоуэр провожал глазами его тающий силуэт. Уличные фонари вдалеке поблескивали тусклыми блуждающими огнями. Теперь, в темноте, огромная крона платана над головой шелестела под мириадами дождевых капель гораздо громче. В полной растерянности он встал на ноги, но пистолет с патроном подобрать

не забыл. Было холодно и сыро, все кости ныли. Чужой в этом незнакомом городе, он чувствовал себя так, будто пришел его последний час.

В грозном взгляде старика революционера он прочел досаду от того, что, как говорится, железо не становится сталью, от несбывшихся ожиданий, и захотелось открыть ему душу. Какая сила смогла за такое короткое время превратить мужика, который, что называется, стальную проволоку глотал и пружинами нужду справлял, в поджавшего хвост паршивого пса? Неужели такое по плечу какой-то шоферице ничем не примечательной наружности? Нет, это абсолютно невозможно, да и не годится сваливать всё на женщину. Должно быть, здесь какая-то тайна, и этот суровый старик, что несет с собакой ночной дозор, наверняка знает, в чем причина. «С такой головой мудрости ему, видно, не занимать», — решил следователь и отправился на поиски старика.

Волоча одеревеневшие ноги, Дин Гоуэр двинулся в ту сторону, куда тот скрылся вместе с собакой. Где-то вдали по мосту грохотали ночные поезда, и от этого лязга ночь становилась сумрачнее и таинственнее. Дорога вела то вверх, то вниз, и с одного особенно высокого склона он

даже соскользнул на корточках. В свете уличного фонаря виднелась куча битых кирпичей, будто прихваченных инеем. Еще несколько шагов — и вот он уже у больших старых ворот. Фонарь на арке высвечивал стальную решетку и белую, покрытую лаком деревянную вывеску с большими красными иероглифами: «Мемориальное кладбище павших бойцов Цзюго». Он подскочил к воротам и ухватился за прутья решетки, как заключенный. Прутья липли к рукам, обдирая кожу с ладоней. К воротам с лаем метнулся большой рыжий пес, но следователь не отступил. Наконец послышался высокий, хриплый голос старика. Бешено прыгавший пес успокоился и завилял хвостом. Из темноты появился его хозяин. Двустволка через плечо и шинель с медными пуговицами придавали ему бравый вид.

— Ты что это задумал? — сурово спросил он.

— Уважаемый, я действительно следователь, командированный провинциальной прокуратурой, — шмыгая носом, проговорил Дин Гоуэр.

— А зачем прибыл?

— Расследовать очень важное дело.

— Какое такое важное дело?

— Дело некоторых потерявших человеческий облик руководителей Цзюго, которые поедают

младенцев!

— Да я их всех перестреляю! — рассвирепел старый революционер.

— Не серчайте, почтенный, позвольте войти, и я всё подробно расскажу.

Старик открыл небольшую калитку сбоку:

— Пролезай!

Дин Гоуэр заколебался, заметив на прутьях калитки клочки рыжей шерсти.

— Ну, заходишь или нет?

Согнувшись в три погибели, Дин Гоуэр проскользнул внутрь.

— Эх, дармоеды, вам ли с моим псом тягаться!

Вслед за стариком Дин Гоуэр вошел в сторожку слева у ворот. Вспомнилась дежурка на шахте Лошань, и перед глазами всплыла всклокоченная, как у собаки, шевелюра тамошнего охранника.

В комнатке горел яркий свет. Белоснежные стены, теплая лежанка. Перегородка шириной с лежанку отделяла ее от плиты, на которой стоял котелок. В плите весело пылал огонь, и в воздухе разносился запах сосновой смолы.

Старый революционер повесил ружье на стенку, бросил на лежанку шинель и, потирая руки, заявил:

— Топить дровами и спать на теплой лежан-

ке — моя привилегия. — Он глянул на Дин Гоуэра. — Я революции несколько десятков лет отдал, шрамов размером с кулак семь или восемь — как думаешь, заслужил я какие-нибудь привилегии?

— Заслужил, очень даже заслужил, — полусонным голосом подтвердил разморившийся в тепле Дин Гоуэр.

— А этот сучий потрох начальник отдела Юй всё требует, чтобы я перестал топить сосной и перешел на софору! Всю жизнь отдал революции, мне японцы полхера из пулемета отстрелили — ни детей теперь, ни внуков, — так неужто с кого убудет, если я сожгу немного сосновых дров? Восемьдесят уже, много ли сосны я пожгу за то время, что мне осталось? А я тебе вот что скажу: да пусть сам небесный правитель сюда явится, и он мне жечь сосну не помешает! — Старик расходился все больше и больше. Он размахивал руками, в уголках губ выступила слюна. — О чем это ты давеча говорил? Младенцев едят? Людей! Ах зверье! Кто такие? Всех завтра пойду перестреляю! А потом сообщу, поставлю перед фактом. Ну будет еще одно взыскание — невелика беда. Я за свои годы не одну сотню положил, на всяком отребье специализировался: предатели, контрреволюционеры, японские захватчики. А теперь

вот положу еще несколько зверей-людоедов на старости лет!

Все тело Дин Гоуэра страшно зудело. От одежды шел пар с сильным духом въевшейся грязи.

— Вот это дело я сейчас и расследую, — отозвался он.

— Какое расследование, к чертям собачьим! — гремел старик. — Выволочь, расстрелять — и дело с концом! Чего тут расследовать!

— Сейчас, почтенный, эпоха оздоровления законности и правопорядка. Как можно взять и расстрелять кого-то, если нет неопровержимых доказательств?

— Ну тогда живо отправляйся расследовать, какого рожна ты здесь расселся? Где твоя классовая сознательность? Где трудовой энтузиазм? Враги людей едят, а он тут у огонька греется! Да ты, я погляжу, троцкист! Буржуазный элемент! Прихвостень империалистический!

Старый революционер продолжал крыть его на все корки, и у Дин Гоуэра дремоту как рукой сняло и заклокотало в груди. С кривой усмешкой он стал стягивать с себя одежду, пока не остался в чем мать родила, лишь потрепанные туфли на ногах. Он присел на корточки перед печкой, поворошил огонь и добавил смолистых сосновых

поленьев. Белый ароматный дым лез в ноздри, и он с удовольствием чихнул. Разложив одежду на поленьях, он подвинул ее к огню сушиться. От нее разносилось шкворчание и вонь, словно от ослиной шкуры. Жар припекал, тело зачесалось еще сильнее. Он начал чесаться и тереть себя, испытывая даже приятные ощущения.

— Чесотку, что ли, подхватил, мать твою? — зыркнул на него старик. — У меня в свое время было такое — на сене поспал. Всем взводом чесались, все зудело. До крови тело скребли, а оно все одно — зудит и зудит, аж внутри чешется. Ну какие из нас вояки, без боя людей потеряли. И тут Ма Шань, замкомандира восьмого отделения, смекнул, как быть. Купил зеленого лука и чеснока, растер камнем в кашицу, добавил соли, уксуса и давай нас растирать. Щипало так, что кожа немела. Ощущение было, будто кобель когтями яйца чешет, приятно — не передать! Простое народное средство, а всё как рукой сняло. Меня, коли захвораю, за казенный счет лечить должны. Я голову готов был сложить за революцию, так что лечить меня положено за казенный счет…

В словах старого революционера, в этом повествовании о тяготах и лишениях революционных лет, Дин Гоуэр услышал нотки горечи и обиды.

Он хотел раскрыть старику душу, а в результате тот сам стал изливать свое недовольство. Разочарованный, следователь понял, что никто в этом мире правду найти не поможет. У каждого правда своя, и говори, не говори — сытый голодного не разумеет. Он встряхнул одежду, соскоблил засохшую грязь, обстучал и оделся. Горячая ткань обжигала кожу, он был на седьмом небе от блаженства. Но в то время как тело погружалось в приятную истому, душу все больше терзали невыразимые страдания. Перед глазами ясно и четко, как на картине, предстали милующиеся в постели голая шоферица и горбатый карлик с ногами колесом и цыплячьей грудью. Будто он когда-то подглядывал за ними в замочную скважину. И чем больше он думал об этом, тем ярче расцвечивалась картина. От тела шоферицы, золотистого, как у жирной самки вьюна, и покрытого влажной слизью, исходит слабый, но неприятный запах. Юй Ичи, весь в бородавках, как жаба, лапает ее всеми четырьмя когтистыми конечностями, в уголках рта у него пенится слюна, он приглушенно поквакивает… Сердце у Дин Гоуэра затрепетало, как лист на ветру, захотелось разодрать грудь, вырвать его и швырнуть ей в лицо… «Шлюха, шлюха, мерзкая шлюха!» И вот ему

ясно представляется развитие событий: величественный, словно мраморная статуя, следователь носком туфли распахивает кремовую дверь. Его взору открывается большая кровать — кроме нее, там ничего и нет, — на которой застыли шоферица с Юй Ичи. Тот жабой скатывается с кровати — все брюхо в отвратительных красных пятнах; он стоит в углу и трясется мелкой дрожью — цыплячья грудь, горб, как у верблюда, ноги то выворачиваются колесом, то сходятся в коленках, непомерно большая голова, побелевшие глаза, нос крючком, безгубый рот, редкие желтоватые зубы, черная впадина рта, из которого несет какой-то жуткой гнилью, большие, тонкие, как пленка с бобового молока, высохшие и подергивающиеся, почти полупрозрачные уши желтого цвета, черные руки, как передние конечности у орангутана — чуть не до полу, все тело покрыто густой шерстью, пальцы на ногах скрюченные, при этом их больше чем надо, да еще и черный детородный орган — как у осла.

— Как ты могла лечь в постель с таким уродом?! — не владея собой, вслух выкрикивает он.

— Что ты такое говоришь? — бормочет почтенный Цю. — Что ты, мать твою, сказал?

У большого рыжего пса вздыбилась шерсть на

загривке, он угрожающе залаял.

...Она испуганно вскрикивает и, пытаясь прикрыться, суетливо натягивает на себя одеяло — такое часто видишь в кино; она дрожит, и как раз в этот момент его взгляд падает на такую знакомую плоть... такую пышную... упругую... благоухающую... Сердце просто кровью обливается — какая трагедия! В глазах мерцают синеватые отблески, стальной синевой отливает окаменевшее лицо, презрительная усмешка, холодок по коже... Он достает пистолет, палец ложится на курок, изящное движение, легкий взмах, прицел — бабах! — звучит выстрел. Зеркало за спиной Юй Ичи разлетается вдребезги, сверкающие осколки со звоном рассыпаются по полу, карлик падает. Следователь прячет пистолет в кобуру, не говоря ни слова, выходит из комнаты — ни в коем случае не оборачиваться! — и уверенной поступью покидает ресторан «Пол-аршина». «Прости, прости меня!» — горестно взывает она, стоя на коленях и чуть прикрывшись одеялом, — не оборачиваться, ни в коем случае не оборачиваться! И вот он уже шагает по залитой солнцем улице в потоке людей, все смотрят на него — мужчины, женщины, старики, старухи, в их взглядах — почтительность и страх... Вон одна, похожа на мать как две

капли воды, в глазах слезы… «Дитятко, — лепечет она трясущимися старушечьими губами, — дитятко мое…» Девушка в длинном белоснежном платье — по плечам рассыпались золотые пряди — протискивается сквозь толпу, ее глаза под густыми загнутыми ресницами блестят от слез, грудь взволнованно вздымается; задыхаясь, она пробирается через людское море, которому нет конца, и зовет чарующим, полным мольбы голоском: «Дин Гоуэр! Дин Гоуэр!» — но Дин Гоуэр не оборачивается, не смотрит по сторонам, он уверенно идет, печатая шаг, — только вперед, навстречу солнцу, навстречу лучам зари — и в конце концов сливается с алым диском…

На плечо Дин Гоуэра легла тяжелая рука старого революционера. Слившийся в одно целое с солнечным диском следователь вздрогнул и далеко не сразу вышел из образа трагического героя: сердце неудержимо колотится, в глазах — слезы.

— Что за бес, мать его, в тебя вселился? — язвительно поинтересовался старик.

Торопливо вытерев глаза рукавом, следователь смущенно усмехнулся.

После столь бурного всплеска фантазии переполненная печалью грудь, казалось, пошла трещинами, голова тяжелая, в ушах гудит пче-

линый рой.

— А ты, видать, простуду схватил, кость собачья! — заключил старый революционер. — Глянька на себя: красный, как обезьянья задница!

Повернувшись, старик извлек откуда-то с кана белую керамическую бутылку с красной этикеткой и потряс ею:

— Сейчас я тебе эту простуду вылечу. Примешь — продезинфицируешься и всю заразу изведешь. Вино — это первейшее лекарство, от тысячи хворей помогает. В свое время я четыре раза переправлялся через реку Чишуй[162] и дважды проходил через городок Маотай. Из-за малярии пришлось отстать от своих, и схоронился я в винном погребе. На улице белые бандиты[163] палят почем зря, страшно, дрожу весь. Выпью-ка, думаю, для смелости! Буль-буль-буль — осушил три чашки в один присест. И не только успокоился, но и духом воспрянул, дрожать перестал. Схватил какую-то дубину, выскочил из подвала, свалил двух беляков, взял одну из винтовок и

---

[162] Примечания: 162

Один из эпизодов истории китайской Красной армии в 1935 г., во время Великого похода.

[163] Примечания: 163

Белые бандиты — так коммунисты называли противостоявших им националистов-гоминьдановцев.

добрался до армии Мао Цзэдуна. В те времена все пили «маотай» — и Мао Цзэдун, и Чжу Дэ, и Чжоу Эньлай, и Ван Цзясян[164]. У Мао Цзэдуна, как выпьет «маотай», в голове множество гениальных планов рождалось. От его горстки бойцов давно бы ничего не осталось, кабы не «маотай». Так что водка эта славно послужила делу китайской революции. Думаешь, с бухты-барахты она стала национальным напитком?[165] Именно в память об этом! Я всю жизнь отдал революции, и мне грех не выпить чуток «маотай». А этот сукин сын, начальник отдела Юй, норовит вместо «маотай» подсунуть мне какой-то «хунцзун лема», пропади он пропадом!

Старик налил водки в кружку с потрескавшейся эмалью и, запрокинув голову, сделал несколько добрых глотков.

— Теперь ты горло промочи. Чистая «маотай», от первой до последней капли. — Увидев в глазах Дин Гоуэра слезы, он презрительно скривился: — Робеешь, что ли, перед выпивкой? Только

---

[164] Примечания: 164

Чжу Дэ (1886–1976), *Чжоу Эньлай* (1898–1976), *Ван Цзясян* (1906–1974) — руководители Коммунистической партии Китая.

[165] Примечания: 165

«Маотай» подается на всех официальных торжествах и дипломатических встречах. Благодаря высокому спросу цена на эту водку остается стабильно высокой.

предатели и провокаторы пить боятся — опасаются, что, выпив, выболтают свои тайны. Разве ты предатель? Или провокатор? Нет. Чего тогда робеешь? — Он глотнул еще раз, и водка забулькала в горле. — А не будешь, так я и не обижусь! Думаешь, мне добыть немного «маотай» раз плюнуть? Зажимает меня этот троцкист, начальник отдела Юй, сил на него не хватает. Фениксу, что упал на землю, уж не подняться, и тигру на равнине с собаками не совладать!

Обволакивающий аромат водки возбудил у Дин Гоуэра желание, волной нахлынули эмоции — самое время выпить. Выхватив кружку из рук старого революционера, он приставил ее к губам, глубоко вдохнул и направил поток обжигающей жидкости прямо в желудок. Перед его взором распустилась целая череда розовых лотосов, и окружающую их дымку пронзил несущий понимание свет. Это был свет «маотай», суть «маотай». За долю секунды мир вокруг него — небо, земля, деревья, сверкающий нетронутой белизной снег на вершинах Гималаев — стал невероятно красив.

Ухмыльнувшись, старый революционер взял у него из рук кружку и налил снова. Водка с бульканьем лилась из горлышка, в ушах зазвенело, а

рот наполнился слюной. Лицо старика светилось неописуемой добротой. Дин Гоуэр протянул руку и услышал свой голос:

— Дай сюда, хочу еще.

Старик ловко, как молодой, увернулся:

— Больше не дам, не просто она мне достается.

— Ну немного-то дай! — проревел следователь. — Еще хочу. Разохотил меня, а теперь жмешься?

Старик поднес кружку ко рту и жадно отхлебнул глоток. Взбешенный следователь вцепился в кружку, но старик крепко держал ее за ручку, лишь зубы царапнули по керамике и холодная водка плеснула на руку. Пока следователь с растущей яростью продолжал борьбу за кружку, ему вспомнился болевой прием: удар согнутым коленом в пах противника. Старый революционер охнул, кружка оказалась в руках следователя, и он нетерпеливо вылил в себя все, что в ней оставалось. Хотелось еще, и он стал оглядываться по сторонам в поисках бутылки. Она лежала на полу, словно павший в битве прекрасный юноша. Следователя охватило безутешное горе, будто это он случайно убил его. Вознамерившись наклониться и поднять эту белокожую бутылку с красным пояском — помочь встать этому юно-

ше, — он, непонятно почему, рухнул на колени. А красивый молодой человек откатился в угол, к стене, где поднялся и стал быстро расти, пока не вытянулся с метр — тут и остановился. «Ага, это дух вина стоит там у стены и с усмешкой смотрит на меня — дух «маотай». Следователь вскочил, рванулся, чтобы схватить его, и грохнулся головой об стену.

Голова приятно кружилась, но тут он почувствовал, как за волосы его ухватила большая ледяная рука. Чья рука, было ясно. От боли он приподнялся, чувствуя себя грудой скользких, спутанных, тошнотворно-вонючих свиных кишок, которые пытались распутать, и осознавая, что стоит старику ослабить хватку, и вся эта растекающаяся масса хлюпнется обратно на пол.

Голова повернулась вслед за движением руки — и перед ним предстало загорелое лицо старого революционера. Добрая улыбка сменилась каменным выражением, и по лицу старика можно было представить всю остроту классовых противоречий и классовой борьбы.

— Ах ты контра, сукин сын! Я ему выпить наливаю, а он мне ногой по яйцам! Да ты хуже собаки — та, выпив моего вина, хвостом бы хоть повиляла!

Старик буквально брызгал слюной, обжигая ему глаза, и следователь даже вскрикнул от боли. Тут на плечи ему легли огромные мощные лапы, а за горло прихватили собачьи зубы. Почувствовав на шее жесткую собачью шерсть, он невольно втянул голову в плечи, как черепаха в минуту опасности. Лицо обдало жарким дыханием, из собачьей пасти разило кислой тухлятиной. Он вдруг с ужасом снова ощутил себя кучей свиных кишок. А ведь собаки с хлюпаньем пожирают их, подобно тому как дети втягивают в себя лапшу. Он вскрикнул в панике, и в глазах потемнело.

Через какое-то время — много ли, мало прошло — в глазах следователя, считавшего, что пес ослепил его, снова забрезжил свет. Свет пробивался, как солнце сквозь тучи, а потом — раз! — и взору четко предстало все происходящее в сторожке. Устроившись под лампой, старик революционер чистил двустволку. Он был погружен в это занятие, делал всё добросовестно и педантично — так отец моет своего единственного ребенка. Огромный полосатый пес мирно растянулся у огня, положив морду на охапку сосновых дров и задумчиво уставившись на пляшущие в печи золотые искорки, — ну просто университетский профессор философии. О чем он, интересно,

думает? Поза этого размышляющего пса просто завораживала. Пес не отрываясь смотрел на огонь в печи, следователь не отрываясь смотрел на пса, и постепенно картина, сложившаяся в мозгу собаки, — в жизни не видел ничего подобного! — стала со всей четкостью проявляться в его собственном мозгу: столь необычная, глубоко волнующая сердце и к тому же сопровождаемая тихой музыкой, подобной плывущим в небе облакам. Это было так трогательно, что в носу засвербило, он будто потерял дар речи — как от удара кулаком, и по щекам неудержимо заструились ручейки горячих слез.

— Ну ты даешь, приятель! — зыркнул на него старик. — Вот уж посеяли злодея рыкающего, а пожинаем слизняка хныкающего.

Вытерев слезы рукавом, следователь с обидой произнес:

— Почтеннейший, я пал от руки женщины…

Покосившись на него, старик революционер набросил шинель, закинул за плечо двустволку и обратился к собаке:

— Пошли на обход, псина, пусть себе хныкает здесь это барахло никудышное.

Пес неторопливо поднялся, бросил на следователя полный сострадания взгляд и потрусил за

стариком к выходу. Деревянная дверь на стальной пружине с шумом захлопнулась, впустив порыв сырого и холодного ночного ветра. Следователя бросило в дрожь, охватило чувство одиночества и страха.

— Подождите! — вырвалось у него. Он открыл дверь и бросился вдогонку.

В свете фонаря на воротах их фигуры казались смутными тенями. По-прежнему шел холодный дождь, но сейчас, в ночи, казалось, он участился, и звук его был более насыщенным, будто где-то ползли полчища мелких зверюшек. Старик шагал в глубину кладбища, в густой мрак. Вплотную за ним двигался пес, за псом тащился следователь. Поначалу при тусклом свете фонаря еще можно было различить подстриженные в форме пагод кипарисы, выстроившиеся по обеим сторонам узкой дорожки из каменных плиток, но через некоторое время всё вокруг поглотила кромешная тьма. Теперь он понял, что значит «ни зги не видно». Чем темнее становилось, тем звонче барабанили по веткам деревьев капли холодного дождя. От этих беспорядочных звуков душу объяло смятение. Присутствие старика-сторожа с псом чувствовалось лишь по запахам и шорохам, и он ощутил щемящее одиночество. С какой все

же огромной силой давит темнота, в буквальном смысле давит, просто в лепешку может раздавить человека. Охваченный страхом следователь чувствовал запах могил, сокрытых зеленью сосен и изумрудных кипарисов. Деревья походили на стоящих плечом к плечу здоровенных молодцов с черными от загара лицами и злобной усмешкой на губах, будто они замыслили недоброе; у их ног, на покрытых пожелтевшей травой могильных холмиках, восседали мохнатые души героев. Полностью протрезвев, он инстинктивно схватился за пистолет, ощутив при этом, что ладонь влажная от пота. В темноте послышался странный крик, мимо что-то пролетело, хлопая крыльями. Ясно, что птица, но какая? Сова, что ли? До него донесся кашель старика и лай собаки. Два этих звука из мира живых успокоили следователя, он тоже кашлянул, нарочито громко, и сам же ощутил, какой блеф этот его кашель. «Наверняка старик усмехнулся в темноте в мою сторону, — подумал он. — Даже эта похожая на мыслителя собака тоже, наверное, посмеивается надо мной».

Во тьме сверкнули зеленоватые огоньки, — и не знай он, что это собака, точно подумал бы, что волк. Не в силах сдержаться, он кашлянул

несколько раз подряд, и тут в лицо ударил луч фонарика. Закрыв глаза рукой, он открыл было рот, чтобы запротестовать, но луч сдвинулся в сторону и высветил белую каменную могильную плиту. Судя по всему, высеченные на плите большие иероглифы недавно выкрасили ярко-красным, и он даже содрогнулся от увиденного. Надпись прочитать не смог, потому что от красного цвета потемнело в глазах. Свет погас так же внезапно, как и вспыхнул, но перед глазами по-прежнему плясали разноцветные точки, и в мозгу все пламенело, как пылающие в печи сторожки сосновые дрова. Впереди тяжело дышал старик сторож, барабанная дробь дождя незаметно стихла, и вдруг где-то рядом раздался такой страшный грохот, словно рухнули горы и разверзлась земля. Он даже подпрыгнул. Было непонятно, что это за взрыв, да, собственно, его это не очень-то интересовало. Важно было лишь то, что с того самого момента, когда луч высветил могильную плиту павших героев, его вдруг захлестнула невероятная волна храбрости, а ревность, вызванная пристрастием к вину, порочная бесхребетность

«вдовьего вина»[166], метания и переживания вина любви полностью покинули его, став кислым потом и вонючей мочой. А он преобразился в водку — лихую, как горячий скакун в казацкой степи, стал коньяком — удалым, неудержимым, одновременно изящным и грубым, подобно испанскому тореадору — обожающему риск и острые ощущения весельчаку. Словно набив полный рот обжигающего красного перца, откусив зеленого лука, впившись зубами в сизую головку чеснока, разжевав кусок сухого имбиря или проглотив хорошую порцию черного молотого перца, следователь ощутил себя скворчащим на сильном огне маслом — нет, венком из свежих цветов; он воспрянул духом, уподобившись перышку петуха на краю бокала с коктейлем, и, достав свой пистолет с прелестными, как бутылка «цюаньсин дацюй»[167], формами, устремился вперед резкой и коварной, как низкосортная граппа, поступью, словно во мгновение ока вернулся в ресторан «Пол-аршина», открыл пинком белоснежную,

[166] Примечания: 166

«Вдовье вино» — выражение связано с историей поэтессы Чжо Вэньцзюнь, юной вдовы, которая вместе с Сыма Сянжу (см. примеч., с. 277) зарабатывала на жизнь, торгуя вином.

[167] Примечания: 167

«Цюаньсин дацюй» — известная марка водки, производится в г. Чэнду, пров. Сычуань.

как яшма, дверь, нацелил пистолет на шоферицу и сидящего у нее на коленях карлика и — бах! бах! — разнес им головы. Все это было похоже на воздействие знаменитого на весь мир «даоцзю»[168]: крепкое, со сладковато-терпким вкусом, оно разливается по глотке и желудку, словно острый меч, разрубающий гордиев узел.

[168] Примечания: 168
«Даоцзю» — досл. «вино-меч».

2

Брат Идоу!

Твое письмо и рассказ «Урок кулинарного искусства» получил.

Что касается посещения Цзюго, я предварительно уже поговорил с начальством. Отпускать особенно не хотят, ведь я военный. К тому же я недавно получил майора (на две звезды меньше, зато добавилась одна планка, но три звезды с планкой в придачу выглядели бы круче, так что не могу сказать, что очень доволен). Теперь приходится и жить, и столоваться, и заниматься строевой подготовкой вместе с другими бойцами роты, чтобы писать рассказы или «литературу репортажа», которые отражали бы жизнь военных нового времени. Ехать куда-то для сбора литературного материала не очень удобно в смысле документов, хотя последние годы Цзюго бурно развивается и находится в центре внимания. Отказываться от поездки я не собираюсь, буду стараться дальше изо

всех сил, благовидных поводов более чем достаточно.

Первый фестиваль Обезьяньего вина в Цзюго обещает стать событием интересным. Надеюсь, когда придет его время, в разгар веселья среди обилия винных паров в рядах шатающихся приверженцев пития с тяжелой головой и ослабевшими ногами можно будет увидеть и мою упитанную фигуру.

В романе, над которым я сейчас работаю, подошел к самому трудному месту. Этот скользкий тип, следователь по особо важным делам, совсем от рук отбился. Даже не знаю, то ли дать ему застрелиться, то ли пусть упьется вусмерть. В предыдущей главе он у меня уже напился. А так как от мук творчества никуда не деться, я взял и напился сам. Но не возрадовался и не воспарил, подобно небожителю, а вот адских пределов насмотрелся по горло. Хорошего там мало.

Твое произведение «Урок кулинарного искусства» прочел за вечер (перечитывал не один раз). Чем дальше, тем меньше

понимаю, что сказать о твоей писанине. Если и вынужден буду что-то сказать, возможно, повторюсь: единого стиля как не было, так и нет, – шарахаешься из стороны в сторону, чувства меры никакого… ну и так далее. Поэтому уж лучше промолчу, чем снова повторять избитые истины. Однако просьбу твою выполню и зайду в «Гражданскую литературу»: если Чжоу Бао на месте не окажется, оставлю рукопись у него на столе и напишу записку. Получится опубликовать или нет – это уж как повезет. Но опыт подсказывает, что опубликовать этот рассказ будет непросто. Хоть мы с тобой ни разу не виделись, все же стали добрыми друзьями, поэтому говорю как есть.

Уверен, рано или поздно ты сможешь писать на достаточно высоком уровне, соответствующем критериям отбора рукописей в «Гражданской литературе». Это вопрос времени, поэтому не следует впадать в уныние.

Всего ты прислал уже шесть рукописей, в том числе «Герой в пол-аршина». Если получится поехать в Цзюго, зайду в

«Гражданскую литературу», заберу их и привезу. Посылать по почте небезопасно да и хлопотно. Всякий раз после того, как схожу на почту отправить что-нибудь, несколько дней не могу успокоиться. Эти работники за окошками все время сидят с такими лицами, будто хотят выследить шпиона или обнаружить бомбу. Смотрят так, будто у тебя в пакете контрреволюционные агитки.

Не найдешь «Записи о необычайных делах в Цзюго», да и ладно. За последние несколько лет таких странных и нелепых книг столько повыходило! И по большей части – чушь, не имеющая никакой ценности.

Желаю творческих успехов.

Мо Янь

3

Наставник Мо Янь, здравствуйте!

Узнав, что Вы надеетесь приехать в Цзюго, радуюсь как сумасшедший. Ученик ждет Вашего приезда, как «смотрят на звезды, смотрят на луну, а ждут лишь, когда из далеких гор взойдет солнце»[169]*. У меня несколько одноклассников работают в горкоме партии и в городской управе (и не на простой работе – чиновничьи шапки у них не сказать чтобы большие, но не такие уж и маленькие). Так что, если нужно приглашение или отношение от той или иной организации, могу обратиться к ним, тут же сделают. Начальники в Китае очень уважают документы с печатями, думаю, армейские – не исключение.*

Что касается рассказов, я действительно расстроен. Больше того, я в некоторой претензии к почтенным Чжоу

---

[169] Примечания: 169

Цитата из «образцовой революционной» оперы «Взятие хитростью горы Вэйхушань». В 1968 г. по ней снят фильм-балет.

Бао и Ли Сяобао. Сидят, понимаешь ли, на таком количестве моих рукописей – и ни единого письма в ответ, ну никакого уважения. Конечно, люди они очень занятые, и если бы отвечали на письма каждого непрофессионального автора, у них не оставалось бы времени ни на что другое. Я это прекрасно понимаю, но душа все равно пылает негодованием. Не зря ведь говорят: «Не смотри на монаха, смотри на Будду». Плохо ли, хорошо ли написано, ведь как писателя меня рекомендуете Вы! Я, конечно, понимаю, что это порочный подход, который не на пользу развитию литературы, но тем не менее приложу все силы, чтобы преодолеть эти настроения. Я из тех, кто не сдастся, пока не доберется до Хуанхэ, кто не считает себя мужчиной, пока не дойдет до Великой стены. Буду продолжать писать, несмотря на любые трудности.

В академии у нас все как один заняты подготовкой к фестивалю Обезьяньего вина. Мне на факультете дали задание использовать часть хранящейся у нас лекарственной настойки как основу для

одного ароматного вина, которое будут продавать во время фестиваля. Если получится, светит солидное денежное вознаграждение, а это для меня очень важно. Но разве могу я ради денег бросить писать? Нет, я намерен писать и дальше, затрачивая одну десятую часть энергии на переработку настойки, а остальные девять – на творчество.

Посылаю свое последнее сочинение, которое называется «Ласточкины гнезда», и прошу Вас, учитель, составить о нем мнение. Проанализировал свое раннее творчество и пришел к выводу, что трудности с публикацией моих произведений, возможно, связаны с тем, что они затрагивают общественные проблемы. Так вот, в «Ласточкиных гнездах» этот недостаток скорректирован. Рассказ далек как от политики, так и от столицы. Если не удастся опубликовать и его, значит, даже Небо отвернулось от меня.

Почтительно желаю покоя!

Ваш ученик Ли Идоу

4. «Ласточкины гнезда»

Почему моя теща по-прежнему красива и не стареет, будто открыла секрет вечной молодости, почему в шестьдесят с лишним у нее высокая грудь и пышные бедра, как у молодухи? Почему у нее плоский живот, похожий на упругий стальной лист, и никаких наслоений жира? Почему лицо без единого изъяна, как луна в середине осени, прекрасное, как весенние цветы на рассвете, ни морщинки в уголках глаз? Почему зубы такие белоснежные, не шатаются и не выпадают? Почему кожа гладкая и нежная, как великолепная яшма? Почему губы алые, сочные, а рот благоухает ароматом жареного мяса — так и хочется ее поцеловать? Почему она никогда не болеет, почему у нее нет никаких проявлений климакса?

Может, мне, как зятю, не пристало допускать такие вольности, но я убежденный материалист и как таковой не ведаю страха и что нужно сказать — скажу. А сказать хочу вот что: хоть моей теще за шестьдесят, но, если бы позволял закон и было бы желание, она вполне могла бы нарожать мне целую дюжину детей. Почему теща так редко пускает газы, а если такое и случается, то вокруг

разносится аромат жареных каштанов в сахаре? Ведь в животе любой красавицы полно дурных запахов, и красота лишь маска. Почему же теща не только прекрасна снаружи, но и ароматна внутри? Все эти вопросительные знаки рыболовными крючками вонзаются в мою плоть, и я страшно мучаюсь, будто пойманная рыба фугу[170]. Несомненно это набило оскомину и вам, уважаемые читатели. Вы, наверное, рассуждаете так: во дает этот тип Ли Идоу — нахваливает собственную тещу, как на аукционе! Дорогие друзья, я тещу с аукциона не продаю, я ее изучаю. Согласно статистике, человеческое общество стареет, и если мое исследование поможет женщинам продлить молодость, оно будет иметь очень важное значение и принесет человечеству большую пользу, а возможно, и огромную прибыль, поэтому, даже если теща разгневается на меня, я не отступлю.

Теща родилась в семье сборщиков ласточкиных гнезд, и поначалу я считал, что главным образом именно благодаря этому она ассоциируется у меня с восхитительным ароматом шерри «олоросо», с его ровным и насыщенным цветом, изысканным тонким букетом и мягким вкусом, — именно

[170] Примечания: 170

Выловленная фугу раздувается и становится похожей на утыканный иголками шар.

с этим шерри, который можно долго хранить и который с годами становится только лучше, а вовсе не с самогонкой, что гонят в деревне из высушенных стеблей батата, — с этой мутной, обжигающей рот кислятиной, от которой спазмы берут за горло: хватанешь — и ни жив ни мертв.

Как принято теперь в художественных произведениях, могу сказать, что история наша вот-вот начнется. Но перед тем как приступить к повествованию, которое имеет отношение и ко мне, и к вам, уважаемые читатели, позвольте минуты три посвятить специальному информативному введению, чтобы облегчить вам дальнейший процесс чтения. Пишу с тем расчетом, чтобы на его прочтение ушло минуты полторы, а за оставшиеся полторы минуты можно было обдумать прочитанное. И пусть кто-то, черт бы их побрал, посмеивается, заявляя, мол, лисица смекает — тигра смех разбирает, небу забота град насылать, а бабе — мужа искать. Пусть помрет со смеху несколько сот миллионов — всё меньше забот по планированию рождаемости, и теща тогда сможет в полной мере использовать свой организм, старый, да удалый, чтобы нарожать мне малышей. «Хватит трепаться!», «Довольно, разболтался тут!» — слышу я ваши сердитые кри-

ки, вижу ваше нетерпение — ни дать ни взять «степная» — цаоюань байцзю[171], что производят во Внутренней Монголии. Какие же вы — ну прямо харбинская гаоляновка, которая аж захлестывает, как девятый вал: шестьдесят градусов, ох и забориста!

Саланганы (Collocalia restita) — род птиц подотряда стрижей. Длина тела около восемнадцати сантиметров. Оперение в верхней части тела черноватое или темно-бурое с синеватым отливом, в нижней — серовато-белое. Крылья узкие, довольно короткие, темно-красного цвета. Живут стаями, питаются насекомыми. Гнездятся в пещерах; гнезда строят самцы из застывающей слюны, которую выделяют из слюнных желез.

Родина саланган — Таиланд, Филиппины, Индонезия, Малайзия. В Китае они встречаются только на необитаемых островках прибрежных провинций Гуандун и Фуцзянь. Каждый год в начале июня саланганы строят гнезда и откладывают яйца. Перед этим, после спаривания, когда самец и самка порхают друг за другом и кувыркаются в воздухе, самец припадает к каменной стене и начинает мотать головой, выделяя слюну,

---

[171] Примечания: 171

Цаоюань байцзю — монгольская водка, по крепости достигает 75 градусов, народное название «мэньдаолюй» (досл. «свалит с ног осла»).

как гусеницы шелкопряда — шелковую нить. Нити прозрачной клейкой слюны крепятся к стене и застывают, образуя гнездо. По наблюдениям исследователей, во время постройки гнезда самец не пьет и не ест. Это очень трудоемкий и мучительный процесс, требующий от птицы крайнего напряжения сил. Первое гнездо создается только лишь из слюны, оно не содержит примесей, белоснежное, прозрачное и отличается исключительно высоким качеством. Поэтому в народе его называют «белое гнездо» — бай янь — или «чиновничье гнездо» — гуань янь. Если человек заберет гнездо, птица может построить еще одно. Но слюны уже недостаточно, и ей приходится пускать в дело свои перышки. Выделение слюны требует значительных усилий, иногда в ней обнаруживают даже кровь, поэтому эти гнезда образуют более низкую по ценовому уровню группу, «гнезда с перьями» — мао янь — или «гнезда с кровью» — сюэ янь. Если салангану лишить и такого гнезда, она в состоянии построить и третье. Строительным материалом в этом случае в основном служат водоросли, слюны уже слишком мало, и пищевой ценности такое гнездо не имеет.

Когда я впервые увидел тещу, она с серебряной

иглой в руках придирчиво выискивала в ласточкином гнезде, промытом в содовом растворе, примеси — кровяные потеки, перышки и водоросли. Теперь мне ясно, что это было «гнездо с кровью». Надув губы, как рассерженный маленький утконос, она ворчала:

— Только гляньте, ласточкино гнездо называется! Перья одни. Просто воронье гнездо какое-то.

— Ну стоит ли так расстраиваться, — откликнулся на слова жены мой руководитель профессор Юань Шуанъюй. — В наши дни всё вокруг фальшивка, даже саланганы этому научились. По-моему, через десять тысяч лет, если человечество еще будет существовать, саланганы и из собачьего дерьма научатся гнезда делать, — заключил он, отхлебнув глоток им самим специально созданной смеси — в вине ощущался элегантный, благородный букет орхидей.

Держа в руках это большущее гнездо, она в растерянности смотрела на мужа, на моего будущего тестя, и руки у нее дрожали.

— Честное слово, даже в голове не укладывается, как эта гадость, собачий мозг какой-то, может быть дороже золота. Неужто это штука такая загадочная, как про нее рассказывают? — И он смерил гнездо презрительным взглядом.

— Хоть бы в чем-то разбирался, кроме своего вина! — бросила она, чуть зардевшись, отшвырнула гнездо и умчалась, как маленький вихрь.

В тот вечер я пришел к ним в гости впервые. По словам жены, мать готовилась блеснуть мастерством, и я настолько не ожидал, что она отшвырнет гнездо и уйдет, что слегка растерялся.

— Не переживай, — успокоил меня старик, — вернется. Она в этих гнездах разбирается, как я в вине. На сегодняшний день — один из лучших экспертов в мире.

И действительно, прошло немного времени, и, как предсказывал тесть, теща вернулась. Она удалила с гнезда все примеси и сварила из него суп. Тесть и жена есть отказались. Тесть сказал, что от этого супа несет куриным дерьмом, а жена заявила, что он пахнет кровью, что в этом супе смешались корысть и жестокость, это свидетельство того, что человек — источник всякого зла. У жены сердце полно сострадания, она как раз подала заявку на вступление во Всемирную лигу защиты животных в Бонне.

— Сяо Ли[172], — обратилась ко мне теща, — не обращай внимания на этих дурней. Их милосер-

[172] Примечания: 172

«Сяо» перед фамилией используется при обращении к младшему по возрасту.

дие — чистое лицемерие. Конфуций говорил, что «благородный муж должен держаться подальше от кухни», но, садясь за стол, не отказывался от мясной подливки. Он не возражал, когда рис перебирали, а мясо мелко резали, и в качестве платы за обучение принимал от учеников по десять связок вяленого мяса. Не хотят — не надо, сами съедим, — продолжала теща. — Китайцы едят ласточкины гнезда уже тысячу лет. Это ценнейшее тонизирующее средство в мире. Внешне непривлекательно, но питательное очень. Способствует росту и развитию детей, помогает женщинам сохранять моложавость и привлекательность, а старики становятся долгожителями. Профессор Хэ Голи из Гонконгского китайского университета недавно обнаружил, что в ласточкиных гнездах есть вещество, защищающее от СПИДа и помогающее его излечивать. Вот если бы она, — теща указала в сторону моей жены, — ела суп из ласточкиных гнезд, то выглядела бы не так, как сейчас.

— Как бы я ни выглядела, все равно эту дрянь есть не буду, — фыркнула жена и уставилась на меня: — Ну что, вкусно?

Ни жену, ни тещу обижать не хотелось.

— Ну что я могу сказать… Как бы это получше

выразиться… — пробормотал я.

— Хитрюга, — заключила жена, а теща, подлив мне супа, вызывающе посмотрела на нее. — Вам кошмары будут сниться.

— Какие еще кошмары? — подняла бровь теща.

А жена продолжала:

— Стаи саланган будут клевать вас в затылок.

На что теща сказала:

— Ешь, ешь, Сяо Ли, не обращай внимания на то, что она несет. Вчера вон съела большого краба, но ведь не боится, что теперь крабы будут хватать ее клешнями за нос. — И продолжала: — В детстве я собирателей птичьих гнезд терпеть не могла. А как переехала в город, поняла, что нет причин их ненавидеть. Теперь ласточкиными гнездами лакомится все больше людей, потому что стало больше богатых. Но даже если ты при деньгах, это не гарантия, что тебе подадут первоклассное «чиновничье» гнездо, что это будет первосортный товар. Импортные таиландские гнезда, так называемые «сиамские подношения», идут на стол пекинским шишкам. Нам, жителям небольших городов типа Цзюго, достаются лишь такие «гнезда с кровью». А продают их по восемь тысяч юаней за кило, простым людям не по карману.

Все это теща говорила со всей серьезностью и не без бахвальства. Может, эти ласточкины гнезда и правда замечательные, но скажу честно: на вкус — жуткая гадость. По мне, так лучше жареной свининки навернуть.

Теща без устали продолжала просвещать меня насчет ласточкиных гнезд. Покончив с пищевой ценностью, она перешла к способам их приготовления, но это меня мало волновало. А вот рассказ о том, как собирают ласточкины гнезда, рассказ о ее семье, рассказ о ней вызвал немалый интерес.

Родилась она в потомственной семье собирателей ласточкиных гнезд. Еще в утробе матери она слышала горестные крики саланган, получала от них питательные вещества. Мать и так была любительница поесть, а во время беременности и подавно. Она часто подъедала ласточкины гнезда втайне от мужа и так поднаторела, что ни разу не попалась. По словам тещи, у ее матери с рождения зубы были крепче стали, так что она могла разжевать даже вязкие ласточкины гнезда. Целиком она их никогда не съедала — у мужа все было сосчитано, — а ловко откусывала по чуть-чуть снизу, там, где при сборе гнезд на них оставались срезы, и делала это аккуратнее, чем ножом. Подкусывала мать только первоклассные

«чиновничьи» гнезда, которые еще не прошли обработку и по своим питательным свойствам были самые полезные. В процессе приготовления любые деликатесы теряют большую часть полезных веществ. «Любой прогресс влечет какую-то потерю, — декларировала теща. — Люди придумали кулинарию на радость вкусовым рецепторам во рту, но утратили при этом дерзание и бесстрашие. Крепкое телосложение эскимосов, живущих за Северным полярным кругом, их способность переносить крайне низкие температуры, несомненно, связаны с тем, что они едят сырое тюленье мясо. Если они когда-либо овладеют сложным и изощренным кулинарным искусством китайцев, там они больше жить не смогут». Тещина мать тайно поедала в больших количествах необработанные ласточкины гнезда, поэтому ее дочь отличалась отменным здоровьем, у нее с рождения были черные как вороново крыло волосы, розовая кожа, она кричала громче любого младенца-мальчика, и уже при рождении во рту у нее красовалось четыре зуба. Отец тещи, человек суеверный, слышал от кого-то, что ребенок, родившийся с зубами во рту, приносит несчастье, поэтому он отнес дочку к морю и оставил в куче водорослей. Стояла сере-

дина зимы, и хотя страшных холодов в Гуандуне не бывает, декабрьскими ночами пробирает до костей. Теща сладко проспала всю ночь в этой куче и выжила, чем настолько растрогала отца, что он принес ее обратно в дом.

По словам тещи, матушка у нее была красавица, а у отца были мохнатые брови домиком, глубоко посаженные глаза, плоский нос, тонкие губы и козлиная бороденка на выступающем подбородке. Он изо дня в день карабкался по отвесным скалам и протискивался через расщелины, поэтому был худой и выглядел старше своего возраста, этакий мерзкий геккон. А ежедневно подъедавшая ласточкины гнезда мать получала столько полезных веществ, что казалось, надави на ее белоснежную кожу, и потечет молочко, как у лилии в июне. Теще был всего годик, когда мать сбежала с торговцем ласточкиными гнездами в Гонконг, и девочку растил отец. Он каждый день варил ей суп из ласточкиных гнезд, на них она и выросла. Моей женой теща была беременна в начале шестидесятых, время было трудное, ни одного гнезда она тогда не съела, поэтому жена и уродилась такой обезьяной. Дело можно было бы поправить, кабы жена ела ласточкины гнезда, но она отказывалась. На самом деле я

понимаю, что ничего не вышло бы даже при ее согласии. Управляющим Центра спецкулинарии Кулинарной академии теща стала сравнительно недавно, а достать ласточкино гнездо, не будучи управляющим, было не просто. Ласточкино гнездо невысокого качества, приготовленное для меня, она тоже добыла не совсем официально. По одному этому я понял, что очень понравился ей, даже больше, чем будущей жене. Я и женился-то отчасти потому, что отец жены был моим научным руководителем. И не разводился главным образом потому, что мне нравилась теща.

На супе из ласточкиных гнезд и на птенцах ласточки она выросла здоровой и сильной. В четыре года ее физическое и умственное развитие было уже как у десятилетнего ребенка. Теща была убеждена, что все это — заслуга саланган. В некотором смысле, считала она, ее вырастили самцы саланган и их драгоценная слюна, потому что четырех зубов, с которыми она родилась, боялась даже ее собственная мать и поэтому не кормила дочку грудью. «Тоже мне млекопитающее!» — негодовала теща и называла человека самым жестоким и бездушным существом, потому что кормить детей грудью отказываются только люди.

Семья тещи жила в затерянном уголке на побережье Южно-Китайского моря. Погожие дни девочка проводила на морском берегу, откуда виднелись очертания цепи зеленовато-серых островов, где в огромных скалистых пещерах собирали ласточкины гнезда. Большинство жителей деревушки зарабатывали на жизнь рыболовством, гнезда собирали лишь отец тещи и шестеро ее дядьев. Этим опасным, но очень выгодным делом их семья занималась из поколения в поколение; кому-то другому с этой работой было бы не справиться, даже если бы очень захотелось.

По рассказам тещи, отец и дядья были мужчины крепкие — ни капли жира, одно сплетение богатых протеином, похожих на витую пеньку багровых мускулов. Люди с такой мускулатурой ловчее и проворнее обезьян. Ее отец держал пару обезьян, и они, по ее словам, служили ему и дядьям учителями. Когда сезон сбора гнезд заканчивался, они жили на доход от предыдущего и занимались всесторонней подготовкой к следующему. Почти ежедневно они отправлялись с этими обезьянами в горы, заставляли их забираться на скалы и деревья и подражали их движениям. На Малайском полуострове

сборщики ласточкиных гнезд пытались научить обезьян своему ремеслу, но безуспешно. Нрав у обезьян переменчивый, и это сказывалось на результатах. Теща вспоминала, что отцу было уже за шестьдесят, а он был юркий, как ласточка, и проворно, по-обезьяньи, забирался по скользкому бамбуковому шесту. В общем, благодаря наследственности и профессиональным навыкам все в семье тещи были мастера карабкаться по скалам и лазать по деревьям. Но самого младшего дядю не дано было превзойти никому. Подобно верткому гекконе, без каких-либо приспособлений он мог забраться за гнездами на утес высотой в несколько десятков метров. Теща почти забыла, как выглядели остальные дядья, но вот самого младшего помнила отчетливо: облезающая кожа на всем теле, как чешуя, иссохшее лицо, а из глубоких глазниц светятся неуемной энергией огромные голубые глаза.

В семь лет теща впервые отправилась летом вместе с отцом и дядьями на острова за ласточкиными гнездами. У семьи была большая двухмачтовая лодка; ее сосновые борта, покрытые толстым слоем тунгового масла, пахли лесом. В тот день дул юго-восточный ветер, и на берег один за другим стремительно накатывались

волны прибоя. Под лучами солнца ярко сверкал белый песок. Ей часто снился потом этот слепящий свет, и она просыпалась от этого. Лежа в своей постели в Цзюго, она слышала плеск морских волн и ощущала их запах. Отец покуривал трубку и раздавал указания младшим братьям, которые грузили в лодку припасы, пресную воду, бамбуковые шесты. Наконец один из дядьев привел здоровенного буйвола с куском красного бархата на рогах. Вид у буйвола был устрашающий: налившиеся кровью глаза, на морде — белая пена. На отплывающую за ласточкиными гнездами лодку сбежалась посмотреть детвора из рыбацкой деревушки. Среди них было много тещиных товарищей по играм: Хай Янь — Морская Ласточка, Чао Шэн — Рожденный Прибоем, Хай Бао — Тюлень… Маленькому Хай Бао так не хотелось уходить, когда на утесе, на краю деревни, появилась старуха и стала звать его домой. «Янь Ни, поймаешь мне ласточку? — попросил он тещу. — Ты мне живую ласточку, а я тебе — стеклянный шарик». И, раскрыв на мгновение ладонь, показал зажатый в ней шарик. Я и понятия не имел, что у тещи такое чудесное детское имя — Янь Ни, Девочка-ласточка! С ума

сойти, как у жены Карла Маркса[173].

— Этот Хай Бао теперь командует военным округом, — вздохнула теща. В ее словах читалась неудовлетворенность жизнью, недовольство мужем.

— Подумаешь, командует военным округом, — вставила жена. — Вот мой папа — профессор вуза, специалист по виноделию, разве с ним сравнится какой-то военный!

Теща повернулась ко мне:

— Всегда выступает на стороне папочки против меня, — с обидой проговорила она.

— Комплекс Электры, — прокомментировал я. И почувствовал на себе злобный взгляд жены.

— В день отплытия за ласточкиными гнездами, — продолжала рассказ теща, — самым волнующим событием стала погрузка на борт буйвола…

Буйволы, они очень умные. Особенно не кастрированные. Он понял, зачем его привели, и как только приблизился к пристани, глаза у него налились кровью. Тяжело дыша, он упрямо мотал головой и упирался так, что дядя еле держался на ногах. Лодку и каменный оголовок пристани

---

[173] Примечания: 173

Имя жены Карла Маркса — Дженни — звучит по-китайски как Яньни.

соединял узкий наклонный трап, под которым плескалась мутная вода. Ступив передними ногами на край, буйвол не желал больше делать ни шагу. Дядя тянул за веревку изо всех сил, как вцепившийся в титьку ребенок; кольцо в ноздрях буйвола растянуло их так, что, казалось, они вот-вот порвутся. Боль наверняка была ужасная, но буйвол упорно не желал двигаться по трапу. Да и что такое ноздри, когда жизнь висит на волоске! На помощь прибежали другие дядья, но как они ни пытались затолкнуть буйвола на борт, справиться с ним так и не удалось. Больше того, бешено брыкаясь, он одному из дядьев покалечил копытом ногу.

Самый младший дядя выделялся среди братьев не только сноровкой, он и соображал лучше всех. Взяв веревку из рук старшего брата и что-то приговаривая, он повел буйвола вдоль берега. На песке оставались следы — его и буйвола. Потом он скинул рубашку, набросил буйволу на голову и в одиночку привел его к трапу. Когда буйвол шел по нему, трап выгнулся дугой, словно лук. Животное чувствовало опасность и ступало очень осторожно, как горные козлы в цирке, которых долго обучают ходить по канату. Как только буйвол взошел на борт, трап убрали, и наконец-то с

шелестом поднялись паруса. Младший дядя снял с морды буйвола рубашку. Тот весь затрясся, перебирая копытами, и издал леденящий душу рев. Постепенно земля скрылась из глаз, а затянутый легкой дымкой остров медленно приближался, этакий нефритовый чертог несравненной красоты.

Лодка бросила якорь в небольшой бухточке, и опять же младший дядя заставил буйвола сойти на берег. Все были серьезны, будто священнодействовали. Ступив на пустынный, заросший колючим кустарником остров, грозный буйвол стал покорнее овечки. Его налитые кровью глаза посветлели, и в них отразилась океанская лазурь, какой всегда были полны глаза младшего дяди.

Постепенно сгустились сумерки. Море отсвечивало багряными бликами, над островом с оглушающими криками кружили стаи птиц. Заночевали под открытым небом, и за всю ночь никто не произнес ни слова. На следующий день на рассвете, после завтрака, отец тещи скомандовал: «Ну, за дело!» — и началась таинственная и опасная работа по сбору ласточкиных гнезд.

На острове было множество мрачных пещер. У одной большой пещеры тещин отец устроил алтарь, сжег пачку жертвенных денег, отбил

несколько земных поклонов, а затем скомандовал: «Принести в жертву буйвола!» Подскочившие братья вшестером повалили буйвола на землю. Как ни странно, он не оказал никакого сопротивления. Правильнее было бы сказать, что его не повалили, а он сам улегся на каменистую землю. Огромная голова, увенчанная твердыми как сталь серебристо-зеленоватыми рогами, переходила в могучую шею, словно накрепко приваренная к ней. Его поза ясно показывала, что он по доброй воле позволяет принести себя в жертву духу пещеры. Теща тогда догадалась, что ласточкины гнезда — собственность этого духа и огромного буйвола отец с дядьями преподносят ему взамен. Если дух способен съесть целого буйвола, наверняка это свирепое чудовище. Даже подумать об этом было страшно. Повалив буйвола на землю, дядья быстро отошли в сторону. Отец вытащил из-за пояса небольшой сверкающий топорик и, взяв его двумя руками, направился к животному. Словно огромная ладонь сжала сердечко девочки. Оно то билось, то замирало, и казалось, уже никогда не забьется вновь. Отец что-то пробормотал, в его блестящих черных глазах затаился страх и неуверенность. Ей вдруг стало невыносимо больно и за отца,

и за буйвола. Они были такими жалкими — и этот тощий, похожий на обезьяну мужчина, и недвижно лежащий на камнях буйвол. Ни тому, кто взялся за топор, ни его жертве не хотелось, чтобы произошло неизбежное, но оба были под властью некой неодолимой силы. Девочка видела вход в пещеру — очень необычной формы, слышала доносившиеся оттуда странные звуки, чувствовала ее холодное дыхание, и ей вдруг пришло в голову, что оба — и отец, и буйвол — боятся духа скалистой пещеры. Буйвол лежал с закрытыми глазами, и кончики длинных ресниц опустились на нижнее веко ровной линией. В мокром уголке глаза возилась изумрудно-зеленая муха; она так надоела теще, что у нее у самой зачесался уголок глаза. Буйвол же не шевельнулся. Подойдя к нему, отец огляделся по сторонам, словно в растерянности. Что он хотел увидеть? На самом-то деле он не видел ничего, и то, что он поднял голову и огляделся по сторонам, свидетельствовало лишь о внутренней пустоте. Взяв топорик в левую руку, он поплевал на правую, потом перекинул в нее топорик и поплевал на левую. В конце концов он снова взялся за топорик обеими руками и расставил ноги, словно пытался придать себе уверенности. Затем глубоко вдохнул

и задержал дыхание. Лицо у него посинело, глаза выкатились, он высоко занес топорик и с силой опустил его. Теща слышала, как топорик тюкнул, вонзившись в голову буйвола. Отец выдохнул и стоял, еле держась на ногах, словно в нем что-то надломилось. Прошло немало времени, прежде чем он нагнулся и стал вытаскивать топорик. Буйвол издал глухой звук, несколько раз попытался поднять голову, но сухожилия на шее уже были перерублены, и это ему не удалось. Потом тело у него задергалось: очевидно, мозг уже не контролировал эти движения. Отец снова занес топорик и яростно рубанул еще раз. Рана на шее буйвола разверзлась. С каждым последующим ударом топор рассекал шею все глубже. Наконец фонтаном хлынула черная кровь, и ее запах достиг ноздрей тещи. Руки у отца были в крови, топорище выскальзывало, поэтому он то и дело вытирал их о траву. Кровь забрызгала ему и все лицо. Из перерубленной трахеи с бульканьем вырвались пузыри пены, и теща, схватившись за горло, отвернулась. Когда она снова рискнула глянуть на буйвола, голова у него была уже наконец отрублена. Отшвырнув топорик, отец поднял ее окровавленными руками за рога и понес к алтарю перед пещерой. Теща не могла

понять, почему глаза буйвола, закрытые перед смертью, теперь, на отрубленной голове, широко открыты. Они все так же были цвета морской лазури, и в них отражались силуэты находившихся рядом людей. Водрузив голову буйвола на алтарь, отец отступил на шаг, пробормотал несколько неразборчивых фраз, потом встал на колени и поклонился в сторону входа в пещеру. Дядья тоже преклонили колена на каменистой земле, отвешивая поклоны.

Обряд жертвоприношения закончился, отец с дядьями забрали свои приспособления и зашагали внутрь пещеры, а тещу оставили снаружи присматривать за лодкой и припасами. Пещера сокрыла их — без звука, без следа, как море канувший в него камень. Теща осталась наедине с таращившейся на нее головой буйвола и его тушей, из которой все лилась и лилась кровь, и ее объял ужас. Вокруг расстилались море и небо. Над островом кружило множество больших птиц, она даже названия их не знала. Из расщелины в скале вылезли несколько больших жирных крыс и, вереща, накинулись на тушу буйвола. Теща попыталась отогнать их, но эти твари, подскакивая аж на полметра, бросились на нее. Девочку ощутила на груди их когти и с криком кинулась

в пещеру.

Пробираясь в кромешном мраке, она с плачем звала отца и его братьев. И вдруг впереди стало светло — она увидела у себя над головой семь ярко пылающих факелов. В мертвый сезон отец сам делал такие факелы, окуная в смолу ветки деревьев — длиной около метра, довольно тонкие, чтобы их можно было держать зубами; факелов у него было заготовлено немало. Завидев свет, теща тут же перестала плакать, потому что от суровой атмосферы этого священнодействия в горле уже стоял ком. Она поняла, насколько ничтожны ее страхи по сравнению с той работой, которой занимались отец и дядья.

Пещера была огромная — метров шестьдесят в высоту и восемьдесят в ширину. Ее размеры теща уже потом пыталась восстановить в памяти по своим детским впечатлениям. Назвать с точностью длину пещеры она, конечно, не могла. Где-то журчала вода, звонко цокали падающие со сводов капли и веяло сыростью. Задрав голову, она посмотрела вверх, туда, где горели эти факелы. Огонь освещал лицо отца, лица дядьев, в том числе и самого младшего. В отсветах факелов его лицо обрело цвет и текстуру янтаря, завораживая своей необычностью. Эту поразительную

метаморфозу можно уподобить шампанскому «Вдова Клико» с его удивительно тонким букетом, глубоко проникающим в легкие, — аромат этот ни с чем не спутаешь. Держа в зубах потрескивающий факел и почти слившись со скалистой стеной, дядя тянулся ножом к посверкивающему молочно-белому наросту. Это и было ласточкино гнездо.

Вообще-то, когда теща вошла в пещеру, сердце у нее заколотилось и дыхание перехватило вовсе не от света смолистых факелов и не чудного лица младшего дяди, а от туч саланган, носившихся под сводами. Встревоженные птицы выпархивали из своих гнезд, но улетать не собирались. Они метались в пещере, словно рой ярких бабочек, щебеча на все лады, и от этих жалобных звуков кровь стыла в жилах. В их криках теще слышались горечь и гнев. Отец устроился на длинном зеленом бамбуковом шесте высоко у стены пещеры, где было больше десятка уже затвердевших гнезд. Задрав обмотанную белой тряпкой голову и раздувая черные впадины ноздрей на блестевшем, как рыльце молочного поросенка, лице, он потянулся ножом с белой ручкой, одним движением срезал гнездо, поймал его на лету и сунул в мешок у себя на поясе. Вниз

полетели и с негромким стуком упали к ногам тещи несколько небольших темных предметов. Наклонившись и пошарив вокруг, она нащупала разбившиеся яйца. Теще стало очень тяжело на душе. Плюс ко всему она ужасно переживала за отца, который, собирая гнезда на высоте в несколько десятков метров и полагаясь лишь на хлипкий бамбуковый шест, ставил под угрозу свою жизнь. Стаи ласточек одна за другой бросались на его факел, словно желая загасить его и защитить свое потомство. Но огонь заставлял их в последнюю минуту отступить. Когда казалось, что их отливавшие синевой крылья вот-вот коснутся огня, они стремительно уходили в сторону. Отец же не обращал на эти атаки никакого внимания. Даже когда ласточки били его крыльями по голове, взгляд его был устремлен только на гнезда. Уверенными и точными движениями он срезал их одно за другим.

Факелы уже догорали, и отец с дядьями соскользнули вниз по прислоненным к каменной стене бамбуковым шестам. Они зажгли новые факелы, выгрузили гнезда из поясных мешков и разложили их на белой тряпке. Обычно отец собирал гнезда только до тех пор, пока не догорал один факел. Младшие же братья продолжали

работать, так сказать, еще три смены. Отец внизу присматривал за гнездами, чтобы их не сожрали крысы, давая отдых своему теперь уже не такому сильному телу. Когда девочка появилась перед ними, все удивились и обрадовались. Отец стал отчитывать ее за то, что она самовольно вошла в пещеру, и она призналась, что там, снаружи, ей стало страшно одной. Как только она произнесла слово «страшно», отец вдруг резко переменился в лице. «Замолчи!» — зашипел он и влепил ей пощечину. Рука у него была липкая от ласточкиных гнезд. Лишь потом она узнала, что в пещере ни в коем случае нельзя произносить такие слова, как «упасть», «соскользнуть», «смерть», «страшно», иначе быть беде. Девочка расплакалась. «Не плачь, Янь Ни, — утешал ее младший дядя. — Обещаю, я поймаю тебе ласточку».

Они выкурили по трубке, обтерли поясными мешками потные тела и, взяв факелы, направились в глубь пещеры. «Раз уж ты здесь, — сказал отец, — стереги гнезда, а я еще пособираю». Они договорились, что каждый день работают по четыре смены факелов.

Зажав зубами факел, отец ушел. В пещере бежал ручеек, а в нем она заметила змей. Вокруг валялись гнилые бамбуковые шесты и лианы, а

на камнях толстым слоем лежал птичий помет. Она не отрывала глаз от младшего дяди: ведь он обещал поймать ласточку. Вскарабкавшись по нескольким бамбуковым шестам, он оказался на высоте более десяти метров. Нашел в скале трещину, куда можно было встать, подтянул шест и укрепил его в расщелине. Потом подтянул еще один, приладил наискось от первого, а третьим подпер первые два. Получилось нечто вроде подмостья, от одного вида которого аж дух захватывало. Младший дядя ступил на это шаткое сооружение, чтобы дотянуться до сталактита в форме гриба, облепленного большими белыми гнездами. Их было больше десятка. В других местах пещеры ласточки срывались со своих гнезд и испуганно носились в воздухе, в этих же гнездах птицы оставались спокойны. Возможно, они понимали, что их гнезда в полной безопасности. Из двух гнезд виднелись головы птенцов. Еще несколько ласточек висели на сталактите вниз головой и быстро двигали клювами, выделяя прозрачную светлую нить, из которой формировалось легкое, изящное гнездо. Они и не подозревали, что младший дядюшка, цепляясь пальцами за холодную и скользкую стену пещеры и упираясь в нее ногами, мало-помалу

продвигается все ближе, подобно огромному геккону. Крепко уцепившись за камень всеми восемью коготками, саланганы старательно строили гнезда. Короткие клювики ловко, как челноки, сновали туда-сюда, и гнезда быстро увеличивались в размере. В природе очень редко можно наблюдать, как саланганы строят гнезда, и высокопоставленные чиновники понятия не имеют, какого труда это стоит ласточкам. Тем более им невдомек, насколько тяжел и опасен труд сборщиков гнезд, какой ценой они достаются.

Младший дядя висел на самом большом выступе этого грибообразного сталактита почти вниз головой. Просто уму непостижимо, как вообще можно было удержаться в таком положении. Пламя факела ярко полыхало у него где-то сбоку. Мешок для гнезд свешивался у него с пояса, подобно обтрепанному, намокшему флагу. Было понятно, что складывать срезанные гнезда в мешок ему не удастся. Отец уже соскользнул со стены и, задрав голову, с факелом в руке следил за младшим братом, жизнь которого в прямом смысле висела на волоске под сводом пещеры. Он уже приготовился подбирать срезанные гнезда.

По словам тещи, таких огромных гнезд она никогда больше не видела. Известно, что если

старые гнезда уцелели, ласточки на следующий год инстинктивно как бы надстраивают их, и они могут быть величиной с соломенную шляпу. Неповрежденные гнезда состоят из чистой слюны, без каких-либо примесей, то есть качество у них самое высокое.

Младший дядя протянул руку с острым трехгранным ножом. Его тело пугающе вытянулось, словно змея. С кончиков волос у него падали сверкающие капли пота. Нож почти касался края гигантского гнезда — вот он уже коснулся его… да, коснулся! Дядя стал водить ножом туда-сюда у основания гнезда. Пот с него просто лился. Вылетевшие из гнезда ласточки с необычайной смелостью раз за разом отчаянно бросались ему в лицо. Гнездо держалось на камне крепко, ему было много лет, казалось, оно срослось со скалой. Поэтому задача младшего дяди была очень непростой: он должен был не мешкая продолжать свое дело, не обращая внимания на яростно нападающих птиц, которые вынуждали его зажмуриться.

Казалось, сто лет прошло, пока это громадное гнездо наконец съехало вбок. Еще усилие — и слитком белого золота оно упадет вниз.

«Ну, давай, дядя, еще чуть-чуть!» — невольно вырвалось тогда у тещи. И тут же он нырнул всем

телом вперед, гнездо оторвалось от стены и стало падать, медленно переворачиваясь и планируя. Прошло немало времени, прежде чем оно упало у ног тещи и ее отца. Вслед за гнездом упал и младший дядя — несмотря на все его уникальные способности. Да, он мог упасть с высоты более десяти метров и не повредиться. Но на этот раз было слишком высоко, и положение у него было не то. Ласточкино гнездо обрызгали его разлетевшиеся мозги. Дядин факел еще горел, его загасил протекавший в пещере крошечный ручеек.

Спустя пять лет после смерти младшего дяди разбился и тещин отец. Но гибель родных не останавливала сборщиков гнезд. Продолжить дело отца теща не могла, а оставаться на иждивении у дядьев не хотела. И как-то жарким летним днем она сделала первый шаг на пути к самостоятельной жизни, унося на спине огромное гнездо, окропленное дядиной кровью. Было ей тогда четырнадцать лет.

Видимо, ей не суждено было стать известным специалистом по приготовлению ласточкиных гнезд. Всякий раз, когда она чистила их иголкой от примесей, перед глазами вставали терзающие сердце и волнующие душу картины. Каждое гнездо она готовила с безграничным уважением

и тщанием, зная, какие за этим кроются мучения, кровь и слезы — и людей, и ласточек. Так она и приобрела бесценный опыт приготовления ласточкиных гнезд. Но связь между гнездами и человеческими мозгами не давала ей покоя. Избавилась она от всех этих переживаний лишь после того, как в Цзюго достигли необычайных высот в кулинарии — стали готовить «мясных» детей.

— В девяностые годы спрос на ласточкины гнезда в материковом Китае резко возрос, — с глубокой озабоченностью сообщила теща, — а промысел этот на юге страны почти сошел на нет. Теперь сборщики гнезд берут с собой в пещеры современные гидравлические подъемники и автономные источники электроэнергии. Люди могут легко, без какой-либо опасности для себя не только срезать гнезда, но и убивать при этом ласточек. По сути дела, в Китае ласточкиных гнезд уже не осталось и собирать больше нечего. Поэтому, чтобы удовлетворить имеющиеся потребности, приходится в огромных количествах ввозить гнезда из стран Юго-Восточной Азии. Цены взлетели просто фантастически. В Гонконге гнезда стоят две с половиной тысячи американских долларов за килограмм, и цена продолжает

расти. Это вызвало настоящую лихорадку среди сборщиков в других странах. В свое время отец с братьями собирали гнезда лишь раз в год. А в Таиланде их теперь собирают четыре раза в год. Пройдет еще лет двадцать, и дети уже не будут знать, что это за блюдо такое, — заключила она, доедая свой суп.

— Вообще-то и сегодня суп из ласточкиных гнезд пробовали не более тысячи китайских детей, — возразил я. — Есть эта штука или нет — народу абсолютно все равно. Так стоит ли переживать!

Глава восьмая

1

Уважаемый брат Идоу!

Твой рассказ и письмо получил.

«Ласточкины гнезда» заставили меня призадуматься. Когда я был маленьким, отец рассказывал, что на столе у богачей бывают такие деликатесы, как верблюжье копыто, медвежья лапа, мозг обезьяны, ласточкины гнезда, и тому подобное. Верблюда я видел, и не сомневаюсь, что его большие, мясистые копыта неплохи на вкус, хотя есть их не приходилось. Правда, в детстве довелось отведать лошадиное копыто. Его принес домой старший брат, тайком отрезав у павшей лошади, была у них в производственной бригаде. Ни о каком прославленном шеф-поваре речь, конечно, не шла, мать просто долго разваривала его в подсоленной воде. Мяса получилось немного, но бульон был – не передать! До сих пор помню. Когда встречаемся с братьями дома на Новый год, всегда вспоминаем о нем, его восхитительный вкус будто и

сейчас на языке. То был тысяча девятьсот шестидесятый год, самое трудное время[174]*, поэтому такое событие забыть невозможно. Ну а что касается медвежьей лапы, то пару лет назад один промышленник пригласил меня на обед, и когда внесли последнее блюдо – на тарелке лежало что-то абсолютно черное, – он с важным видом объявил: «Медвежья лапа, только что прямо из Хэйлунцзяна*[175] *доставили». Заинтригованный, я тут же подцепил палочками кусочек, отправил в рот и стал неторопливо жевать, пытаясь понять вкус. Это было что-то вязкое и клейкое, без особого аромата, но и не противное, вроде вареных свиных ножек. Подумал я так про себя, а вслух не переставал нахваливать – какой, мол, чудесный вкус. Хозяин попробовал сам и заявил, что набухло не так, как надо. А потом стал костерить шеф-повара. Я*

---

[174] Примечания: 174

В 1959–1961 гг. в Китае свирепствовал голод, вызванный неурожаем, засухой, а также последствиями политики «большого скачка», призванной резко увеличить объем промышленного производства.

[175] Примечания: 175

Хэйлунцзян — провинция на севере Китая.

понятия не имел, что значит «набухло», но спрашивать было неудобно. Потом, в Пекине, поинтересовался у приятеля, работавшего в ресторане, что надо понимать под этим «набухло». Тот сказал, что я ел сушеную медвежью лапу, а ее сначала надо замочить. Если лапа свежак, этого не требуется, но и ее готовить – дело непростое. Нужно выкопать в земле ямку, насыпать извести, положить в нее лапу, известью же укрыть сверху и спрыскивать теплой водой, пока не начнется реакция с выделением тепла, – только так можно удалить с лапы жесткие волоски. По его словам, для приготовления медвежьей лапы нужно время и терпение: чем дольше она тушится, тем вкуснее. А это значит, что, если планируешь подать ее на ужин, готовить нужно начинать на рассвете. В общем, хлопот не оберешься. Помню, отец рассказывал, что зимой медведи не едят и, чтобы заглушить чувство голода, лижут лапу, поэтому она так и ценится. По-моему, это ерунда. Или взять блюдо «мозг обезьяны». Я думал, это действительно мозг обезьяны. Но

потом мне сказали, что это древесные грибы[176] *такие. Саму эту штуку я не ел, а вот желудочные пилюли из грибов с таким названием принимал, и немало. А недавно в поезде познакомился со специалистом с фармацевтической фабрики. Та поведала, как производят эти пилюли в таком огромном количестве. К «мозгу обезьяны» примешивают другие древесные грибы и еще добавляют обычные, сушеные. Я был поражен: вот уж не думал, что и с лекарствами так химичат. Если даже перед подделкой лекарств не останавливаются, то что вообще осталось настоящего? И наконец, что хочу сказать об этих ужасных ласточкиных гнездах. Я никогда их не видел и не ел. В романе «Сон в красном тереме», помню, при приступах чахотки Линь Дайюй то и дело ест суп из ласточкиных гнезд, так что, надо полагать, штука неплохая, но простому человеку не по карману. Но что это настолько дорого, и в голову не приходило. Можно полжизни горбатиться,*

[176] Примечания: 176

«Мозг обезьяны» — одно из названий гриба ежевика.

и на несколько цзиней не заработаешь. После твоего рассказа ни за что не стану есть ласточкины гнезда: во-первых, потому что дорого, а во-вторых, потому что с ними связано столько жестокости. Я не из лицемерных противников добычи ласточкиных гнезд, но как вспомнишь, что они строят их слюной и кровью, сразу становится не по себе. Моя позиция примерно та же, что и у этой жены из твоего рассказа. Сомневаюсь, что ласточкины гнезда обладают какими-то невероятными свойствами, о которых твердит теща. В Гонконге они очень популярны, но посмотри, кто там ходит по улицам: каждый встречный – коротышка с заострившейся мордочкой и впалыми щеками. Мы, шаньдунцы, едим картофельные оладьи с зеленым луком, так ведь и ростом вымахиваем будь здоров, и красавиц на улицах, может, не толпы, но одну-другую встретишь где угодно. Отсюда вывод: пищевая ценность этих деликатесов и рядом не стояла с жареной картошкой. Ну не глупость ли – тратить столько денег, чтобы есть такую грязь?

А вот то, с какой жестокостью уничтожаются домики саланган, – это уже не просто глупость. За последние годы, а особенно после прочтения твоего рассказа, я понял: в том, что касается еды, мы, китайцы, превзошли даже самих себя. Стоит ли говорить, что большинство из тех, у кого есть возможность лакомиться чем-то экзотическим, платят за это не из своего кармана, в то время как простому народу в основном только и надо хоть чем-то живот набить. Мы живем во времена, когда вокруг высятся горы мяса и текут реки вина, и чиновники, которых ты описываешь в своих рассказах, уже превзошли по-дамски изнеженного сычуаньского помещика-деспота Лю Вэньцая[177]*, который ел исключительно перепонки от утиных лап. Такие вещи уже стали явлением обыденным. Несколько лет назад в газетах еще проскальзывали заметки на эту тему, но они никого не*

[177] Примечания: 177

Лю Вэньцай (1887–1949) — крупный помещик и милитарист из пров. Сычуань. Прославился самодурством и жестоким обращением с крестьянами. Заставлял молодых женщин поить его грудным молоком. Популярный пример «классовой борьбы».

волновали. Иногда карикатуры рисовали, а теперь даже этого нет.

Возвращаясь к нашей основной теме. С моей точки зрения, «Ласточкины гнезда» слишком политически окрашены. Считаю, тебе следует унять свое возмущение и переписать рассказ. На тему сбора ласточкиных гнезд, этого старого как мир и очень опасного занятия, окутанного тайнами и легендами, можно создать весьма привлекательную вещь. Но подчеркиваю: с начала и до конца нужно сосредоточиться именно на тайнах и легендах.

Что касается моей поездки в Цзюго, начальство, в общем-то, не возражает. Но до отъезда я должен непременно закончить черновой вариант романа, над которым сейчас работаю. Дату вашего первого фестиваля Обезьяньего вина держу в голове и надеюсь, что к этому времени управлюсь.

Твою рукопись возвращаю экспресс-почтой, с вручением. Прошу уведомить о получении.

Бойкого тебе пера!

Мо Янь

2

Наставник Мо Янь!

Письмо Ваше получил, рукопись, посланную экспресс-почтой с вручением, – тоже. Вообще-то совсем не обязательно было тратить столько денег, можно было послать простым заказным. Пришло бы на несколько дней позже, и ладно. Все равно я сейчас пишу вещь под названием «Винный небожитель» и править «Ласточкины гнезда» пока не собираюсь.

Сколько чувств всколыхнули в Вас мои «Ласточкины гнезда», наставник! Вы даже вспомнили о детских годах, когда ели вареное лошадиное копыто. Теперь, даже если рассказ никогда не опубликуют, он уже сам по себе достижение: не будь его, разве Вы написали бы такое длинное письмо!

Вы правы, полезность ласточкиных гнезд сильно преувеличена. Думаю, их можно охарактеризовать лишь как довольно богатый протеином птичий секрет. И у них, конечно, нет никаких

волшебных свойств, иначе пожирающие их по три-пять штук в день воистину стали бы бессмертными. Я пробовал суп из ласточкиных гнезд лишь однажды, как и написано в рассказе. Приедете в Цзюго – обязательно устрою, чтобы и Вы попробовали. Само-то блюдо – дело десятое, главное – будете знать, что это такое.

Ну а что касается переполняющего меня возмущения, то непременно постараюсь избавиться от этого. В нынешней ситуации, как ни трудно сдержать бушующие чувства, необходимо разобраться в содеянном. Каждый из нас ответствен за то, что общество так изменилось. Мне по долгу службы приходится пить знаменитые вина со всего мира. По дороговизне они не намного отличаются от ласточкиных гнезд, и, боюсь, народ точно так же в глаза их не видел. Например, французские «Жерве-Шамбертен» и «Романе-Конти», немецкие «Лэй» и «Доктор», итальянские «Барбареско», «Лакрима Кристи» и так далее. Каждое из них настоящее сокровище, без сомнения

вино богов, нектар. Приезжайте скорее, наставник. Чем другим Ваш ученик хвастаться не смеет, а уж опрокинуть по рюмочке знаменитых вин – этот знак уважения я смогу Вам выказать. Стесняться не надо – лучше мы выпьем, чем выхлещут эти продажные чиновники.

Очень много чего хочется сказать, но раз уж Вы все равно скоро будете в Цзюго, потерплю до личной встречи. Поднимем бокалы, глядя в глаза друг другу, и наговоримся досыта!

Посылаю свое новое произведение «Обезьянье вино» и жду Вашего критического отзыва. Изначально планировал объем побольше, но за последние дни так устал, что заканчивал уже кое-как. Прочтете – обратно не отсылайте. Просто захватите с собой, когда поедете в Цзюго. Денек отдохну, а потом начну писать еще один рассказ. А после этого буду править «Ласточкины гнезда».

Желаю творческих успехов.

Ваш ученик Ли Идоу

3. «Обезьянье вино»

Если «Юань цзю», «Обезьянье вино», записать другим иероглифом с таким же произношением, получится «вино Юаня». Кто его создал? Мой тесть, Юань Шуанъюй, профессор академии виноделия в Цзюго. Если назвать Цзюго сияющей жемчужиной на карте нашей великой Родины, то академия виноделия — жемчужина нашего Цзюго, а мой тесть — жемчужина нашей академии, самая яркая, самая блистательная. Я всю жизнь буду гордиться тем, что мне удалось стать учеником этого почтенного человека, а впоследствии и его зятем. Трудно даже сказать, сколько людей завидует моему везению и сколько ревнует меня. Я долго размышлял, как назвать этот рассказ — «Обезьянье вино» или «Вино Юаня»? Прикидывал и так и сяк, и все же остановился на «Обезьяньем вине». Хотя это и отдает фовизмом. У моего тестя энциклопедические знания и возвышенная натура. В поисках Обезьяньего вина он готов был отправиться в горы Байюаньлин и жить там среди обезьян, есть и спать под открытым небом, выносить любые трудности ради успеха задуманного им дела.

Чтобы непьющие читатели могли составить хотя бы какое-то представление о познаниях моего тестя, полагаю целесообразным привести обширные отрывки из лекций, конспекты которых тесть раздал нам несколько лет тому назад, когда читал курс «Происхождение вина».

В то время я был еще молодым пустоголовым студентом. Попал в этот храм виноделия из бедной крестьянской семьи, в винах ничего не смыслил. Когда тесть в белом костюме, с тростью в руке, величественно взошел на кафедру, я еще считал, что вино — это приправленная специями вода. Было интересно, что наплетет нам этот старикан. А он, еще не сказав ни слова, захихикал и, достав из внутреннего кармана небольшую бутылочку, вынул пробку, отпил глоток и почмокал губами: «Что я пью, коллеги?» — «Воду из-под крана», — послышался ответ. «Кипяченую воду», — поправил этого студента другой. «Прозрачную жидкость», — уточнил еще один голос. А кто-то сказал: «Вино». Я точно знал, что это вино — до меня доносился его аромат, — но вполголоса пробормотал: «Мочу». «Прекрасно! — хлопнул ладонью тесть. — Прошу встать того, кто сказал «вино». Поднялась девица с двумя длинными косами. Залившись

краской, она взглянула на тестя, потом опустила глаза и стала играть кончиком косы: привычное дело, в кино этому научилась. «Откуда вы знаете, что это вино?» — спросил тесть. «Запах уловила», — еле слышно проговорила та. «А такое острое обоняние у вас откуда?» — продолжал он. Девица покраснела еще пуще, все лицо у нее словно горело. «Ну так откуда же?» — не отставал тесть. «Я… последние несколько дней все запахи чувствую…» — еще тише произнесла девица. «А-а, понял! — Тесть хлопнул себя по лбу, словно на него снизошло озарение. — Садитесь!» Что он понял? Вы поняли? Я-то понял только потом, когда он объяснил, что у некоторых девушек при месячных обостряется обоняние и более активно работает воображение. Поэтому многие великие открытия в истории человечества тесно связаны с менструальным циклом. «А теперь прошу встать того, кто сказал «моча»!» — строго проговорил тесть. В ушах у меня зашумело, перед глазами заплясали разноцветные искорки, словно я получил палкой по голове. Вот уж не думал, что у старикана такой слух. «Вставайте, вставайте, не стесняйтесь!» — повторил он. Мое смущение уже привлекло взгляды всей группы и, конечно, той девицы с косами, у которой были

месячные. Ее звали Цзинь Маньли — типично шпионское имя[178]. О том, что было потом между нами, расскажу в другой раз. Впоследствии она тоже стала аспиранткой тестя. «Проклятие, всё мой язык вонючий, хуже чем дерьмо собачье, опять у меня из-за него неприятности. Эх, Ли Идоу, Ли Идоу, что тебе родители говорили, когда ты уезжал из дому? Меньше болтай, больше слушай, верно? А ты? Хоть пластырем рот заклеивай. Вот дятел — застревает клювом в щели на дереве и погибает — именно клюв его и подводит». Я встал, не смея и головы поднять. «Как тебя зовут?» — «Ли Идоу». — «А-а, ты у нас, оказывается, воплощенный дух вина: неудивительно, что у тебя такое богатое воображение». При этих словах вся группа так и покатилась со смеху. Подняв руки, он унял веселье, выпил еще глоток и причмокнул: «Садись, Ли Идоу. Честно говоря, ты мне очень понравился. Ты не такой, как все».

Я сел, вытаращив глаза, а тесть закрыл пробку, взболтал флакончик, высоко поднял его, любуясь пузырьками в потоке проникавших с улицы ярких солнечных лучей, и заговорил — четко и громко: «Дорогие коллеги, эта жидкость священ-

[178] Примечания: 178

Цюй Маньли, Ван Маньли — имена вражеских шпионок в патриотических фильмах 1960-х гг.

на, без нее человеку в жизни не обойтись. Сегодня, в эпоху реформ и открытости, она играет всё бóльшую роль, и можно без преувеличения сказать, что, не будь ее, все разговоры о возрождении Цзюго остались бы пустым звуком. Вино — это солнечный свет, это воздух, это кровь. Вино — это музыка, живопись, поэзия, танец. Винодел — это мастер, сочетающий в себе множество умений. Надеюсь, из вас вырастут мастера-виноделы, которые принесут славу своей стране, завоевав золотые медали на Всемирной выставке в Барселоне. Недавно я слышал, как кто-то с презрением отзывался о нашей профессии, утверждая, что виноделие — дело бесперспективное. Коллеги, могу сообщить вам, что если однажды земной шар разрушится, молекулы спирта по-прежнему будут витать во Вселенной!»

Под наши горячие аплодисменты тесть высоко поднял флакончик с торжественным, как при священнодействии, выражением лица, оно лучилось, как у киногероя. Мне стало стыдно: ну черт меня дернул обозвать эту достойнейшую жидкость мочой, пусть даже она рано или поздно в нее превращается.

«Происхождение этой священной жидкости до сих пор окутано тайной, — продолжал тесть. —

Несколько тысяч лет назад потоки вина слились, образовав Хуанхэ и Янцзы. Но источников нам найти не удается. Остается лишь строить гипотезы. При проведении спектрального анализа космического пространства астрономы нашей страны обнаружили в открытом космосе большое число молекул спирта. Недавно во время полета на космическом корабле американская астронавтка почуяла густой винный аромат, вызвавший у нее эйфорию, словно при легком опьянении. А теперь ответьте: откуда эти молекулы спирта? Откуда взялось благоухание, которое почуяла американская астронавтка? С другой планеты? Или, может быть, эти молекулы отсюда, из нашего Цзюго? Расправьте крылья воображения, коллеги!

Наши предки приписывали изобретение вина божествам, — продолжал тесть, — и сложили об этом немало красивых и волнующих историй. Пожалуйста, взгляните в розданные вам конспекты.

Древние египтяне считали, что вино изобрел Озирис, потому что он был владыкой царства мертвых, а вино можно было приносить в жертву во спасение душ предков, чтобы у них выросли крылья и они смогли достичь райских преде-

лов. Даже нам, живым, знакомо обретаемое при опьянении ощущение легкости, когда кажется, что вот-вот взлетишь. Следовательно, суть вина — в ощущении полета. Жители древней Месопотамии отдали лавры первого винодела Ною. Они верили, что Ной не только воссоздал род человеческий после потопа, но и принес в дар людям вино как средство избежать напастей. Они даже и место указывали, где Ной занимался виноделием.

У древних греков был бог вина — Дионис. Из всех богов Олимпа именно он символизирует бурное веселье, свободу от всяческих оков, воспарение вольного духа.

Религии, которые больше внимания уделяют духовности, объясняют происхождению вина иначе. Отношение к вину в буддизме и исламе резко отрицательное, оно источник всякого зла. В христианстве же вино почитается как кровь Христова, как проявление его стремления спасти мир. Выпив вина, христианин может уповать на единение с Богом, на тесную связь с ним. В христианстве к вину возвышенное отношение, оно отражает духовное единение с Богом, несмотря на то что вино материально. Позвольте, однако, предостеречь: тот, кто воспринимает вино как

субстанцию исключительно материальную, никогда не станет истинным мастером. Вино духовно, и напоминание об этом до сих пор сохранилось во многих языках. В английском крепкие напитки называются spirits, а во Франции вина с высоким содержанием алкоголя относятся к категории spiritueux. У этих слов общий корень — spirit, дух.

Но мы, в конце концов, материалисты и подчеркиваем, что вино духовно лишь потому, что благодаря ему душа расправляет крылья и воспаряет. Но, утомленная полетом, она возвращается на землю, и нам все-таки приходится разыскивать истоки вина в старинных рукописях. Это чрезвычайно увлекательное занятие. В Ведах, древнейших религиозно-философских текстах, упоминается алкогольный напиток под названием «сома» и еще один — «баома». И тот и другой использовались при жертвоприношениях. В Ветхом Завете многократно встречается «кислое вино» и «сладкое вино». В столь же древних китайских надписях на черепашьих панцирях есть запись: «Это вино для Да Цзя, для Дина», что означает предложение ритуального вина усопшим Да Цзя и Дину. Среди этих надписей встречается и иероглиф «чан»,

который в комментариях ханьского Бань Гу[179] к «Своду рассуждений из зала Белого Тигра» трактуется следующим образом: «Чан — напиток, соединяющий благоухание сотен трав». Чан — это прекрасное вино. Этот иероглиф значит то же, что и другой «чан», — «непринужденный», «приятный», «всласть», «неудержимый», «не стоящий на месте»; это «чан» из таких слов, как *чанда* — «свободный, доходчивый», *чанкуай* — «веселое и приятное расположение духа», *чансо юйянь* — «свободное выражение мнений», *чантун уцзу* — «беспрепятственно», *чансян* — «свободная мысль», *чаньинь* — «вволю выпить»... Вино — это сфера свободы. В других районах мира самым ранним из обнаруженных на сегодняшний день письменных свидетельств о вине является пробка от винной бутыли, найденная в Египте при раскопках древнего захоронения, с четко сохранившейся печатью винокурни фараона Рамзеса III, правившего в двенадцатом веке до нашей эры.

Позвольте привести еще несколько примеров письменных свидетельств об алкогольных напитках сравнительно ранних эпох. Это слово

---

[179] Примечания: 179

Бань Гу (32–92) — китайский историк и поэт, создатель жанра «династических историй».

«ли» в китайском языке, означающее «сладкое вино»; древнеиндийское «боджа» — напиток из жмыха; слово «боса» в языке одного из эфиопских племен, означающее напиток из ячменя; старогаэльское «сервисна», старонемецкое «пиор», древнескандинавское «эоло», древнесаксонское «бере» — так на этих языках называлось пиво. Кобылье молоко кочевники-скотоводы монгольских степей издавна называли «кумыс», а ассирийцы — «мацун». Мед древние греки называли «меликатон», древние римляне — «аква мусла», а кельты — «шушен». Древние скандинавы часто дарили мед на свадьбу, и выражение «медовый месяц» бытует во всем мире до сих пор. Подобные свидетельства имеются в письменной культуре самых разных древних цивилизаций, и привести их все просто невозможно».

Пространные цитаты из лекций тестя наверняка нагнали на вас ужасную скуку, поэтому прошу прощения. Для меня это тоже невероятная скукотища, но что делать, потерпите еще немного, скоро уже конец, все закончится.

«Письменные источники позволяют проследить историю вина начиная лишь с десятого века до нашей эры, и это не может не вызывать сожаления. Но то, что вино появилось гораздо раньше,

не подлежит сомнению. Достаточно подтверждений тому дают археологические находки. Керамический треножник для вина из Луншаня, прекрасные по форме сосуды для вина «цзунь» и «цзя» из Даханькоу, наскальные рисунки в пещере Альтамира в Испании отображают ритуалы, связанные с вином. Все это свидетельствует в пользу того, что история вина насчитывает более десяти тысяч лет.

Коллеги, — продолжал тесть, — вино — это органическое соединение, венец творения природы и может рождаться естественным образом. Вино получается в процессе преобразовании сахара в спирт под воздействием ферментов, с добавлением других веществ. В природе запасы сахаросодержащих растений неистощимы. Плоды растений с высоким содержанием сахара, такие как виноград, легко распадаются под воздействием ферментов. Если, предположим, в какой-нибудь влажной низинке соберется кучка виноградин, которые могут занести туда ветер, вода или птицы, то при наличии соответствующего количества воды и тепла ферменты в кожуре виноградин могут активизироваться, и виноградный сок превратится в прекрасное вино. У нас в стране издавна бытует выражение

«Обезьяны делают вино», а в древнем сочинении «Ночные беседы в Пэнлуне» написано: «В горах Хуаншань много обезьян. Весной и летом собирают плоды в углублениях камней, там выбраживает вино, аромат разносится на сотни шагов». В «Случайных заметках из Гуанси» из «Неофициального собрания разнообразных сведений династии Цин» говорится: «В Гуанси, в управе Пинлэ и в других в горах много обезьян. Собирают плоды и делают вино. Дровосеки находят углубления, в них до нескольких даней[180] вина. Вино, необычайно ароматное и приятное на вкус, называют «обезьяньим».

Если уж обезьяны способны собирать плоды и складывать их в углублениях камней, чтобы из них выбраживало вино, то наверняка это умели делать и предки человека. В письменных свидетельствах других стран тоже встречаются истории, подобные рассказам об обезьянах, делающих вино. Например, среди французских виноделов распространено такое поверье: птицы иногда собирают в гнезда фрукты, но по разным причинам не успевают склевать их, и со временем эти гнезда превращаются в емкости

---

[180] Примечания: 180
Дань — мера объема, 100 л.

для вина. Возможно, люди научились делать вино, наблюдая за птицами и животными. Вероятно, появление сахаросодержащих растений повлекло за собой естественное появление вина, поэтому мы и говорим, что аромат вина витал над землей задолго до человека.

Когда же вино стали делать люди? В первую очередь это зависит от того, когда было обнаружено существование природного вина. Не боявшиеся смерти или умиравшие от жажды пили вино из углублений камней и из птичьих гнезд. Отведав этого волшебного напитка и изведав наступавшее после этого веселье, люди уже специально отправлялись на поиски этих винохранилищ. После того как все вино было найдено и выпито, появилась мотивация к его изготовлению. За мотивацией последовала имитация: подобно обезьянам, люди стали складывать плоды в каменных углублениях. Далеко не все попытки были успешны: иногда плоды просто засыхали, а то и сгнивали. Люди не единожды оставляли попытки научиться у обезьян делать вино, но притягательная сила напитка все же подвигала их на смелые эксперименты. Они обрели опыт, и благодаря силам природы появилось плодовое вино. Преисполненные бурной радости, люди

плясали голышом вокруг костров в своих пещерах. Делать вино они учились тогда же, когда стали сажать растения и приручать животных. Когда кроме мяса и рыбы в основу их рациона вошли зерновые, они стали экспериментировать с брожением зерна. Возможно, люди пришли к этому случайно, а может быть, это было озарение свыше. Но когда в глиняном горшке сконденсировалась первая капля спирта, в истории человечества открылась новая, замечательная страница. Это стало началом блестящей цивилизации. Лекция закончена», — объявил тесть.

Он с бульканьем осушил свой флакончик с вином, причмокнул губами, потом почмокал еще, наконец сунул его во внутренний карман, взял папку под мышку, бросил на меня недобрый, многозначительный взгляд, поднял голову, выпятил грудь и, глядя только вперед, вышел из аудитории.

Через четыре года я закончил это отделение и стал аспирантом тестя. Моя работа на степень магистра «Латиноамериканская проза «магического реализма» и виноделие» удостоилась высокой похвалы тестя, защита прошла без сучка без задоринки, ее даже рекомендовали для публикации на первой полосе «Вестника акаде-

мии виноделия». После этого тесть и взял меня к себе в аспирантуру. Я занялся исследованием физического и химического аспектов эмоций винодела в процессе разработки вин и их влиянием на основные характеристики алкогольной продукции. Тесть одобрил эту тему, отметив новизну проблемы и признав ее очень важной и интересной. Перед написанием диссертации он предложил мне провести год в библиотеке, проработать соответствующую литературу, собрать материал, а потом уже без всякой спешки приступить к изложению темы.

Следуя указаниям тестя, я с головой погрузился в подбор материала в городской библиотеке Цзюго и однажды наткнулся на удивительную книгу под названием «Записи о необычайных делах в Цзюго». Одна история в ней вызвала у меня особый интерес. Порекомендовав тестю посмотреть эту книгу, я и представить не мог, настолько она заворожит его: он решил отправиться в горы Байюаньлин, чтобы жить там среди обезьян. Привожу текст целиком: хотите — читайте, хотите — пропустите.

В Цзюго жил некий Сунь Вэн, большой любитель вина. Выпить мог много, нескольку доу за

присест. Имел когда-то семью, десять цинов[181] плодородной земли, крытый черепицей дом в десять комнат, но все пропил. Жена, урожденная Лю, забрала детей и вышла замуж за другого. Нечесаный и немытый, бродил он по улицам и попрошайничал. Завидев покупающего вино, становился на колени и начинал отвешивать поклоны, до крови разбивая себе лоб. Являл собой жалкое зрелище. Однажды перед ним предстал старик с белой бородой, но юным лицом и сказал: «В сотне ли к юго-востоку лежит горный хребет, именем Байюаньлин. Он густо зарос лесом, в лесу живут обезьяны, которые делают вино в каменных выемках. Почему бы тебе без промедления не отправиться туда и наслаждаться вином, ведь это лучше, чем выпрашивать его здесь». Услыхав такие речи, Вэн поклонился старику в ноги и умчался без слов благодарности. Спустя три дня добрался до подножия гор. Глянув вверх, увидел лишь густые заросли деревьев — и никакой тропы. Поэтому стал продираться через заросли, цепляясь за лианы и ветви. Забрался в самую чащобу, где древние деревья высились до небес, закрывая солнце и свет дня, лозы сплетались с

[181] Примечания: 181
Цин — мера площади, равная 6,66 га.

лианами, и волнами доносились крики птиц. Вдруг перед ним появилось огромное животное — размером с быка, со взглядом, подобным молнии, и громоподобным рыком, от которого дрожали деревья и трепетали травы. Вэн страшно перепугался, бросился наутек и угодил в глубокую расщелину, где повис на верхушке дерева, уверенный, что настал его смертный час. Но в ноздри ударил аромат вина, он воспрянул духом, спустился с дерева и пошел на этот аромат. Кругом густо разрослись кустарники, благоухали необычные цветы, а ветви деревьев были усыпаны диковинными фруктами. Маленькая белая обезьяна сорвала гроздь красноватых плодов и убежала вприпрыжку. Вэн последовал за ней, и впереди вдруг открылась прогалина. Там лежал огромный валун в несколько десятков чи шириной с выемкой в чжан глубиной. Обезьяна швырнула плоды в выемку, и раздался звук, словно треснула глазурованная плитка. Пахнуло винным ароматом. Приблизившись, Вэн глянул в выемку и увидел, что она полна прекрасного вина. Появилась стая обезьян с большими листьями, похожими на круглые веера, и принялись черпать и пить вино. Через некоторое время стали пошатываться, скалить зубы, таращить

глаза — это выглядело очень забавно. Заметив Вэна, обезьяны пронзительно и злобно завопили и отступили на несколько чжанов. Не обращая на них внимания, он опустил голову в это углубление и стал втягивать в себя вино, как кит воду. Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову. Внутри все словно очистилось, во рту стоял дивный вкус, и казалось, он парит в воздухе подобно небожителю. Потом присоединился к опьяневшим обезьянам — подпрыгивал и громко кричал, и они быстро поладили. Так он остался у этого валуна, засыпал, когда уставал, принимался пить, когда просыпался, а иногда забавлялся с обезьянами. Был так весел, что и не думал возвращаться к людям. В деревне посчитали, что он умер, и рассказывали о нем истории, которые знали все дети. Прошел не один десяток лет, и один дровосек забрел далеко в горы. В лесной чаще ему повстречался седой старец с просветленным взором и в ясном уме. Дровосек принял его за горного духа и стал в испуге кланяться. Внимательно оглядев его, старец спросил: «Не Сань Сянь ли тебе имя?» — «Да, Сань Сянь», — подтвердил дровосек. «Я твой отец», — сказал Вэн, а это был он. В детстве дровосек слышал, что отец его — пьяница, человек недостойный и что он сгинул

в горах. И теперь, встретив его, был удивлен и смущен. Вэн рассказал о своих злоключениях, а в доказательство, чтобы рассеять сомнения сына, поведал о событиях в семье в давние времена. Дровосек признал в нем отца и стал просить вернуться в деревню, чтобы можно было о нем заботиться. Вэн лишь усмехнулся: «Есть ли у тебя целый пруд вина, чтобы я мог пить вволю?» Он попросил сына обождать и устремился в лес, ловко карабкаясь по лианам, как обезьяна. Вскоре он вернулся с большим коленцем бамбука, концы которого были заткнуты красными цветами, и передал сыну со словами: «В этом бамбуке — Обезьянье вино. Пей его и сможешь поправить здоровье, а лицо твое сохранит цвет юности». Вернувшись домой, сын вынул затычки и вылил содержимое бамбука в чан. Такой темно-синей, цвета индиго, благоуханной жидкости не знали в мире людей. Дровосек почитал старших, отнес этот напиток тестю, который, в свою очередь, преподнес его своему хозяину, помещику по имени Лю. Попробовав вино, тот был немало удивлен и спросил, откуда оно. Тесть поведал ему рассказ зятя. Лю доложил губернатору, и тот послал в горы несколько десятков человек на поиски чудесного напитка. Искали долго, но кругом была

лишь непроходимая чащоба и заросли колючих кустарников. Так и вернулись они ни с чем.

Дочитав этот документ, я понял, что наткнулся на редкое сокровище, быстро сделал копию в отделе обслуживания, принес в дом тестя и вручил ему. Было это три года назад, вечером. Тестя с тещей я застал за ужином, они ссорились. За окном бушевала гроза — сверкала молния и гремел гром. Длинные, как плети, голубые полоски молний то и дело возникали в оконном стекле, оставляя на нем коварные дрожащие отблески. Я потряс головой, чтобы стряхнуть капли воды. Я попал под град, и теперь ныла переносица и слезились глаза.

— Замужняя дочь что пролитая вода, — глянув на меня, сердито бросила теща. — Свои проблемы решай сам, здесь тебе не суд по гражданским делам.

Услышав эти слова, я понял, что тут какое-то недоразумение, и собрался было пуститься в объяснения, но вместо этого громко чихнул. У меня даже нос свело, а теща в это время угрюмо проворчала:

— Неужели и ты из тех, кому вино заменяет жену? Неужели…

Тогда я не понимал, что она имеет в виду, но

сейчас, конечно, понимаю. Тогда передо мной была лишь ворчливая женщина с раскрасневшимся лицом и сердцем, полным ненависти. Казалось, она обращалась ко мне, но взгляд ее — застывший и презрительный — был прикован к мужу. Я никогда не видел, чтобы она так на кого-то смотрела, и даже сейчас, когда вспоминаю об этом, по спине пробегает холодок.

Тесть чинно сидел за столом, сохраняя манеры университетского профессора. Под теплым светом лампы его седые волосы походили на тонкие нити шелкопряда, но в голубых отсветах молнии становились похожими на зеленоватую соевую лапшу. Он не обращал внимания на тещу и был весь сосредоточен на вине. Перед ним стояла бутылка «Вдовы Клико» — золотистая жидкость, подобная нежности теплой груди заморской девицы, и поднимающиеся вверх один за другим шипящие пузырьки походили на ее неразборчивый шепот. Прекрасный фруктовый букет, услаждающий душу и пробуждающий чувства, — чем глубже вдыхаешь его, тем дольше он остается с тобой. Поистине несравненное по прелести своей вино. Лицезреть такое вино гораздо приятнее, чем смотреть на обнаженное девичье тело, ее поцелуй не сравнится с его ароматом,

пригубить такое вино…

Одной рукой он ласково поглаживал зеленоватое, как яшма, бутылочное стекло, а другой поигрывал рюмкой на высокой ножке. Его длинные пальцы нежно, ласкающе обнимали рюмку и двигались по бутылке. Подняв рюмку на уровень глаз, чтобы яркий электрический свет высветил мягкий цвет жидкости, он полюбовался ею с неподдельным восхищением, к которому примешивалось нетерпение. Затем поднес рюмку к носу, втянул в себя аромат и задержал дыхание, приоткрыв от удовольствия рот. Потом чуть смочил кончик языка и губы, и его глаза сверкнули восторгом. Одним махом он осушил рюмку и, не дыша, подержал вино во рту, не глотая. Щеки у него округлились, а подбородок заострился. И тут я с удивлением заметил, что у него на лице совсем нет растительности, ни волоска. Лицо не мужчины. Он погонял вино во рту, что явно доставило ему ни с чем не сравнимое удовольствие. На щеках выступили красные пятна, напоминающие неровно наложенные румяна. То, как долго он держал вино во рту, не глотая, вызвало во мне почти физическое отвращение: словно вода в ушах заплескалась. От удара молнии за окном вся комната окрасилась в зеленое. Средь этого зеле-

ного дрожания он проглотил вино, и я видел, как оно пролилось у него в горло. Он облизнул губы, и глаза у него увлажнились, словно он только что плакал. Я видел и раньше, в аудитории, как он пьет вино, но в этом не было ничего особенного. Дома же он делал это с большим чувством, что казалось очень странным. Не знаю почему, но то, как тесть играл с рюмкой, как он наслаждался процессом пития, навело на мысль о мужчинах, которые занимаются однополой любовью. Сам я никогда не видел таких, но мне подумалось, что, оставшись вдвоем, они делают то же самое, что и тесть с бутылкой и рюмкой, и чувства испытывают точно такие же.

— Какая гадость! — Теща швырнула на стол палочки для еды, ни с того ни с сего выругалась, потом встала, прошла в спальню и закрыла за собой дверь, оставив меня в полном замешательстве. Тогда я не совсем понял, что вызвало у нее такое отвращение, но теперь-то знаю.

Настроение у тестя было испорчено. Он встал, опершись руками о край стола, и долго-долго, не двигаясь, смотрел на дверь спальни. Разочарование у него на лице быстро сменилось выражением боли, а затем и гнева. Разочарованность свою он сопроводил глубоким вздохом, закрыл бутыл-

ку пробкой и уселся на диван, обмякнув, словно лишенный плоти мешок костей. Мне вдруг стало очень жаль старика, захотелось утешить его, но я не знал, что сказать. Потом вспомнил о копии у себя в портфеле, вспомнил и о цели своего визита. Поспешно вытащив бумаги, передал ему. У меня так и не выработалось привычки называть его папой, и я всегда обращался к нему «учитель». Жена моя была категорически против, но сам он, к счастью, не возражал. По его мнению, для меня было гораздо естественнее и удобнее называть его учителем, а «папа», с которым зять обращается к тестю, считал тошнотворным лицемерием.

Я заварил чай, но вода была недостаточно горячей, и чаинки плавали на поверхности. Я знал, что чай ему неинтересен, как бы хорошо его ни заварили. Тем не менее в знак признательности он положил ладонь на крышку кружки, а потом отрешенно спросил:

— Опять повздорили? Ссорься, ссорься, продолжай в том же духе!

В этих словах чувствовалась горькая уверенность в том, что в семейных отношениях обоих поколений вряд ли можно что-то изменить. Крохотную гостиную окутала атмосфера печали.

Отдавая ему копию, я сказал:

— Учитель, я обнаружил сегодня в библиотеке вот этот документ, весьма интересно, взгляните.

Было видно, что ему совершенно нет дела ни до этого документа, ни до меня — стоящего в этой гостиной мужа его дочери. Скорее всего, он надеялся, что я уйду и он, рухнув на диван, сможет погрузиться в послевкусие от «Вдовы Клико». Не прогнал он меня только из вежливости и только из вежливости протянул, в конце концов, вялую, словно ослабевшую после чрезмерных любовных утех руку и взял у меня бумаги. Я попытался заинтересовать его:

— Учитель, это об обезьянах, которые делают вино. И обитают эти обезьяны недалеко от Цзюго, в горах Байюаньлин.

После этих слов он нехотя поднял мои листки и лениво пробежал глазами, напомнившими мне двух старых цикад, ползущих по ивовому листку. Останься он в таком состоянии, я был бы полностью разочарован. Это означало бы, что я совершенно его не понимаю. Но я его понимал. Я знал, что этот документ вызовет у него интерес и, возможно, возвеселит душу. Я хотел воодушевить его и вовсе не собирался ни о чем просить. Во мне росла уверенность, что глубоко в душе этого пожилого человека кроется маленький и

до смешного наивный зверек: гладкий переливающийся мех, крошечный ротик и большие уши, красная мордочка, короткие ножки, ни кошка, ни собака, — и я тянулся к этому зверьку, как к брату-близнецу. Конечно, эти чувства — полнейший вздор, ибо ни на чем не основаны. Как я и ожидал, глаза у него вдруг загорелись, расслабленное тело встрепенулось, по покрасневшим ушам и задрожавшим пальцам было видно, как он возбужден. Этот зверек будто выскочил из него, взвившись вверх на три чи, и начал скакать и скользить у него над головой по похожей на шелковую нить орбите. Я был просто счастлив, я был в восторге, радость была несусветная, настоящее ликование.

Он еще раз быстро просмотрел эти несколько листков и, закрыв глаза, стал бессознательно постукивать по ним пальцами. Потом открыл глаза и произнес:

— Я принял решение!

— Какое решение?

— Ты же со мной уже столько лет, неужели еще не догадался!

— У ученика нет таланта и знаний, чтобы постичь всю глубину замыслов учителя.

— Опять эти клише! — с грустью в голосе

воскликнул он. — Я хочу отправиться в горы Байюаньлин, чтобы найти Обезьянье вино.

Меня охватило необычайное возбуждение, и тут же я впал в беспокойство, почувствовав, что вскоре должно случиться то, чего я ждал так давно. Затхлая, как стоячая вода, жизнь скоро вздыбится огромной волной; тема бесконечных застольных разговоров вдруг зазвенит живой струной, взбудоражит весь город и весь Цзюго, вся академия виноделия и я сам целиком погрузимся в атмосферу сочетания литературы романтической и литературы простонародной. И все это — результат моей случайной находки в городской библиотеке. Тесть отправится в горы Байюаньлин на поиски Обезьяньего вина, а за ним, одна за другой, последуют группы людей, которые будут искать его самого. Но вслух я сказал только следующее:

— Учитель, вы же знаете, что подобные истории чаще всего оказываются измышлениями праздных литераторов. Их можно рассматривать лишь как фантазии и не стоит воспринимать всерьез.

Он уже поднялся с дивана и явно старался укрепиться духом, как воин, готовый устремиться на поле брани.

— Решение принято, так что хватит об этом.

— Учитель, это очень серьезное решение, не следует ли вам обсудить его с моей тещей?

Он холодно взглянул на меня:

— Она уже не имеет ко мне никакого отношения.

Словно отходя ко сну, он снял часы и очки и направился к входной двери, без тени колебания открыл ее и так же решительно захлопнул за собой. Нас разделяли только тонкие доски, но мы оказались в разных мирах. Когда он открыл дверь, вместе с влажным воздухом дождливого вечера в дом ворвались звуки ветра, дождя и грома, а когда дверь закрылась, они тут же стихли. Я недвижно стоял и слушал, как становится все тише, удаляясь, шарканье его домашних тапочек по песку. Вскоре не стало слышно и этого. С его уходом в гостиной образовалась зияющая пустота. И хотя посреди комнаты стоял я, высокий и здоровенный, было такое ощущение, что я не человек и значу даже меньше, чем бетонный столб. Все произошло так внезапно, словно привиделось. Но это была не иллюзия. Наручные часы на чайном столике еще хранят его тепло, на диване валяются вперемешку мои ксерокопии, на столе застыли бутылка вина и рюмка, которые он так нежно ласкал. Гудит лампа дневного света,

тикают старомодные часы на стене. Через дверь спальни было слышно, как теща — наверняка она лежит ничком на кровати, уткнувшись в сложенные перед собой руки, — хлюпает носом и ртом, как деревенская баба, втягивающая в себя горячую жидкую рисовую кашу.

После долгого размышления я решил, что нужно ей всё рассказать. Сначала я попробовал приоткрыть дверь, потом решительно заколотил в нее. В перерывах между стуком доносились ее всхлипывания, которые вскоре перешли в рыдания и сморкание. Во что она, интересно, сморкается? Этот абсолютно бессмысленный вопрос вертелся в голове, подобно назойливой мухе. Я понимал: она наверняка знает, что произошло, но все же проговорил абсолютно неестественным тоном:

— Он ушел… Сказал, в горы Байюаньлин… На поиски Обезьяньего вина…

Она снова высморкалась. Во что она все-таки сморкается? Рыдания прекратились, донеслось еле слышное шуршание; я словно видел, как она поднялась с кровати и стоит, тупо уставившись на дверь, а может, на стену, где висит их свадебная фотография в резной деревянной рамке. Я всегда ею любовался, потому что она похожа на

изображение предков, передаваемое из поколения в поколение. Тесть на ней еще молодой и красивый: поднятые уголки губ выдают веселый и живой нрав, волосы разделены на пробор, белая полоска которого, похожая на шрам от острого ножа, делит голову пополам. Он склонился набок, его острый подбородок сантиметрах в трех от гладко причесанных волос тещи символизирует и власть супруга, и его любовь. И под бременем этой власти и любви ее лицо — густые брови, вздорный носик и четкая, жизнеутверждающая линия рта — светилось счастьем. Она напоминала симпатичного юношу в женском платье. В чертах лица еще угадывалась принадлежность к роду собирателей ласточкиных гнезд — людей, не боявшихся трудностей и высоких скал, и это составляло резкий контраст с ее теперешней чувственной и нежной красотой в духе Ян-гуйфэй. Как ей удалось стать такой? И почему дочь у них столь уродлива, просто позор для всего китайского народа! Мать — статуэтка из слоновой кости, а дочь — глиняная поделка. Рано или поздно я несомненно найду ответ на этот вопрос. Стекло на рамке давно не протирали, и неизвестно откуда взявшиеся пауки сплели на ней изящные сети, на которых тонким слоем лежала сероватая

пыль. О чем думала теща, глядя на эту историческую реликвию? Вспоминала ли минувшие счастливые дни? Но я не ведал, были ли они у них вообще. По моим представлениям, муж с женой, прожившие вместе несколько десятилетий, должны быть людьми спокойными, умеющими сдерживать свои чувства. И счастье — если они его испытали — у них какое-то сумеречное, неспешное, неопределенное, с привкусом горечи, густое и липкое, как мутный осадок на дне винного чана. Другое дело те, кто разводится через три дня после свадьбы: это горячие красногривые скакуны, это бушующее пламя эмоций, зарево которого способно осветить весь мир вокруг и опалять жаром, пока не потечет жир. Это жгучее полуденное солнце, тропический шторм, острый как бритва меч, крепкое вино, яркая живопись плотными мазками. Такие браки составляют духовное богатство человечества. А те, о которых упоминалось выше, превратившиеся в вязкий ил, парализуют душевные силы человека и тормозят процесс исторического развития. Поэтому я отказался от своих давешних предположений: глядя на старую фотографию, теща не вспоминала дни минувшего счастья, а вероятнее всего, перебирала в памяти качества мужа, вызывавшие у нее

отвращение. Вскоре события покажут, что моя догадка была верна.

Я снова постучал в дверь:

— Как, по-вашему, нам следует поступить? Постараться вернуть его или поставить в известность руководство академии?

Она на минуту смолкла. Не слышно было даже ее дыхания, и я забеспокоился. А потом она вдруг зашлась в пронзительном крике. Такой звук мог вылетать лишь из широко открытого рта, подобного срезу бамбука мосо[182], и это никак не соответствовало ни ее возрасту, ни телосложению, ни свойственной ей элегантности. Этот контраст заставил ужаснуться. Я боялся, что, приняв всё так близко к сердцу, она может голышом, как жареная лебедушка, повеситься на одном из вбитых в стену гвоздей. На том, где висит рамка с фотографией? Или где календарь? Или где висит шляпа? Первые два слабоваты, последний и слабоват, и коротковат. Ни один не выдержит прекрасное тело тещи, эту красоту, которой не налюбуешься. Опасения мои были явно преувеличены. Но от ее неописуемого вопля я действительно весь похолодел. «Только стуча в

---

[182] Примечания: 182

Мосо — один из видов бамбука, вырастающий за сутки на 40 см.

дверь, можно заставить ее замолчать».

Я не просто стучал, я пытался уговорить и вразумить ее. Она в этот момент напоминала клубок спутанной верблюжьей шерсти, который не очень-то размотаешь, и пришлось терпеливо приводить ее в чувство четким, ритмичным постукиванием и успокаивающими, как настойка «уцзяпицзю»[183], речами. Что именно я говорил тогда? Думаю, что-то вроде того, что тесть уже много лет вынашивал желание уйти однажды вечером в горы Байюаньлин, что он готов жизнь положить за вино. Что с ней его уход никак не связан. Что, вероятнее всего, он найдет Обезьянье вино и тем самым сделает огромный вклад в развитие всего человечества, еще более обогатит культуру виноделия, откроет новую эру в его истории, укрепит дух народа, принесет славу стране и доставит новый источник прибыли Цзюго. Сказал также, что, не забравшись в логово тигра, не добудешь тигренка. А где добудешь Обезьянье вино, как не в горах у обезьян? Еще я выразил уверенность, что тесть в конце концов вернется — с вином или без него — и будет жить с ней до старости.

---

[183] Примечания: 183

«*Уцзяпицзю*» — настойка из коры одного из видов растущего в Китае элеутерококка.

— Да плевать я хотела, вернется он или нет! — взвизгнула она. — Очень надо, чтобы он вернулся! Да пусть не возвращается никогда! Хоть сдохнет в этих горах! Пусть обрастет шерстью и сам станет обезьяной!

От ее слов у меня волосы встали дыбом и прошиб холодный пот. Прежде я лишь смутно подозревал, что отношения у них не сахар и, бывает, они конфликтуют. Но я и представить себе не мог, что она ненавидит тестя больше, чем бедняки крестьяне помещика, больше, чем рабочий класс — капиталистов. Рухнула вбивавшаяся в меня десятки лет вера в то, что «классовая ненависть весомее горы Тайшань». Это же в своем роде прекрасно, когда один человек способен до такой степени ненавидеть другого, и, несомненно, это в определенном смысле опять же вклад в копилку всего человечества. Это можно сравнить с цветком ядовитого алого мака, распустившимся в болоте человеческих чувств. Если его не трогать, не есть, он существует как одна из форм прекрасного и притягивает к себе больше, чем какой-нибудь милый и безобидный цветок.

Тут теща стала рассказывать обо всех злодеяниях тестя, и каждое ее слово было выстрадано.

— И это человек! И это мужчина! Да он уже

много лет относится к вину как к женщине, именно он завел эту гнусную практику сравнивать красоту женщины с вином. Вот питие и заменило секс, и все сексуальное влечение он перенес на вино, на винные бутылки и рюмки… На самом-то деле никакая я тебе не теща, кандидат Ли. И не рожала я ни разу — разве тут родишь! А твоя жена — найденыш, я подобрала ее в мусорном баке.

Вот все и раскрылось. Я выдохнул, словно огромная тяжесть свалилась с плеч.

— Ты, кандидат, человек очень и очень неглупый. Не стал искать соринку в чужом глазу. Должно быть, давно почувствовал, что она мне не родная. Поэтому, думаю, мы с тобой можем стать близкими друзьями, и я расскажу тебе все самое сокровенное. Я женщина, а не каменный лев у ворот Гугуна[184], и не флюгер на крыше, и уж тем более не какое-нибудь примитивное двуполое кишечнополостное. Мне хочется всего, чего хочется женщине, но ничего этого я не получаю… Кому есть дело до моих мучений…

— Почему же ты тогда не развелась?

— Я слабая женщина, боюсь, будут осуждать…

— Просто дичь какая-то.

---

[184] Примечания: 184

Гугун — бывший императорский дворец в Пекине, ныне музей.

— Да, дичь, но с этим покончено. Могу объяснить, почему не развелась. Потому что специально для меня он создал очень крепкое вино на основе трав под названием «Симэнь Цин»[185]. Выпьешь, и такие фантазии приходят в голову, получше всякого секса… — В ее голосе слышалось сладостное смущение. — Но с тех пор, как появился ты, это вино почему-то не действует…

Стучать в дверь больше не хотелось.

— Женщина несколько десятилетий томилась на медленном огне, как медвежья лапа, вымоченная в специях, и теперь она наконец дошла. Неужели ты не слышишь, мой дорогой кандидат, какой аромат от нее исходит…

Дверь распахнулась. Волной накатил божественный аромат тушеной медвежьей лапы. Я ухватился за косяк, словно утопающий за борт лодки…

---

[185] Примечания: 185

Симэнь Цин — главный герой классического романа «Цзинь Пин Мэй», известного своим эротическим содержанием.

4

Пуля настигла смуглого карлика, и его тело подбросило вверх, будто он собрался взлететь. Но горячий кусочек свинца быстро вывел из строя центральную нервную систему, и конечности начали беспорядочно подергиваться. Стало ясно: свои тайные колдовские способности, описанные кандидатом виноделия в рассказе «Герой в поларшина», карлик уже не проявит — не взмоет в воздух и не прилипнет к потолку, как огромный геккон. Как раз наоборот: подскочив на несколько сантиметров вверх, тело соскользнуло с колен шоферицы и рухнуло на пол. Оно яростно вытягивалось на полу, мышцы ног напрягались, словно подрагивающие зимой под ветром провода линии высокого напряжения. Вощеный дубовый пол был заляпан кровью и мозгом. Потом одна нога стала вытягиваться и сокращаться, как шея молодого петушка под ножом, причем с такой силой, что все тело плавно закружилось. Оно крутанулось раз десять, ноги перестали подрагивать, и произошло следующее: тело карлика замерло, и его стала бить неукротимая дрожь. Сначала со стуком колотилось все тело, затем стали трястись

отдельные участки. Создавалось впечатление, что группы мускулов, как бывалые футбольные болельщики, образуют «мексиканскую волну». Дрожь начиналась с пальцев левой ноги, перемещалась со щиколотки на бедро и выше по боку до плеча, где переходила по лопаткам на правое плечо и спускалась до бедра, щиколотки и пальцев правой ноги, а потом все повторялось в обратном порядке. Так продолжалось довольно долго, и наконец дрожание прекратилось. Из карлика звучно вышел воздух, и замершее тело вдруг обмякло. Он был мертв и походил на черного крокодила, вроде тех, что кишат в тропических болотах.

Наблюдая за агонией карлика, Дин Гоуэр ни на минуту не спускал глаз с шоферицы. Когда тот соскользнул с ее гладких голых коленей, она опрокинулась навзничь на кровать с пружинным матрацем, застланную белоснежной простыней. Беспорядочно разбросанные на кровати подушки и подушечки странной формы были набиты утиным пухом, и, когда ее голова упала на большую подушку с розовым цветочным орнаментом, он заметил, что в воздух легко взмыло несколько пушинок. Ее широко раздвинутые ноги свисали с кровати, и эта поза мгновенно всколыхнула

все накопившееся в душе. Вспомнилась бурная страстность шоферицы, и тут же напомнила о себе затаившаяся в сердце ревность. Он закусил губу, но огонь злобы, бушевавшей в груди, был сродни страданиям раненого зверя, и у него вырвался мучительный стон. Пнув безжизненное тело карлика, он с еще дымящимся пистолетом в руках подошел к шоферице. Ее обнаженная плоть с новой силой пробудила и любовь, и ненависть: он надеялся, что она мертва, а еще сильнее была надежда, что она лишь потеряла сознание. Он приподнял ей голову: за чуть приоткрытыми, мягкими, вовсе не упругими губами посверкивали похожие на ракушки зубы. Перед глазами следователя вдруг промелькнуло то осеннее утро у шахты Лошань, когда она грубо впилась в него этими губами и он ощутил, какие они холодные, мягкие, совсем не упругие — странное дело, — словно старая вата. И тут меж бровей он заметил черное отверстие с горошину, а вокруг глазных впадин — крохотные частички с металлическим отливом и понял, что это следы от пули. Его качнуло, к горлу снова подступила тошнотворная сладковатая жидкость. Он упал перед шоферицей на колени, и хлестнувший из его горла поток крови окрасил ее плоский живот в ярко-алый цвет.

«Я убил ее!» — ужаснулся он.

Протянув руку, он тронул отверстие указательным пальцем и почувствовал, что оно горячее, а рваные края царапают кожу. Ощущение было какое-то очень знакомое. Порывшись в памяти, он наконец вспомнил, что это ощущение из детства, когда водишь языком по вылезшему новому зубу. Тут же вспомнилось, как он ругал за это сына. Этот круглолицый, круглоглазый мальчонка, который всегда — и в чистой одежде, и в грязной — выглядел неряшливо, с большим ранцем за плечами, с небрежно повязанным красным галстуком и ивовым прутиком в руках подошел как-то к нему, трогая зубы кончиком языка. Следователь потрепал его по голове, а тот недовольно хлестнул его по ноге прутиком: «Ну тебя! Зачем трогаешь? Разве не знаешь, что от этого дурачком стать можно?» Голову склонил набок, прищурился, вид самый что ни на есть серьезный. «Глупыш! — улыбнулся следователь. — От этого дурачком не станешь, а вот если зубы языком лизать, кривыми вырастут...» От всех нахлынувших воспоминаний в душе поднялась горячая волна. Он торопливо отдернул руку от шоферицы, и на глазах у него выступили слезы. Чуть слышно прошептав имя сына, он

сжал кулаки и, хлопнув себя по лбу, выругался:

— Болван! Какой же ты болван, Дин Гоуэр, как ты мог сотворить такое!

Мальчонка тогда недовольно глянул на него, повернулся и пошел прочь. Быстро передвигаясь на крепких маленьких ножках, он очень скоро скрылся среди сновавших туда-сюда автомобилей.

«За двойное убийство смертной казни не избежать. Но прежде я должен повидаться с сыном». И он перенесся мыслями в провинциальный центр, далекий, словно на другом конце земли.

Схватив пистолет, в котором остался лишь один патрон, он выбежал из дверей ресторана. Стоявшие при входе лилипутки вцепились в него, но он стряхнул их с себя и с риском для жизни устремился наперерез мчавшемуся по улице потоку машин. С обеих сторон то и дело слышался отвратительный скрежет тормозов. Одна машина даже толкнула его сзади, но лишь придала ему ускорение, и он вылетел на тротуар. От ресторана доносился гвалт и крики. Он мчался что было сил по усыпанному палой листвой тротуару, смутно соображая, что сейчас раннее утро и что на омытых дождем небесах теснятся кроваво-красные рассветные облака. Холодный

дождь шел всю ночь, было скользко, а невысокие деревья, одетые мохнатым инеем, казались сказочно красивыми. Он и глазом не успел моргнуть, как уже бежал по знакомой брусчатке. В сточных канавах, над которыми поднимался молочно-белый пар, плавали такие деликатесы, как копченая свиная голова, жареные фрикадельки, черепаший панцирь, тушеные креветки и свиные ножки в соевом соусе. Несколько стариков в лохмотьях вылавливали эти вкусности сетью на длинных шестах. Губы у них лоснились от жира, щеки у всех румяные: видать, пищевая ценность этих отбросов достаточно высока. Лица нескольких проезжавших мимо велосипедистов вдруг исказились от отвращения, и они с криками изумления беспорядочно посыпались вместе с велосипедами в узкую придорожную канаву. Велосипеды и тела нарушили ровную гладь воды, и пахнуло такой жуткой смесью перебродившего винного жмыха и вони от трупов животных, что его чуть не вытошнило. Он бежал возле самой стены и, споткнувшись на какой-то неровности, упал. Сзади летели беспорядочные крики: «Держи его, держи!» Поднявшись, он оглянулся: уже целая толпа бесновалась и кричала, но броситься за ним никто не решался. Он побежал дальше,

уже чуть медленнее. От волнения сердце колотилось так, что заныла грудь. Вот и знакомый мемориал павших борцов. Похожие на пагоды кроны вечнозеленых деревьев создавали впечатление особой святости и чистоты.

«И чего я бегу? — думал он. — От суда небес не скроешься, наказание, может не сразу, но настигнет, разве от него убежишь!» Однако ноги по-прежнему несли вперед. Под развесистым платаном прямой, как шест, стоял тот же продавец клецок. От корзин клубами валил пар, и его лицо то скрывалось за ним, то выплывало снова, словно уродливый лик луны из-за редких рваных облачков. В голове смутно промелькнул образ этого старика с желтоватым патроном в руке — платой за съеденные клецки. «Надо бы забрать этот патрон», — подумал он, но желудок напомнил ему вкус этих клецок — со свининой и луком-пореем, а зимний лук-порей самый вкусный и самый дорогой… Он ведет ее за руку по рынку; крестьяне из ближних деревень, разложив на земле свой товар, сидят на корточках и жуют холодные пампушки, в зубах у них застревают кусочки лука. Старик разжимает ладонь, показывает ему этот красивый патрон, и на скрытом за легкой дымкой лице появляется

какое-то умоляющее выражение. Он всматривается, пытаясь понять, чего хочет старик… И тут его мысли прерывает собачий лай. Откуда ни возьмись перед ним, словно тень, возник тот самый пес, полосатый, как тигр. Лай доносился вроде откуда-то издалека, раскатываясь по верхушкам трав на далеком лугу, а тут, вблизи, слышался вполовину тише. Пес как-то странно кивал тяжелой головой, разевая и смыкая пасть, но оттуда не вылетало ни звука, все куда-то ускользало, как во сне. Красный диск солнца еще лишь поднимался, зажигая зарю, но его свет уже проникал через редкие листья платана и отбрасывал нечеткие тени, которые сеткой расплывались на желтоватой шкуре собаки. В глазах пса не было ненависти или злобы, и лаял он не угрожающе, а будто подавал дружеский знак: двигай, мол, дальше. Следователь что-то промямлил старику продавцу, но слова отнесло порывом ветра. Старик громко переспросил, и он пробормотал: «Мне надо идти искать сына».

Кивнув псу и держась от него на почтительном расстоянии, он обошел платан и увидел сторожа мемориала павших борцов. Тот стоял, прислонившись к дереву и прижимая к груди двустволку, стволы которой были направлены под углом

на крону. В брошенном на него взгляде старика он тоже прочел скрытый намек поторопиться. Глубоко тронутый, он поклонился ему и припустил к видневшимся впереди зданиям. Там было тихо и безлюдно. За спиной раздался выстрел, он инстинктивно бросился на землю и откатился в сторону, чтобы укрыться за стылыми листьями розовых кустов. Раздался еще один выстрел, и, глянув в ту сторону, он успел заметить большую черную птицу, которая большим черным камнем падала с небес. Крона платана задрожала, и в красноватых лучах зари на землю упало несколько желтых листьев — воистину поэтическая картина, музыка глубокой осени. Старик сторож стоял так же недвижно, прислонившись к дереву. Из обоих стволов вился голубоватый дымок. Большой полосатый пес уже бежал к старику с другой стороны дерева с подстреленной хозяином большой черной птицей в зубах. Положив ее на землю, он устроился рядом, и солнечные лучи золотом отражались в его глазах.

Чтобы добраться до зданий, нужно было пересечь неухоженный сквер, где несколько пожилых людей вынесли на свежий воздух птиц, а стайка детей прыгала через скакалку. Засунув пистолет за пояс, он сделал вид, что гуляет, и прошел мимо.

Но приблизившись к домам, понял, что совершил серьезную ошибку: оказалось, там развернулся утренний блошиный рынок. Множество людей сидели на корточках перед разложенным на земле товаром. Там были старинные настенные часы, наручные часы, значки с изображением Мао Цзэдуна, столь популярные во время «культурной революции», гипсовые бюсты Председателя и много другого старья, вроде граммофона с раструбом. Покупателей не было, и продавцы жадно обшаривали глазами каждого редкого прохожего. У него появилось ощущение, что это ловушка, «мешок», а все эти продавцы — полицейские в штатском. И чем дольше Дин Гоуэр смотрел на них, тем больше осознавал, опираясь на накопленный за десятки лет опыт, что так оно и есть. Он бдительно отступил за ствол серебристого тополя и стал наблюдать за происходящим. Вдруг из-за угла одного из домов вывернуло семь-восемь молодых людей — юношей и девушек. По выражению лиц и по их поведению Дин Гоуэр определил, что эта группа подростков занимается чем-то незаконным, а верховодит у них шагавшая в центре девица в длинном сером халате по колено, красной шапочке и с ожерельем из медяков династии Цин. Он вдруг заметил у нее

на шее несколько морщин и учуял резкий запах импортного табака изо рта. Потом ему показалось, что она чуть ли не лежит под ним. Он стал вглядываться в лицо незнакомки, и на нем медленно — подобно тому как цикада выбирается из своего тонюсенького кокона — стали проступать черты шоферицы, а из круглого отверстия меж бровей розоватой струйкой начала сочиться кровь. Струйка потекла вниз, по переносице, разделила пополам рот, потом полилась дальше, до пупка, и еще ниже, потом тело девицы вдруг распалось на две половинки, и с бульканьем вывалились внутренности. Громко вскрикнув, следователь развернулся и рванул прочь. Но все его попытки выбраться с блошиного рынка были тщетны. В конце концов он присел перед грудой старых пистолетов и, изображая покупателя, стал перебирать эту покрытую ржавчиной рухлядь. Он чувствовал, что девица стоит у него за спиной и оборачивает свое распавшееся пополам тело какой-то зеленой бумажной лентой. Делала она это очень быстро. Сначала еще было видно, как мелькают ее руки в пластиковых перчатках кремового цвета, но вскоре от рук осталось лишь два размытых желтых пятна, которые тонули в намокшей бирюзовой зелени этой бумаги, похожей

на нежные волокна водорослей, вытащенных из воды. От этой бирюзы исходила мощная жизненная сила. Бумажная лента завертелась сама по себе и в мгновение ока плотно обмотала все тело девицы. По спине у него пробежал холодок, но он с беззаботным видом выбрал один револьвер красивой формы и попытался крутануть заржавевший барабан. Несмотря на все старания, барабан не вращался. «Выдержанный шаньсийский уксус есть?» — спросил он. Торговка отрицательно покачала головой. Следователь разочарованно вздохнул. «Под профессионала косишь, а на самом деле любитель, — заявила та. — Выдержанного шаньсийского нет, зато есть корейский белый: снимает ржавчину в сто раз эффективнее, чем шаньсийский». И сунув бледную, нежную руку за пазуху, стала шарить там, что-то ища. Взгляд следователя случайно упал на два флакончика, запрятанные у нее за расшитый цветочками розовый бюстгальтер. Флакончики были зеленого стекла, но не прозрачного, а затуманенного, из какого во многих странах делают бутылки для марочных вин. Такое стекло выглядело особенно дорогим: понятно было, что это стекло, но с какой стороны ни глянь — не похоже, поэтому флакончики смотрелись как

нечто драгоценное. Развив эту мысль, он вывел еще одну: очевидно, что на подносе сидел мальчик, но, с какой стороны ни посмотри, на мальчика он не похож, поэтому и смотрится как нечто драгоценное. Можно развить эту мысль и по-другому: очевидно, что на подносе никакой не мальчик, но, как ни посмотри, очень похоже на мальчика, поэтому эта штука хоть и не мальчик, но ценность представляет большую. Наконец рука вытащила из бюстгальтера один флакончик. Корявые буквы на нем невозможно было прочесть, но в следователе взыграло тщеславие, и он манерно, словно разбирался в любом иностранном языке, произнес: «Это или виски, или бренди». — «Тот самый корейский белый уксус это, который тебе нужен», — был ответ. Принимая флакончик, следователь поднял глаза и увидел на лице торговки то же выражение, что и у своего шефа, когда тот бросал ему пачку сигарет, но, присмотревшись, понял, что они не очень-то похожи. Та обнажила в улыбке два сверкающих клыка — ну просто сама наивность. Следователь открыл флакончик, и на горлышке выступила белая пена. «Ну и уксус, — сказал он, — пенится, что твое пиво». «А по-твоему, во всем мире только пиво и пенится?» — усмехнулась торговка. Он

задумался. «Ты права, а я — нет, — согласился он. — Крабы вот не пиво, а тоже пузыри пускают». И капнул немного выступившей жидкости на барабан револьвера. В нос шибануло спиртом. Покрытый пеной револьвер потрескивал, как большой зеленоватый краб. Протянув руку, он ощутил болезненный укол в палец, похожий на укус скорпиона. «А тебе известно, что торговать оружием противозаконно?» — громко осведомился он. «А ты действительно считаешь, что я торгую?» — презрительно хмыкнула торговка. Ее рука юркнула за пазуху, она вытащила бюстгальтер и тряхнула им. Обшивка бюстгальтера слетела, и перед следователем сверкнули блестящие, сделанные в Америке из нержавеющей стали наручники с пружиной. У него на глазах торговка превратилась в лупоглазого и горбоносого полицейского с густыми бровями и рыжими бакенбардами — типичный полицейский начальник. Он схватил Дин Гоуэра за руку и в два щелчка замкнул наручники на его руке и на своей. «Теперь мы скованы одной цепью, и нам друг от друга не сбежать. Если, конечно, силы у тебя не на девять быков или на двух тигров, чтобы тащить меня на хребтине». В этот критический момент сила у Дин Гоуэра откуда

только и взялась: он подставил плечо и легко вскинул на него дюжего полицейского. Казалось, этот верзила вырезан из бумаги и почти ничего не весит. Пена тем временем исчезла, ржавчина полностью сошла, и револьвер предстал в первозданном серебристо-сером облике. Безо всякого усилия он нагнулся и поднял револьвер, ощущая запястьем его тяжесть, а ладонью — тепло. «И правда прекрасный ствол!» — воскликнул свисавший у него с плеча полицейский. Мощным движением он отбросил этого верзилу в сторону обвитой плющом стены. Множество молодых побегов и старых плетей свивались в один узор. Красоты добавляли яркие пятна застрявших в нем красных листьев. Полицейский медленно отлетел от стены и шлепнулся прямо у его ног. Но растянувшиеся, как резиновая лента, наручники по-прежнему стягивали их кисти. «Американские! — осклабился полицейский. — Не снимешь, даже не мечтай!» Запаниковавший Дин Гоуэр приставил дуло револьвера к этим растянувшимся, почти прозрачным наручникам и спустил курок. От сильной отдачи рука подпрыгнула, и револьвер чуть не вышибло. Он глянул вниз: на наручниках ни царапины. Выстрелил еще раз: результат абсолютно тот же. Свободной рукой

полицейский достал из кармана сигареты и зажигалку. Сигареты американские, зажигалка японская, качество первоклассное. «Неплохо вы здесь, в Цзюго, живете!» — проговорил Дин Гоуэр. «В наше время тех, кто не робкого десятка, убивает жадность, а тех, у кого кишка тонка, — голод, — хмыкнул полицейский. — Деньги вокруг просто летают — только успевай хватать». — «Если так, значит, то, что вы тут, в Цзюго, из детей блюда готовите — правда?» — «Подумаешь, эка невидаль — блюда из детей!» — усмехнулся полицейский. «А ты ел?» — «А ты разве нет?» — «Я ел мальчика ненастоящего, из разных продуктов приготовленного». — «А почем ты знаешь, что ненастоящего? Надо же было прокуратуре прислать нам такого болвана!» — «Врать не буду, браток, — признался Дин Гоуэр, — меня тут одна женщина окрутила». — «Знаю, знаю, ты ее и убил, а за это смертная казнь полагается». «Ясное дело, — согласился Дин Гоуэр. — Но мне бы сначала в провинциальный центр вернуться и с сыном повидаться, а потом уж и явлюсь с повинной». «Причина веская, — вздохнул полицейский. — Бедные родительские сердца! По всей Поднебесной такая история. Так и быть, отпущу!» С этими словами он наклонился, раскрыл рот

и перекусил наручники. От пуль этим наручникам ничего не сделалось, а у него во рту они разошлись, как разваренная лапша. «Приказано кровь из носу схватить тебя живым, браток, и, отпуская тебя, я беру на себя большую ответственность. Но у меня тоже есть сын, очень понимаю твои чувства, поэтому и отпускаю». Дин Гоуэр склонился в низком поклоне: «Даже на том свете не забуду твоей доброты, брат».

Следователь пустился бежать. Миновав большие ворота, он увидел двор, заставленный роскошными лимузинами, в которые усаживались шикарно одетые люди. Почувствовав, что здесь что-то не так, он спешно свернул в узкий проулок. Там с ничего не выражающим лицом сидела, задумавшись о чем-то своем, девочка-сапожница. Из дверей ресторанчика с вывеской из разноцветного пластика выскочила и преградила ему дорогу густо размалеванная женщина. «Заходи, почтенный, — зазывала она, — заходи, выпей и перекуси! Двадцать процентов скидки на всё». При этом она прижималась к нему с лицом, исполненным невиданной страсти. «Не хочу я ни есть, ни пить», — отмахнулся Дин Гоуэр. Та схватила его за руку и потянула внутрь: «Не хочешь есть-пить — не надо, посиди чуток, дай

ногам отдых!» Рассвирепев, он отшвырнул ее, и она упала с плаксивым воплем: «Брат, скорей сюда, тут хулиган дерется!» Дин Гоуэр собрался было перескочить через нее, но она обхватила его за ноги. Он рухнул на нее всем телом, потом вскочил и яростно пнул. Схватившись за живот, она стала кататься по земле. Из дверей выскочил здоровенный детина с бутылкой в левой руке и кухонным ножом в правой. Увидев, что дело дрянь, следователь пустился наутек. Чувствовал он себя великолепно, бежал не напрягаясь — как говорится, словно летящие по небу облака или стремительный поток, — легко и изящно выбрасывал в беге ноги; ровным было и биение сердца, и дыхание. Пробежав немного, он оглянулся: гнавшийся за ним детина остановился у бетонного столба и, расставив ноги, стал справлять малую нужду. Тут сразу навалилась усталость, сердце бешено забилось, на всем теле выступил холодный пот. Ноги стали ватными и не слушались.

Вкусные запахи привели к трехколесной тележке, где молодой человек жарил на чугунной сковороде блины, а стоявшая рядом старушка, по виду мать, принимала от покупателей деньги. Есть захотелось так, что, казалось, из горла протянулась маленькая ручонка, но купить еды

было не на что. У тележки резко затормозил подлетевший откуда-то зеленый армейский мотоцикл. Перепуганный следователь хотел рвануться прочь, но, услышав крик сидевшего в коляске сержанта: «Испеки-ка нам пару блинов, хозяин!», — облегченно перевел дух.

Он оглядел солдат: один повыше, большеглазый, с густыми бровями, а у того, что поменьше ростом, и лицо поизящнее. Они подошли к тележке и стали болтать с продавцом о всякой ерунде. Тот добавил к пышущим жаром блинам острого красного соуса, и солдаты принялись за еду. Блины были горячие, они дули на них и перебрасывали из руки в руку, крякая от удовольствия и боли. Прошло совсем немного времени, а они уже умяли по три блина каждый. Тот, что пониже, достал из кармана шинели бутылочку и предложил высокому: «Хлебнешь?» «Хлебну, отчего не хлебнуть», — одобрительно ухмыльнулся тот. Высокий приложился к горлышку бутылочки и сделал большой глоток. Потом шумно втянул в себя воздух и громко причмокнул: «Славная штука, славная». Приятель-коротышка взял у него бутылочку и стал пить, зажмурившись от удовольствия. «Точно, — подтвердил он. — Вот это, я понимаю, то что надо!» Высокий полез в

коляску, достал пару больших луковиц, почистил и протянул одну малорослому сослуживцу: «На, закуси, настоящий, шаньдунский». — «Так у меня перец имеется». И коротышка вытащил из кармана шинели несколько ярко-красных стручков: «Настоящий, хунаньский, поешь?» И добавил не без гордости: «Кто не ест перца — не революционер, а кто не революционер — тот контрреволюционер»[186]. «Настоящий революционер лишь тот, кто лук ест!» — парировал долговязый. Войдя в раж, они стали наступать друг на друга, размахивая — один луковицами, другой зажатыми в горсти стручками. Долговязый ткнул луковицами коротышке в голову, а тот пихнул перец сослуживцу в рот. Продавец блинов бросился разнимать их: «Драться-то зачем, товарищи? По мне, так вы оба отличные революционеры». Солдаты разошлись, надувшиеся и разозленные, а разнимавший их торговец аж скрючился от смеха. Дин Гоуэр тоже рассмеялся. «А ты чего тут хохочешь? — подступила к нему мать торговца. — То-то я смотрю — недобрый ты человек!» «Да добрый я, добрый», — поспешил ответить он. «Разве добрые люди смеются, как

[186] Примечания: 186

Широко распространенное высказывание Мао Цзэдуна, уроженца пров. Хунань.

ты?» — «Как это — как я?» — удивился следователь. Быстрым движением старуха извлекла, словно из воздуха, маленькое круглое зеркальце и подала ему: «А вот сам посмотри!» Он взял зеркальце, глянул в него и замер от ужаса: меж бровей у него, оказывается, тоже было круглое отверстие от пули, и из него сочилась кровь. А еще сквозь череп было видно, как по извилинам головного мозга движется поблескивающая пуля. Вскрикнув, он отбросил зеркальце, словно кусок раскаленного железа. Оно покатилось по земле и завертелось на ребре, отбрасывая сверкающие солнечные зайчики на выцветшую красную стену. На ней было что-то написано большими иероглифами. Вглядевшись, он разобрал странный лозунг: «Все силы на искоренение пьянства и секса!» Смысл лозунга тут же стал ясен, а когда он приблизился к стене и коснулся этих иероглифов, они тоже обожгли ему пальцы, как раскаленное докрасна железо. Он обернулся: солдаты куда-то исчезли, продавец блинов с мамашей тоже. Следователь подошел к брошенному мотоциклу. Бутылочка с вином так и лежала в коляске. Он взял ее и взболтал, глядя, как со дна поднимаются бесчисленные крохотные жемчужинки пузырьков. Зеленое какое-то, словно гнали из золотистой

фасоли. Даже через пробку чувствовался насыщенный аромат. Он нетерпеливо вытащил ее и, прильнув воспаленным ртом к скользкому и прохладному горлышку, ощутил невыразимое блаженство. Зеленая жидкость, словно смазочное масло, беспрепятственно проскользнула в горло, навстречу внутренностям, приветствующим ее, как школьники с цветами. Он воспрянул духом — так после долгой засухи поднимаются растения навстречу благодатному дождю — и даже не заметил, как бутылочка опустела. Повертев ее в руках и пожалев, что в ней уже ничего нет, он отбросил ее в сторону, сел на мотоцикл и взялся за руль. Крутанув стартер, он ощутил радостную и нетерпеливую дрожь мотоцикла, который, словно громко фыркающий, бьющий копытом и потряхивающий гривой жеребец, был готов рвануться вскачь. Отжато сцепление — и вот уже мотоцикл, подпрыгивая, выкатился на дорогу и с ревом стал набирать скорость. Казалось, механизм между ног обладает каким-то высоким интеллектом и ничем управлять не надо — сиди себе прочно и держись за руль, чтобы не вылететь из седла. Рокот мотора перерос в конское ржание, ноги явственно чувствовали теплое тело скакуна, а в ноздри ударил пьянящий

аромат конского пота. Один за другим оставались позади сверкающие автомобили, а встречные, из которых таращились широко раскрытые от страха глаза, врассыпную уходили на обочину. Он чувствовал себя ледоколом, по обе стороны от которого разлетаются льдины, разрезающим волну катером. Это ощущение пьянило. Несколько раз он ясно видел, что сейчас врежется, и даже слышал панические крики. Но беду отводило в самый последний момент: когда до столкновения оставалось совсем чуть-чуть, эти сверкающие штуковины расходились в стороны, как желе, уступая дорогу ему и его могучему скакуну. Впереди показалась река, моста через нее не было, а в глубоком ущелье бурлил, взбивая высокие шапки пены, ледяной поток. Он потянул руль на себя, мотоцикл взмыл, ставшее легким, как бумага, тело закружило сильными потоками ветра, а огромные лучезарные звезды над головой оказались так близко, что протянешь руку — и можно дотронуться. «Никак я на небо взлетел? А если взлетел, значит, я теперь небожитель?» — размышлял он про себя. Насколько просто стало все, что раньше представлялось недостижимым! Тут у мотоцикла отскочило бешено вращающееся колесо, потом еще и еще одно. Объятый ужасом,

он закричал, и его крик поплыл, то поднимаясь, то опускаясь, над деревьями, как веявший в их кронах ветерок. В конце концов он рухнул на землю, лишенный колес мотоцикл неуклюже повис меж ветвей, а взявшаяся невесть откуда стая белок впилась зубами в его металл. Он и представить себе не мог, что зубы у белок такие острые и крепкие, что они могут грызть металл как прогнившую кору. И стал разминать затекшие ноги. Когда к ним вернулась прежняя подвижность, отметил, что ни ушибов, ни царапин нет. Потом стал растерянно озираться. Вздымающиеся до небес стволы деревьев обвивала виноградная лоза, в ее сплетениях алели большие цветы, казалось, сделанные из гофрированной бумаги. Лоза была усеяна гроздьями похожих на виноград пунцовых и зеленоватых ягод, свежих и сочных, будто выточенных из прекрасной яшмы. Через полупрозрачную кожуру видно, какие они налитые, — прекрасный материал для виноделия. Вроде бы шоферица или какая-то другая безымянная красавица говорила, будто сейчас в горах один седовласый профессор делает вместе с обезьянами самое замечательное на свете вино. Кожа этого вина, этой красавицы, глаже, чем у голливудских звезд, взгляд пленительнее, чем взгляд ангела,

а зовущие губы куда желаннее напомаженных губ императрицы… Не вино, а венец божественного творения, шедевр, начертанный кистью гениального автора. Сквозь сплетенные ветви пробивались снопы яркого света, в них струилась белесая дымка, и в этой дымке он увидел обезьян. Они скакали, скалили зубы и корчили рожи, выискивали блох у соплеменников. Могучий самец с мохнатыми седыми бровями — вожак, наверное, — сорвал лист, свернул в трубочку и дунул. На раздавшийся свист тут же сбежались остальные обезьяны и — ну до чего же похоже на людей, просто умора! — выстроились в три шеренги: кто по команде «вольно», кто по стойке «смирно» или озираясь налево и направо, как по команде «равняйсь!». «Ну потеха! — хмыкнул про себя следователь. — Ноги враскорячку, спины сутулые, головы вперед — совсем не по уставу. Но какой с них спрос! Людей и тех допускают в роту почетного караула лишь через полгода упорных тренировок, во время которых им связывают ноги вместе, привязывают доску на спину и не разрешают спать на подушке. А тут — обезьяны!» На хвосты обезьяны опирались как на посохи. «Фруктовые деревья, когда на них много плодов, подпирают подпорками, чтобы ветви не лома-

лись. У обезьян, видать, такая же история. Людям к старости тоже клюка бывает нужна. Один из старинных пекинских переулков — хутунов — называется Цяньгуайгунь — переулок Переднего Посоха. А если есть переулок Переднего Посоха, то должен быть и переулок Заднего. Всем древним хутунам посохи нужны — передние или задние. И обезьянам тоже, только опираются они на них задом, поэтому когда забираются на дерево, их ярко-красные задницы и открываются во всей красе». Старый самец что-то скомандовал, обезьяны рассыпались во все стороны и, забравшись по лианам, стали раскачиваться и срывать те самые, пунцовые и зеленоватые, крупные виноградины. Они действительно очень крупные, каждая с шарик для пинг-понга. Во рту скопилась горькая, с оскоминой слюна; он облизнул губы и протянул руку, чтобы сорвать гроздь, но ягоды висели слишком высоко: близок локоть, да не укусишь. С гроздьями ягод на голове обезьяны подбегали к похожему на колодец углублению, с плеском бросали их, и оттуда облачками липкого тумана поднимался чарующий, как красотка, винный аромат. Вытянув шею, следователь заглянул в этот «колодец»: там, словно в бронзовом зеркале, отражался золотистый диск луны. Обезьяны

свисали, уцепившись друг за друга, — совсем как в сказках. Потрясающей красоты картина! С их уморительными ужимками они просто прелесть. «Эх, фотоаппарат бы сюда, да заснять эту изумительную картину! — мелькнуло в голове. — Весь журналистский мир был бы потрясен! Получил бы международную премию в миллион долларов, а если в юанях — так восемь миллионов. На всю оставшуюся жизнь хватило бы вкусно есть и сладко пить и сыну бы осталось, чтобы поступить в университет и жениться. Зубы у сына уже все вышли, и между большими передними — щербинка, как у глуповатой девчонки». Тут обезьяны, одна за другой, посыпались в «колодец». Лунное отражение раскололось, разлетелось золотыми блестками света, а обезьяны капельками загустевшего сахарного сиропа с шуршанием приникли к покрытым мхом стенкам «колодца». На стенках росли и две полосы золотисто-красной травы линчжи. Подлетел красноголовый журавль, взял в клюв стебелек этой травы, вытянул длинные ноги, взмахнул крыльями и взмыл в небо на лунный свет. Не иначе, понес травинку в дар богине луны Чан Э. Лунную поверхность покрывает мягкий золотистый песок. На нем две дорожки следов. Их оставили американские

астронавты, и следы эти не исчезнут даже через полмиллиона лет. Эти астронавты похожи на призраков. Солнце светит на Луне так ярко, что глаз не открыть. Вот он стоит в лунном свете: и впрямь целая копна серебристых волос на голове, ни усов, ни бороды, одет в лохмотья, все лицо в шрамах. В одной руке дубовое ведерко, в другой — деревянный черпак. Он зачерпывает вино из ведра, высоко поднимая черпак и неторопливо выливая вино на землю, где оно растекается полупрозрачными светло-желтыми полосками и быстро застывает резиноподобной массой, словно только что добытая каучуковая смола. Выглядит очень аппетитно, так и хочется сунуть в рот. «Ты и есть тот самый профессор из академии виноделия в Цзюго, у которого с головой не в порядке?» — вертится на языке вопрос. «Я — стоящий в пленительном лунном свете китайский король Лир, — заговорил старик. — Король Лир посреди страшной бури проклинал небо и землю, а я под светом луны возношу хвалу людям. И древние легенды могут в конце концов стать реальностью, а вино… Вино — величайшее изобретение человечества. Без вина не было бы Библии, не было бы египетских пирамид, Великой Китайской стены, музыки, крепостей,

штурмовых лестниц и таранов, чтобы брать эти крепости, не было бы расщепления ядра, кеты в реке Уссури, миграции рыб и перелетных птиц. Младенец еще в утробе матери чует запах вина, первоклассные мехи для вина выделывают из крокодиловой кожи. Настоящим откровением стали для мастеров-виноделов романы о боевых искусствах уся. Отчего скорбел Цюй Юань?[187] Вина у него не было, вот и скорбел. В Юннани процветает наркоторговля и употребление наркотиков, а причиной тому — отсутствие хорошего вина. Цао Цао в целях экономии зерна выпустил указ, запрещающий производство вина, — прекрасный пример того, как мудрые люди совершают глупости. Разве можно запретить вино? Запретить производство и потребление вина — задача невыполнимая, это все равно что запретить людям совокупляться и приумножать потомство. Покончить с этим труднее, чем отменить силу земного притяжения: вот упадет яблоко вверх, тогда и вино можно запрещать. А лунные кратеры — да это же рюмки бесподобной красоты! А римский Колизей можно было бы переделать в огромный винный склад. «Су-

[187] Примечания: 187

Цюй Юань (ок. 340–278 до н. э.) — древнекитайский поэт, автор поэмы «Скорбь изгнанника».

аньмэйцзю», «Чжуецин», «Чжуанъюаньхун», «Тоупинсян», «Цзинъянчунь», «Кансицзуй», «Синхуацунь», «Ляньхуабай» — все это, в общем, неплохие вина, но по сравнению с моим Обезьяньим вином это просто земля и небо. Какой-то болван однажды заявил, что в вино можно добавлять мочу, и в силе воображения ему не откажешь. В Японии широко распространена уринотерапия: выпивай каждое утро чашку собственной мочи и избежишь многих болезней. И Ли Шичжэнь резонно утверждал, что детская моча помогает при внутренних воспалениях. А истинные ценители разве будут что-то есть под вино? То, что такие люди, как Цзинь Ганцзуань, едят под вино младенцев, свидетельствует о том, что пить вино как должно они не умеют…»

Глава девятая

1

Наставник Мо Янь, здравствуйте!

Отправил Вам, если не ошибаюсь, уже восемь произведений, но от господ редакторов «Гражданской литературы» до сих пор ни звука. Считаю, что не след выказывать такое равнодушие по отношению к молодому литератору. Раз уж открыли эту лавочку, то должны относиться к авторам как положено. Но времена меняются, – как говорится, небо поворачивается, земля вращается, тебе возвыситься, а мне пасть. Людям тысячу дней в благоденствии не жить, как цветам сто дней не алеть, и если горе с горой встретиться трудно, то человеку с человеком – легко. Как знать, может, однажды эти два негодяя, Чжоу Бао и Ли Сяобао, попадутся мне на мушку! Отныне, наставник, в «Гражданскую литературу», в это реакционное издание, где заправляют такие непорядочные люди, рукописей больше не посылаю. Мы люди небогатые, но характер у нас

имеется. Мир большой, издателей что деревьев в лесу. Зачем, спрашивается, вешаться именно на этом дереве? Верно ведь, наставник?

Подготовка к проведению первого ежегодного фестиваля Обезьяньего вина в основном уже завершена. Я тут еще придумал, как спихнуть залежавшуюся у нас лечебную настойку. Доставил образцы в городскую экспертную группу по винно-водочной продукции, несколько дегустаторов проверили их, предварительно почистив зубы и прополоскав рот, и единодушно заключили, что у этого вина уникальный букет, напоминающий красавицу, худосочную, печально хмурящую брови. Городская ассоциация по утверждению названий винно-водочной продукции приняла решение назвать это вино «Больная Си Ши»[188]*. Я счел это название неуместным, потому что слово «больная» несчастливое и неизбежно вызовет у потребителей отрицательные*

[188] Примечания: 188

Си Ши — одна из четырех красавиц Древнего Китая (VI в. до н. э.); не отличалась здоровьем и страдала от болей в груди. Ее красота якобы особо впечатляла, когда она хмурилась от боли.

ассоциации, а это скажется на продажах. Поэтому предложил заменить название «Больная Си Ши» на «Красавица Си хмурит брови» или «Дай Юй[189] *хоронит цветы». И в том и в другом названии смысл – больная красавица – сохраняется, но звучат они более мягко и в немалой степени взывают к чувству сострадания. Члены ассоциации, народ завистливый и консервативный, насмерть стояли за «Больную Си Ши» и уступать не собирались. Мое терпение лопнуло, и с бутылкой под мышкой я отправился к секретарше мэра, которая была так растрогана моим подношением и так прониклась моей принципиальностью, что провела меня прямо в кабинет. Выслушав мой рассказ, мэр стукнула кулачком по столу и вскочила, выпучив свои прекрасные глаза и удивленно подняв точеные брови. Потом еще раз стукнула по столу, плюхнулась в кресло и схватилась за телефон. С минуту она распекала кого-то, а потом под разбор попал взявший трубку*

[189] Примечания: 189

(Линь) Дайюй — героиня классического романа «Сон в красном тереме».

председатель ассоциации. Этот получил настоящую головомойку, критика была суровой, но справедливой. Говорила она с полным сознанием своей правоты, давя на собеседника, как гора Тайшань; она словно обдавала кипятком муравейник, окуривала дымом улей или тыкала палкой в логовище крабов. Я не мог видеть распекаемого председателя, но мог очень живо себе представить, как он сидит на полу скрестив ноги и с головы у него крупными, с соевый боб, каплями катится пот. Меня мэр осыпала похвалами, отметив мои заслуги не только перед первым ежегодным фестивалем Обезьяньего вина, но и перед всем Цзюго. Потом стала задушевно расспрашивать обо всем подряд: как дела дома, как на работе, об увлечениях в нерабочее время, об отношениях с друзьями. В душе словно разлилось весеннее тепло, и я выложил всё, ничего не скрывая. Мэр живо интересовалась, как обстоят дела у Вас, наставник, и лично попросила от своего имени пригласить Вас принять участие в фестивале Обезьяньего вина. Когда речь зашла о командировочных и

об оплате за питание и проживание, она лишь фыркнула: «Да одного бракованного вина, произведенного в Цзюго, хватит, чтобы принять десяток мо яней».

Наставник, я уже твердо решил передать право на выбор названия для этого нового вина Вам. Теперь от Вас зависит, будет ли это «Красавица Си хмурит брови» или «Дай Юй хоронит цветы». А если Вы предложите нечто более прекрасное, будет вообще замечательно. Мэр согласна заплатить по тысяче за каждый иероглиф в нем. Кроме того, осмеливаемся попросить Вас написать рекламу для этого вина. Мы готовы запускать ее, сколько бы она ни стоила, в прайм-тайм на центральном телевизионном канале, чтобы вся страна, весь мир знал о вине «Дай Юй хоронит цветы» или «Красавица Си хмурит брови». Поэтому текст этой рекламы имеет очень большое значение. Написано должно быть интересно и с юмором, а также с волнующими образами, чтобы зрители смогли словно воочию увидеть сестрицу Линь Дайюй или старшую сестрицу Си Ши: нахмуренные

брови, руки прижаты к груди, мотыга на плече, маленькие губки вишенкой, бредет, словно колышущаяся под ветром тонкая ива. У кого хватит духу не купить его, особенно среди тех, кто подвержен мукам любви, кто несчастлив в ней, а также среди определенного типа экзальтированной молодежи, воспитанной в традициях классической литературы, – они последние штаны заложат, но купят его. Будут пить и наслаждаться, оно станет для них лекарством от любовных недугов или «снарядом в сахарной оболочке»[190]*, который позволит осуществить материальное наступление на предмет своей любви с налетом духовности или же придать духовный стимул с налетом материальности, чтобы добиться своего. Под воздействием направляющей силы Вашей исключительно сентиментальной, душещипательной рекламы привкус этого словно ослабленного болезнью вина может стать ароматом болезненной – а стало быть, чарующей души – любви,*

[190] Примечания: 190

Один из пропагандистских штампов времен «культурной революции».

заглушить боль великого множества податливых, развившихся не так, как надо, сердец молодых китайцев из мелкобуржуазных слоев, которые любят выискивать примеры для подражания среди романтических литературных героев, сможет дать им идеалы, надежду, силы, чтобы обуревающие их чувства не доводили до самоубийства. И тогда это вино станет вином любви, и оно потрясет мир. А его недостатки превратятся в ярко выраженное своеобразие, что и будет привлекать всеобщее внимание. На самом-то деле, наставник, вкусовые предпочтения всего лишь дело привычки. Когда все вокруг называют что-то хорошим, никто не осмелится сказать, что ничего хорошего в этом нет. В предпочтениях масс скрывается высочайшее могущество и власть, вроде власти заведующего орготделом горкома над рядовым партработником. Если он говорит, что ты хороший, то, хорош ты или плох, ты все равно будешь хороший; а если скажет, что плохой, то все одно останешься плохим. Кроме того, еда и питье

при чрезмерном увлечении ими превращаются в страсть, старому предпочитают новое, желают чего-то рискованного, ищут острых ощущений. Многие из так называемых гурманов изменяют традициям, смотрят свысока на что-то, приготовленное по традиционному рецепту. Надоел белоснежный, ароматный соевый творог – доуфу, начинают потреблять покрытый плесенью вонючий доуфу; приелась великолепная нежная свинина – едят протухшую, кишащую червями. По этой же логике, когда уже невмоготу вкушать настоящие чудесные вина и амброзии, начинают искать что-нибудь со странным привкусом – горьким, острым, кислым, терпким, что раздражало бы слизистую оболочку рта и вкусовые рецепторы на языке. Так что, пока мы ведем за собой в нужную сторону, не будет вина, которое мы не сможем реализовать. Надеюсь, Вы набросаете несколько строк, пока пишете роман. Если наш мэр с таким жаром отстаивает свою позицию, Вы непременно получите щедрый гонорар, и, возможно, сумма за

небольшую рекламу намного превзойдет вознаграждение за полгода напряженной работы над романом.

Кроме того, в последнее время я много работал над грандиозным замыслом, родившимся в результате беседы с мэром: она хочет, чтобы я создал и возглавил творческую группу по составлению проекта «Винных уложений». Понятное дело, «Винные уложения» станут основополагающим законом для всего, что касается вина. Если мы преуспеем в этом, можно без преувеличения сказать, что для вина откроется новая эра, которая воссияет на тысячелетия и послужит на пользу многим поколениям. Это деяние исторического масштаба, и я от всего сердца приглашаю Вас принять участие в работе группы. Даже если не сможете написать, станьте хотя бы нашим главным советником. Если это дело выпляшется, надеюсь, Вы не ответите отказом.

Прошу извинить за то, что письмо получилось таким сбивчивым и маловразумительным, но эта неразбериха в основном, естественно, из-за вина. При-

лагаю к письму свое произведение в духе «новой реальности», созданное вчера вечером в подпитии, с не совсем ясной головой, и прошу Вашей критической оценки. Достойно оно публикации или нет – решать Вам. Я его написал, чтобы получилось счастливое число. Всегда почитал число девять, и этот рассказ под названием «Город вина» у меня девятый, а «девять» произносится как и «вино» – «цзю». Хочу, чтобы он воссиял новой звездой, которая высветит мое покрытое мраком прошлое, а также лежащий передо мной непроторенный путь.

Жду, жду Вашего приезда, уважаемый наставник. Вашего приезда ждут здешние горы, его ждут здешние воды, ждут молодые люди, ждут молодые женщины. Молодые женщины похожи на цветы, из их уст исходит похожий на небесную музыку винный аромат…

Почтительно желаю безмятежного покоя!

Ваш ученик Ли Идоу

2. «Город вина»

К нам в Цзючэн, город вина, можно добраться из любой точки земного шара — самолетом, пароходом, на верблюде, на осле и даже на свиноматке. Все дороги ведут в Рим, все канавы текут в Цзючэн. В мире немало красивых мест, но таких, чтобы превосходили красотой Цзючэн, — единицы. А если не злоупотреблять расплывчатыми выражениями и говорить напрямую, то таких нет и вовсе! У нас в Цзючэне люди по характеру прямые, как ствол гаубицы. Только в стволе гаубицы еще нарезка имеется, а у наших в Цзючэне даже такого в животе нет: вставишь в рот палку, так другой конец из задницы выйдет, даже не искривится ничуть. Вот такой у нас, цзючэнцев, характер. Чтобы было еще понятнее, скажу, что Цзючэн еще и административный центр Цзюго. Если что-то упустил, прошу понять правильно.

За сотню ли от Цзючэна уже чувствуешь разносящийся во все стороны винный аромат, а с пятидесяти его различают даже те, у кого туго с обонянием. Это не мои фантазии, а истинная правда: пролетающие над Цзючэном «боинги» всегда ни с того ни с сего начинают выделывать

круги и кувыркаться — непосредственно и живо, романтично и чувственно, опьяненные и одурманенные. Создается впечатление, что им всё по плечу, они, как говорится, вспахивают облака и сеют дождь, и ведут себя совсем не как обычно, так сказать, сотрясают луаня[191] и свергают феникса. Но безопасность все же будет обеспечена, товарищи, дамы и господа, друзья, волноваться не стоит, потому что в самолете вы тоже станете непосредственны и жизнерадостны, как напившиеся вина щенки. Этот неописуемый аромат, самый прекрасный на земле и в небесах, словно манит всех слетать в Цзючэн и испытать на себе его воздействие.

В самом центре Цзючэна расположены мэрия и горком партии. Во дворе горкома стоит громадный белый чан для вина, во дворе мэрии — большой пузатый винный сосуд из глины, только черный. Не надо думать, что за этим скрыта некая ирония, всё совсем не так. Со времени провозглашения политики открытости и реформ в целях скорейшего улучшения жизни народных масс все партийные комитеты и властные структуры ломали головы, выдвигали идеи и придумывали

---

[191] Примечания: 191

Луань — мифическая птица, посланец небожителей.

способы приведения реальной обстановки на местах в соответствие с духом решений ЦК. Какие только способы и формы не появлялись: «живешь у горы — кормись с горы», «есть вода — продавай воду», «есть красивые места — развивай туризм», «растет табак — производи сигареты»... И вот, после десяти с лишним лет бурного подъема, появились Гуйчэн — город призраков, Яньду — столица табака, Баочжуши — городок хлопушек... Особенность нашего Цзюго в том, что у нас много вина и оно очень качественное, поэтому и партком, и мэрия крепко уцепились за него: основана академия виноделия, идет подготовка к строительству музея виноделия, расширено производство на двенадцати старых винокуренных заводах и построено три новых, очень крупных, на которых внедрены лучшие мировые технологии. Упор на вино привел к развитию целой сферы специальных услуг, включая ресторанный сервис и разведение редких животных и птиц. Теперь аромат вина разносится по всему Цзюго. Прекрасное вино можно найти за каждой дверью, рестораны исчисляются тысячами, их яркие огни горят днем и ночью, вино и деньги текут рекой. Славное вино и изысканная еда привлекают в Цзюго множество туристов, отечественных и

зарубежных, любителей вкусно поесть и выпить. Из числа тех, кто приезжает в Цзюго осмотреть достопримечательности, выпить вина и хорошо поесть, больше всего внимания оказывается, конечно, оптовым торговцам вином, благодаря которым прекрасное вино Цзючэна и отличная репутация достигают самых удаленных уголков мира. От нас льется прекрасное вино — «мэй цзю», а к нам текут доллары — «мэй юань»[192]. За последние годы ежегодно выплачиваемые государству налоги уже достигли суммы в сотни миллионов юаней, а это немалый вклад. В то же время значительно повысился жизненный уровень жителей Цзюго. Они давно уже живут в сравнительном достатке, а теперь стремятся к «среднему достатку» и мечтают о «большом». Что, спросите вы, понимается под этим «большим достатком»? Да коммунизм, вот что. Теперь, дочитав до этого места, вы, дорогие читатели, понимаете, какой важный смысл заключен в винном чане и винном сосуде во дворе горкома партии и мэрии.

Ну, дорогие читатели, на этом свою праздную болтовню заканчиваю и перехожу, собственно, к

---

[192] Примечания: 192

Игра слов: для сокращения «американский» используется тоже иероглиф «мэй» — «прекрасный».

теме моего рассказа — к Цзючэну. Пока вы, дамы и господа, любуетесь цветом прекрасного вина из Цзюго, вдыхаете его аромат и пробуете на язык, послушайте, как я без устали буду рассказывать вам о нем, а еще послушайте песни о вине, которые исполняют красивые девушки. Насладитесь от души, не стесняйтесь: когда добрые друзья встречаются за вином, и тысячи чарок бывает мало; когда не сходятся во мнениях, остается лишь разговаривать дальше. На полках перед вами — лучшие вина Цзюго, а на столах — самые разнообразные блюда. Прошу испить и отведать, сколько и чего желаете. Напитки бесплатные, еда тоже. Как глава комитета по проведению нынешнего мероприятия — представления новинок из Цзючэна, — я изначально намеревался взимать за питание по пять цзяо[193] с человека. Однако мэр сказала, что с нашей стороны это будет лицемерием, сравнимым с попыткой установить мемориальную арку проститутке. На эти пять цзяо и половинки ослиного хозяйства не купишь, стоит ли взимать столько! К тому же все сидящие сейчас за столом — наши дорогие гости, проделавшие долгий путь, чтобы прие-

[193] Примечания: 193
Цзяо — десятая часть юаня.

хать сюда, и если мы будем брать с вас деньги за еду, то в Поднебесной у всех, кто узнает об этом, от смеха зубы повываливаются. Этак зубоврачебные клиники враз разбогатеют. Кстати сказать, по результатам исследований ударной научно-технической группы в цзючэнской стоматологической клинике недавно разработан материал для протезирования, который никогда не снашивается, так что, если у кого-нибудь проблемы с зубами, господа, мигом отправляйтесь туда и лечитесь, это бесплатно. Вставите себе такие, и уже не страшно ни холодное, ни горячее, ни кислое, ни сладкое: кусай твердое, как медь, жуй хоть железо, ни один затвердевший продукт не устоит перед вашими острыми зубами. Это так, к слову, а теперь вернемся к нашей основной теме. История виноделия у нас в Цзючэне насчитывает по крайней мере три тысячи лет. Большинство сведений о далекой древности дают экспонаты, найденные при археологических раскопках. Посмотрите вот этот видеосюжет: это место называется Юэгуандуй. Под ним — древние руины, откуда извлечено более трех тысяч предметов. Половина из них — посуда для вина: всевозможные кубки, чаши, большие пузатые горшки, кувшины, кубки-треножники — в общем, чего

только нет. Эксперты считают, что возраст Юэгуандуй — три с половиной тысячи лет, а это время поздней династии Ся. Даже в те далекие времена вино и деньги здесь текли рекой и разносился чудесный винный аромат. В наше время среди виноделов распространилось скверное поветрие: всяк норовит размахивать своим знаменем, как тигровой шкурой, один говорит, что с его вина напивался великий Юй[194], другой — что от его вина пьянел Канси[195], у одного без его вина не обходилась Ян-гуйфэй, у другого с его вина ханьский У Ди[196] не мог ни ногой, ни рукой шевельнуть, и так далее. Как говорится, «ложные взгляды получили широкое распространение» и причиняют большой вред. Мы же в Цзючэне ищем истину в реальных фактах и ими убеждаем людей. Взгляните на этот кирпич, друзья. Это кирпич необычный, портретный, династии Восточная Хань, и найден здесь, в Цзючэне. На нем изображено производство вина. Мы с удоволь-

---

[194] Примечания: 194

Юй — первый правитель мифической династии Ся.

[195] Примечания: 195

Канси (1654–1722) — второй император династии Цин.

[196] Примечания: 196

У Ди — император династии Хань (время правления 141–87 до н. э.), создал сильное государство и ввел конфуцианство как государственную идеологию Китая.

ствием отмечаем, что в тогдашнем Цзюго при производстве вина уже применялось разделение труда и взаимодействие: в левом верхнем углу изображения женщина левой рукой придерживает над бродильным чаном большой круглый котел, а правой помешивает в чане охлажденную воду. Мужчина справа от чана подбрасывает дрова в огонь под ним. Стоящий слева от винного чана внимательно следит за процессом переливания вина. Мужчина в нижней части картины, вот он, несет ведра на коромысле, — работник, который следит, чтобы было достаточно воды. Наглядно показан процесс производства вина, каким он был несколько тысячелетий назад. И он точно соответствует тому, как описал его в своем известном произведении «Гаоляновое вино» мой наставник Мо Янь. Теперь взгляните на второй кирпич, называемый «Винная лавка». На улице перед лавкой множество сосудов с вином, за прилавком стоит хозяин, а вверху слева, приплясывая от радости, к лавке устремились двое клиентов. А вот и третий кирпич, который называется «Пир». На нем изображено семь человек — трое в центре, по два справа и слева, — все рассажены строго по ранжиру. Перед ними расставлены чарки и кубки, на столе полно яств. Все

протягивают друг другу блюда и поднимают чарки, приглашая выпить и закусить, как это делаем сегодня и мы. Тут моя болтовня заканчивается. Эти три кирпича — твердое и основательное подтверждение тому, что именно в Цзючэне были заложены основы культуры потребления вина китайского народа. Они полностью опровергают лживые измышления, появившиеся вокруг истории вина, вдребезги разбивают и бутылку великого Юя, и чарку Сян Юя. Ян-гуйфэй отдали в наложницы из нашего Цзюго, и всякий раз, когда она собиралась совершать омовение водой из горячего источника, ей подливали бочку сделанного у нас в Цзюго гаолянового вина. Иначе могла ли ее кожа быть такой гладкой, а сама она — цветущей, как яблоня в благодатный весенний дождь? Ханьский Гаоцзу[197] — сын жителя Цзюго. Когда он родился, у матери не было молока, и отец поил его подогретым вином. Разве можно сравнить ребенка, выросшего на крепком вине, и дитя, вскормленное материнским молоком? Так что, хвастуны и врунишки, быстро сливайте ваши вина в речку. Вино истории — это вино

[197] Примечания: 197

Гаоцзу — храмовое имя Лю Бана, первого императора династии Хань (время правления 202–195 до н. э.); имел крестьянское происхождение.

Цзючэна, именно цзючэнское вино — носитель классической китайской культуры.

Товарищи, те, кто сеет лживые измышления, забыли общеизвестную истину, что дистиллированный спирт впервые появился при династии Хань, а во времена великого Юя спирт получали лишь в процессе брожения. Изображения на кирпичах ханьской династии подтверждают, что революционные перемены в истории виноделия начались в Цзюго.

Друзья, прекрасное вино Цзючэна льется уже много столетий, подобно водам Лицюаньхэ — Винного источника, и вступило уже в пору зрелости. В начале династии Цин появилась винокурня Фудатан — «Большой зал благоденствия», а также неизвестно кем созданное вино «Бубуцзяоцзю» — «Нежная поступь». Это стало основой для появления первой на винокурне Фудатан и вообще в Цзючэне марки крепкого вина — «Юньюй дацюй» — «Тучки и дождь»[198].

По преданию, в правление цинского императора Шуньчжи жил один небогатый бродячий торговец по фамилии Юань, именем И, а прозвищем Саньлю. Он открыл лавку и стал торговать

---

[198] Примечания: 198

«Тучки и дождь» — распространенный эвфемизм для обозначения любовного соития, оргазма.

вином, а позже построил винокурню и стал производить его. Овладев традиционными приемами цзючэнских виноделов того времени, он возмечтал о создании своей марки вина, но, к сожалению, заболел и безвременно умер. Его заветное желание сбылось лишь через три поколения. Прапраправнук Юаня по имени Цзюу продолжил дело предков и, опираясь на более богатый опыт рыночной торговли, в правление императора Цяньлуна выбрал участок земли за восточными воротами Цзючэна, рядом с храмом Матушки Чадоподательницы на улице Нюйэрцзин — улице Дочкиного Колодца, — и основал там свое дело.

Молва гласит, что под храмом Матушки Чадоподательницы расположен «глаз моря» и, если его потревожить, весь Цзючэн погрузится в пучину. Чтобы избежать этой напасти, люди и построили в складчину храм, отлили из золота статую богини и установили ее над «глазом моря». Храм посещало множество паломников, особенно каждый год на восьмой день четвертого лунного месяца, когда проводились храмовые праздники. В эти дни не только возжигали благовония — всюду царила праздничная атмосфера. Было много дам из благородных семей, и с тол-

пой смешивалось немало проходимцев, которые норовили потрогать дам за грудь и ущипнуть их за зад, что вызывало смех и крики. Вот уж где, по фэншуй, оказалось благодатное место для производства и продажи вина. Юань Цзюу купил участок земли рядом с храмом, построил там лавку под названием «Большой зал благоденствия», а позже рядом с Дочкиным колодцем, давшим название улице, появилась винокурня.

Дочкин колодец располагался всего в одном ли от храма Матушки Чадоподательницы, и вода в него поступала из речки Лицюаньхэ. Отфильтрованная галькой и песком, вода в колодце — чистая, прозрачная, студеная — считалась лучшей в Цзючэне. Поговаривали, что в этом колодце когда-то утонула женщина несравненной красоты. После смерти она обратилась в облачко, которое окутало колодец и долгие годы висело над ним. Не забыл прапраправнук Юаня и то, что в прежние времена Дочкин колодец был источником воды прекрасного качества для знаменитого вина «Бубуцзяоцзю». Мастер прекрасных вин, он выделялся среди других еще и тем, что заглядывал глубоко в историю. Вот и воду из Дочкиного колодца он выбрал для создания новых вин на винокурне Фудатан не только

потому, что вода — кровь вина, но и учитывая, что именно на ее основе в прошлом было создано вино «Бубуцзяоцзю», а также, что еще более важно, потому, что боги — душа вина. Да и у самого колодца была богатая культурная история.

Необычная целеустремленность, выдающееся мастерство, несравненный источник воды — все это, конечно, стало основой неординарного почина. Как только вино «Юньюй дацюй» появилось на рынке, его ждал невероятный успех. В «Большом зале благоденствия» от покупателей не было отбоя: туда непрерывным потоком стремились и батраки в коротком платье, и ученые в длиннополой одежде, и жулики, и проходимцы. Один из посетителей, поэт по имени Ли Саньдоу — Ли Три Доу, — написал два стиха в жанре цы, восхваляя вино «Юньюй дацюй»:

Храм богини долго скрывал весну,
От воды из колодца облачком аромат.
Открылся миру девы прекрасный лик,
Чудесный напиток создан, покоряет людей.

Вода лишь одеждой, облачком пухлым лицо,

Ни нитки на теле – то захмелевший Лю Лин[199].

Выпил «Юньюй» – какой теперь уж сон,

Чувства вздымаются выше горы Ушань.

Хоть и не без озорства, эти стихи прекрасно передают все достоинства этого вина.

Устроенная у храма Матушки Чадоподательницы лавка «Большой зал благоденствия» с винокурней за ней стала местом, где продукция могла напрямую попадать к потребителю. Идущие в храм поклониться богине издалека замечали огромную надпись черными иероглифами на золотом фоне. Уставные с элементами скорописи, красивые и изящные, они были начертаны кистью знаменитого на всю страну великого мастера каллиграфии господина Цзинь Маогуя. Парные надписи перед входом выбирала известная ученая дама госпожа Ма Куни. Они гласили:

Заходишь – дума на челе, душу терзают страсти.

---

[199] Примечания: 199

Лю Лин (221–300) — эксцентричный поэт-даос, один из Семи Мудрецов Бамбуковой Рощи. Славился пристрастием к вину и воспевал его в стихах. Бытует рассказ о том, что он расхаживал по дому нагишом, считая вселенную своим домом, а дом — одеждой.

Выходишь – высоко в ладонях любящее сердце.

Обстановка внутри лавки отличалась изысканностью, красотой и благородством, и это всем нравилось. Взгляд вошедшего сразу падал на большую красочную картину кисти госпожи Ли Мэннян, мастера живописи из Цзюго. У хмельной Ян-гуйфэй на картине распахнулись одежды, обнажая ее пышные формы, особенно соски, красные, как крупные вишни. Зашедшие туда выпить получали настоящее эстетическое наслаждение.

Тамошнюю посуду было не сравнить с утварью в обычной цзючэнской винной лавке: в каждом предмете что-то особенное. Чайники, в которых подогревалось вино, имели форму красивой женской ножки и различались по объему, так что посетители могли выбрать — один лян[200], три ляна, полцзиня. Держать в руках эту ножку, смаковать из нее вино — какие чувственные ощущения переполняли душу при этом! Какая красота, какой блеск! Просто бесподобно.

Слава об этой изысканной винной лавке ширилась, и странным историям и забавным анекдотам о ней не было конца.

---

[200] Примечания: 200
Лян — мера веса, 50 г.

По одной из них, во времена правления цинского Гуансюя[201] в один из холодных зимних вечеров всё вокруг покрыл белым ковром сильный снегопад, и приказчики лавки «Большой зал благоденствия» собирались закрывать заведение, когда увидели, что из темноты, весь в снегу, в лавку входит какой-то человек с фонарем. Он заявил, что его привередливой гостье захотелось вина «Юньюй», вот он и отправился сюда в такой ужасный снегопад. Однако вино в лавке в тот день уже было распродано, и хозяин стал рассыпаться в извинениях. Но посетитель и не собирался уходить. Тронутый его искренностью, хозяин лавки послал подмастерье за вином в хранилище. Но как только двери хранилища открылись и оттуда пахнуло вином, покупатель не захотел ждать и рванулся туда с фонарем в руке. Подмастерье, который безуспешно пытался остановить его, задел фонарь, запылала бумага на нем, и пламя быстро охватило все хранилище — произошел грандиозный пожар. Вино огненными потоками разлилось во все стороны. Поглотив хранилище «Большого зала благоденствия» и всю лавку, они, словно извивающиеся огненные драконы,

[201] Примечания: 201
Гуансюй — император династии Цин (годы правления 1889–1898).

сверкая синеватыми огоньками, достигли храма Матушки Чадоподательницы и оставили от него одно пепелище. Не забывайте, дорогие читатели, что в ту ночь выпало очень много снега, по земле, словно покрытой осколками яшмы и нефрита, бежали голубоватые потоки огня, и на фоне снежной белизны это было невероятно красивым зрелищем, которое просто не поддается описанию. Причины этого страшного пожара и то, как он происходил, обросли таинственными и необычными подробностями, поэтому благодаря ему лавка получила еще большую известность, и, когда «Большой зал благоденствия» был отстроен заново, дела пошли еще лучше. Страшный пожар, несомненно, стал великолепной рекламой.

«Юньюй дацюй» отличается не только крепостью, сладостью и превосходным вкусом, но и несравненным букетом. Однажды в конце весны один из рабочих на винокурне, открывая плетеную корзину с вином, по неосмотрительности уронил ее. Вино растеклось по улице, ее в одночасье наполнил густой аромат, и у прогуливавшихся там юношей и девушек хлынули из глаз слезы, лица их раскраснелись, и они перестали что-либо соображать. Пролетавшая мимо стая птиц закружила на месте, они позабыли, куда

летели, и попадали на землю. Вот уж действительно, и рыбу заставит нырнуть на дно, и гуся в полете опустит на землю, завораживает душу и вызывает духов[202]. Тысячи нежных чувств. Любовные ощущения без числа. Есть такие строки:

Оросил себе горло чаркой «Юньюй» –

Пред глазами чудесных картин без числа.

Небожителям впору такое вино,

Среди бренных людей где такого испить?

Дорогие гости, друзья, я уже много рассказал о достоинствах вина «Юньюй». Нужно добавить лишь следующее: внуком в шестом поколении того самого господина Юань Цзюу, создателя «Юньюй», является мой тесть Юань Шуанъюй, профессор академии виноделия Цзюго. Как профессор академии, он щедро делится уникальными приемами, которые передаются в его семье из поколения в поколение. Под его руководством, благодаря заботе и указаниям горкома партии и городского правительства, на резвом

[202] Примечания: 202

Традиционные характеристики красавицы, перед которой никто не может устоять.

скакуне политики открытости и реформ, на унаследованной нами базе мы в Цзюго за какие-то десять лет создали более десяти марок прекрасных вин, которые сравнимы с «Юньюй», а по некоторым параметрам даже превосходят его. Например, «Люй и чун де», «Хунцзун лема», «Ицзянь чжунцин» — «Любовь с первого взгляда», «Хошаоюнь» — «Пылающие облака», «Симэнь Цин», «Дайюй хоронит цветы»... Но еще более воодушевляет то, что мой тесть, профессор Юань, отправился в одиночку в горы Байюаньлин — нечесаный и грязный, седой старик с лицом ребенка, — чтобы подружиться с обезьянами, чтобы учиться у этих животных и, впитав их знания, продолжить традиционное занятие своих предков, «использовать опыт извне», «заставить прошлое служить настоящему, поставить иностранное на службу Китаю»[203], а обезьян — на службу человеку, чтобы в конечном счете добиться успеха, одним шагом достичь мировой известности своим Обезьяньим вином, одна капля которого рушит города![204]

---

[203] Примечания: 203

Популярные лозунги «политики реформ».

[204] Примечания: 204

«Красотой рушит города» — традиционное образное выражение о красавице.

Торжественная презентация Обезьяньего вина состоится на первом ежегодном фестивале Обезьяньего вина!

Легче получить тысячу лянов золотом, чем отведать каплю Обезьяньего вина!

Прочь колебания, друзья, срочно приезжайте в Цзюго!

Пока еще не поздно!

3

Брат Идоу, сочинение твое получил.

Тут как раз зашел приятель, который работает в издательстве, и я дал ему почитать «Город вина». Прочитав, он хлопнул ладонью по столу и воскликнул: «Браво! Вот это коммерция!» Еще он сказал, что если ты доведешь объем рассказа до семидесяти-восьмидесяти тысяч знаков и добавишь рисунки и фотографии, то можно будет издать отдельной книгой. Его издательство возьмется за это. От вашего города потребуется финансовая поддержка, а также вы должны гарантировать приобретение ста тысяч экземпляров тиража. Он считает, что раз вам все равно нужно готовить рекламные материалы для приезжающих на первый фестиваль Обезьяньего вина, то почему бы не включить в их число это иллюстрированное издание. Тогда гости фестиваля смогут приобрести книгу, в которой будет и история Цзюго, и сведения о его замечательных винах – и

удобно, и репрезентативно, и экономно, и эффективно в смысле рекламы. Считаю, что это прекрасная идея и ты мог бы обсудить ее с вашим мэром. За эту книгу вам придется выложить издательству тысяч пятьдесят. Какие-то пятьдесят тысяч, ведь для вас в Цзюго это сущие пустяки. Прошу сообщить по возможности быстро, как решится этот вопрос. Мой приятель проявил такой интерес, что перед уходом я дал ему твой адрес, и он, возможно, свяжется с тобой напрямую.

Что касается участия в выработке названий для новых вин, а также в группе по составлению «Винных уложений», то выгода от участия в этих мероприятиях очевидна. Думаю, что отрину ложную скромность и через некоторое время дам свое согласие. Закончу вот последнюю часть романа, над которой сейчас работаю, и отправлюсь в Цзюго. Тогда и обговорим всё подробно.

Желаю творческих успехов!

Мо Янь

4

…А-а-а! При мысли о Цзинь Ганцзуане и о всех сожранных и извергнутых в отхожие места младенцах в душе Дин Гоуэра ковшом Большой Медведицы вспыхнули уснувшие было чувства ответственности и справедливости, ярко высветив мрак расползающегося во все стороны сознания. В завитке ушной раковины и в самом кончике носа он ощутил невыносимую боль, словно их проткнули чем-то острым, причем смазанным смертельным ядом. Он невольно поднялся и сел. Перед глазами все кружилось, голова казалась огромной, как корзина из ивняка. С трудом разлепив опухшие веки, он заметил, как с его тела метнулись три или четыре большие расплывчатые серые тени. Они с глухим мясистым шлепком спрыгнули на землю, издав пронзительные звуки, что-то вроде чириканья. Что это за диковина такая — птица или зверь? На ум пришли рябчики и дикие кролики, летучие драконы и белки-летяги — их прекрасно готовят в Цзюго. Перед ним сверкнули зеленоватые глаза. Он с усилием повращал своими, словно забитыми песком, глазными яблоками, чтобы смочить

их секретом слезных желез. Навернулись слезы с запахом дешевой водки. Он вытер их тыльной стороной ладони, и картина стала понемногу проясняться. Прежде всего он разглядел сборище из семи-восьми больших серых крыс, которые яростно поблескивали в его сторону черным лаком своих мерзких глазок. От этих остреньких мордочек, торчащих усиков, отвисших животов и длинных, тонких хвостов желудок сжался, и из разинутого рта низвергся зловонный поток чего-то среднего между прекрасными напитками, изысканными яствами и натуральным дерьмом. По горлу будто лезвием полоснули, в носу как-то странно свербило, ноздри были забиты той же дрянью. Потом в глаза бросилась криво висящая на стене двустволка. И воспоминания, связанные с этим, вывели его из хаотического состояния. Тут же вспомнилось давешнее паническое бегство, похожий на призрака старик, незаконно торговавший клецками, старый революционер — сторож мемориала павших борцов, а также приплясывающий дух «маотай» с красным поясом и большой рыжий пес тигровой масти… Образов было множество, но не за что было зацепиться — как будто смотришь сразу на сотню распускающихся цветов. Вроде сон, а

вроде и нет, явь и фантазия одновременно. А тут еще вспомнились роскошные формы шоферицы. Отделаться от отвлекающих мыслей и вернуться к реальности заставила большущая крыса, которая запрыгнула ему на плечо и с невероятной ловкостью впилась в шею. Встряхнувшись всем телом, он сбросил крысу, однако непроизвольно вырвавшийся было у него истошный вопль так и замер на губах при виде представшего перед ним поразительного зрелища. С разинутым ртом он тупо смотрел на старого революционера, который лежал навзничь на своей лежанке, а на нем деятельно копошились с десяток здоровенных крыс. Нос и уши старика были начисто обглоданы этими голодными тварями — а может, и не голодными, — жутко смотрелся и безгубый рот с торчащими деснами, изрекавший когда-то столько мудрых суждений, невыразимо страшно выглядел и лишенный облекавшей его плоти череп. Осмелев, эти гнусные твари глодали его руки, которые когда-то умело обращались с оружием, и от них уже остались лишь белые кости, похожие на очищенные от коры веточки ивы. Следователь хорошо относился к закаленному в боях старому революционеру, который в трудную минуту протянул ему руку помощи, и рванулся, чтобы

отогнать крыс. Но когда он готов был обрушиться на них, их глаза вдруг стали быстро менять цвет: с лаково-черного на розовый, с розового — на зеленоватый. В испуге он попятился и уперся спиной в стену. Дальше отступать было некуда. Крысы сомкнули ряды и, оскалив зубы и подергивая усиками, злобно уставились на него, готовые в любой момент броситься в атаку. Следователь ткнулся спиной в висевшее на стене ружье, и его вдруг осенило. Он тут же повернулся, схватил его, навел на крыс, нащупал пальцем спусковой крючок — он был готов встретить врага.

— Стоять! — заорал он. — Еще шаг — и вам крышка!

Крысы стали переглядываться и приплясывать, словно издеваясь. Захлебнувшись от ярости, он аж зубами заскрипел:

— Ах вы, твари разэтакие! Сейчас увидите, с кем имеете дело!

И спустил курок. Раскатом грома прогрохотал выстрел, и вслед за огненной вспышкой по комнате поплыли клубы дыма. Когда дым рассеялся, он с удовлетворением отметил, что крысиного воинства выкошено немало. Уцелевшие, кляня родителей за то, что у них всего четыре лапы, стремительно разбежались по балкам и кар-

низам и в мгновение ока скрылись без следа. Следователя охватила паника, когда он заметил, что этим выстрелом не только обратил в бегство крыс, но и изрешетил лицо старого революционера. Прижав к груди ружье, он привалился к стене, ноги подкосились, и он сам не свой сполз на пол. На лице его отразилась невыносимая душевная мука. «Конечно, старик сначала умер, а уж потом крысы опаскудили его труп, — думал он. — Но кто поверит, что все так и было, глядя на его испещренную дробинками голову?! Все подумают, что в него сначала стреляли, а уж потом крысы обезобразили его. Эх, Дин Гоуэр, Дин Гоуэр, на этот раз хоть в Янцзы сигай — все одно не отмоешься. Янцзы помутнее Хуанхэ будет». «Как появится святой, быть прозрачней Хуанхэ, фонари все вырезают, по воде с огнем пускают[205]. Из чего же тот фонарь? Тыква, дыня и арбуз. Из чего фонарь, из чего фонарь? Тыква, с огурцом другая и твоя башка пустая». В ушах павшего духом следователя по особым делам эта считалочка, которую он повторял когда-то в детстве, — мелодичная, исполненная таинственного смысла, — звучала сначала будто издалека, а потом все ближе, пона-

[205] Примечания: 205

В Китае до сих пор жива традиция вырезать из овощей фонари и пускать их по воде на праздник Середины осени.

чалу неотчетливо, а потом ясней и громче, пока не разлилась естественно и непринужденно во всем величии огромным хором детских голосов. А на месте дирижера перед этим детским хором из нескольких сот человек стоял его сын, с которым они уже так давно не виделись. Белоснежная рубашка и шорты небесно-голубого цвета, этакое белое облачко, плывущее в небесной голубизне, одинокая чайка, парящая над морем. Две капли мутноватой и теплой, как подогретое вино, жидкости потекли из глаз следователя, омочив щеки и уголки рта. Он поднялся и потянулся руками к сыну, но белоснежно-голубой образ неторопливо уплыл вдаль. А перед глазами снова появилась жуткая, сотворенная им вместе с крысами картина невероятно жестокого убийства, которому суждено всколыхнуть весь Цзюго.

Чарующий образ сына вывел его из кладбищенской сторожки. На улице он увидел того самого полосатого, как тигр, большого пса, когда-то пугавшего его до оцепенения. Тот лежал на боку под темно-зеленым тополем, вытянув лапы, и из пасти у него текла кровь: видимо, издох от какой-то отравы. Насмерть перепуганный следователь нагнулся и стал протискиваться через собачий лаз в воротах. На неровном, разбитом асфаль-

те — ни души. Лишь длинная тень от бетонного придорожного столба. В полном смятении он остановился, глядя в сторону заходящего солнца, бросавшего на его лицо кроваво-красные отблески. Долго стоял он, размышляя, но так ничего и не придумал.

По громыханию проходившего через Цзюго поезда стало понятно, куда идти. Он шагал по дороге, полагая, что двигается в сторону железнодорожной станции. Но путь ему преградила река. В сумеречной дымке она красиво отливала золотом, и в сторону заходящего солнца под еле слышное поскрипывание весел по ней скользило несколько разукрашенных лодок. Похоже, в лодках сидели одни влюбленные парочки: ведь только влюбленные могут, обнявшись, молча смотреть друг на друга, как помешанные. На корме одной из них орудовала веслом, вытягивая шею и напрягая спину, невысокая коренастая женщина в старинной одежде. Весло не только разрезало золотую глазурь, но и поднимало вонь от гниющих трупов и жаркий дух винной барды, которыми полнилась река. Работала она веслом как-то очень делано, словно не управляла лодкой, а изображала это на сцене. Лодка скользнула мимо, за ней еще одна, потом еще и еще. Все

пассажиры так же влюбленно пялились друг на друга, а все лодочницы на корме жеманничали. Было такое впечатление, что и пассажиры, и лодочницы прошли строгое обучение в каком-то специальном учебном заведении. Сам того не замечая, он пошел вдоль берега вслед за этой флотилией лодок по выложенной восьмиугольными бетонными плитками дорожке. Стояла поздняя осень, листья с прибрежных тополей и ив в эту пору уже облетели, а еще оставшиеся на ветвях казались вырезанными из золотой фольги — красивые, словно драгоценности. Душа шагавшего за лодками Дин Гоуэра понемногу успокаивалась, и все мирские невзгоды одна за другой постепенно стирались из памяти. Кто-то идет навстречу солнцу встающему, он же шел к солнцу на закате.

За излучиной река стала шире. В окнах множества старинных теремов уже зажегся свет. Лодки одна за другой причаливали. Все эти помешавшиеся друг на друге парочки вереницей высыпали на берег и растворились на оживленных городских улицах, где очутился и следователь. Ему все казалось исторической подделкой. Люди на улицах были словно тени. От этой размытости тело и душа расслабились, и он уже не шагал, а будто плыл.

Двигаясь в людском потоке, он зашел в храм Матушки Чадоподательницы, где несколько красивых женщин стояли на коленях перед золотой статуей богини с розовым лицом и пунцовыми губами и отбивали земные поклоны. Все они опирались задом на каблуки своих туфель. Он долго и завороженно смотрел на эти острые каблуки, а в голове вертелись мысли о том, какие, должно быть, глубокие от них остаются вмятины. Спрятавшийся за колонной маленький бритоголовый буддийский монах стрелял по задранным задам из рогатки катышками грязи. При каждом попадании одна из коленопреклоненных дам взвизгивала. Монах при этом тут же складывал ладони, закрывал глаза и бубнил нараспев буддийскую молитву. Недоумевая, что у этого маленького монаха на уме, Дин Гоуэр подошел к нему и согнутым средним пальцем постучал ему по бритой голове. Монах взвизгнул девчоночьим голосом. Следователя тут же обступила целая толпа; его, как А-Кью, героя рассказа Лу Синя, стали обвинять в хулиганстве и в заигрывании с маленькой девочкой. Случившийся рядом полицейский схватил его за шиворот, выволок из храма и пинком вытолкнул из ворот на улицу. Растянувшись у ступеней храма, словно собака,

дерущаяся из-за кучки дерьма, Дин Гоуэр обнаружил, что у него рассечена губа, шатается зуб, а во рту стоит тошнотворный привкус крови.

Потом он шел по горбатому мостику и видел, как поблескивает под ним вода, отражая огни фонарей, которые то разгорались, то угасали. По воде скользила большая лодка, с нее доносилась музыка и пение, словно это было ночное шествие небожителей.

Чуть позже он зашел в одно из питейных заведений. Вокруг стола сидело с десяток человек в широкополых шляпах, они пили вино и ели рыбу. От ударивших в нос ароматов у него аж слюнки потекли. Хотелось подойти и попросить поесть, но было неловко за свой внешний вид. Но голод не тетка: улучив момент, он лютым тигром метнулся к столу, схватил бутылку вина и рыбину и пустился наутек. Отбежав подальше, стал прислушиваться, не доносятся ли шум и крики.

Укрывшись в тени какой-то стены, он принялся за еду. Когда от рыбы остались лишь кости, он разжевал их и тоже проглотил. Вино выпил до капли.

Потом бродил вокруг, глядя, как поблескивают в воде мириады звезд и златокудрым мальчуганом прыгает по воде большая красная луна. Звуки

веселья на воде раздавались все громче. Вглядевшись туда, откуда они доносились, он увидел большую расписную джонку для увеселений, которая медленно приближалась по течению реки. Джонка сияла огнями, на палубе под звуки пипа и шэна[206] пели и танцевали девушки в старинных одеждах. На столе, уставленном экзотическими яствами, было полно прекрасного вина, и с десяток разодетых мужчин и женщин играли в застольные игры на пальцах, раздавали наказы со штрафными чарками. Все — и мужчины, и женщины — уплетали еду с одинаковой жадностью — чай не прежние времена. Одна женщина, разинув огромный рот, уписывала всё подряд, как свиноматка, даже не поднимая головы. У смотревшего на все это Дин Гоуэра аж круги перед глазами поплыли. Джонка подошла ближе, уже были различимы черты пассажиров и слышно их смрадное дыхание. Следователь разглядел множество знакомых лиц: Цзинь Ганцзуань, шоферица, Юй Ичи, завотдела Ван, партсекретарь Ли… А одно лицо удивительно напоминало его самого. Похоже, его задушевные друзья, любовница и враги собрались вместе на этой людоедской

---

[206] Примечания: 206

Пипа́, шэн — старинные китайские музыкальные инструменты.

вечеринке. Почему людоедской? Да потому что как завершающее блюдо снова внесли сидящего на большом позолоченном подносе истекающего маслом и распространяющего вокруг чудесный аромат пухленького мальчика с завораживающей улыбкой на лице.

«Сюда, любезный Дин Гоуэр, к нам давай...» — донесся нежный голос капризной, но миловидной шоферицы, и она, высоко подняв белоснежную ручку, несколько раз махнула ему. За ее спиной величественный Цзинь Ганцзуань склонился к миниатюрному Юй Ичи и что-то сказал ему на ухо. На лице Цзинь Ганцзуаня играла снисходительная улыбочка, а Юй Ичи понимающе осклабился.

«Я протестую!» — воскликнул Дин Гоуэр и, собрав остатки духа, устремился к разукрашенной джонке. Но по дороге угодил в большую незакрытую выгребную яму, где жиденькой жижей выбраживало все съеденное и выпитое во время пьянки, а потом выблеванное жителями Цзюго; там же скапливались их испражнения и плавали использованные вздувшиеся презервативы и прочая грязь, какую только можно себе представить. Это было благодатное местечко для зарождения самых разных вирусов, бактерий

и микроорганизмов, рай для мух, раздолье для личинок. Он понимал, что это место не должно стать его последним прибежищем, и, чувствуя, что теплая жижа вот-вот зальется в рот, торопливо воскликнул: «Я протестую! Про…» Грязь совершенно бесцеремонно заткнула ему рот, сила земного притяжения неудержимо потянула вниз, и через несколько секунд все идеалы, справедливость, достоинство, честь, любовь и многие другие священные понятия вслед за горемыкой-следователем по особо важным делам погрузились на самое дно отхожего места…

Глава десятая

1

Брат Идоу!

Я уже заказал билет на поезд в Цзюго на 27 сентября. По расписанию он прибывает 29 сентября в 2.30 ночи. Время ужасное, но что поделаешь – других поездов нет, поэтому вынужден обеспокоить тебя.

«Обезьянье вино» прочел, и мыслей в связи с этим немало. Подробно поговорим при встрече.

С наилучшими пожеланиями,

Мо Янь

2

Писатель Мо Янь, мужчина среднего возраста, полный, с жидкими волосенками, глазами-щелочками и кривым ртом, возлежит со сравнительным комфортом на жестком лежачем месте — если сравнивать с жестким сидячим, — и сна у него ни в одном глазу. В составе включили ночной режим освещения, лампочка над головой погасла, и только напольные лампы мерцают слабым желтоватым светом. Между мной и этим Мо Янем немало общего, но и различий хватает. Я вроде рака-отшельника, а Мо Янь — раковина, которую я занимаю. Мо Янь — шляпа, что защищает меня от ветра и дождя, собачья шкура, которую я накидываю, чтобы не продуло холодным зимним ветром, маска, которую надеваю, чтобы соблазнять девиц из приличных семей. Иногда кажется, что этот Мо Янь для меня тяжкое бремя, но от него никуда не деться, как раку-отшельнику не избавиться от своей раковины. Удается это лишь в темноте, да и то ненадолго. Вижу, как он мягко растекается по узкому спальному месту, как беспрестанно ворочается туда-сюда на крохотной подушке его большая голова: за долгие годы

писательского труда шейные позвонки окостенели и застыли, поэтому шея поворачивается с трудом. Просто тошнит от этого Мо Яня, что правда, то правда. А в голове у него сейчас ну какая только дичь не крутится: обезьяны, делающие вино и черпающие лунный свет; следователь, схватившийся с карликом; ласточки-салаганы, строящие гнезда из собственной слюны; карлик, приплясывающий на животе красивой женщины; кандидат виноведения, амурничающий с собственной тещей; репортер, снимающий на видео приготовление блюда из младенца; гонорары за рукописи, поездки за границу, ругательства всякие… Никак в толк не возьму: ну какое удовольствие, когда голова у тебя захламлена такой ерундой?

— В Цзюго приехали, Цзюго! — Покачиваясь и постукивая о ладошку компостером, показалась маленькая, тощая проводница. — Цзюго, кто еще не получил билеты — быстренько давайте, быстренько.

В один миг сливаюсь с Мо Янем, он садится на своей полке, я, соответственно, тоже. Живот начинает пучить, шею не повернуть, свободно дышать уже не могу, и привкус во рту жуткий. Ну и грязнуля этот Мо Янь, ни в одну глотку не

полезет. Вижу, как он достает жетон из серого пиджака, который носит уже не знаю сколько лет, получает билет, потом неуклюже спрыгивает со своей полки и начинает нашаривать своими невыносимо вонючими ногами, похожими на раков-отшельников, ищущих свои раковины, свои невыносимо вонючие туфли. Пару раз кашляет, торопливо заворачивает в засаленное махровое полотенце, которым вытирает и лицо и ноги, грязную кружку для воды, засовывает ее в серую дорожную сумку, потом тупо сидит несколько минут, уставившись на волосы похрапывающей на нижней полке женщины — агента по продажам с фармацевтической фабрики, потом встает и, пошатываясь, бредет к выходу из вагона.

Спускаясь на перрон, вижу, как пляшут в тускло-желтом свете фонарей белые капли осеннего дождя. На платформе ни души, только неторопливо прохаживаются несколько человек в синих шинелях. В дверях вагонов, молча, съежившись, словно курицы после мучительно долгой ночи, стоят проводницы. В составе тихо, будто там ни души. За ним звонко журчит вода: наверное, заправляют цистерны. Впереди ярко светит прожектор. Рядом с составом какой-то человек во френче обстукивает колеса остроконечным моло-

точком, как ленивый дятел. Поезд весь влажный, он подшипывает, переводя дух, и блистающие под светом фонарей, разбегающиеся к далеким станциям рельсы тоже мокрые. Похоже, долго шел дождь, но в вагоне я этого не замечал.

«Не думал, что на вокзале в Цзюго будет так тихо и спокойно, настолько тихо и спокойно. Что будет моросить осенний дождь, что будет яркий, теплый, золотистый свет фонарей, что будут поблескивать мокрые рельсы. Что будет такая, чуть прохладная, погода и такой свежий воздух, такой темный подземный переход под железнодорожными путями. В этом есть что-то от маленьких станций, какие встречаются в детективных романах, и мне это нравится. «…Дин Гоуэр идет по подземному переходу под железнодорожными путями, а в ноздрях у него еще стоит густой аромат, исходивший от приготовленного ребенка. По лицу мальчонки с золотистым тельцем блестящими каплями стекает темно-красное масло, а в уголках рта играет таинственная усмешка…» Провожаю глазами поезд, который, погромыхивая, уплывает все дальше, пока не исчезает за поворотом красный хвостовой фонарь. Лишь после того как откуда-то очень издалека, из ночного мрака, доносится его лязг, беру сумку,

спускаюсь в подземный переход и шагаю по его неровному покрытию, слабо освещенному маломощными лампами. Сумка на колесиках, я тащу ее за собой, но она тарахтит, поэтому я закинул ее на спину. Переход оказался очень длинным, мои шаги звучат громче, чем на самом деле, и в душе какая-то пустота… Надо связать приключения Дин Гоуэра в Цзюго с этим подземным переходом. Где-то здесь должен быть тайный рынок, где торгуют «мясными» детьми, здесь должны обретаться пьяницы, проститутки, нищие, да и полубешеные собаки, и именно здесь он находит важные нити, ведущие к раскрытию дела… Уникальность места действия — важный фактор, он определяет успех произведения, искусный литератор всегда заставляет своих героев действовать в беспрестанно меняющейся обстановке, потому что это не только позволяет скрыть некоторые недоработки автора, но и мобилизует активность читателя в процессе чтения». Размышляя таким образом, Мо Янь поворачивает за угол и видит скорчившегося под потрепанным одеялом старика, а рядом с ним — зеленоватую винную бутылку. «Я почувствовал облегчение, узнав, что нищим в Цзюго тоже есть что выпить. Этот кандидат виноведения Ли Идоу, тоже мне — столько

рассказов понаписал, и все о вине да о вине, нет чтобы написать хоть один про нищих. Нищему пьянице не нужны ни деньги, ни еда, он знай только просит выпить, а напьется, и давай песни распевать да плясать, блаженствуя, как небожитель. Странный все-таки тип этот Ли Идоу, — что он, интересно, собой представляет? Как ни крути, надо признать: все эти рассказы, что он прислал, в конечном счете изменили мой собственный роман. Ведь предполагалось, что из моего Дин Гоуэра получится блестящий персонаж, вроде супердетектива Хантера, а он вот превратился в последнего пьяницу и никудышного человека. Писать дальше о Дин Гоуэре уже не получается, поэтому я и приехал в Цзюго: за вдохновением и за тем, чтобы придумать для своего следователя по особо важным делам финал чуть получше, чем утонуть в общественном нужнике».

Ли Идоу он заметил, подойдя к выходу с вокзала. Он каким-то шестым чувством понял, что этот худой, долговязый человек с треугольным лицом и есть кандидат виноведения и одновременно писатель-любитель. И направился в сторону этих больших глаз, посверкивающих пугающим свирепым блеском.

Тот протянул через железное ограждение длин-

ную худую руку:

— Наставник Мо Янь, если не ошибаюсь?

Мо Янь пожал ее, холодную как лед:

— Столько беспокойства доставил тебе, Ли Идоу!

Когда дежурная, проверяющая на выходе билеты, предложила предъявить их и Мо Яню, Ли Идоу аж взвился:

— Какие билеты? Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Это мой наставник, писатель Мо Янь, который написал сценарий фильма «Красный гаолян», почетный гость, приехавший по приглашению горкома и мэрии!

Женщина замерла, молча уставившись на Мо Яня. Тому стало неудобно, и он торопливо вытащил билет, но Ли Идоу потянул его через турникет, бросив:

— Не обращайте на нее внимания!

Он снял с плеча Мо Яня сумку и закинул себе на плечо. Ростом он был где-то метр восемьдесят, выше Мо Яня на голову. Но Мо Янь успокаивал себя тем, что Ли Идоу цзиней на пятьдесят легче.

— Получив ваше письмо, наставник Мо, — с воодушевлением начал Ли Идоу, — я тут же доложил в горком, и секретарь горкома Ху сказал: «Милости просим, устроим сердечный прием».

Вчера ночью я уже встречал вас здесь на машине.

— Но ведь я указал в письме, что приезжаю ранним утром двадцать девятого, — удивился Мо Янь.

— Да боялся я — а ну как вы приедете раньше времени и останетесь один в незнакомом городе. Вот и решил: может, и съезжу впустую, но вам хоть понапрасну ждать не придется.

— Вот уж действительно столько хлопот вам доставил, — вежливо улыбнулся Мо Янь.

— Городские власти вообще-то хотели, чтобы вас встретил замначальника отдела Цзинь, но я сказал, что у нас с вами, наставник, отношения свойские, никаких церемоний не требуется, поэтому лучше всего встречать мне.

Мы направились к стоявшему на площади роскошному лимузину. Площадь ярко освещали фонари различной формы, а омытый дождем лимузин выглядел еще более роскошным.

— В машине ждет главный управляющий Юй, — сообщил Ли Идоу. — Это их ресторана машина.

— Это какой главный управляющий Юй?

— Юй Ичи, конечно!

Сердце Мо Яня сжалось, в голове один за дру-

гим мелькнули многочисленные описания Юй Ичи. Сначала этот карлик никакого отношения к следователю не имеет, но в конце концов в одном из его видений умирает, и если события принимают такой оборот, можно сказать лишь, что без духов и демонов тут не обошлось. «Похоже, мои «Записки следователя Дин Гоуэра» годятся разве что на растопку», — размышлял он.

— Главный управляющий Юй непременно пожелал приехать, — продолжал Ли Идоу. — Сказал, что ему приятно познакомиться с вами первым. Этот человек — свой в доску, и вам, наставник, ни в коем случае не следует… не стоит судить о нем по внешнему виду. Вы к нему с уважением, и он отплатит вам сторицей.

В этот момент дверца открылась, и из машины выскочил карманного размера мужчина, действительно не больше метра ростом — уж точно выше одного чи. Крепкого телосложения, изысканно одетый, он походил на джентльмена с хорошим образованием, только маленького.

— Мо Янь, негодник этакий, приехал наконец! — заорал он во всю глотку с заразительной хрипотцой, едва успев выйти из машины. Он подбежал к Мо Яню, схватил за руку и стал ожесточенно трясти ее, словно встретил старого

друга, с которым не виделся много лет.

Мо Янь сжимал эту напряженную, не знающую покоя ручку, а на душе кошки скребли. Вспомнилось, при каких обстоятельствах у него в романе Дин Гоуэр убивает его. И зачем это надо было? Такой занятный человечек, прелестный, как заведенная до упора игрушка. Что плохого в том, что он занимался любовью с шоферицей? Зря он позволил убить его, надо сделать их с Дин Гоуэром друзьями, пусть вместе распутывают дело о пожирании младенцев.

Юй Ичи распахнул перед Мо Янем дверцу машины и забрался на сиденье рядом, источая изо рта винный аромат:

— Кандидат целыми днями только и говорит о тебе. Он тебя просто боготворит, этот тип. Но теперь-то мы познакомились, и, как я погляжу, не такой уж ты и красавец, чем-то напоминаешь продавца дешевой водки.

От такого замечания Мо Яня покоробило, и в его ответе проскользнула ирония:

— Вот у меня наконец и появилась возможность завести дружбу с главным управляющим Юем.

Юй Ичи рассмеялся радостно, как ребенок, а потом заявил:

— Просто супер: урод и карлик завели дружбу!

Поехали!

Женщина за рулем — нормального роста, не лилипутка — вела машину молча и голоса не подавала. В тускло-желтом свете фонарей на привокзальной площади Мо Янь успел разглядеть миловидное лицо и точеную длинную шею и невольно ужаснулся: ну точь-в-точь шоферица, что в романе довела Дин Гоуэра до полусмерти.

Включив мощные фары, в свете которых зеленовато-белыми брызгами рассыпалась вода, женщина, умело маневрируя, выехала с площади. Салон лимузина полнился запахами роскоши. На полочке приборной доски покачивался пушистый игрушечный тигр. Как во сне, звучала музыка, и машина плыла в этой музыке, будто по воде. На широких и ровных улицах не было даже кошки. Большой город Цзюго: улицы с обеих сторон застроены современными зданиями. Кандидат виноведения ничуть не преувеличивал, говоря, что город переживает расцвет.

Вслед за Юй Ичи Мо Янь вошел в ресторан «Поларшина», за ним — Ли Идоу с сумкой на спине. Интерьер ресторана оказался действительно великолепным. Пол в холле на самом деле из мрамора и натерт воском до блеска. За стойкой портье — девушка в очках, не лилипутка.

Юй Ичи велел открыть номер триста десять. С ключом в руке она направилась к лифту, умудрившись нажать кнопку раньше всех. Дверцы лифта открылись, Юй Ичи заскочил в него и потянул за собой Мо Яня. Тот всем своим видом изобразил неторопливость. За ними вошли Ли Идоу и девушка в очках. Двери закрылись. Лифт стал подниматься, и в его металлической обшивке отразилось усталое, некрасивое лицо. Мо Янь даже не предполагал, что у него такой жуткий вид. Да, здорово постарел за последние несколько лет. Рядом с его лицом отражалось заспанное лицо девушки в очках. Он поспешно отвел глаза и уставился на цифры этажей, высвечивающиеся на панели. «…Смертельно усталый следователь оказался в узкой кабине лифта лицом к лицу со своим заклятым врагом Юй Ичи, — складывалось в голове. — Враги обмениваются взглядами, у того и у другого глаза наливаются кровью…» Взгляд его упал на кусочек белоснежной кожи, выглядывающий из-под расстегнутого воротничка очкастенькой; в стремительном полете мыслей этот кусочек кожи развернулся в цепь ассоциаций, и вот душа уже полна делами давно минувших дней. «В четырнадцать лет моя рука случайно оказалась на девичьей груди.

«Ого, — захихикала девица, — уже знаешь, как трогать эти штуки! Хочешь глянуть?» «Хочу», — выпалил я. «Ладно», — усмехнулась она. Меня аж затрясло как в ознобе, и вот вслед за рукой девицы, расстегивающей пуговицы на кофточке, передо мной со страшным грохотом отворяются большие ярко-красные врата в зрелость. Даже не успев подумать, что меня ждет, я устремился туда, и все детские годы, когда я гонял коров и овец, смотрел за птицей, тут же стали историей, куда уже не вернешься…» Двери лифта бесшумно открылись. Девица в очках подвела нас к номеру триста десять, открыла ключом дверь и отошла в сторону, пропуская нас. Мо Янь, который никогда не жил в номерах такого высокого класса, с наигранной широкой улыбкой прошествовал в этот роскошный люкс и плюхнулся на диван.

— У нас это лучший номер, ты уж не обессудь, поживи! — бросил Юй Ичи.

— Неплохо, — парировал Мо Янь. — Я бывший солдат, могу жить где угодно.

— Городские власти сначала хотели поселить тебя в гостевом доме горкома, — вставил Ли Идоу, — но там все хорошие номера зарезервированы для иностранных гостей и соотечественников из Гонконга, Макао и Тайваня — участников

первого ежегодного фестиваля Обезьяньего вина.

— Лучше уж здесь. С чиновниками не хочется дела иметь, — заявил Мо Янь.

— Я знал, что наставник предпочитает покой и довольствуется малым, — снова встрял Ли Идоу.

— Как может человек, написавший «Красный гаолян», предпочитать покой и довольствоваться малым? — ухмыльнулся Юй Ичи. — Ты, паршивец, всего два дня в отделе пропаганды, а уже подхалимом заделался.

— Своим язвительным языком главный управляющий Юй известен на весь Цзюго, — смущенно заявил Ли Идоу. — Вы, наставник, не обращайте внимания.

— Ничего страшного, — уверил его Мо Янь. — У меня тоже язычок будь здоров.

— Да, забыл сказать вам, наставник, меня в прошлом месяце перевели на работу в комитет пропаганды горкома, — сообщил Ли Идоу. — Занимаюсь информационной работой.

— А как же твоя докторская? — удивился Мо Янь. — Закончил?

— Докторская подождет. Мне больше по душе работа со словом, сводки новостей ближе к литературному творчеству.

— Ну и славно, — согласился Мо Янь.

— Сестричка Ма, приготовь Мо Яню горячую ванну, — распорядился Юй Ичи. — Пусть помоется как следует, чтобы от него не несло такой кислятиной.

Очкастенькая согласно хмыкнула и направилась в ванную. Вскоре оттуда донесся плеск воды.

Юй Ичи открыл дверцу винного бара с несколькими десятками бутылок и повернулся к Мо Яню:

— Что пить будем?

— Ну вы придумали, — возразил Мо Янь. — Три часа ночи — какое пить.

— Что значит — придумали? — не отставал Юй Ичи. — Пить вино — наипервейшая обязанность всякого приезжающего в Цзюго.

— Я лучше чаю, — упорствовал Мо Янь.

— Нет в Цзюго никакого чая, — стоял на своем Юй Ичи. — У нас вместо этого вино.

— В чужой монастырь со своим уставом не ездят, учитель, — снова встрял Ли Идоу. — Как говорится, приехал в деревню, веди себя попроще!

— Ну ладно, ладно! — сдался Мо Янь.

— Иди выбирай сам какое, — предложил Юй Ичи.

Мо Янь подошел к бару. От одного взгляда на все эти отборные вина с яркими этикетками даже голова закружилась.

— Слышал, ты многим фору дашь по части выпивки? — подначил Юй Ичи.

— Вообще-то я пить не горазд, да и в винах разбираюсь слабо, — признался Мо Янь.

— Да будет скромничать, болтун! — бросил Юй Ичи. — Я же читал все твои письма к Ли Идоу.

Мо Янь бросил на кандидата виноведения недовольный взгляд.

— Главный управляющий Юй свой в доску, — поспешно пробормотал тот. — Абсолютно ничего страшного.

Юй Ичи выбрал бутылку «Люй и чун де»:

— Ты только что с поезда, выпьем, пожалуй, чего-нибудь не очень крепкого!

— «Люй и чун де» — прекрасный выбор, — одобрил Ли Идоу. — Одно из творений моего тестя. Основу вина составляет продукт перегонки чистой золотистой фасоли, добавляется больше десятка ароматных лекарственных трав высокой ценности. Пьешь и словно слышишь деву из классики, играющую на кунхоу[207]. Это вино

[207] Примечания: 207

Кунхоу — старинный щипковый музыкальный инструмент типа цитры.

исполнено глубокого художественного смысла, заставляет задуматься о делах давно минувших дней.

— Брось ты свои приемчики, жулик, — обрезал его Юй Ичи. — Не надо нам, как говорится, всучивать пластыри из собачьей шкуры.

— Меня поэтому и перевели в отдел пропаганды, — не унимался Ли Идоу. — И еще для нужд пропаганды на фестивале Обезьяньего вина. Я ведь как-никак кандидат наук.

— Без пяти минут кандидат, — не преминул задеть его Юй Ичи.

Достав из бара три хрустальные рюмки, он наполнил их «Люй и чун де». Вино в рюмках отливало будоражаще зеленым.

Перед поездкой в Цзюго Мо Янь перелистал несколько специальных книг по вину и кое-какие правила оценки знал. Взяв рюмку, он сначала коснулся ее носом и понюхал, потом помахал ладонью, чтобы разогнать заполнивший ноздри аромат, затем снова поднес рюмку к носу, глубоко вдохнул и задержал дыхание, зажмурившись и сделав вид, что погружен в глубокое раздумье. Прошло довольно много времени, прежде чем он открыл глаза и заявил:

— Действительно неплохая штука: чувствуется

налет древности, элегантность и величие. Да, вещь неплохая.

— А ты, паршивец, на самом деле кое в чем разбираешься, — восхитился Юй Ичи.

— У наставника Мо Яня прирожденный талант к вину, — вставил Ли Идоу.

Довольный Мо Янь расплылся в улыбке. В этот момент вернулась девушка в очках:

— Ванна готова, главный управляющий.

— Ну, выпьем. — Юй Ичи чокнулся с Мо Янем. — Примешь ванну, потом отдохнешь чуток. Пару часов еще можешь поспать, завтрак в семь, пошлю за тобой одну из этих красоток.

Осушив рюмку, он постучал Ли Идоу по коленке:

— Пошли, кандидат.

— Можете устроиться здесь, — предложил Мо Янь. — Потеснимся.

— По здешним правилам мужчинам спать в одном номере не позволяется, — подмигнул Юй Ичи.

Ли Идоу хотел было что-то ляпнуть, но Юй Ичи подтолкнул его к двери:

— Шагай давай!

Я в это время выбрался из раковины Мо Яня, зевнул, сплюнул, снял туфли и носки. Тут в дверь

негромко постучали. Я поспешно натянул спущенные было брюки, привел в порядок рубашку и пошел открывать. Мимо прошмыгнула очкастенькая Ма.

Она улыбалась во весь рот, сонливости в глазах как не бывало. Кровь взыграла в жилах Мо Яня, но он с самым серьезным видом осведомился:

— В чем дело?

— Главный управляющий велел налить в ванну немного «Люй и чун де».

— Налить в ванну вина?

— Это изобретение нашего главного управляющего. По его словам, использование вина при мытье очень полезно для здоровья, вино убивает вирусы и бактерии, расслабляет мышцы и стимулирует кровообращение.

— Ну да, чему тут удивляться, — вздохнул Мо Янь. — Цзюго, Страна вина.

Ма взяла откупоренную бутылку и направилась в ванную. Мо Янь за ней. Ванна была окутана паром, его клубы висели в воздухе, вызывая сентиментальные чувства. Ма вылила в ванну больше половины бутылки, и вокруг разнесся насыщенный, возбуждающий винный аромат.

— Ну вот, наставник Мо, быстрее залезайте!

Улыбаясь, она двинулась к двери. Мо Янь смут-

но ощутил скрытую в ее улыбке чувственность и чуть не потянулся к ней, чтобы задержать и запечатлеть на румяном лице поцелуй. Но, стиснув зубы, сдержал этот порыв и позволил ей уйти.

Выйдя из ванной, он немного постоял с колотящимся сердцем и стал раздеваться. В номере было тепло как весной. Раздевшись догола, помассировал выступающий живот и оглядел себя в зеркале, осознавая собственную неполноценность. И поздравил себя с тем, что только что избежал ошибки.

Потом забрался в обжигающе горячую воду и стал медленно погружаться. Над водой осталась лишь голова, и он положил ее на скругленный край ванны. После добавления вина вода приобрела нежный зеленоватый оттенок. Кожу чуть покалывало, словно бесчисленными иголочками, было немного больно, но чрезвычайно приятно.

— Вот чертяка карлик, умеет, подлец, наслаждаться жизнью! — одобрительно крякнул он.

Через несколько минут боль прошла, кровь по жилам бежала быстро как никогда, и с суставами все наладилось. Еще через несколько минут лоб покрылся каплями пота. По всему телу разлилось наслаждение, какое испытываешь, лишь когда хорошо пропотеешь. «Сколько лет я уже так не

потел? Все поры, наверное, закупорились… Надо было посадить Дин Гоуэра в ванну с «Люй и чун де», а потом к нему, скажем, заходит женщина. Такое нередко встречается в триллерах…»

Закончив омовение, Мо Янь накинул халат, от которого пахло травами, и лениво раскинулся на диване. Хотелось пить, он достал из бара бутылку белого виноградного вина и только собрался открыть ее, как в номер снова влетела барышня Ма. На этот раз даже без стука. Мо Янь чуть напрягся, торопливо затянул пояс халата и закрыл ноги. Честно говоря, сказать «напрягся» будет не совсем верно, скорее это было ощущение счастья.

Девица взяла у него бутылку, открыла и, наполняя рюмку, сообщила:

— Наставник Мо, главный управляющий Юй послал меня сделать вам массаж.

Мо Яня бросило в пот, и он пробормотал заикаясь:

— Какая нужда, скоро уже светать начнет!

— Это распоряжение главного управляющего Юя, пожалуйста, не отказывайтесь.

Мо Янь улегся на кровать, и она начала массировать его. Чтобы не вышло что не так, он лежал, сосредоточившись всем существом на образе леденяще холодных наручников.

Во время завтрака Юй Ичи хихикал и ухмылялся, отчего было страшно неловко. Что ни скажи, будет лишним, все равно всего словами не выразишь.

К столу подбежал запыхавшийся Ли Идоу. Глянув на синие круги у него под глазами и посеревшее лицо, Мо Янь участливо поинтересовался:

— Даже и не вздремнул, что ли?

— В центральную газету срочно потребовался материал, пришлось заниматься этим, — выдохнул Ли Идоу.

Мо Янь налил ему вина.

— Наставник Мо, — заявил тот, опрокинув рюмку, — секретарь горкома Ху хотел бы, чтобы с утра вы осмотрели город, а во второй половине дня он устраивает банкет в вашу честь.

— Секретарь Ху такой занятой человек, — может, не стоит?

— Ну разве так можно! Вы здесь дорогой гость, к тому же мы в Цзюго рассчитываем на ваше великолепное перо в надежде приобрести широкую известность!

— Да ладно, какое у меня великолепное перо, — смутился Мо Янь.

— Ешь, брат Мо Янь, ешь! — встрял Юй Ичи.

— Ешьте, ешьте, наставник, — подхватил Ли Идоу.

Мо Янь придвинул стул и положил локти на стол, покрытый белоснежной скатертью. Проникавший через высокие окна яркий солнечный свет освещал каждый уголок небольшого ресторанного зала. Сверху, словно откуда-то издалека, доносились мягкие звуки джаза. Очень трогательно пела труба. Вспомнилась очкастенькая Ма с ее массажем.

На завтрак было подано шесть закусок: ярко-зеленые, ярко-красные, они радовали глаз. А еще молоко, яичница, тосты, джем, рисовая каша, соленые утиные яйца, пахучий соевый творог, блинчики с кунжутом, пампушки-завитушки… всего и не сосчитать. Сочетание китайской и европейской кухни.

— Я обойдусь пампушкой и чашкой каши, — заявил Мо Янь.

— Ешь давай без церемоний, — парировал Юй Ичи. — В Цзюго еды хватает.

— Вино какое будете, наставник? — обратился к нему Ли Идоу.

— С утра и на голодный желудок не пью.

— Ну одну-то рюмочку пропустить надо, — вставил Юй Ичи. — Так уж заведено.

— У наставника Мо желудок не очень, — сказал Ли Идоу. — Согреем его рюмочкой имбирного!

— Сестричка Ян, винца нам налей! — крикнул Юй Ичи.

Появилась официантка с еще более тонкими чертами лица, чем у Ма. Мо Янь, глядя на нее, аж замер.

— Дружище Мо, как тебе девочки в моем ресторане? — подтолкнул его локтем Юй Ичи.

— Просто богини из лунных чертогов, — пробормотал Мо Янь.

— Цзюго славится не только прекрасными винами, но красивыми женщинами, — включился Ли Идоу. — И у Си Ши, и у Ван Чжаоцзюнь[208] матери из Цзюго.

Юй Ичи и Мо Янь рассмеялись.

— Чего смеетесь? — Ли Идоу был вполне серьезен. — У меня и доказательства есть.

— Хватит чепуху молоть, — отрезал Юй Ичи. — По части небылиц это к Мо Яню, тут он непревзойденный мастер!

— Да уж, бахвалюсь перед мастером своего дела, как говорится, машу топором перед домом

---

[208] Примечания: 208

Ван Чжаоцзюнь — одна из четырех знаменитых красавиц древности, жила во времена династии Западная Хань (I в. до н. э.).

Лу Баня[209], — тоже засмеялся Ли Идоу.

Так, за беседой и смехом, и прошел завтрак. Потом подошла девица Ян и подала Мо Яню ароматное горячее махровое полотенце. Мо Янь вытер им лицо и руки. Никогда в жизни ему не было так хорошо. Он потер щеки, ощутив, какие они гладкие и нежные. И на душе было очень приятно.

— В полдень у тебя, хозяин Юй! — напомнил Ли Идоу.

— Можно подумать, мне нужны твои наставления! — буркнул тот. — Дружище Мо наш гость издалека, как может хозяин проявить неучтивость!

— Наставник Мо, я заказал машину, — сообщил Ли Идоу. — Хотите — прогуляемся пешком, не хотите — поедем на машине.

— Пусть водитель занимается своими делами, — решил Мо Янь. — А мы погуляем, осмотримся!

— Ну и отлично, — заключил Ли Идоу.

---

[209] Примечания: 209
См. примеч., с. 50.

3

Мо Янь и Ли Идоу идут по Ослиной улице.

Она и впрямь вымощена позеленевшими от старости каменными плитами. Они омыты прошедшим ночью дождем, и из щелей между ними несет вонючим холодком. Вспомнив рассказы Ли Идоу, Мо Янь тут же интересуется:

— Здесь действительно неизвестно откуда появляется черный ослик?

— Так гласит предание, — отвечает Ли Идоу. — На самом деле никто его не видел.

— Должно быть, по этой улице бродят мириады ослиных душ.

— А вот это уже недалеко от истины. Этой улице по меньшей мере лет двести, и сколько здесь забито ослов, трудно даже представить.

— А сейчас сколько ослов могут забить ежедневно?

— Уж не меньше двадцати!

— Но откуда их столько берется?

— Раз бойни есть, чего переживать, откуда берутся ослы?

— Забивают столько ослов — и все мясо расходится?

— Бывает, даже не всем достается.

Навстречу попался человек крестьянской наружности с двумя упитанными черными ослами в поводу.

— Ослов продаешь, земляк? — подошел к нему Мо Янь.

Тот окинул Мо Яня холодным взглядом и, ни слова не говоря, бодро зашагал дальше.

— Хотите посмотреть, как режут ослов? — спросил Ли Идоу.

— Конечно, хочу.

Они повернули за крестьянином. Дойдя до лавки с вывеской «Сунь. Торговля ослятиной», тот остановился и зычно крикнул:

— Ослы прибыли, хозяин!

Из лавки выскочил плешивый человек средних лет:

— Чего это только сейчас заявился, старина Цзинь?

— Да на пароме задержался.

Плешивый распахнул деревянные воротца рядом с лавкой:

— Давай заводи!

— Старина Сунь… — подступил к нему Ли Идоу.

Плешивый сначала даже отпрянул:

— Ух ты, брат, с утра пораньше на прогулку?

Ли Идоу указал на Мо Яня:

— Это знаменитый писатель из Пекина, Мо Янь, наставник Мо. Автор сценария к фильму «Красный гаолян».

— Да ладно тебе, Идоу, — смутился Мо Янь.

Плешивый смерил Мо Яня взглядом:

— Красный гаолян, говоришь? Знаем, знаем, вино из него гнать самое то!

— Наставник Мо хотел бы посмотреть, как ты режешь ослов.

Плешивый был явно растерян:

— Эта… Эта… Так ведь кровь летит во все стороны, как бы чего дурного на себя не принять…

— Ладно, не крути. Наставник Мо — гость секретаря горкома Ху, пишет статью о нашем Цзюго.

— А, так он журналист! Тогда поглядите, поглядите, — засуетился плешивый. — Всё реклама нашей скромной лавчонке будет.

Мо Янь с Ли Идоу последовали за ослами на задний двор. Плешивый кружил вокруг ослов, а те, явно напуганные, отворачивались и шарахались от него.

— Для ослов он владыка ада Ло-ван, — комментировал Ли Идоу.

— Никудышный у тебя сегодня товар, старина

Цзинь! — заключил наконец плешивый.

— Губы нежные, шкура черная, бобовыми лепешками откармливал — какого еще рожна тебе надо? — расхваливал товар Цзинь.

— Лепешками, говоришь? Да эту парочку гормонами кормили, и дух от мяса будет никудышный!

— Откуда у меня, мать твою, этим гормонам взяться? — вспыхнул Цзинь. — Говори — берешь или нет? Не берешь, так я пошел. Торговцев ослятиной здесь пруд пруди!

— Не горячись, браток! Мы не первый год знаемся, и приводи ты хоть бумажных, я и их у тебя куплю и сожгу как жертву богу домашнего очага.

— Цену назови! — протянул руку Цзинь.

Плешивый протянул свою. Руки, скрытые рукавами, сомкнулись.

— Так у них, торговцев скотом, заведено, — прошептал Ли Идоу удивленному Мо Яню. — Всегда торгуются на пальцах.

Чего только не выражали лица торгующихся, ну просто актеры из театра пантомимы!

Мо Янь следил за ними с большим интересом.

— Всё, больше поднять не могу! — воскликнул плешивый, тряхнув рукой. — Больше ни медяка!

— Вот сколько! — тоже дернул рукой продавец.

Плешивый отвел свою:

— Я же сказал: больше ни медяка. Не продаешь — топай отсюда!

Продавец вздохнул:

— Эх, Плешивый Сунь, дружище, попадешь ты в ад, и изгложут тебя там, ублюдка этакого, до смерти дикие ослы!

— Сперва они тебя изгложут, ослопродавец ты этакий!

Продавец стал снимать с ослов упряжь. Сделка состоялась.

— Матушка Мань! — крикнул плешивый. — Налей-ка господину Цзиню чарочку.

Появилась женщина средних лет, с ног до головы заляпанная маслом, с большой белой чашкой вина в руке, и подала ее продавцу.

Тот принял чашку, но пить не стал, а воззрился на женщину:

— Вот, невестушка, привел сегодня пару черненьких. На какое-то время тебе этих двух чудных ослиных причиндалов поглодать хватит.

Та лишь сплюнула в его сторону:

— Этого добра вокруг богато, да вот до меня очередь поглодать не доходит. А твоей дома, видать, только их и подавай!

Старина Цзинь расхохотался и стал, шумно

глотая, пить вино. Осушив чашку, он вернул ее хозяйке, обвязал вожжи вокруг пояса и громко заявил:

— После полудня зайду за деньгами, плешивый.

— Ступай по своим делам, — отвечал тот. — Да не забудь купить «денежку», чтобы засвидетельствовать вдовушке Цуй свое почтение.

— Эта давно уже завела себе хозяина, так что старый Цзинь не у дел. — С этими словами Цзинь широкой поступью зашагал на улицу.

Плешивый торопливо собрал нужные инструменты и приготовился.

— Вы с журналистом станьте вон там, брат, — обратился он к Ли Идоу. — А то как бы не замараться.

Мо Янь посмотрел на ослов: уже без упряжи, они жались в углу, даже не пытаясь убежать или кричать, и только дрожали всем телом.

— Какой бы злой ни был осел, — комментировал Ли Идоу, — при виде Суня ему только и остается что дрожать.

С забрызганным кровью деревянным молотом в руках плешивый подошел сзади к одному из ослов и ударил его по ноге чуть выше копыта. Животное осело задом на землю. Еще один удар,

теперь уже по лбу, — и осел растянулся на земле, раскинув в стороны все четыре ноги. Другой по-прежнему и не пытался убежать, а лишь упирался что было сил головой в стену, словно желая прободать ее насквозь.

Плешивый притащил железный таз и подставил под шею лежащего осла. Потом взял маленький ножик, надрезал артерию на шее, и в таз хлестнул фонтан розоватой крови.

Посмотрев, как режут ослов, Мо Янь вместе с Ли Идоу вышли на Ослиную улицу.

— Жестокое зрелище, — вздохнул Мо Янь.

— Это еще что, намного милосерднее по сравнению с тем, как это делали раньше.

— А как было раньше?

— В последние годы династии Цин одна лавка здесь, на Ослиной улице, славилась отменной ослятиной. И вот как они этого добивались. Выкапывали длинную прямоугольную траншею в земле, застилали сверху толстыми досками, а в проделанные по четырем углам круглые отверстия вставляли ноги осла, который не мог уже и шевельнуться. Затем его обдавали кипятком и сдирали шкуру. Покупатели могли выбрать мясо — любую часть, и мясник тут же вырезал понравившийся кусок. Бывало, все мясо уже

распродано, а в осле еще теплится жизнь. Вот это жестокость так жестокость, верно?

— Да куда уж страшнее, — пробормотал ошеломленный Мо Янь.

— Не так давно лавка семьи Сюэ возродила этот способ умерщвления ослов, и одно время у них от покупателей отбоя не было, но вмешались городские власти и запретили эту практику.

— И правильно сделали, что запретили!

— На самом деле мясо при этом совсем и не вкусное.

— По словам твоей тещи, на качестве мяса отражается страх, который испытывает животное перед смертью, — ты сам писал об этом в одном из рассказов.

— У вас великолепная память, наставник!

— Я ел как-то «живую жареную рыбу», так она, даже когда ее готовят в подливе, продолжает открывать и закрывать рот, словно сказать что хочет.

— Примеров жестокости при приготовлении еды можно привести немало. Моя теща — спец в этой области.

— А твои тесть с тещей в рассказах и в жизни сильно отличаются?

— День и ночь, — покраснел Ли Идоу.

— Отчаянный ты человек, дружище, — восхищенно проговорил Мо Янь. — Если твои рассказы однажды опубликуют, жена и тесть с тещей тебя как пить дать зажарят!

— Лишь бы опубликовали, а там пусть хоть тушат, хоть жарят, хоть на пару варят!

— Овчинка выделки не стоит.

— Еще как стоит.

— Давай поговорим как следует на этот предмет сегодня вечером, — предложил Мо Янь. — Способностей тебе не занимать, а что талантом ты меня превосходишь, так это точно.

— Ну совсем захвалили вы меня, наставник.

4

Банкет проходит в ресторане «Пол-аршина».

Мо Янь сидит во главе стола. На месте хозяина — секретарь горкома Ху. Кроме него на банкете присутствуют человек восемь важных представителей городских властей. Участвуют также Юй Ичи и Ли Идоу. Многоопытный Юй Ичи выглядит весьма солидно, Ли Идоу, наоборот, чувствует себя очень неловко и растерянно.

Секретарю Ху на вид лет тридцать пять, квадратное, как иероглиф «государство», лоснящееся жиром лицо, большие глаза, зачесанные назад волосы, представительный вид. Изъясняется он изысканно, властность проявляется у него во всем.

После трех тостов секретарь Ху заявляет, что приглашен еще на несколько банкетов, встает и уходит. Роль виночерпия берет на себя замначальника отдела пропаганды Цзинь. Спустя полчаса у Мо Яня все уже плывет перед глазами, а губы еле шевелятся.

— Замначальника отдела Цзинь… — бормочет он. — Вот уж не думал, что вы такая выдающаяся личность… Я считал, что на самом деле вы… злой

демон — пожиратель детей…

На лбу Ли Идоу выступают капли пота, и он спешит прервать эти речи.

— Наш начальник отдела Цзинь на разных инструментах играет и петь мастер, — громко заявляет он. — А как он исполняет партию судьи Бао! Своим громоподобным голосом он не уступает Цю Шэнсюю[210]!

— Исполните что-нибудь, начальник отдела Цзинь… — лепечет Мо Янь.

— Ну что ж, если только смеха ради! — позволяет уговорить себя тот.

Он встает, прокашливается и изумительным голосом, с руладами исполняет, не покраснев от натуги и не хватая ртом воздух, эту длинную арию из пекинской оперы про чиновника, не боящегося сильных мира сего, противостоящего разложению и призывающего к честности и порядочности. Потом прижимает ладони, сложенные в кулаки, к груди:

— Извините, если что не так!

Мо Янь шумно выражает свой восторг.

— Позвольте вопрос, наставник Мо, — обращается к нему замначальника отдела Цзинь. — За-

---

[210] Примечания: 210

Цю Шэнсюй (1915–1971) — известный исполнитель классической пекинской оперы.

чем нужно было мочиться в вино?

— Это, так сказать, метафора… — краснеет Мо Янь. — Стоит ли воспринимать это всерьез?

— Пью три рюмки, если наставник Мо исполнит «Сестренка, смело шагай вперед»[211], — заявляет Цзинь.

— Я и пить-то не горазд, — смущается Мо Янь, — а петь и вовсе не умею.

— Настоящий мужчина непременно поет под вино. Давайте, давайте. Могу сначала выпить сам! — не отстает Цзинь.

Он ставит перед собой три рюмки и наполняет до краев. Потом наклоняется и делает глубокий вдох. Когда он поднимает голову, видно, что все три рюмки он держит зубами. Он медленно запрокидывает голову, ножки рюмок оказываются сверху, потом опускает ее и возвращает рюмки на место.

— Браво! — кричит один из гостей. — «Три лепестка мэйхуа»!

— Это у начальника отдела Цзиня коронный номер, наставник! — комментирует Ли Идоу.

— Просто блеск! — восхищается Мо Янь.

— Просим, писатель Мо! — обращается к нему

---

[211] Примечания: 211
Песня из фильма «Красный гаолян».

Цзинь.

Перед Мо Янем ставят три рюмки и наполняют их.

— Ну у меня-то никаких «трех лепестков мэйхуа» не получится, — сокрушается он.

— Можно и по одной, — великодушно соглашается Цзинь. — Зачем нам ставить наставника Мо в неловкое положение.

Мо Янь опрокидывает три рюмки, и голова совсем идет кругом.

Все уговаривают его спеть.

Мо Янь чувствует, что со ртом что-то не то, губы и язык не слушаются.

— Спойте хоть что-нибудь, писатель Мо, — вьется вокруг него замначальника отдела Цзинь. — А я тогда выпью для вас «подводную лодку».

Фальшивя и хрипя, Мо Янь затягивает: «Сестренка, смело шагай вперед, шагай вперед и не оглядывайся…» Допеть до конца не удается, потому что выпитое изливается наружу.

Все разражаются возгласами одобрения.

— Вот и славно, — говорит Цзинь. — Теперь мой черед пить «подводную лодку».

Он наливает большой бокал пива и рюмку водки, выливает водку в пиво, поднимает бокал с этой смесью и осушает его.

В этот момент в зал ресторана с громким смехом входит женщина:

— Ну и где этот писатель? Дайте-ка я подниму за него тост на тройку рюмок!

— Заместитель мэра Ван, — шепчет Мо Яню стоящий рядом Ли Идоу. — Вот уж кто пить горазд!

Мо Янь видит приближающуюся заместителя мэра: широкое лицо, белое и нежное, захлестывающий волной, словно осенний поток, взгляд влажных глаз, элегантный костюм — ни дать ни взять сановитая дама эпохи Хань или Тан.

Мо Янь пытается встать, чтобы продемонстрировать воспитанность, но вместо этого, сам того не желая, сползает под стол. Уже из-под стола он слышит звонкий женский голос:

— Ну и что же великий писатель? Сразу в кусты? Нет, так не пойдет. Вытащите-ка его. Пусть пьет. А не станет — нос ему зажму и волью!

Две дюжие руки вытаскивают его из-под стола, и он видит, как своей нефритовой ручкой, похожей на белое, словно мука, корневище лотоса, заммэра берет большую чашку из толстого фарфора, до краев полную вина, и галантно сует ему под нос:

— Ну, до дна!

Мо Янь непроизвольно разевает рот, позволяя

этой похожей на небожительницу заммэра влить в него всю чашку. Он слышит, как вино с бульканьем течет по горлу, чувствует исходящий от ее руки запах плоти. Душа его вдруг преисполнилась благодарности, и из глаз неудержимым потоком хлынули слезы.

— Что с тобой, писатель? — удивляется заместитель мэра Ван, вперив в него нежный взор.

Преодолев охватившее его возбуждение, он произносит дрожащим голосом:

— Кажется, я влюбился!